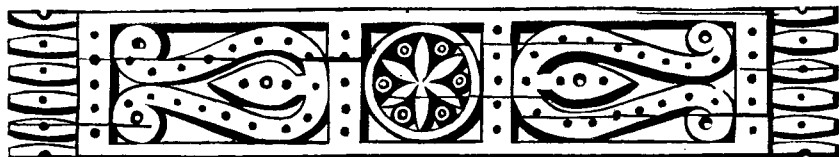

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ

И. В. МАКОВЕЦКИЙ

**АРХИТЕКТУРА
РУССКОГО
НАРОДНОГО
ЖИЛИЩА**

**СЕВЕР И ВЕРХНЕЕ
ПОВОЛЖЬЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1962

457545

Ответственный редактор

В. А. ЛАВРОВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	5
Глава первая. Исторические сведения о деревянном зодчестве	13
Древнерусские летописи и другие письменные источники	13
Археологические материалы	24
Изобразительные материалы	30
Глава вторая. Планировка и застройка селений	47
Глава третья. Типы жилых зданий	67
Четырехстенная изба и изба с клетью	67
Пятистенок	87
Двойня и шестистенок	103
Дом кошелем	118
Двухэтажные здания	127
Глава четвертая. Конструктивные и архитектурно-декоративные особенности жилых и хозяйственных построек	144
Окна и наличники	144
Балконы и детали кровли	173
Крыльца	184
Ворота	191
Амбары	204
Мельницы	214
Заключение	226
Литература	232
Фотоиллюстрации	235
Перечень таблиц с указанием важнейших источников	327
Перечень фотоиллюстраций	335

ОТ АВТОРА

Настоящая книга является монографическим исследованием архитектуры русского народного жилища, выполненным автором в итоге многолетнего изучения народного зодчества Севера и Верхнего Поволжья.

Обобщения и выводы, изложенные в этой книге, а также широкий круг привлеченных в ней обмерных чертежей, рисунков и фотографий стали возможны в результате систематического проведения Институтом истории искусств АН СССР комплексных экспедиций в различные области Советского Союза.

В работах этих экспедиций, помимо сотрудников Института, принимали участие сотрудники Института этнографии АН СССР, Государственного Исторического музея, отдельные архитекторы и художники, оказывавшие существенную помощь автору при ведении исследований и фиксации памятников народного искусства.

Подводя итоги работы, автор считает своим долгом, прежде всего, назвать имя покойного академика И. Э. Грабаря, под общим руководством которого велось изучение русского народного искусства в Институте и осуществлены первые предварительные публикации материалов экспедиции. И. Э. Грабарь являлся неизменным автором предисловий к этим изданиям¹. Он высоко оценил творчество русских народных зодчих и во многом определил направление нашей исследовательской деятельности.

Автор с благодарностью отмечает постоянное внимание и содействие при организации экспедиций на Север со сто-

¹ И. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1952; его же. Памятники народного зодчества Среднего Поволжья. М., 1954; его же. Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955.

роны старших товарищей по работе в Институте Б. П. Михайлова и А. В. Бунина.

Автор приносит также глубокую благодарность Т. А. Лапиной, вложившей большой творческий труд в графическую обработку иллюстрирующей книгу материалов, З. А. Огрязко, предоставившей автору ценные архивные сведения из истории русской строительной культуры, К. Н. Афанасьеву, Е. А. Ащепкову и В. Н. Иванову, давшим полезные советы при подготовке рукописи к печати.

ВВЕДЕНИЕ

«Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт...»

М. Горький

В наиболее выдающихся произведениях русской национальной литературы, музыки, зодчества развились художественные традиции народного искусства, использовались неисчерпаемые богатства художественных образов, композиционных идей, архитектурных форм, орнаментальных узоров, декоративных мотивов, конструктивных приемов народного творчества. Народное искусство привлекало великих художников демократичностью своих идей, отражавших жизнь народа, его стремление к свободе, его тяготение к прекрасному. Оно являлось источником правды и красоты, простоты и искренности, школой народной мудрости, многовекового жизненного опыта. Оно было живым источником вдохновения для профессиональных художников, стремившихся выйти за пределы мировоззрения господствующего класса и создать произведения искусства общенародного значения.

Огромное влияние народное творчество оказало на весь ход развития профессионального искусства.

Однако в области народного зодчества наследие, которое мы получили от предшествующих поколений, очень разнородно. С одной стороны, сохранились выдающиеся памятники народного искусства, обладающие высокими художественными и конструктивными достоинствами, стоящие на уровне лучших произведений мировой архитектуры. К ним относятся, в частности, многочисленные жилые здания Поволжья, Архангельской и Вологодской областей, Заонежья, северные деревянные церкви, мельницы, амбары и другие сооружения. С другой стороны, до нас дошли постройки, обличающие одну из самых страшных сторон действительности дореволюционной России — горькую нищету крестьянства, отражающие противоречия и ограниченность крестьянской идеологии, характеризующие творчество отсталых слоев трудового народа.

Народное зодчество складывалось и развивалось в тяжелых условиях феодального, а затем капиталистического строя России, подвергалось воздействию вековых предрассудков, обуславливалось скудостью материальных средств у подавляющей массы дореволюционного крестьянства.

Стремление господствующих классов ограничить, затормозить духовное развитие широких народных масс не могло не сказаться на развитии народного творчества.

«Капитализм, — писал В. И. Ленин, — душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью»¹.

Еще в конце XVIII века великий просветитель А. Н. Радищев нарисовал потрясающую картину горькой нищеты русского крестьянства. «Я обзрел, — писал он, — в первый раз внимательно всю утварь крестьянской избы... Четыре стены, до половины покрытые так, как и весь потолок, сажено; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь, смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые штн). Деревянная чашка и кружка»².

Более чем через полвека Н. Г. Чернышевский требовал глубокого изучения народного быта, показа действительных условий существования русского крестьянства, его нищеты и бесправия для того, чтобы иметь «возможно полное и ясное наглядное понятие

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 54.

² А. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Л., 1949, стр. 212.

об этих курных избах и лохмотьях, об этих пустых псах и гнилом хлебе»³, — без знания народного быта, по его мнению, невозможно было никакое улучшение положения народа.

В то же время и Радищев, и Белинский, и Чернышевский, и Добролюбов, вскрывая темные, мрачные стороны крестьянской жизни, отмечали в народе большую внутреннюю силу, духовное величие и красоту.

Показывая тяжелую судьбу крестьянина, «полную слез и причитаний, заунывных песен, скорбь душевную означающих», А. Н. Радищев говорил об изумительных качествах русского народа, «к славе рожденного», отличающегося твердостью в предприятиях, неутомимостью в исполнении, отважностью и веселостью⁴.

В. Г. Белинский, упоминая о свойственной русским народным песням грусти, причину которой он видел в медленном и тяжком, полном испытаний историческом развитии Руси, междоусобицах и темном владычестве татар, в быте русского крестьянина, считал, что эта «грусть русской души имеет особенный характер... Это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой»⁵.

В страстной полемике со славянофилами, которые огульно идеализировали старый крестьянский быт, стремились доказать неизбежность крестьянского патриархального уклада, приверженность народа к архаическим, простонародным формам языка и искусства, Белинский призывал находить в крестьянской жизни прогрессивные элементы, выявлять подлинный дух русского народа, его живую, действительную творческую силу. Борясь за реалистическое, правдивое изображение действительности, Белинский, с одной стороны, разоблачал псевдоромантиков, которые украшали природу, идеализировали жизнь, т. е. изображали несуществующее, рассказывали о небывалом, с другой — решительно протестовал против натуралистической передачи народного быта, против подделки под народность, против той псевдонародности, проводники которой стремились прикрыть внешней стилизацией свое незнание исторической правды, непонимание национального характера русского народа, его мировоззрения, его жизни, против той ложно понимаемой народности, «которая разлилась огромным болотом тщанием и усердием пишущей братии низшего разряда».

³ «Современник», 1858, кн. 9. Библиография, стр. 73.

⁴ А. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 2. М.—Л., 1941, стр. 146—147.

⁵ В. Белинский. Полное собрание сочинений. М., 1900—1948, т. VI, стр. 476—477.

«У кого нет таланта,— писал Белинский,— и кто захочет быть народным, тот всегда будет просто-народным, тот, может быть, верно спишет всю отвратительность... кабака, площади, избы.., но никогда не уловит жизни народа, не достигнет его поэзии»⁶. Белинский видел народность художественного произведения не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад народных песен и сказок, но в русском складе ума, в русском взгляде на вещи⁷.

Раскрывая качества характера русского народа, которые выработались веками в борьбе с суровой природой, с иноземными захватчиками, с отечественными угнетателями, Белинский говорил: «Дух народа всегда был велик и могущ. Это доказывает и быстрая централизация Московского царства, мамаевское побоище, и свержение татарского ига...»⁸.

Революционные демократы, глубоко понимая жизнь народа, его интересы и чаяния, внимательно следили за всеми проявлениями художественной деятельности народа. Они отмечали высокие художественные достоинства произведений народного творчества, глубину и богатство их идейного содержания, простоту и ясность художественной формы. Чернышевский, характеризуя народную поэзию, писал: «Она принадлежит целому народу, потому чужда всякой мелочности и пустоты... она вообще полна жизни, энергии, простоты, искренности, дышит нравственным здоровьем. Каково ее содержание, такова и форма ее: проста, безыскусственна, благородна, энергична»⁹.

Однако было бы большой ошибкой в произведениях народного творчества, в мировоззрении и складе характера русского крестьянина видеть только положительные стороны.

В. И. Ленин, в своих статьях о творчестве Л. Н. Толстого, с удивительной глубиной вскрыл противоречивую природу русского крестьянина. «...Толстой,— писал В. И. Ленин,— отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, „непротивление злу“, бессильные проклятья по адресу капитализма и „власти денег“»¹⁰.

Наряду с яркими и сильными художественными произведениями, свидетельствующими о мощном раз-

⁶ В. Белинский. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 356.

⁷ Там же, т. I, стр. 340.

⁸ Там же, т. XII, стр. 274.

⁹ Н. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 1. М., 1906, стр. 184.

¹⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 302.

витии реалистических начал, о высоком художественном мастерстве народных зодчих, резчиков, создателей удивительно многогранных и тонких произведений прикладного искусства, в народном творчестве значительно больше, чем в профессиональном искусстве, удерживаются древние образы, строительные приемы, черты архаизма и наивности.

В. И. Ленин писал: «...на земледелии вообще и на крестьянстве в особенности тяготееют с наибольшей силой традиции старины, традиции патриархального быта, а вследствие этого — преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т. д.) проявляется здесь с наибольшей медлительностью и постепенностью»¹¹.

Патриархальные традиции создавали условия чрезвычайно медленного впитывания прогрессивных явлений городской культуры и профессионального искусства, сохранения в крестьянской среде устойчивых обычаев и предрассудков старой деревни. Рассматривая творчество Л. Н. Толстого, В. И. Ленин указывал на необходимость выдвигать на первый план не то, что выражало предрассудки великого писателя и принадлежало в нем прошлому, а то, что раскрывало его разум и было обращено в будущее.

«Умер Толстой, — писал В. И. Ленин, — и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат»¹².

Изучая народное зодчество второй половины XIX века, развивавшееся в противоречивых условиях пореформенной, но дореволюционной деревни, мы должны выдвигать на первый план не то, что шло от предрассудков, слабости и ограниченности философии русского крестьянства, большая часть которого, по выражению В. И. Ленина, «плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала „ходаталей“, — совсем в духе Льва Николаевича Толстого»¹³, а то, что отражало прогрессивные черты народного зодчества, идущие от народной мудрости, свидетельствующие о богатстве творческой фантазии, о высоком художественном вкусе русских плотников и резчиков по дереву.

Север, так же, как и Верхнее Поволжье, занимает особое место в истории архитектуры русского народного жилища. На Севере и в Поволжье, где деревянное зодчество получило наиболее яркое и многогранное развитие, сохранилось до наших дней наибольшее количество уникальных памятников народной архитектуры.

Обширные лесные массивы, среди которых возникали первые деревни, предоставляли широкий выбор строительной древесины. Высокие сосны, мощные кедры, прочные корневища ели и можжевельника явились прекрасным материалом для воплощения конструктивных и художественных замыслов русских плотников.

Дерево было наиболее доступным и удобным в обработке материалом. В лесу можно было заготовить и бревна для избы, и жерди для изгороди, вытесать доску для кровли и колоду для двери, согнуть дугу и полоз для саней, выдолбить лодку и сделать дудку для игры. Умение владеть топором, ножом, долотом было жизненной необходимостью для человека, родившегося среди леса. Плотницкое мастерство было здесь всенародным, в полном смысле этого слова, искусством.

Исторические, социально-экономические и географические условия Севера способствовали развитию народного зодчества, формированию разнообразных типов жилых построек, сложению специфических принципов их планировки, конструктивных и декоративных приемов.

В XI—XIV веках Север находился под воздействием строительных традиций древнего Новгорода. Уже в конце XI века отважные и смелые новгородцы проникают на берега Ледовитого океана, присоединяют эти земли к Новгороду, организуют промышленные и сельскохозяйственные фактории. Они возводят здесь избы и церкви, строят суда, крепости, мельницы, устанавливая законы и обычаи новгородские. В тяжелых условиях развивалось их строительное ремесло. Суровая борьба с необжитой природой, холодным климатом, мало плодородной почвой, вымерзание хлебов, нападения зверей, бури на море, разливы рек поглощали много сил приехавшего сюда человека.

Народные зодчие ставили перед собой прежде всего чисто утилитарные задачи. Сделать избу теплой, сруб двора прочным было их главным и естественным стремлением. Такие постройки определили конструктивную основу северного крестьянского жилища. Главные элементы его планировки сохранились в народном зодчестве до конца XIX века.

¹¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 141.

¹² В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 297.

¹³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 184.

Волна поселенцев из Новгорода в XIV веке столкнулась с волной московских переселенцев, которая шла с юга и увеличивалась с ростом Московского княжества, принявшего на себя историческую миссию собирания русских земель. В 1478 году Иван III окончательно включил все северные новгородские земли в состав единого Русского государства. Уже в XVI столетии Северная Двина была основным торговым путем, соединявшим Москву через Вологду и Сухону с Ледовитым океаном. Основанный в 1584 году в устье Двины город Архангельск сделался центром внешней торговли Русского государства. Здесь сходились дороги с Урала и Волги, сюда прибывали караваны судов из Западной Европы, тут перегружались товары из Персии и других восточных стран. В конце XVII века значительная часть доходов Русского государства собиралась в Архангельской таможне.

На Северной Двине и ее притоках велась добыча руды, соли, смолы, развивались кораблестроение, заготовка и сплав леса, смолокурение, различные промыслы и художественные ремесла. Вместе с грузом по реке двигались потоки людей — плотники, резчики, кузнецы, гончары, чеканщики и позолотчики. Они несли сюда свой опыт, знания, художественные взгляды, обогащали ими творческую практику местных мастеров.

Черносошные крестьяне Севера избежали крепостного закабаления, захватившего среднюю и южную Россию. Разложение натурального хозяйства и проникновение товарно-денежных отношений в сельское хозяйство северного края произошло значительно раньше, чем в других русских землях с их вотчинным и помещичьим землевладением. В отличие от крепостных крестьян, плативших оброк помещику натурой, черносошные крестьяне выплачивали подати деньгами, что заставляло их развивать промыслы и ремесла, производить товары для рынка, продавать продукты своего труда. Крестьяне северных областей отличались большой предприимчивостью, проявляли личную инициативу, слыли редкими умельцами во многих ремеслах и, прежде всего, были отличными плотниками. С древних времен мастера из Вологодской, Архангельской, Костромской губерний вызывались в Москву для государевых дел, а позднее — в Петербург для строительства новой столицы.

Именно здесь, на севере Европейской России, сложились наиболее разнообразные типы русских поселений и крестьянских изб, обладающие самой широкой номенклатурой жилых и хозяйственных помещений, редкими конструктивными и художественными достоинствами.

* * *

В дореволюционной искусствоведческой литературе, посвященной сельской архитектуре, основное внимание уделялось исследованию памятников культурного зодчества. Сбору и систематизации материалов о крестьянском жилище в то время большого значения не придавалось. В силу этого подавляющая часть произведений народного зодчества оставалась вне поля зрения исследователей. Немногочисленные публикации в этой области В. Даля, В. Суслова, И. Билибина, А. Бобринского и других касались лишь некоторых частных вопросов и могли дать представление лишь об отдельных произведениях русских плотников.

«Изучение народного искусства русского севера, — писал И. Э. Грабарь, — находится в том зачаточном состоянии, когда приходится думать не столько о научном его исследовании, сколько о простом накоплении материала. Мы все еще слишком мало собрали и потому слишком мало знаем, чтобы решать сложные и спорные вопросы о происхождении и эволюции отдельных типов и форм и даже хотя бы серьезно систематизировать собранное: пока надо только ездить, фотографировать, зарисовывать и собирать эти исчезающие с каждым годом бесподобные вещи, а там когда-нибудь доберемся и до исследований»¹⁴.

Все, кто в той или иной степени соприкасался с народным искусством, высказывали неудовлетворенность случайным и бледным воспроизведением его в литературе.

Академик Б. Асафьев, совершивший путешествие по Северу и восхитившийся творческой фантазией народных зодчих Заонежья, писал: «Я жалел, что не умею зарисовывать, досадовал, что не взял с собою фотографического аппарата, столько еще не зафиксировано, не снято, не запечатлено. Когда по возвращении домой я стал перелистывать знакомые издания, мне стало больно: какие-то обрывки из многообразного мира своеобразной северной страны искусства»¹⁵.

Не случайно поэтому с первых же дней своей работы советские искусствоведы уделяли особое внимание исследованию произведений народного творчества. Ленинградский Институт истории искусств в результате комплексной экспедиции в Заонежье и в районы реки Пинеги издал в 1927—1928 годах два сборника, посвященных крестьянскому искусству

¹⁴ И. Грабарь. Предисловие к кн.: С. Соколов и И. Томская. Народное искусство севера России. М., 1924, стр. 3.

¹⁵ Б. Асафьев. Крестьянское искусство Севера. Л., 1926, стр. 12.

русского Севера. В этих книгах народное творчество раскрывается в основных его проявлениях — зодчестве, живописи, музыке, фольклоре. К сожалению, небольшой объем изданий крайне ограничил возможности публикации собранного материала. В силу этого народной архитектуре были посвящены всего лишь две статьи¹⁶.

В это же время В. Воронов¹⁷, затем Н. Соболев¹⁸ и М. Званцев¹⁹ публикуют книги о непревзойденном мастерстве русских народных резчиков по дереву. Однако и здесь строительное искусство русских плотников затрагивается лишь в незначительной части.

В 1941 году появилось первое монографическое исследование деревянного зодчества Карелии²⁰. Автор, проф. Р. Габе, изучая народную архитектуру Карельской республики, исследовал и ряд замечательных жилых построек русского населения этого «края непуганных птиц».

Великая Отечественная война советского народа с новой силой пробудила интерес к истории русской культуры. В тяжелых условиях военного времени группа энтузиастов-ученых — С. Забелло, В. Иванов и П. Максимов — подготовила к печати, а Академия архитектуры СССР издала монументальный труд о русском деревянном зодчестве²¹. В обширной иллюстративной части этого труда основное место уделено памятникам церковной и крепостной архитектуры, но вместе с тем книга познакомила читателей со многими до тех пор неизвестными жилыми и хозяйственными постройками северной и приволжской деревни, представляющими высокую художественную ценность.

Наиболее интенсивная и широкая работа по сбору, фиксации и изучению произведений народного искусства началась в послевоенные годы. Среди многих интересных книг, вышедших в это время, особое внимание привлекают исследования Е. Ащепкова²² и В. Василенко²³.

¹⁶ К. Романов, Жилой дом в Заонежье. — В кн.: «Крестьянское искусство СССР», т. 1. Л., 1927, стр. 24; К. Романов, Жилище в районе реки Пинеги. — В кн.: «Крестьянское искусство СССР», т. 2. Л., 1928, стр. 7.

¹⁷ В. Воронов, Крестьянское искусство. М., 1925; В. Воронов, Народная резьба. М., 1933.

¹⁸ Н. Соболев, Русская народная резьба по дереву. М., 1934.

¹⁹ М. Званцев, Домовая резьба. М., 1935.

²⁰ Р. Габе, Карельское деревянное зодчество. М., 1941.

²¹ С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов, Русское деревянное зодчество. М., 1942.

²² Е. Ащепков, Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950; Е. Ащепков, Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953.

²³ В. Василенко, Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1960.

Е. Ащепков впервые собрал материал о народном жилище Сибири, выявил своеобразие планировочных, конструктивных и художественных приемов сибирских плотников, показал яркую декоративную роспись народных художников в сибирских селах.

В. Василенко на основе анализа фольклора раскрыл подлинные истоки поэтического мира образов в изобразительном творчестве русских умельцев.

Однако все эти работы давали представление лишь об отдельных сторонах или местных особенностях художественной и строительной деятельности русского народа. Изучение же процессов исторического формирования архитектуры народного жилища, классификация типов построек и их важнейших элементов до сих пор не были проведены.

При исследовании вопросов развития народного зодчества мало использовались древнейшие рукописные, археологические и изобразительные источники, явно не доставало обмерного материала, особенно в тех районах, которые явились центром сложения русской национальной строительной культуры. Недостаток обмерных материалов и детальных обследований крестьянских жилых домов, как правильно указывала С. Забелло, сильно затруднял работу по изучению русского деревянного зодчества и позволял отмечать лишь некоторые особенности архитектуры жилых построек в различных районах Севера²⁴.

Так же остро ощущалась необходимость сбора, классификации и изучения материалов о народном жилище и в этнографической литературе.

«Народное жилище великорусов, — писал С. П. Толстов, — изученное значительно лучше других категорий их материальной культуры, до сих пор не имеет достаточно исчерпывающей классификации, которая позволила бы практическому исследователю давать должное этнологическое освещение регистрируемых им типов»²⁵.

С тех пор прошло много времени, и этнографическая литература, посвященная изучению русского народного жилища, значительно обогатилась. Опубликовано многолетнее исследование Е. Бломквист о крестьянских постройках русских, украинцев и белорусов²⁶, опирающееся на огромный фактический материал, обобщающее разрозненные этнографические сведения и наблюдения и сводящее их в твердую

²⁴ С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов, Указ. соч., стр. 26.

²⁵ С. Толстов, К этнологической систематике элементов великорусской культуры жилища в Средней России. — В кн.: «Культура и быт населения центральной промышленной области». М., 1929, стр. 75.

²⁶ Е. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956, стр. 3.

систему классификации основных комплексов народного жилища. Интересные работы в этой же области провели Г. Маслова, Л. Чижилова, М. Витов, Г. Громов и др.

Однако если вопрос классификации сельских поселений, типов планировки крестьянской усадьбы, отдельных особенностей жилых построек был в известной части разработан этнографами, то оценка архитектурно-композиционных принципов произведений народного зодчества оставалась в этих трудах по-прежнему крайне схематичной. К тому же для иллюстрирования многих работ привлекались крестьянские постройки, обладающие слабыми художественными достоинствами и мало раскрывающие все богатство строительного творчества русских плотников. «Этнографический подход в изучении избы,— как сказал в свое время проф. Р. Габе,— имел перевес над изучением ее с точки зрения искусства»²⁷.

Недостаток материалов значительно обеднял представление о народной архитектуре и суживал возможность систематизации построек. Большая и сложная проблема типологического изучения русского народного жилища не могла выйти за рамки фиксации некоторых типов жилых зданий.

В этих условиях сложилась, на наш взгляд, ошибочная точка зрения на процесс исторического формирования крестьянского жилища как на процесс весьма примитивный, ограниченный развитием элементарных способов соединения односрубных построек с сенями и двором.

«Развиваясь и совершенствуясь в течение столетий, жилище великорусской, украинской, белорусской деревни,— писала Е. Бломквист,— вплоть до эпохи капитализма не пошло дальше рассмотренных типов планировки: двухкамерного в основной массе с некоторым процентом трехкамерных построек»²⁸. Более того, она считала все разновидности планировки жилых построек, выходящих за рамки трехкамерной связи, продуктом позднейшего происхождения, результатом влияния «городской моды» в период проникновения капитализма в деревню.

Еще дальше пошел в своих выводах молодой этнограф Г. Громов. Свои исследования он ограничил кругом рисунков из альбома Мейерберга. Рассматривая рисунки крестьянских построек, он установил, что сеней на рисунках почти нет. Вход, там, где он прослеживается, ведет прямо с улицы в избу. Это наблюдение позволило ему высказать предположение, что появление сеней как обязательного элемента двух- или трехчастного жилища русских, относится к более по-

зднему времени, чем это считалось до сих пор²⁹. Отсутствие на рисунках рядом с избами дворов повлекло за собой и второе предположение Г. Громова. «Надо полагать,— пишет он,— что в отношении XVII в. вообще еще преждевременно говорить о каком-либо типе застройки двора на рассматриваемой территории, так как дворы еще не сложились, не оформились, постройки еще не были собраны в единый комплекс, а оставались раздельно»³⁰.

Все это позволило автору поставить под сомнение представление о древнем формировании основных характерных черт типов русского крестьянского жилища XIX века.

Если ограничиться рисунками Мейерберга, то действительно нельзя не согласиться с точкой зрения Г. Громова. Слишком мало данных противостоит его заключениям. Но достаточно поставить рисунки Мейерберга в общий ряд с изобразительным материалом русских художников этого более раннего периода, как картина резко изменится. Наличие двух- и трехкамерного жилища, как увидим дальше, четко прослеживается на целом ряде графических документов XVI—XVII столетий.

Определение подлинных истоков сложного и длительного развития национальной строительной культуры, изучение генезиса русской крестьянской избы и формирования типов народного жилища потребовало значительного расширения хронологических рамок исследования. Мы обратились к письменным, археологическим и изобразительным источникам, рассмотрение которых составляет первую часть настоящей работы.

Односрубное жилище — четырехстенная изба с сенями — действительно было наиболее распространенным типом русского крестьянского жилища.

Присоединение к сеням холодной клетки, используемой для хранения имущества или жилья в летнее время, образовало трехчастную планировку дома, характерную не только для русских, украинцев, белорусов, но и для многих других славянских, прибалтийских и скандинавских народов. Наличие этой планировки было зафиксировано первыми русскими летописями, где различаются термины «изба», «сени» и «клеть». «Изба да житенка», «изба да сеник», «изба да клетешка» неоднократно упоминаются и в описях крестьянских дворов XVI—XVII веков.

Однако наряду с односрубной ячейкой в тех же описях четко прослеживается существование в самых

²⁷ Р. Габе. Указ. соч., стр. 27.

²⁸ Е. Бломквист. Указ. соч., стр. 144.

²⁹ Г. Громов. Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища.— «Советская этнография», 1955, № 1, стр. 171

³⁰ Там же.

Таким образом, на протяжении всей истории развития русского народного зодчества избы-пятистенки неизменно представляли собой один из самостоятельных типов жилого дома.

С таким же основанием мы можем выдвинуть и другой тип жилой избы — «избы-двойни», представляющей собой объединение под одной крышей двух рядом стоящих четырехстенных срубов, связанных общими сенями или переходами.

Изба-двойня, относящаяся к рубежу XI и XII веков, была обнаружена археологами в Белозерске⁴⁰ и Новгороде⁴¹. Объединение срубов в «двойни» и «тройни» являлось традиционным приемом строительства хоромных комплексов посадских и монастырских зданий в XVI и XVII столетиях. Короткими и меткими словами «двойные избы»⁴², «двойные горницы»⁴³, «двойные чердаки»⁴⁴ определились в народной терминологии главные конструктивные и планировочные особенности этого типа сооружений.

Наиболее развитая форма «избы-двойни» — «изба-шестистенка» получила широкое распространение в бассейне Северной Двины, Мезени, Онеги в XVIII столетии. Подобные постройки, относящиеся к середине этого века, были исследованы В. В. Суловым (изба в с. Воробьевском, Вологодской обл.)⁴⁵,

⁴⁰ См. Л. Голубева. Древнее Белозеро.— «Краткие сообщения ИИМК», вып. XI. М., 1925, стр. 40.

⁴¹ См. П. Засурцев. Постройки древнего Новгорода.— «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. 2. М., 1959, стр. 286.

⁴² См. И. Забелин. Указ. соч., стр. 415.

⁴³ См. «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства в первой четверти XVIII в.». М., 1951, стр. 55.

⁴⁴ См. И. Забелин. Указ. соч., стр. 399.

⁴⁵ В. Сулов. Обмер избы в селе Воробьевском Кадниковского уезда Вологодской губ. Музей Академии художеств СССР в Ленинграде, шк. 33—13—11.

И. Э. Грабарем (изба в с. Кошине Архангельской обл.)⁴⁶. Ряд деревянных построек этого типа нам удалось выявить и обмерить в процессе работы экспедиции (1953—1955 гг.) на Северной Двине и Мезени (изба в с. Бор, изба в с. Юрома и др.).

Наконец, не менее важным и также одним из древнейших типов жилой постройки является «дом кошелем», впервые зафиксированный проф. Р. Габе в Заонежье⁴⁷. Принцип такой постройки заключается в том, что к избе, поставленной на высоком подклете, с расположенными у задней стены сенями, двор примыкает сбоку. Двор и изба под одной асимметричной двускатной кровлей выходят на переднюю линию застройки, составляя главный фасад здания. Пологий скат кровли над двором позволяет разместить на втором этаже, помимо теплой избы, целый ряд дополнительных жилых и хозяйственных помещений.

Постройки кошелем получили широкое распространение не только в Карелии, но и на побережье Белого моря, в низовьях Печоры и в некоторых районах Прикамья.

Рассмотрению каждого из перечисленных типов жилых построек посвящены самостоятельные главы настоящей работы.

Предложенная классификация жилых построек далеко не исчерпывает всех типов зданий, сложившихся в русском народном зодчестве. Отсутствуют, например, «крестовые», «тройные», «круглые» избы, которые не были включены из-за недостаточной изученности сохранившихся памятников. Автор надеется, что в дальнейшем предложенный типологический перечень значительно расширится.

Впереди еще много кропотливой работы по собиранию и изучению материала.

⁴⁶ И. Грабарь. История русского искусства, т. 1. М., 1909, стр. 504.

⁴⁷ Р. Габе. Указ. соч., стр. 27.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ДЕРЕВЯННОМ ЗОДЧЕСТВЕ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЛЕТОПИСИ И ДРУГИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Древние греческие, арабские, скандинавские письменные источники сообщают о существовании на территории славянских земель многочисленных укрепленных городов и сложных деревянных сооружений.

По свидетельству греческих авторов, в частности Геродота (V век до н. э.), на обширных землях Восточной Европы, покрытых «густым разнородным лесом», в крае, отличавшемся суровым климатом, жили народы, умевшие возводить из дерева обширные города с высокими крепостными стенами, жилыми домами и храмами¹. Вероятно, среди этих народов находились и многочисленные славянские племена с их древней земледельческой культурой и развитой строительной техникой.

К сожалению, греческие писатели не оставили нам точных и подробных описаний этих построек. Но и самое упоминание о них представляет для нас неоспоримую ценность. О существовании у славянских племен, заселявших земли к северу, к северо-западу и к северо-востоку от Черного моря, грандиозных и великолепных сооружений из дерева упоминают и другие, правда более поздние источники.

Епископ мерзебургский Титмар (X век), рассказывая о славянском языческом городе Ридегост, расположенном вблизи Балтийского моря среди огромного священного леса, упоминает о трех въездных воротах и храме, «искусно построенном из дерева». Стены этого храма были «украшены чудесной резьбой, представляющей образы богов и богинь»².

Деревянные крепостные стены и храмы, украшен-

ные резьбой, в славянских городах Арконе и Киренице поражают и скандинавского историка Саксона Грамматика (XII век)³.

В своей книге «Золотые луга» арабский писатель Масуди (IX век) рассказывает о «славных по своей архитектуре» священных зданиях, возведенных славянами в различных местах, — на высоких горах, среди озер и целебных источников. Творцом этих сооружений был, по его мнению, легендарный мудрец, который жил среди славян, «пленил их сердца, овладел их душами и прельстил их умы, несмотря на грубость нравов славян и различие их природных качеств»⁴.

Оживленные торговые связи между арабами и русскими купцами позволили арабским писателям собрать и опубликовать довольно любопытный материал о жизни, обычаях и постройках руссов. Русские купцы, «они же суть племя из славян», — сообщал арабский писатель Ибн-Хордадбех (IX век), — «ходили на кораблях по реке Славонии (Волга), «по заливу хазарской столицы» (Каспийскому морю), возили свои товары на верблюдах в Багдад, доставляли «мех выдры, меха черных лисиц и мечи из дальних концов Славонии к Русскому морю»⁵. Приходя с товарами, они строили на берегу Волги «большие деревянные дома», в которых жили, ожидая своих покупателей»⁶.

Не случайно арабский писатель Ибн-Мискавейх, описывая русского воина, отмечал наличие у него, наряду с оружием, и плотничьего инструмента.

¹ Геродот. История в девяти книгах, т. IV. М., 1888, стр. 351.

² См. И. Срезневский. Архитектура храмов языческих славян. — «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских». М., 1846, кн. 3, стр. 43—44.

³ См. там же, стр. 47.

⁴ См. А. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 140.

⁵ См. там же, стр. 49.

⁶ См. там же, стр. 94.

О высоком уровне плотницкого мастерства у славян, о преобладании в древнерусских городах деревянной застройки свидетельствуют и первые русские летописи.

Летописные своды, заключающие в себе документы княжеских архивов, народные предания; былины, повести, жития святых, содержат описания важнейших исторических событий, связанных с политической, военной и строительной деятельностью великих князей, городов и монастырей. Эти выдающиеся памятники культуры древней Руси создавались местными летописцами в Киеве и Великом Новгороде, в Чернигове и Ростове, Галиче и Великом Устюге и других центрах русских, украинских и белорусских земель.

В древнейшем из сохранившихся летописных сводов «Повести временных лет», составленной монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, уже встречаются обозначения основных элементов русского жилища («изба», «клеть», «печь», «полати», «двери», «окна», «ворота», «погреб», «гумна») и упоминаются даже такие части здания, как «застрехи». Кроме того, там имеются термины, обозначающие объединение построек в отдельные комплексы и селения, например, «дворы», «хоромы», «деревни», «города». При этом важно отметить, что, несмотря на неоднократное редактирование летописей при позднейших переписках текстов, в процессе которых производилась замена устаревших слов, в новых летописях сохранилось немало первоначальных терминологических обозначений («истопка», «гридница» и др.), уже не применявшихся в деловых документах того времени — духовных грамотах, купчих, закладных и т. д. Это позволяет предположить у летописцев определенное стремление выявить типологию тех или иных построек, отметить при помощи специфических терминов строительные и бытовые особенности древнерусского зодчества.

Летописные источники сохранили нам сведения лишь о застройке дворов представителей господствующих классов — князей, бояр, купцов, дружинников. Однако основные ячейки этой застройки (изба, сени, повалуша, горенка), конструктивные приемы их возведения (рубка стен, этажность помещений, система кровли, внутренняя обстановка) и, наконец, методы заготовки и обработки материалов сложились в среде народа и получили широкое распространение по всей древней Руси. В пышных дворцовых и церковных комплексах Киева, Новгорода и других крупных центров лишь концентрировалось все то ценное, что было накоплено русскими плотниками в процессе их повседневной трудовой деятельности.

Не удивительно поэтому, что в письменных документах последующих столетий (писцовых книгах, описях, купчих, духовных грамотах), относящихся непосредственно к посадскому и крестьянскому строительству, упоминаются те же приемы, раскрывающие глубокую народную основу всей древнерусской архитектуры. С этой точки зрения тщательное изучение таких сведений, как бы коротки и разрозненны они ни были, необходимо для познания длительного процесса развития народного зодчества.

Обширные лесные массивы, среди которых возникли первые древнерусские поселения, предоставляли нашим предкам широкий выбор строевого леса. Уменьше владеть топором было необходимым жизненным условием для человека, родившегося среди лесов. Это способствовало развитию плотницкого ремесла среди самых широких масс народа, из среды которого выходили талантливые мастера строительного искусства, рубившие важнейшие сооружения городов — крепостные стены, соборные церкви, княжеские дворы.

Слово «рубить» означало — строить. «Святополк же повеле рубити город на Вичижеве холме»; Владимир, низвергнув Перуна, «повеле рубити церкви»; воевода Святополка Волчий хвост собирался заставить новгородцев «хором рубити».

Обладая прекрасными строительными свойствами, дерево в то же время было материалом недолговечным, подверженным гниению и сравнительно быстрому разрушению. Редко когда жилое здание могло сохраниться более 100 лет, а церковные холодные постройки — более 300 лет.

Еще более серьезной причиной гибели деревянных сооружений являлись частые пожары. Все русские летописи сообщают об опустошительных пожарах в Киеве, Новгороде, Владимире, Ростове и других городах. Судя по этим сообщениям, многие из древнейших городских зданий были возведены из дерева и гибель их отмечалась летописцами как событие большой исторической важности.

Так, в начале XI века в Киеве сгорел «двор красный» князя Всеволода⁷. Во Владимире в 1183 году «погоре бо мало не весь город, и церквий числом 30 и 2»⁸. Почти в то же время «погоре Ростов, и церкви вси, и сборна дивная великая церкви Святая Богородица, якоя же не было, николиже ни буде»⁹. В 1369 году «весь Псков погорел, и церкви священные... Того же лета и Новгород погоре»¹⁰.

⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 99.

⁸ Там же, стр. 165.

⁹ ПСРЛ, т. II, стр. 88.

¹⁰ ПСРЛ, т. IV, стр. 193.

Применяя сильные эпитеты по отношению к согоревшим сооружениям, летописцы стремились подчеркнуть их выдающиеся художественные качества, их значение в городской застройке.

Еще более часто горели древнерусские села и деревни. Горели они от топки курной открытой печи, от освещения лучиной, от тесной застройки дворов с сухими соломенными крышами. Горели они и от набегов половцев и татар, от междуусобных столкновений княжеских дружин.

Конечно, наряду с деревянной застройкой, преобладавшей в древнерусских городах почти до конца XVII века, а в деревнях лесной и лесостепной полосы вплоть до наших дней, многие важнейшие городские здания — церкви, княжеские дворцы, купеческие дома, а также крепостные стены и башни воздвигались из камня.

* * *

Двор как сложившийся жилой комплекс, состоящий из нескольких построек, упоминается на первых страницах древнего текста летописи Нестора. «И нача княжити Володимир в Киеве един, — пишет Нестор, — и постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат»¹¹.

Вслед за княжеским двором в той же летописи перечисляются и многочисленные дворы местных киевских жителей.

«Град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжь бяше в городе, идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин, и перевесище бе вне града, и бе вне града двор другой, идеже есть двор Демьстиков, за Святою Богородицею, над горою двор теремный, бе бо ту терем камен»¹².

Здесь важно подчеркнуть одну примечательную часть текста. Называя целый ряд дворов в Киеве, летописец лишь в одном случае отмечает каменную постройку: «бе бо ту терем камен». Видимо, преобладающая часть остальных зданий была деревянной.

Важно отметить также и наименование княжеского двора «теремным» — термин, употребляемый исключительно в русских летописях, а затем в писцовых книгах, характеризующих целую эпоху хорошего строительства на протяжении семи столетий (X—XVII века).

Летописи упоминают о существовании княжеских дворов не только в Киеве, но и в Чернигове, Галиче, Новгороде, Ростове, Владимире, Белгородке, Путивле. В этот же период (X—XIII века) создавались и первые загородные резиденции — княжеские усадьбы,

боярские дворы «вне града» (Берестово, Боголюбово, Игорево сельцо), расположенные в наиболее живописных окрестностях древнерусских городов. Ипатьевская летопись под 1287 годом сохранила восторженное описание одной из таких усадеб Галицко-Волынского князя Мстислава близ Луцка: «Место же то красно ведением и устроено различными хоромы, церкви же бяше в нем предивна, красотою сияючи, темже угодно бысть князю пребывати в нем»¹³.

Не менее восторженно отзывается летописец и об усадьбе Игоря Ольговича, устроившего «двор добрый» с многочисленными хозяйственными постройками и церковью св. Георгия.

По своим размерам княжьи дворы были настолько обширны, что князь Изяслав «ноклонився святой Софьи и взъеха на двор на Ярославль всем своим полком, и Киян с ним приде множество»¹⁴.

Целым полком выстраивались и новгородцы на княжьем дворе¹⁵, а Мстислав на дворе созывал вече¹⁶. Из тех же источников удастся установить, что двор был огражден высоким прочным забором и выйти из него можно было только «выломиша веретье».

Древнейшие известия о княжеском дворце принадлежат арабскому писателю Ибн-Фадлану (X век). Среди рассказов о погребальных обычаях руссов он упоминает о русском князе, сидевшем на украшенном драгоценными камнями престоле, около которого находилось 400 человек его «храбрых сподвижников». К сожалению, иных подробностей о дворе или постройках князя Ибн-Фадлан не приводит. Некоторые подробности мы находим в тексте русской летописи, где под 906 годом имеется любопытная запись о приемах у князя Владимира в Киеве: «Се же паны творят людмь своим; во вся неделя уставн на дворе в гридници пир творити, и приходити боляром и гридем и соцкым и десятицким нарочитым мужем при князи и без князя; бываше же на обеде то множество от мяса, от скота и от зверины, бяше по изобилью от всего»¹⁷.

Летопись впервые называет одно из помещений княжеского двора, где происходили эти многолюдные собрания, «гридницей»; это помещение получило свое наименование от присутствовавших на собраниях «гридей» — военных слуг князя — дружинников.

¹³ Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871, стр. 597.

¹⁴ Там же, стр. 276.

¹⁵ См. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1. СПб., 1893, стб. 644.

¹⁶ См. там же, стб. 1399.

¹⁷ См. А. Шахматов. Розыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 569.

¹¹ ПСРЛ, т. I, стр. 34.

¹² Там же, стр. 23.

Необычно большие размеры такого помещения заставили русских плотников применить ряд столбов для подпора перекрытия. Косвенные указания на такую конструкцию имеются в одной из скандинавских саг, где передается разговор между великим князем Ярославом и его супругой Интигердой. Ярослав хвалился перед княжной великолепием вновь выстроенного помещения (holl'a), но она возразила, что у ее отца, шведского короля Олафа, подобное помещение еще лучше, хотя там стоит один столп¹⁸.

Термин «гридница» исчезает из летописных текстов очень рано, сразу после описания указанного приема у князя Владимира. Через сто лет, в 1097 году, он снова появляется, но лишь в одной Лаврентьевской летописи, в Ипатьевской же заменяется обычным для того времени словом «истобка».

Значительно дольше слово «гридница» удерживается в Новгородских летописях, где термин этот получает местное значение и соответствует простой избе¹⁹. В некоторых случаях гридница использовалась как место заключения, например псковичей в Новгороде²⁰, новгородцев в Переяславле²¹.

Официальные приемы в княжеском дворе, судя по летописным источникам, относящимся к XI—XIII векам, всего чаще происходили «на сенях». Так, Всеволод, придя в Киев, собрал «на сенях» «братью свою» на совещание²². Изяслав же, «сидяще на сенях» в присутствии дружины, спорил с Всеславом полоцким, стоявшим против оконца внизу²³.

Сени были холодным и светлым помещением, расположенным между клетями. Габариты сеней могли быть увеличены при строительстве новых хором до любого размера, так как конструкция их представляла собой обычный «мост» или «помост» на столбах, соединявших два жилых сруба. Из сеней на передний двор непосредственно к главным воротам вела лестница, «всход». Сени были, таким образом, проходным и в то же время первым помещением всего дворцового комплекса. Именно так описывают планировку этой части дворца летописцы: «...вшедши во двор, узреша Игоря на сенях и разбиша сени о нем и сомгаша и с сений и ти убиша и конец всход»²⁴, — сообщает Лаврентьевская летопись под 1147 годом.

Если гридница представляла собой отдельное, стоявшее на княжьем дворе изолированное помещение, которое могло служить в случае необходимости местом заключения, то сени, как бы велики они ни были, составляли неотъемлемую часть жилых помещений, органически связанную со всем дворцовым комплексом. Именно в этом заключалось существенное различие между двумя парадными помещениями древних княжеских дворов, исторически заменившими друг друга. При этом необходимо отметить, что сени существовали естественно и наряду с гридницей в том же X веке.

Традиции развитых сеней мы встречаем и в кремлевских теремах Дмитрия Донского, и во дворце Ивана Грозного в Коломне, и в загородной резиденции Алексея Михайловича в селе Коломенском. Эти традиции живут до конца XVIII века в русском крестьянском зодчестве, древнейшие постройки которого сохранились до наших дней в Верхнем Поволжье и на берегах Северной Двины.

Однако ни гридница, ни сени не стояли в центре повседневной жизни княжеской семьи. Основными жилыми ячейками древнерусских дворцов были избы (истобки, истьбы) и холодные клетки. Эти помещения, составлявшие главную часть построек также и боярского и посадского двора, неоднократно упоминаются в летописях при изложении исторических событий X—XIII веков.

Поскольку эти термины далеко выходят за рамки княжеских дворов и присущи всему русскому зодчеству, они представляют для нас наибольший интерес.

Слово «истопка» впервые встречается в описании событий 945—946 года. Княгиня Ольга принимала в Киеве представителей древлян и жестоко отомстила им за убийство своего мужа. Она предложила древлянам вымыться в бане, «мовь створити». Когда же последние, «перержоша истопку», зашли в нее и стали мыться, двери неожиданно для них были закрыты и вся постройка вместе с людьми сожжена²⁵.

Таким образом, впервые в летописном тексте термин «истопка» применяется к постройке, близкой по своему назначению к бане. Причем в Хлебниковском списке слово «истобка» заменено словом «мовница», представляющим собой точное наименование бани в древнерусском языке (в Троицкой летописи — «истопька», в Радзивилловской — «истьба»). Вслед за этим «истобкой» названа монастырская кухня в пещере Болдинского монастыря, в которой юродивый монах Исаакий голыми ногами погасил пылавшее пламя печи.

²⁵ См. ПСРЛ, т. I, стр. 24.

¹⁸ См. В. Ф. Р ж и г а. Очерки по истории быта домонгольской Руси. М., 1929, стр. 9.

¹⁹ И. З а б е л и н. Указ. соч., т. 1, стр. 22.

²⁰ ПСРЛ, т. III, стр. 48.

²¹ Там же, стр. 35.

²² Там же, стр. 73.

²³ ПСРЛ, т. I, стр. 73.

²⁴ Там же.

«Истопкой» именуется также место заключения Итлара, судя по летописи представлявшее собой небольшую постройку с очагом для топки и земляной кровлей. Наконец, «истопцей», «истьбой» называются жилые и даже приемные помещения киевских князей.

Все это свидетельствует о том, что слова «истопка» и «истьба» часто были идентичны в своем смысловом значении и что ими обозначали довольно широкий круг разнообразных по своему типу сооружений, а не только жилье с печью.

Наряду с «истопкой» довольно часто в летописи встречается слово «клеть». Этим словом летописец прежде всего стремится охарактеризовать определенный тип постройки в виде четырехстенного сруба. Он применяет этот термин и по отношению к жилым зданиям («клетки» у Владимира в Берестове), и по отношению к хозяйственным постройкам — амбарам, лавкам («Бысть буря велика, и разнеси хороми и товар и клетки и жито из гумен»), и по отношению к церковным сооружениям («церква добра создана клетски»).

В связи с тем, что и изба и многие другие деревянные постройки в своей основе представляют те же клетки, летописец часто обобщает всю жилую застройку усадьбы или города одним этим словом: «И тако взгорахуся голубници, ово клетки, ово веже, ово ли одрины и не бе двора идеже не горяше»²⁶.

При рассмотрении вопросов формирования русского народного жилища уже целый ряд исследователей обращался к летописным источникам. Наиболее широкое распространение в литературе получила точка зрения И. Е. Забелина, повторение которой мы встречаем почти во всех трудах по истории русского народного жилища (Красовский, Некрасов, Харузин).

Опираясь на сведения, извлеченные им из летописных сводов, Забелин писал: «Прообразом древнейшего русского жилища без всякого сомнения была клеть, весьма простое строение, уцелевшее даже до настоящего времени. Вначале она ставилась может быть с одним только очагом, подле которого согревалась живущая в ней семья; но с того времени как клеть начали отапливать посредством печи, она именовалась истопкою, от глагола топить, истопить, из которого впоследствии образовалось слово изба».

Южные и северные летописи, — утверждал он, — при описании событий XII века сохранили в подробности это любопытное производство, в них мы находим истопку, истобку, истьбу и, наконец, избу теплу»²⁷.

²⁶ ПСРД, т. I, стр. 25.

²⁷ И. Забелин. Указ. соч., т. 1, стр. 20.

Таким образом, по мнению Забелина, летописи при описании событий XII века отразили процесс преобразования древнерусского жилища из клетки в истопку, а затем в теплую избу.

Известный этнограф А. Харузин, поддерживая И. Забелина в первой части его мнения о том, что клеть могла быть прообразом древнейшего русского жилища, выдвигал совершенно иную точку зрения на весь дальнейший процесс развития жилой ячейки. «Мы не находим достаточных оснований, — писал он, — полагать, чтобы клеть превратилась, как полагает Забелин, в избу ... вероятнее, что клеть была заменена избой, жилищем самостоятельно новым»²⁸. «Замена клетки избой, — писал далее А. Харузин, — шла очевидно медленно и в течение очень долгого времени, сначала у высших, затем у средних классов и, наконец, у крестьян... — С одной стороны, клеть приспособлялась для хозяйственных нужд или оставалась для потребностей летнего времени (в России по настоящее время повсеместно летом спят в клетях), а с другой стороны, новое жилище пристраивалось к старому, т. е. изба присоединялась к клетке, причем связующим звеном служили сени»²⁹.

К сожалению, мы не знаем точно, когда в комплексе крестьянского двора появилась изба как основная теплая жилая ячейка. Однако документы XIV и XV веков уже совершенно определенно фиксируют ее наличие: «И дал игумен Василий Якову на той земли три сороки белки... а на избе, да на клетке, да на овине деять бел»³⁰. «И им, господине, косили те пустоши семь лет, да избу, господине, да и клеть поставили мы же»³¹.

Что касается высших и средних классов, то, судя по летописным текстам, процесс замены клетки избой завершился очень рано, оставаясь за пределами первых летописных известий. Изба и клеть как типы построек существовали по летописным данным уже в XI веке, и, будучи связаны сенами, составляли трехчастные звенья древнерусских хором. Конечно, эта трехчастная планировка не могла полностью соответствовать типу русского крестьянского жилища последующих веков, однако сложение ее основных признаков мы вправе отнести, как позволяет нам сделать летопись, к древнейшему историческому периоду развития архитектуры нашего народа.

²⁸ А. Харузин. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильно, 1907, стр. 109.

²⁹ Там же, стр. 111.

³⁰ См. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1. СПб., 1893, стб. 1030.

³¹ Там же.

Пользуясь краткими летописными сведениями, мы можем совершенно точно говорить о наличии в хоромных постройках второго, притом основного жилого этажа, где были расположены сени и спальня князя (ложница), а также помещения под сенями.

Некоторые интересующие нас подробности о состоянии помещений дворца содержатся в описании смерти Владимира Галицкого в 1152 году³² и убийства Андрея Боголюбского в 1174 году³³.

В рассказе об убийстве Андрея Боголюбского сообщается, как враги князя, для храбрости зашедшие в княжескую «медушу» и напившиеся там вина, «пошли на сени» к его «ложнице», силою выломали двери, ранили князя и, предполагая, что он умер, скрылись. Князь же спустился «под сени», где снова подвергся нападению и был убит «за столпом входным».

Помещение под сенями, видимо, имелось также и в киевском загородном дворце князя Владимира в Берестове, что позволило боярам разобрать помост между клетями и вынести завернутое в ковер тело Владимира в церковь св. Богородицы.

Из описания смерти Владимира Галицкого мы узнаем также, что на княжеском дворе в Галиче стояла божница, церковь Спаса, соединенная переходами с жилыми помещениями. Одно из этих помещений, в котором умер князь Владимир, называлось «горенкой».

Название одного из помещений дворца «горенка», непосредственно связанное с другим термином — «горная клеть» (т. е. верхняя клеть, или помещение, находящееся выше остальных жилых помещений), позволяет с достаточным основанием предположить наличие в комплексе древнего дворца нескольких этажей, по меньшей мере трех.

К числу немногих жилых построек, сыгравших большую роль в деревянном зодчестве последующих столетий, необходимо прибавить «повалушу». Повалуша была помещением и, вероятно, парадным помещением богатого жилого дома в древней Руси. Стены ее украшались росписью.

Повалуша не упоминается в летописях в составе зданий княжеских дворцов, однако наличие ее там не вызывает сомнений. Письменные источники XV, XVI и XVII веков дают представление о повалуше как неотъемлемой части и царских деревянных дворцов, и многочисленных жилых построек боярской, купеческой и мелкопоместной знати.

Среди хозяйственных построек на княжеских дворах упоминаются погреба, медушки, «бретьяницы»

(кладовые для меда и вина), «скотницы» (помещения для хранения ценностей), гумна и бани.

Наличие бани («мовни», «мыльни») в системе жилого комплекса не только было характерной чертой жилого зодчества, но и выражало прогрессивные стороны быта и правов древней Руси. «Баня является поныне одним из основных этнографических признаков северной русской деревни, — писал Н. Н. Воронин, — а в древней Руси бани были распространены шире, чем в любой стране Европы»³⁴.

Впервые о славянской постройке, представляющей тип бани, сообщил арабский писатель Ибн-Русте в X веке. Наиболее ранние сведения русских летописцев об «истопке», «мовне», в которой мылись древляне на дворе княгини Ольги в Киеве, относятся к середине X века. Сохранились точные указания о наличии бани в Галиче. Ипатьевская летопись иод 1205 годом повествует о том, как венгерский воевода Бенедикт Лыст захватил в плен князя Романа «в бане моюющая»³⁵. Удивительно яркое описание новгородской бани вложил в уста апостола Петра древнейший летописец Нестор.

Все жилые и хозяйственные постройки, находившиеся на территории двора, объединялись летописцами общим словом «хоромы». «Сгореша хоромы князи»³⁶, — пишет о пожаре на княжеском дворе в Суздале Лаврентьевская летопись. «Погореша хоромы от ручья мимо Славно до святого Ильи», — сообщает 1-я Новгородская летопись о сгоревших посадских домах в Новгороде³⁷.

Термин «хоромы» встречается почти во всех русских летописях, охватывая не только дворцовые сооружения, но и обычные постройки посадских людей, ремесленников и крестьян.

Как ни кратки были сведения о хоромных постройках, сообщавшиеся летописцами лишь попутно при изложении исторических событий, происходивших на территории княжеских дворов, мы можем в общих чертах представить себе эти сложные архитектурные комплексы феодальной усадьбы. Здесь и обширные приемные помещения, украшенные рядами резных колонн, напоминающих мощные столбы трапезных северных церквей, и многоярусные избы, и клетки с обширными сенями и расписными новалушами, и парадные лестницы — «всходы», и суровые, величественные деревянные божницы — храмы, высоко возносящие свои купола и кровли над плотной бревенчатой застройкой двора.

³⁴ Н. Воронин. Жилище. — В кн.: «История культуры древней Руси», т. 1. М., 1948, стр. 228.

³⁵ Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 483.

³⁶ ИСРЛ, т. I, стр. 191.

³⁷ ИСРЛ, т. III, стр. 3.

³² Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 318—320.

³³ Там же, стр. 397—400.

Глубокие строительные традиции хоромного зодчества древней Руси, столь общие в тот период для южных и северных земель, были бережно восприняты и развиты плотниками последующих поколений в своеобразной и неповторимой архитектуре эпохи образования Русского централизованного государства.

К сожалению, письменные источники XIV—XV веков сохранили очень мало сведений о деревянном зодчестве, хотя и в эту эпоху тяжелых испытаний строительство на Руси велось довольно интенсивно.

В сказании о Мамаевом побоище летопись упоминает о великолепном деревянном дворце в кремле Дмитрия Донского. В составе помещений этого дворца имелись «златоверхий» терем и «набережные сени», которые были расписаны выдающимся художником того времени Феофаном Греком. На «Урундуце под стекольчаты окны» этого терема сидела жена Дмитрия Донского Евдокия и смотрела на русское воинство, уходившее во главе с ее мужем навстречу татарским полчищам³⁸.

Среди помещений Кремлевского дворца упоминаются горницы, сенники, повалуши.

Значительные произведения деревянной архитектуры создаются в этот период и в других русских городах. В Великом Устюге в 1490 году была построена знаменитая Успенская соборная церковь «о двадцати стенах», служившая долгие годы для устюжан непревзойденным образцом церковного зодчества. Ставились новые хоромы на великокняжеском дворе во Владимире. Большое церковное и гражданское строительство велось в Новгороде и Пскове.

Однако сохранившиеся источники дают весьма скудные сведения, по которым можно составить лишь общее представление о характере строительства в этот период.

Более конкретные и полные данные содержат рукописные документы XVI и XVII столетий, последовательно раздвигающие возможные границы исследования. При этом расширяется не только объем сведений, но и круг письменных источников.

Наряду с летописями, ценнейшие материалы о зодчестве мы можем почерпнуть в писцовых книгах, купчих, заемных, закладных и духовных грамотах, литературных и исторических произведениях.

Если случайные упоминания в летописях о застройке княжеских дворов XI—XIII веков позволили нам судить о сложившихся типах жилых сооружений, о появлении основных строительных терминов,

то материалы XVI столетия дают возможность уже установить некоторые специфические особенности и наметить пути сложения архитектуры жилья у различных социальных групп городского и сельского населения.

Рассматривая состав древнерусского хоромного комплекса X—XIII веков, мы перечисляли весьма ограниченное количество известных нам по летописям помещений. Установить порядок расположения этих помещений, их бытовую и конструктивную связь не представлялось возможным. Не представлялось возможным также говорить о габаритах тех или иных зданий, высказывать достаточно аргументированные суждения об этажности построек.

Рукописные источники XVI века позволяют в значительной мере восстановить эти утраченные звенья древнейшей истории развития деревянного зодчества.

Впервые в документах XVI столетия мы находим сведения о крестьянских постройках самых различных районов Русского государства — Подмосковья, Верхнего Поволжья, Прикамья, Прионежья, Двинских земель, Беломорского побережья. Все эти сведения не являются исчерпывающими, однако в целом они дают достаточно полное представление о застройке русской деревни этого периода.

В писцовых книгах по Тверскому уезду встречаются описи крестьянских дворов целых селений. Эти описи содержат конкретные материалы об отдельных постройках, о составе помещений крестьянского двора. Они позволяют определить характер и соотношение различных типов сооружений в деревне средней полосы второй половины XVI века.

При этом необходимо учесть, что рассматриваемые описи касаются только «пустых» дворов и деревень, уже оставленных крестьянами; можно предположить, что первоначальный состав построек был гораздо полнее.

Так, в селе Андреевском Шезской волости Тверского уезда значилось по этим книгам «54 избы, 63 сенника, 9 повалушек невелики, 20 погребниц, да 13 мылен, 34 хлева, 13 овинов, 10 воловень»³⁹. Судя по описи, деревня была пуста и часть ранее существовавших построек была уже разобрана или развалилась в силу своей ветхости. Ветхое состояние построек этих деревень («избишка завалилась») не раз оговаривается писцами. Еще сильнее проглядывает сквозь короткие и лаконические записи в книге страшная нищета крестьянства. «Двор пуст, вдова Голуба Демидова жена охудела, скитается меж двор, а хором изба да житенка». «Двор пуст Якимки Фе-

³⁸ См. С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. Приложение, стр. 15 и 50.

³⁹ «Писцовые книги Московского государства», т. 2. СПб., 1872, стр. 309.

дорова, вымер, а хором на нем избушка да клетешка»⁴⁰, «изба да житенка», «изба да сенник», «избушка да клетешка» — вот постройки, в преобладающем количестве встречающиеся в описи крестьянских дворов.

Владельцы таких бедных дворов, судя по книгам, или умирали «с поветрия», или навсегда покидали деревню, пополняя ряды странствующих артелей мастеровых. «Деревня Оркатова меньшее, — записывает дяк, — двор пуст, а жил в ней Игнашка Кириллов, вышел в каменщики сего году, а хором на нем изба да клетка да сенник на подклети»⁴¹. Из деревни Горютинской «вышел в плотники» Куземька Якимов, а хором у него было «изба да сенник на подклети да мшаник»⁴².

Значительно реже среди жилых зданий упоминаются «горница да повалуша», входившие в состав двора, вероятно, только зажиточной части крестьянства.

Наряду с жилыми помещениями в составе крестьянского двора упоминаются и хозяйственные постройки («мшаники», «ледники», «надпогребницы», «пристенки», «овины», «половни», «мыльни»).

Все эти типы жилых и хозяйственных сооружений в различных вариантах встречаются и в северной деревне. Там перечень их усложняется, увеличиваются объем и общие габариты, вводятся местные конструктивные особенности.

Так, в посаде Турчасово на реке Онеге у крестьянина Михаила Ольферова была «изба с прирубом, да против клеть на подклети, да сенник на хлеве, да мыльня, да сарай и тын дворовый с воротами и овин с рогачем»⁴³. У крестьянина Павла Ананьина в посаде Ненокса на Беломорском побережье среди прочих построек упоминаются «горница на дву шербетах», «амбар на дву подклетах и с предмостьями», «сарай на столбах»⁴⁴. Еще сложнее был хоромный комплекс у богатого купца Василия Григорьева на реке Золотница в Двинском уезде, на дворе которого стояли «две горницы с комнатами» и «три повалуши на подклетах»⁴⁵.

Из грамоты царя Ивана IV мы узнаем о размерах жилого дома того времени. При этом размеры даются лишь по одной стороне сруба — «промеж углов», «с угла». На дворе наместника в Холмогорах перечисля-

лись следующие «жилые и служебные хоромины»: «1 изба 4 сажени меж углами, 1 изба 3½ сажени, 1 изба 3 сажени; при том же один сенник гроесаженный, другой полутретьх сажен, конюшня, мыльня»⁴⁶.

Не менее точные сведения мы находим о жилых постройках, существовавших в XVI веке в городе Острове: «Двор наместничей на посаде... в нем хором изба 2 сажени на взмосте, передняя клеть 2½ сажени, промеж их сени 2 сажени, изба 1½ сажени, мшаник 1½ сажени»⁴⁷.

Значение этих данных трудно переоценить. Они определяют максимальные и минимальные объемы жилых срубов XVI века, за пределы которых в своем массовом строительстве редко выходили русские плотники на протяжении всех последующих столетий.

Из описи дворов в городе Коломне мы узнаем габариты горницы, имеющей по стороне 2½ сажени, комнаты при горнице — 2 сажени, повалуши — 1½ сажени, присенцы — 1 сажень и ряда других хозяйственных построек⁴⁸.

Хоромы городского посадского населения немногим отличались по своей планировке от крестьянских дворов. Хоромы наместника в Острове состояли из двух изб и клетки, соединенных сенями. Подобная система объединения трех жилых помещений в одном доме у посадского населения встречается во многих городах Русского государства XVI столетия. Она упоминается в описи московских дворов⁴⁹ и в купчих города Пскова⁵⁰.

Естественно, что в городах было меньше хозяйственных построек и почти вовсе отсутствовали сооружения, связанные с обработкой сельскохозяйственных культур (овины, гуменники, половни).

Размеры участка и число помещений в составе городской усадьбы определялись прежде всего материальными возможностями ее владельца. Так, двор московского суконщика Лобана Иванова сына Слизнева имел 40 сажен и 9 сажен в ширину, или 360 кв. сажен⁵¹, а двор плотника Пушечного приказа Дмитрия Улыбина — всего 13 сажен в длину и 3 са-

⁴⁶ «Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 г.», ч. 3. СПб., 1805, стр. 336.

⁴⁷ См. Н. Д. Чечулин. Русские деревянные жилые постройки XVI в. — «Записки имп. Русского археологического общества», т. VI. СПб., 1893, стр. 303.

⁴⁸ «Писцовые книги Московского государства», т. 1. СПб., 1872, стр. 311.

⁴⁹ «Акты юридические...», стр. 147.

⁵⁰ См. А. Потапов. Очерк древней русской гражданской архитектуры. М., 1903, стр. 38.

⁵¹ См. М. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 182.

⁴⁰ «Писцовые книги Московского государства», т. 2, стр. 315.

⁴¹ Там же, стр. 326.

⁴² Там же, стр. 326.

⁴³ «Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства». СПб., 1838, стр. 129.

⁴⁴ Там же, стр. 130.

⁴⁵ Там же, стр. 126.

жени поперек участка, т. е. 39 кв. сажен⁵². На дворе же московского боярина Ивана Шереметева, расположенного на Арбате подле Савинского монастыря, были «три избы, да два пристенка, да клеть, да мыльня, да погреб, да ледник с надпогребницей»⁵³.

Еще богаче и сложнее были великокняжеские жилые комплексы. Сложившееся у нас представление о дворцах Киевской Руси как бы конкретизируется в писцовых книгах XVI столетия. В описи дворца Ивана Грозного в Коломне⁵⁴ четко прослеживаются основные принципы планировки и застройки древнерусских великокняжеских хором. Здесь тот же замкнутый двор с въездными воротами, церковь, стоящая на дворе и соединенная переходами с хорами, и большая группа жилых и хозяйственных сооружений. Всего на территории дворца находилось 47 построек.

Жилая часть дворца складывалась из четырех отдельных групп помещений: а) передней, видимо официальной, половины, состоявшей из столовой, обширных сеней, двух чердаков, причем один чердак был воздвигнут на каменной палате, и двух красных крылец, б) «государевых хором», объединявших в себе тройню, повалушу и красный чердак, в) «хором царицы», насчитывавших всего две комнаты и повалушу, г) двух помещений «хором царевича».

Размеры срубов отдельных построек дворца значительно превосходили обычные габариты боярских, посадских и тем более крестьянских изб. Достаточно сказать, что сторона красного чердака была равна 4 саженям, сторона повалуши бочкою — 5 саженям, сторона сеней на столбах — 6¹/₂ саженям, а сторона чердака на черном подклете — 7 саженям. Таких колоссальных срубов не было ни в одном из последующих дворов московских царей. Может быть, по своим масштабам дворец Ивана IV в Коломне был наиболее близок к древнейшим хоромным комплексам в Боголюбове или Галиче.

Наряду с подробным перечнем помещений и их размерами на страницы писцовых книг заносилась характеристика архитектурно-конструктивных элементов деревянных построек.

Так, из описи дворца Ивана Грозного в Коломне мы точно знаем конструкцию сеней «на столбах», систему кровли — «палатной», «шатром», «бочкою».

Впервые встречаются такие приемы объединения помещений, как «тройня», такие приемы сочетания

строительных материалов как сочетание камня и дерева («чердак дубов на каменной палате»). В описи дворца отмечаются также конструктивные особенности некоторых помещений: «столовая брусыная», «переходы решетчатые», «красное крыльцо о 3 верхах шатровых».

Как видно из приведенных отрывков, в XVI веке употреблялись те же, уже знакомые по летописям терминологические обозначения основных жилых помещений: изба, клеть, сени, горенка, повалуша. Однако документы этого периода вносят весьма существенные добавления в содержание каждого из этих терминов. Так, например, избы в княжеских хорах получили точное обозначение в соответствии со своим назначением: изба «сытная», изба «поваренная», изба «столчаконная», изба «хлебная», изба «портомойная», изба «судебная», изба «дьячья», изба «дворянская», изба «дворниковская», изба «воротная» и т. п.

В крестьянском и посадском зодчестве жилые и хозяйственные постройки именовались в зависимости от их конструктивных особенностей и расположения в системе двора. Терминологический перечень их в это время значительно расширяется и охватывает почти все разновидности крестьянских построек, существовавших в последующих столетиях.

Так, избы были «наземные»⁵⁵ и на «взмостьи»⁵⁶, с «прирубом»⁵⁷, с «пристенком»⁵⁸ и «предсеньем»⁵⁹.

Клетки были на «подклети»⁶⁰ и «с перерубами»⁶¹. Особенно разнообразна была характеристика горниц и горенок: «горница большая на подклетах»⁶², «горница на двух щербетах»⁶³, «горница с комнатой»⁶⁴, «горенки на подклети»⁶⁵, «горенка на мшанике»⁶⁶.

В документах XVI века мы встречаем сени с «подсеньями»⁶⁷, сенники «на хлевах»⁶⁸ и «конюшнях»⁶⁹,

⁵⁵ «Писцовые книги Московского государства», т. 1, стр. 653.

⁵⁶ См. Н. Чечулин. Русские деревянные жилые постройки XVI в.— «Записки имп. Русского археологического общества», т. VI. СПб., 1893, стр. 303.

⁵⁷ «Акты юридические...», стр. 129.

⁵⁸ Там же, стр. 147.

⁵⁹ «Писцовые книги Московского государства», т. 1, стр. 653.

⁶⁰ «Акты юридические...», стр. 130.

⁶¹ «Пермский сборник», кн. 1. М., 1851, стр. 119.

⁶² «Акты юридические...», стр. 109.

⁶³ Там же, стр. 130.

⁶⁴ Там же, стр. 133.

⁶⁵ Там же, стр. 132.

⁶⁶ Там же, стр. 130.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, стр. 127.

⁶⁹ «Писцовые книги Московского государства», т. 1, стр. 653.

⁵² «Перепись московских дворов 1620 г.». М., 1896, стр. 1.

⁵³ Там же, стр. 147.

⁵⁴ «Писцовые книги Московского государства», т. 1, стр. 304—305.

мыльни «на струбе»⁷⁰ и мыльни с «предмыльниками»⁷¹, амбары «на подклетьях с предмостьем»⁷², «погреба с полатами и с присењем»⁷³, «ледники с надпогребницами»⁷⁴, «сарай на столбах»⁷⁵.

В числе хозяйственных построек, кроме упомянутых выше, встречаются «сушилы на подклетьях»⁷⁶, «трепальни рубленые»⁷⁷, «житницы хлебные»⁷⁸, навесы⁷⁹, мельницы⁸⁰.

* * *

Письменные источники начала XVII века уже не ограничиваются указаниями на горизонтальные измерения тех или иных построек, хотя термин «меж углов» по-прежнему еще широко применяется. Составляя подрядные документы, стороны стремятся определить полные габариты построек, характер внутреннего оборудования помещений и номенклатуру строительных материалов. Более того, они дают точные наименования важнейших конструктивных узлов и отдельных деталей.

С этой точки зрения большой интерес представляют подрядные книги Троице-Гледенского монастыря, расположенного вблизи Великого Устюга при слиянии двух северных рек — Сухоны и Юга. Собранные в этих книгах документы знакомят нас с жилым и хозяйственным строительством, проводимым местными плотниками в соседних деревнях по заказу монастыря.

Эти книги впервые дают подробное описание приемов возведения изб, принципов организации внутренней обстановки. Так, например, подрядная крестьян Дмитрия, Ивана, Осина Сидняковых из деревни Марковица, заключенная ими 22 октября 1622 года с представителями монастыря, следующим образом излагает объем и характер взятой на себя крестьянами-половниками плотницкой работы: «Прияду сделать нам, половникам; высечи и рубить и вывести и в стопу поставить и покрыть доготовя без охульно изба пяти сажен с локтем, смерити в сажен плотника Козьма Кирилова; и мох и драницы и желоба и курицы наши, половничьи, а матица положить на пятнадцатом бревне подле матки и в отрубе брев-

но класти семь вершков, а тоне не класти; а игумени с братею тоя изба на гору свозить два сруба, первой да середний, а досталь возить нам, половникам, на своих конях. Да в той избе зделать нутро доготове на тот образец, как делано в монастыре новая келья; а нутряной лес нам, половникам, и лавки впустить под стену в теньгу, а окна делать по надобным местам, а опечек доспеть на середь избы... а под печь сделать проход и лестницу, а у избы делати дверь холодные, а сделать двери на четвертом ряду, а дымовник делать дощатой в закрой, а гвоздь класть монастырские»⁸¹.

Таким образом, подрядная приводит размер бревен, употребляемых для строительства изб: «в отрубе семь вершков» (31, 5 см), подъем пола: «на четвертом ряду» (108 см при средней толщине бревна 6 вершков), высоту жилого помещения: «потолок на пятнадцатом бревне» (297 см); сообщает о наличии в избе лавок и характера их врубки в стену («в теньгу»), о наличии лестницы у печи в подполье и дощатой домово́й трубы. Наконец, из этой же подрядной мы узнаем, что изба состояла из двух срубов и была заготовлена предварительно в лесу под горой, конопатилась мохом и покрывалась дранью.

В других подрядных книгах того же монастыря, помимо «дощатых дымников», упоминаются еще в избах «дымоволочные» окна. Таким образом, документально устанавливается курная система отопления этих построек.

Книги Троице-Гледенского монастыря дают не менее подробные сведения и о строительстве хозяйственных построек — житниц, овинов, сенников, сараев и погребов. При этом точно оговаривается, что сосновый лес, предназначенный для подобных построек, может быть в «отруби до пяти вершков». Возведение этих построек ничем не отличалось от рубки изб с той же системой кровли, покрытой «драницей», и теми же конструктивными элементами — «курицами», «потоками», «коньками»⁸².

Некоторые особенности имели дворовые постройки — сараи. Они примыкали непосредственно к избам и строились на столбах с возможностью замены быстро гниющих от соприкосновения с навозом отдельных звеньев или бревен. Эти строительные приемы, как мы увидим дальше, оказались чрезвычайно устойчивыми и применялись в северном крестьянском зодчестве вплоть до наших дней.

Весьма интересно сравнить сведения, полученные из книг Троице-Гледенского монастыря, и данные о

⁷⁰ «Акты юридические...», стр. 132.

⁷¹ Там же, стр. 266.

⁷² Там же, стр. 130.

⁷³ Там же, стр. 126.

⁷⁴ Там же, стр. 147.

⁷⁵ Там же, стр. 130.

⁷⁶ Там же, стр. 126.

⁷⁷ См. А. Потапов. Указ. соч., стр. 38.

⁷⁸ «Акты юридические...», стр. 126.

⁷⁹ Там же, стр. 123.

⁸⁰ Там же, стр. 126.

⁸¹ Подрядные Троице-Гледенского монастыря. ЦГАДА, ф. 1187, д. 237, 1622 г., 8/Х.

⁸² Там же, ф. 1187, д. 237, 1622 г., 22/1, 8/Х, 22/Х.

плотничных работах, опубликованные в свое время И. Е. Забелиным⁸³. Они не только совпадают при описании основных приемов и методов работы русских плотников, но значительно конкретизируют и расширяют наше представление о строительной культуре народных зодчих XVII века.

Так, например, составленные в середине XVII столетия подрядные записи на возведение новых хором под Москвой дважды обуславливают необходимую высоту жилых помещений (4 аршина с четью) при рубке порогов «на пятом венце»⁸⁴, что почти точно повторяет установленные нами габариты крестьянских изб, существовавших в бассейне р. Сухоны в начале того же века.

В книгах Троице-Гледенского монастыря даются некоторые указания на систему освещения жилых помещений. В одном из документов упоминается о необходимости сделать в избе «по надобным местам три окна и четвертое дымоволокное... да два окна в сенях»⁸⁵. В подрядных записях содержатся подобные же сведения с присущей для этих книг подробной классификацией типов применяемых окон. Так, мы узнаем, что в 1647 году в государевых хоромах в селе Острове под Москвой обивались сукном в одной из комнат двери, «красные окна большие», «да два окна волоковых»⁸⁶.

Система сочетания в жилых помещениях красных (колотчатых) и волоковых (задвигных) окон была характерна для деревянного зодчества и ряда последующих столетий (в сельской местности до конца XIX века).

Для усиления освещения в хоромах красные окна иногда соединяли, делали «двойными» и применяли не только в избах, но и в сенях. В селе Пахрине, например, было приказано «срубить и нарядить» шесть избушек и сделать «во всех избушках по три окна двойных красных... да в сенях сделать по два окна красных»⁸⁷.

Сопоставляя количество окон в жилых постройках Сухоны и Подмосковья, можно прийти к выводу о наличии общих традиций в освещении жилых срубов (по три окна в избе и по два в сенях). Разнообразный характер оконных проемов свидетельствует лишь о различном социальном и материальном положении владельцев этих домов.

Из строительных нарядов мы узнаем, что хоромные постройки соединялись в «двойни», «тройни», «четверни». Стены возводились из бревен и брусьев, врубки велись «в ус», «в лапу», «в обло», «в угол», «в охлоп».

В некоторых документах обуславливались не только размеры изб, но и характер врубки бревен, конструкция пола и потолка, система кровли, форма архитектурных украшений. Так, на площади возле церкви Сошествия св. Духа в Москве велено было сделать хоромы «брусяные». «А рубить те хоромы в ус... На окнах поставить гребни резные... по полицам поставить балясы»⁸⁸.

За Боровицким мостом на Лебяжьем дворе велено было «сделать горницы с комнатою на подклетах, а в тех подклетах, под комнатою и под горницею и в сенях, мости и потолки намостить бревенчатые и вытесать, а в горнице и в комнате потолки брусяные в закрой, а мосты в них и в окнах намостить досками»⁸⁹. В селе Алексеевском было приказано «кровлю покрыть в два теса со скалою». В селе Воскресенском обуславливалось: «...вырезать гребни, против каковы на хоромах в с. Измайлове, и маковицы точеные против тех же хором»⁹⁰.

Целесообразность применения того или иного строительного материала лежала в основе строительных замыслов русских плотников. Они учитывали и стоимость материала, и его свойства, и трудоемкость его обработки.

Для возведения сруба использовали ровные и сухие бревна сосны, для косяков дверей и окон — прочную древесину дуба, для декоративных порезок — эластичный ствол липы, для ограждений — длинные и смолистые шести ели. В своих строительных заявках они так и требовали для сруба: «20 бревен сосновых, трехсаженных... на верхние столбики — 10 косяков дубовых», на базы, на канители — «30 липин облых в отрубе 4-х вершков... на решетино 50 шестов еловых»⁹¹.

Широко распространенная в народе строительная терминология позволяла без чертежа конкретизировать во всех деталях характер новой постройки; поэтому подрядные документы, являвшиеся своего рода «проектными заданиями», раскрывают перед нами принципы творческого мышления зодчих того времени, рассказывая и о композиционных замыслах строителей и о путях их воплощения в натуре. Если в

⁸³ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1, стр. 429.

⁸⁴ Там же, стр. 415.

⁸⁵ Подрядные Троице-Гледенского монастыря. ЦГАДА, ф. 1187, д. 237, 1621, 23/IX.

⁸⁶ См. И. Забелин. Указ. соч., стр. 429.

⁸⁷ Там же, стр. 415.

⁸⁸ См. И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1, стр. 421.

⁸⁹ Там же, стр. 415.

⁹⁰ Там же, стр. 418.

⁹¹ Там же, стр. 427.

практику городского строительства чертеж прочно вошел уже в XVII веке, то в народном зодчестве метод подобного проектирования «против», «по образцу», «как водится», сохранялся довольно долго.

Постоянные строительные материалы, обладающие определенными конструктивными свойствами, и установившиеся способы их обработки сформировали на протяжении ряда веков специфические приемы, законы и нормы их применения в строительной практике. Из поколения в поколение, из рук в руки передавались эти приемы, отбирались и шлифовались в течение многих веков в процессе строительства самых разнообразных деревянных сооружений. Извест-

ная стандартизация главных конструктивных узлов и типизация основных плановых ячеек значительно облегчали плотникам задачу и позволяли им направлять свои основные творческие усилия на решение важнейших утилитарных и художественных задач и при этом строить быстро и прочно.

Широкое применение типовых элементов при строительстве крепостных, церковных и жилых сооружений позволяло плотникам вести большие подготовительные работы вне строительной площадки, перевозить здания в разобранном виде и собирать их по мере необходимости в любом указанном месте.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Огромный материал, добытый советскими археологами за последнюю четверть века и в особенности за послевоенные годы, раскрывает перед нами подлинные самобытные истоки русского народного зодчества. Тем не менее до последних лет важнейшие труды по истории русской архитектуры и, в частности, по истории русского деревянного зодчества⁹² почти не касались археологических данных и в своих выводах опирались не столько на богатейший материал археологических раскопок, сколько на письменные и графические документы, в большинстве своем крайне отрывочные, не всегда точные и относящиеся главным образом к XVI и XVII векам. В силу этого древнейшие этапы развития народного зодчества выпадали из монографий по архитектуре, и исторический путь сложения основных типов планировки народного жилища, эволюция архитектурных форм, конструктивных и художественных элементов, как правило, отсутствовали в этих работах или рассматривались на стадии своего завершения. Большая заслуга советских археологов состоит в том, что они раскрыли перед нами жилище средних и беднейших слоев населения на заре формирования славянской, а затем древнерусской культуры, доказали, что русское жилище возникло и развилось на основе древнейших местных типов, что древнескандинавское, германское, греческое и западноевропейское влияние не оказало какого-либо значительного воздействия на архитектуру русского народного жилища⁹³.

⁹² М. Красовский. Курс истории русской архитектуры, ч. 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916; И. Грабарь. История русского искусства. М., 1909—1915; С. Забелло, В. Иванов, Л. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942, и др.

⁹³ А. Монгайт. Древнерусское жилище XI—XIII вв. по раскопкам Старой Рязани. — «Советская этнография», 1948, № 4, стр. 61.

Поскольку нашей задачей является изучение вопросов формирования русского народного жилища северной лесной полосы, мы будем рассматривать главным образом археологический материал, касающийся срубных построек.

Уже очень ранние памятники деревянного зодчества, например постройки срубно-хвалынской культуры эпохи бронзы или бревенчатые дома в позднелужицкой культуре Западной Польши, дают возможность установить широкое распространение здесь дерева как удобного и прочного строительного материала.

Раскопки древнейших поселений в Верхнем Поволжье, проведенные П. Н. Третьяковым⁹⁴, показали, что в этих местах уже в начале I тысячелетия нашей эры возводились целые комплексы деревянных сооружений с большими и маленькими бревенчатыми постройками и искусно применялись в строительстве жилых и оборонных сооружений различные деревянные конструкции.

Раскопки поселения III—начала IV века вблизи деревни Березняки, проведенные П. Н. Третьяковым, вскрыли, как известно, 11 различных по своему назначению деревянных построек. Небольшой полуостровок, на котором был расположен поселок, имел форму неправильного треугольника, образованного излучиной реки Соохты при впадении ее в Волгу. Со стороны суши ограждение поселка состояло из двух рядов плетеных конструкций с утрамбованной между ними землей, с других сторон — из горизонтальных бревен, укрепленных вбитыми в землю столбами.

⁹⁴ П. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 5. М. — Л., 1941.

В середине поселка стоял большой рубленый дом площадью 5×8 м, с земляным полом и расположенным в центре помещения каменным очагом. Дом, по предположению П. Н. Третьякова, представлял собой общественное здание, служившее местом собраний жителей поселка. Рядом с этим домом были открыты небольшие почти квадратные в плане жилые постройки ($4,7 \times 5$ м; $4,6 \times 4,9$ м; 4×4 м), срубленные из хвойных и лиственных пород деревьев в «обло». Очаги были расположены у задней стены, ближе к левому углу, против входа в помещение. В некоторых постройках были обнаружены остатки столбов, являвшихся частью конструкции нар.

Таким образом, еще в IV веке на территории будущего Древнерусского государства существовали основная ячейка (квадратный сруб) жилого дома и характерные признаки двух древних типов внутренней планировки жилья: с очагом в центре и с очагом в углу помещения. Оба эти типа встречаются и в древнерусском деревянном зодчестве и, как показывают раскопки в Старой Ладогe, Новгороде и Старой Рязани, бытовали там одновременно до XIII века.

При раскопках Старой Ладоги были вскрыты более 12 жилых срубных построек и ряд фрагментов прилегающих к избам сеней и крытых дворов. Застройка прибрежной части Ладоги была уличной. Избы располагались рядами, один порядок за другим, как в современной северной деревне. Стены жилых зданий были ориентированы по странам света. Бревенчатые мостовые и дощатые настилы покрывали городские улицы, переулки и дворы.

В Старой Ладогe бытовали два типа срубного жилища: коллективный дом с расположенным в центре очагом (XII—XIII века) и индивидуальная изба с находящейся в углу печью (конец VIII — начало IX века).

Тип коллективного дома, в котором проживало около 20—30 человек, выработался в исторических условиях жизни большой патриархальной семьи. По своей площади он был в четыре-пять раз больше обычной староладожской избы конца VIII — начала IX века. Открытые раскопками коллективные дома состояли из жилого отапливаемого помещения, сеней и входного мостика. Квадратные срубы со стороны около 8 м были поставлены на деревянных подкладках и окружены невысокой завалинкой, сделанной из жердевой стенки и утрамбованной земли. Пол помещений был земляной, частично покрытый бревенчатым и дощатым настилом. Печь в виде четырехугольника (размерами в плане в одном доме $1 \times 1,5$ м, в другом — $1,5 \times 3,5$ м) помещалась в центре жилья. Вокруг печи и в различных точках пола сохранились остатки

врытых в землю столбиков от нар, столов, скамеек. Сени примыкали к западной стене сруба ($2,2 \times 6$ м); рядом с сенями был устроен наружный входной мостик, состоявший из настланных по лагам бревен. С северной стороны жилого помещения находилась постройка хозяйственного назначения, а за ней — огороженный плетнем участок скотного загона или двора. Таким образом, описываемое жилище ладожан было непосредственно связано с наличием в усадьбе скота и с ведением сельскохозяйственных работ.

Индивидуальная изба в Старой Ладогe представляла собою небольшую квадратную в плане бревенчатую постройку (размерами от $3,7 \times 3,9$ м до $5,5 \times 6$ м), срубленную «в обло», т. е. с остатками бревен в углах. Стены постройки были проконопачены и обмазаны глиной по пазам. С внешней стороны здания была устроена завалинка. Внутри помещения имелись деревянные полы. Пол состоял из тесанных топором досок, настланных по балкам и лагам. Некоторые избы имели подполье. Печь-каменка устраивалась на бревенчатом рубленом основании и располагалась в одном из углов жилья. Входная дверь, как предполагает В. И. Равдоникас⁹⁵, помещалась рядом с устьем печи. К жилой постройке пристраивались сени в виде тамбура, защищавшего вход в жилое помещение от непогоды. Иногда площадь сеней значительно увеличивалась (3×8 м) и сени использовались для содержания скота и хранения сена, т. е. выполняли функции современного крестьянского двора.

Найденные при раскопках элементы потолочных балок, досок, слег, куриц, причелин позволяют сделать вывод о существовании в Ладогe двускатных тесовых или соломенных крыш.

В. И. Равдоникас, сопоставляя староладожскую избу X века с изображениями русских деревянных построек в исторических документах XVI—XVII веков, а также с описанием крестьянских жилищ в этнографической литературе XIX века, устанавливает поразительное сходство их конструктивных элементов.

«Многие рисунки,— пишет он,— на плане Тихвинского монастыря 1676 г. вполне могут служить, так сказать, готовыми реконструкциями ладожских построек X в.»⁹⁶. «По вычислениям Н. Д. Чечулина,— пишет он далее,— дворы и в XVI в. чаще всего состояли из двух (избы и клети) и из трех построек (избы, сеника или сарая и еще какой-нибудь постройки — хлева, житницы и т. п.). Как видим, близкая к этому планировка крестьянского, в данном слу-

⁹⁵ В. Равдоникас. Старая Ладoga.— «Советская археология», вып. 11. М., 1949, стр. 19—20.

⁹⁶ Там же.

чае посадского, двора сложилась уже и X в. в период оформления феодальных отношений в древней Руси. Очевидно и «дым» древнерусской летописи представлял такой же двор, такую же крестьянскую ячейку, как двор Ладоги X в.»⁹⁷.

Материалом для строительства зданий служили еловые, сосновые, березовые и дубовые бревна до 0,5 м в диаметре, а также жерди, плахи, доски. Основными инструментами являлись топор, долото, стамеска.

При раскалывании бревен на плахи и доски широко применялись деревянные клинья, изготовленные из твердых пород лиственных деревьев (в большинстве случаев дуба). Клинья имели хорошо обработанную вогнутую поверхность, различные размеры и форму⁹⁸.

Большой интерес для изучения особенностей древнего деревянного зодчества представляют найденные при раскопках Старой Ладоги⁹⁹ в слоях VII—IX веков деревянные гвозди. Гвозди применялись для скрепления досок и брусьев при изготовлении дверей, полов, столов, ставень в жилых постройках, а также рам для плетней у скотных дворов, плах, заборов и т. д. Широкое применение деревянных гвоздей обнаружено не только в Ладоге, но и в других местах, например в поселениях XIV века на реке Ловать¹⁰⁰, в конструкции дренажных колодцев, при устройстве новгородской водопроводной системы¹⁰¹ и т. д. Гвозди изготавливались из дуба, имели утолщенную головку и забивались в круглое высверленное отверстие. Наряду с деревянными гвоздями применялись и кованые, видимо, в зависимости от назначения конструкций, условий их эксплуатации и т. д.

Раскопанные части деревянных строений свидетельствуют о высоком уровне плотницкого мастерства в один из древнейших периодов строительной культуры нашего народа. Достаточно сказать, что ладожане уже в VII веке умели не только делать отличные врубки огромных по размерам бревен (длиною до 10 м, при толщине комла до 60 см), но и наращивать их. Последний факт особенно примечателен, так как целый ряд исследователей доказывал, что русские плотники до XIX века включительно не знали

⁹⁷ В. Равдоникас. Указ. соч., стр. 40.

⁹⁸ См. С. Орлов. Деревянные изделия Ладоги (диссертация). 1954, стр. 305.

⁹⁹ См. С. Орлов. Указ. соч., стр. 305.

¹⁰⁰ См. А. Арциховский. Раскопки в 1930 г. в Новгородской земле.— «Советская археология», вып. 1. М., 1936, стр. 189.

¹⁰¹ См. А. Медведев. Водопроводные сооружения древнего Новгорода.— «Краткие сообщения ИИМК», вып. 11. М., 1945, стр. 61.

и поэтому не применяли приемов удлинения бревна¹⁰².

Старая Ладога является, как известно, предшественницей Великого Новгорода. Археологические материалы полностью подтверждают летописные сведения о более раннем возникновении Ладоги по сравнению с Новгородом. Культурный слой Ладоги своими нижними горизонтами исходит к VII—VIII векам, в то время как в Новгороде он начинается только с IX века. Таким образом, Ладога дает предысторию культурного развития Новгорода, является ключом к пониманию вопросов формирования типов северного народного жилища, его конструктивных и художественных элементов.

Исключительная сохранность дерева в сыром новгородском грунте на протяжении всей, более чем тысячелетней, истории города, мощный семиметровый культурный слой почвы, четкость напластований, необыкновенно широкая площадь раскопок, охватывающая целые кварталы городской застройки по Великой и Холопшей улицам, дали в руки исследователей богатейшие и разнообразные образцы строительного искусства новгородских плотников.

В результате Неревского раскопа получены ценные археологические материалы, охватывающие длительный период исторического развития деревянного зодчества Новгорода от середины X века до второй половины XVI века¹⁰³.

Среди многочисленных построек различного назначения особый интерес для нас представляют жилые избы, раскрывающие широкую картину сложившихся в городе типов зданий, конструктивных и декоративных элементов и других особенностей строительной культуры новгородских плотников.

Археологи установили наличие в древнем Новгороде однокамерных (X—XVI века) и двухкамерных (XI—XIII века) жилых построек с серединным расположением очага и однокамерных (X—XVI века) и двухкамерных (XI—XV века) построек с угловым расположением печи. При этом последний тип был наиболее распространенным в Новгороде; остатки его прослеживаются археологами с самого начала заселения этого участка города до верхней границы сохранности дерева в грунте.

Исключительно важными для изучения русской архитектуры фактами являются наличие в этот древнейший период жизни Новгорода конструктивной связи жилой избы с расположенными на одной оси

¹⁰² М. Красовский. Указ. соч., стр. 17.

¹⁰³ См. П. Засурцев. Постройки древнего Новгорода.— «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. II. М., 1959, стр. 262.

сенями и клетью (X—XI века), существование «двойни» — двух рядом стоящих жилых срубов с сенями (X—XVI века) и «тройки» — трех самостоятельных жилых помещений, объединенных в единый комплекс.

Нет сомнения в том, что отдельные фундаменты являлись основанием для жилых построек, возведенных в несколько этажей. Об этом красноречиво говорят и найденные на территории усадеб тексты берестяных грамот.

Новгородские плотники применяли для жилых изб сосновые и еловые бревна при толщине верхнего обреза в 0,22—0,25 м. Постройки рубились «в обло», с пазом и чашей в нижнем бревне и конопатились мхом. Полы настилались из колотых досок, положенных на переводы. Печи в избах делались глинобитные, на столбовом или срубном основании.

В слоях XII—XIV веков было найдено несколько целых дверей, выполненных из гладко обтесанных досок, скрепленных врезными планками. К сожалению, не сохранились конструкции потолков. Зато широко представленными оказались элементы кровли — курицы, тес, дрань, тесницы, лемех, подзоры, свидетельствующие о большом разнообразии в системе покрытий новгородских зданий.

Однако не только плотницкое мастерство получило широкое развитие в Новгородской земле. «Целы не только бревна срубов,— писал А. В. Арциховский,— но и деревянные изделия, большие и малые. Поэтому перед нами открылся целый мир совершенно новых для науки вещей¹⁰⁴». И действительно, при раскопках Новгорода были найдены прекрасные образцы художественной резьбы по дереву; высокое мастерство их исполнения говорит о большой любви новгородцев к резному орнаменту, щедро украшавшему жилые постройки и предметы внутренней обстановки. Среди многочисленных деревянных изделий древнего Новгорода мы можем увидеть покрытые узором ковши, чаши, ложки, гребни, фрагменты дверей, скамеек, столов, кресел, резные баясины балконов, колонны крылец, петушки крыш. При этом лучшие произведения народного творчества (орнаментированная чаша, резные колонны) относятся к древнейшему периоду исторического развития города, что свидетельствует о полном расцвете художественного ремесла в Новгороде уже в X—XI веках.

Найденные при раскопках 1953 года в Неревском конце города на территории Великой улицы две деревянные колонны от крыльца жилого дома говорят о широком распространении этого орнамента и в ар-

¹⁰⁴ А. Арциховский. Новгородская экспедиция.— «Краткие сообщения ИИМК», вып. 27. М., 1949, стр. 115—116.

хитектуре. Колонны были сплошь покрыты плетеным узором, в который вкомпонованы изображения грифона и кентавра. Художественная обработка колонн раскрывает перед нами устойчивые традиции древнерусского и в то же время общеславянского плетеного орнамента и показывает подлинные прототипы «звериных мотивов» во владими́ро-суздальском каменном зодчестве.

Изображения грифона и кентавра на новгородских колоннах почти точно совпадают с аналогичными изображениями на стенах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, построенном в 1234 году и повторившем в своем резном уборе мотивы резьбы, существовавшие в новгородском деревянном жилом зодчестве уже более чем за два века.

Находка резных колонн в Новгороде дала важнейший материал для изучения архитектурно-художественных проблем деревянного жилого зодчества древнейшего периода. До сих пор археологические находки позволяли нам судить лишь об отдельных, главным образом конструктивных, элементах деревянных построек, предметах быта и внутренней обстановки жилья. В силу этого в искусствоведческой литературе господствовала теория, исключавшая наличие декоративных элементов в народном жилом зодчестве вплоть до начала XIX века (Даль, Соболев и др.). Появление на избах орнамента, исполненного техникой «долбленой» или «глухой» резьбы, обычно объяснялось перенесением в архитектуру жилых построек корабельной или церковной «рези». Новгородские археологические материалы с большой убедительностью доказывают обратное.

В результате раскопок в Новгороде стали доступными для науки древнейшие образцы художественной обработки архитектурных элементов жилых построек.

В XIII веке в Новгороде и в XIV веке в Москве археологи зафиксировали новый тип жилой постройки — избу-пятистенок с точной и умелой врубкой в прямоугольный сруб средней капитальной бревенчатой стенки¹⁰⁵. Московская изба состояла из двух помещений почти одинаковых размеров (со сторонами 3,4×3,5 м), своей длинной стороной постройка выходила на улицу. Пол в доме был постлан из еловых досок, печь, помещавшаяся в юго-западном углу одной из комнат, была сложена из маломерного кирпича.

В слоях XVI—XVII веков на территории Зарядья М. Г. Рабинович также обнаружил жилой комплекс, состоящий из трех срубов, поставленных рядом и, очевидно, соединенных дверями. В двух из этих по-

¹⁰⁵ М. Рабинович. Дом и усадьба в древней Москве.— «Советская этнография», 1952, № 3, стр. 47.

мещений стояли изразцовые печи. Найденные в среднем срубе кусочки слюды позволили высказать предположение о наличии окон в западной и восточной стенах избы. Таким образом, усложнение древнерусского жилья выражалось как в пристройке дополнительных срубов, так и в расширении освещения в жилых комнатах. Эти черты прослеживаются не только в Москве, но и в северных районах древней Руси.

Раскопанная А. Я. Брюсовым на побережье Белого моря, в Верхней Лопшенте крестьянская изба представляла собой сложный и большой комплекс жилых построек. «Мы видим,— пишет А. Я. Брюсов, — что уже 300 лет тому назад в глухом, казалось бы, углу, за Унской губой, крестьяне строили себе дома в несколько комнат, каждая из которых снабжена была своей довольно большой печью. Эти комнаты освещались при помощи довольно больших слюдяных окон, на что указывают находки остатков рам и массы слюды...»¹⁰⁶.

Фрагменты оконницы, состоявшей из мелких стекол, вставленных в оловянную оправу, были найдены в большом количестве при раскопках рубленого дома XVI—XVII веков в Пскове, проведенных С. А. Таракановой. К этому дому с южной стороны вплотную примыкала и другая постройка¹⁰⁷.

Раскопки, проведенные Л. А. Голубевой в Белозерске¹⁰⁸, наряду с основным типом жилья, характерным для IX—XII веков, тем же квадратным срубом с каменной печью в углу,— выявили уже более усложненный комплекс древнерусского жилища — избы-двойню, объединенную сенями и связанную с большим двором, расположенным позади жилья. Последний тип дома, впервые изученный в Белозерске, содержал в себе основные признаки северного крестьянского двора, широко распространенного в бассейне Белого моря (по Северной Двине, Мезени, Онеге и т. д.) до XIX века включительно.

Объединение изб в «двойни», «тройни», «четверни» было, как известно, типичным приемом при строительстве хороменных построек; наиболее ярким примером его применения может служить дворец в селе Коломенском под Москвой.

Однако при рассмотрении типа и характера русского срубного жилища, существовавшего на том или

¹⁰⁶ А. Брюсов. Селище XVII века «Верхняя Лопшентга» на Летнем берегу Белого моря.— «Труды Секции археологии Ин-та археологии и искусствознания РАНИОН», т. 4. М., 1929, стр. 63.

¹⁰⁷ С. Тараканова. Раскопки древнего Пскова (1945—1947 гг.).— «Краткие сообщения ИИМК», вып. 27. М., 1949, стр. 105.

¹⁰⁸ Л. Голубева. Древнее Белозеро.— «Краткие сообщения ИИМК», вып. 41. М., 1952, стр. 40.

ином этапе развития национального зодчества, мы должны учитывать социальную дифференциацию населения и материальные возможности владельцев построек.

Археологические раскопки, проведенные на большой площади, обычно дают достаточно наглядный материал в этой области. «В детинце,— пишет Б. А. Рыбаков о работах во Вщиже,— жилища располагались вдоль крепостных стен. Раскопками вскрыты небольшие деревянные дома с соломенными крышами и бедным инвентарем и наряду с ними — большой дом, двухэтажный, с теремом, крытым медью. Среди инвентаря этого дома можно встретить и стеклянную посуду, и медное паникадило, и замечательную личину от стекла, покрытую серебром и позолотой»¹⁰⁹.

Разнообразны по своим размерам, строительным материалам, отделке и конструкциям жилые дома в Новгороде, вскрытые раскопками А. В. Арциховского. С одной стороны, мы видим здесь постройки именитых и зажиточных новгородцев, например, предполагаемый дом Юрия Анциферова, возведенный на мощном каменном фундаменте с дубовыми подкладками под ним, с другой — маленькие хибарки челяди и ремесленного люда, срубленные из тонких и коротких бревен, расположенные в кривых и узких переулках города.

Не менее ярко эта дифференциация населения и соответствующее ей различие в постройках прослеживаются и по материалам М. Г. Рабиновича. Здесь и обширные усадьбы крупных феодалов, например дом в Зарядье рядом с церковью Николы Мокрого, возведенный также на каменном фундаменте, уложенном в свою очередь на вбитые в грунт дубовые сваи, здесь и «поземные» избы ремесленников, небольшие по объему, утепленные завалинками, плотно поставленные на скромном городском участке.

Однако во всех этих разнообразных по назначению постройках мы узнаем руку трудолюбивого русского плотника, его смекалку, его мастерство, и с этой точки зрения все они представляют собой первостепенной важности материал для изучения истории русской строительной культуры, русского народного зодчества.

Насколько глубоки и устойчивы были в народном зодчестве местные строительные традиции, свидетельствуют многочисленные примеры почти полного совпадения не только приемов строительной техники, но и внутренней организации жилой ячейки в

¹⁰⁹ Б. Рыбаков. Раскопки во Вщиже.— «Краткие сообщения ИИМК», вып. 28. М., 1951, стр. 40.

древнерусском жилом комплексе IX—XIII веков и крестьянской избе XIX века.

Б. А. Рыбаков, подводя итоги раскопок Вщижского городища в Брянском полесье, писал: «Печь в современных избах стоит так, что прикасается к деревянной стене избы своей задней стенкой. Тулово печи выступает на середину избы и делит ее на две равные части. Печь ставится на срубе в 3—4 венца, который, в свою очередь, стоит на небольших «стульях». Совершенно такая же конструкция печи прослежена в жилищах IX—X вв. и такая же намечается в интересующем нас доме конца XII — начала XIII в.»¹¹⁰.

А. Л. Монгайт в своем исследовании, посвященном жилым постройкам Старой Рязани XI—XIII веков, отметил, что глинобитные печи на самостоятельной столбовой конструкции бытовали в рязанской деревне до сравнительно недавнего времени¹¹¹.

Было бы совершенно неправильным, как это делают некоторые историки, объяснять устойчивость отдельных строительных традиций в народном зодчестве только «консервативностью» или «культурным застоєм крестьянства как угнетенного класса феодального общества»¹¹². Устойчивость отдельных конструктивных приемов очень часто объясняется их практической целесообразностью, идущей от народной мудрости, от большого жизненного и строительного опыта. Так, например, установка печи на самостоятельном срубе имела свои большие преимущества. «Благодаримые домохозяйства, — писал один из этнографов в середине XIX века, — делают опечек на особых столбиках, врытых в землю, независимо от стен избы и переводов пола затем, чтобы давление всей трубы печи не вредило избе»¹¹³.

Известно, что русская печь по сравнению с другими очагами и системами отопления имела некоторые весьма ценные качества (наряду, конечно, и с известными недостатками). Она являлась сильным источником равномерного тепла в течение круглых суток, создавала большие удобства для варки пищи и сохранения ее в горячем состоянии, позволяла сушить мокрую одежду и обогреться в ненастную погоду и т. д.

¹¹⁰ Б. Рыбаков. Жернова Вщижского городища. — «Краткие сообщения ИИМК», вып. 11. М., 1945, стр. 16.

¹¹¹ А. Монгайт. Древнерусское жилище XI—XIII вв. по раскопкам в Старой Рязани. — «Советская этнография», 1948, № 4, стр. 58.

¹¹² В. Равдоникас. Старая Ладога. — «Советская археология», вып. 11. М., 1949, стр. 31.

¹¹³ В. Селиванов. Год русского земледельца (1856—1857) Зарайского уезда Рязанской губернии. — В кн.: «Календарь Рязанской губернии на 1887 г.», стр. 69.

Наряду с многочисленными жилыми домами, археологические раскопки дали нам возможность познакомиться с различными хозяйственными постройками древней Руси — амбарами, погребами, банями, хлевами, скотными дворами. Староладожский двор мостился двумя слоями жердевого настила, положенными перпендикулярно друг другу, и имел перекрытие на столбовой конструкции. В Дмитровском городище вокруг двора шел плетень, состоявший из тонких кольев, переплетенных ивовыми прутьями.

Как правило, отдельно стояли бревенчатые кладовые — житницы типа амбаров. В Ладоге они имели дощатый пол, засыпанный сверху песком и покрытый дополнительно берестой для предохранения зерна от сырости. Бани рубились из бревен «в обло» и имели в Москве глинобитные, в Новгороде каменные печи, выстланные жердевым или дощатым настилом. Большое значение придавалось прочности сруба погребов и ледников. Так, в Москве (в Зарядье) для строительства этих хозяйственных построек применялись дубовые бревна, скрепленные в углах «в лапу», причем последний прием иногда усложнялся устройством зуба в «лапе». Некоторые погреба в Москве имели специальную дренажную систему с водоотводным колодцем.

Раскопки и исследования В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге, А. В. Арциховского в Новгороде, С. А. Таракановой в Пскове, М. Г. Рабиновича в Москве, Н. П. Милонова в Дмитрове, Б. А. Рыбакова в Звенигороде, Л. А. Голубевой в Белозерске, Н. Н. Воронина в Гродно и другие твердо установили бытование на всей этой обширной территории в XII—XIII веках срубного жилища.

И, наоборот, раскопки в древних южнорусских землях — в лесостепной полосе, в Киеве, в Белгородке, в Вышгороде, в Виничеве, в Княжей горе, в Райковецком городище, а также далеко за пределами Приднепровья, например в Придонье — выявили существование там в тот же период иного вида массового жилья — полуземляночных и глинобитных построек. В этих постройках, если и использовалось дерево, то только в качестве каркаса конструкции кровли или срубного основания.

Точную границу распространения этих двух видов жилища в XI—XIII веках установить трудно. Как показывают археологические памятники Суздаля, Старой Рязани и Вщижа (где раскопками были вскрыты и тот и другой типы жилища), она могла проходить по территории Владимирской, Рязанской и Брянской областей. А если бы мы попытались ее продлить дальше на юго-запад, то граница, разделяющая территории распространения двух основных ти-

пов жилья, вероятно, прошла бы по Полесью в Прикарпатье.

Археологические материалы дают нам возможность уверенно говорить о высокой строительной культуре, сложившейся у русских плотников в IX—XIII веках. Основные типы жилья и хозяйственных построек, конструктивные и декоративные приемы были уже созданы ими в этот период и получили повсеместное распространение в народном зодчестве древней Руси. В это время плотники уже отлично знали основные приемы техники врубки бревен «в обло» и «в лапу», умели наращивать бревна, ставить срубы на «стулья» и «подкладки», окружать постройки завалинками, делать в бревнах пазы и конопатить их мохом, колоть бревна на шлахи и тесать доски, настилать полы и потолки по балкам, применять при устройстве кровель важнейшие конструкции — курицы, потоки, коньки, причелины, — прекрасно изготавливать двери, колоды, рамы, столы и лавки, применять при этом деревянные и кованые гвозди, делать печи на специальном помосте, использовать слоду и стек-

ло для освещения помещения, резать замечательные по красоте колонны крылец, балясины и коньки на крыше и т. д.

Находки в Старой Ладобе, Новгороде, Киеве, Вышгороде, Райковецком городище и других местах различных токарных изделий, иногда богато орнаментированных, говорят о существовании токарных станков и специальных инструментов у древнерусских резчиков по дереву уже в IX—XII веках.

В свете этих данных нам становятся совершенно понятными те исторические условия, при которых могли возникнуть такие произведения русского деревянного зодчества, как Новгородская София, срубленная из дуба в 989 году «о 13-ти верхах», дубовая «дивная великая церковь Богородицы», построенная в Ростове в 992 году, или еще более ранняя деревянная соборная церковь Ильи Пророка, возведенная в Киеве в середине X века.

Эта древняя строительная культура русских плотников оказала большое влияние на весь дальнейший ход развития русской национальной архитектуры.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Древнерусские миниатюры, иконы и первые чертежи русских художников относятся к тем важнейшим для изучения национального зодчества изобразительным документам, которые до сих пор в значительной части остаются вне поля зрения наших исследователей.

Недооценка этих исторических источников определена рядом авторитетных, но недостаточно справедливых высказываний со стороны виднейших историков русской архитектуры.

Так, проф. М. В. Красовский в своем монументальном исследовании, посвященном русскому деревянному зодчеству, касаясь «шалатного письма» на иконах, считал, что изображенные там постройки за редким исключением «настолько фантастичны и вычурны, что в них иногда трудно угадать, какую именно реальную форму иконописец изобразил, украсив ее богатством своей фантазии»¹¹⁴.

Не случайно важнейшие труды, а также учебные пособия по истории русской архитектуры вплоть до наших дней почти не используют этих материалов или ограничиваются публикацией отдельных фрагментов. В то же время ряд выдающихся исследователей древнерусской письменности — Ф. Н. Буслаев, В. Н. Щепкин, А. А. Шахматов, Е. Е. Голубинский, в наши дни М. Н. Тихомиров, Н. П. Лихачев, М. И.

Артамонов — уже не раз обращали внимание на необходимость привлечения изобразительных материалов при изучении архитектуры русского народа.

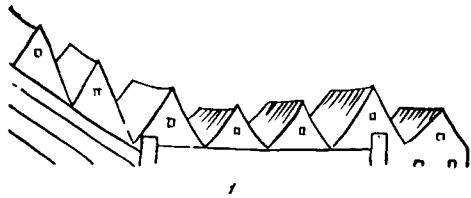
Проф. Н. В. Султанов на основании исследования рукописи XVI века «Житие Николая чудотворца» назвал миниатюрные рисунки неисчерпаемым источником «не только для русской филологии и палеографии, но также и для русского зодчества»¹¹⁵. Сопоставляя миниатюрные изображения и известные ему памятники архитектуры, Султанов установил наличие между ними большого сходства. Проф. А. В. Арциховский в результате изучения летописей пришел к выводу, что сличение изображенных в них предметов вооружения и орудий труда с вещами, сохранившимися в наших музеях, устанавливает точность их зарисовки. Он считает миниатюры «своеобразными окнами, сквозь которые можно смотреть на исчезнувший мир древней Руси»¹¹⁶.

Живые основы творчества древнерусских художников, несмотря на присутствие в их рисунках определенной стилизации, действительно позволяют нам судить о конкретных чертах быта, характере вооружения, типах построек и даже образцах плотничьего инструмента.

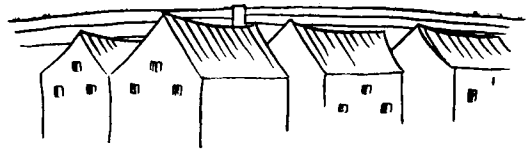
¹¹⁵ Н. Султанов. Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях. СПб., 1881, стр. 41.

¹¹⁶ А. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 4.

¹¹⁴ М. Красовский. Курс русской архитектуры. ч. 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916, стр. 13—14.

1

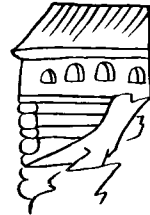
2

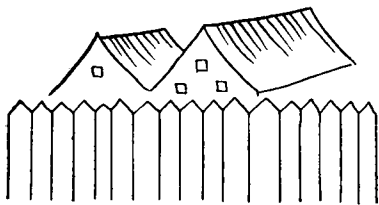
3

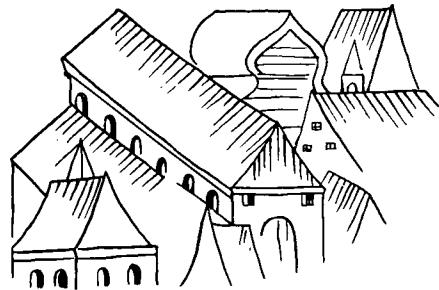
4

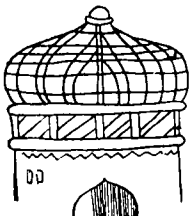
5

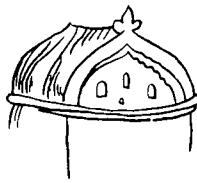
6

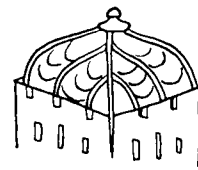
7

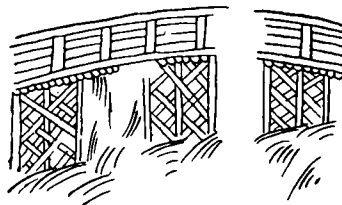
8

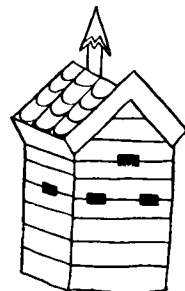
9

10

11

12

Табл. 2. Изображения жилых построек в миниатюрах XVI века.

Русские миниатюры XIV—XVI столетий, наследие русских иконописцев XV—XVIII веков и, наконец, первые чертежи XVII столетия раскрывают перед нами большой и сложный путь развития архитектурного рисунка, процесс непрерывного расширения приемов изображения, техники исполнения и круга построек. Это был путь все более глубокого и всестороннего познания мира древнерусскими художниками, все более глубокого проникновения в содержание окружавших их явлений, восприятия форм и пространства. Это был путь преодоления условных схем и образов, путь становления и развития реалистического начала в их художественном творчестве.

Если в первых летописях XIV—XVI веков миниатюра была не столько рисунком с натуры, сколько условной книжной иллюстрацией и творчество художников было сковано общепринятой и строго канонизированной манерой ее выполнения, то в последующее время, особенно в житийных рукописях, «палатном письме» и других произведениях XVI—XVII веков мы находим уже достаточно точное изображение существовавших в действительности городов, монастырей, церквей, крепостных стен, мостов и жилых зданий.

В настоящей работе автор ставит перед собой весьма скромную задачу — рассмотреть рисунки, относящиеся к гражданскому и, в частности, к деревянному зодчеству, представляющие собой лишь незначительную часть обширного изобразительного материала, оставленного нам древнерусскими мастерами.

Миниатюрные рисунки Кенигсбергской летописи, написанной в XV веке, дают нам первые изображения архитектурных сооружений. Место написания летописи до сих пор окончательно не установлено. По одним предположениям она была написана в Смоленской земле, по другим — в Новгородской и по третьим — во Владимирской¹¹⁷. В XVII веке летопись была вывезена в Литву, затем — в Кенигсберг и лишь в 1761 году возвращена в Россию.

А. А. Шахматов на основании текстологического изучения рукописи пришел к заключению, что и текст и иллюстрации ее воспроизводит рукопись более раннего времени, вероятнее всего начала XIII века¹¹⁸.

Среди многочисленных миниатюр Кенигсбергской летописи встречаются такие, в которых художник стремился, иллюстрируя текст, характеризовать конструкции изображаемых зданий. К числу таких миниатюр относятся изображения «истобки» (по дру-

гим спискам — «истьбы»), в которой был убит половецкий военачальник Итлар (1095), башни княжеского терема, откуда княгиня Ольга наблюдала за казнью древлянских послов (945), и сеней дома варяга-христианина, подрубленных при убийстве его киевлянами в 983 году.

Рисуя «истобку», стоящую на дворе Ратибора в Киеве, художник стремился показать «теплую» жилую постройку с двускатной кровлей. Текст летописи, который иллюстрировал художник, повествует о том, как сын Ратибора Ольбег влез на здание и, «прокопавшись вверх», застрелил из лука находившегося в помещении Итлара. Это заставляет предполагать наличие земляной, «задернованной» кровли в «истобке», т. е. считать постройку полуземлянкой.

На второй миниатюре нарисована вышка терема. Вышка, видимо, имеет восемь граней и покрыта остроконечной шатровой кровлей. Конструкция состоит из столбов, расположенных по углам и связанных диагональными тягами. Подобную систему крепления стоек можно встретить на многих миниатюрах при изображении конструкций, например, деревянных устоев мостов.

Несколько подробнее изображены сени дома варяга. Впереди сеней мы видим «рундук», т. е. навес над входной площадкой, поддерживаемый деревянными столбами; затем показаны спаренные окна, весьма характерные для сеней и в последующие века, и, наконец, часть венчающего карниза постройки.

На миниатюре изображены киевляне, подрубающие сени топорами. Топор как основной и широко распространенный в обиходе древнерусской жизни инструмент довольно часто изображается на страницах летописи. Топоры имеют изогнутую верхнюю и нижнюю грани, длинное дуговое лезвие, удлинненный обух и прямую рукоять. По своей форме они совпадают с многочисленными топорами, найденными археологами в повгородских и владимирских курганах.

В Кенигсбергской летописи встречаются также и сцены возведения деревянных срубов, состоящих из нескольких ясно видимых венцов. В некоторых из них можно установить и способ врубки, например «в лапу», или паз, выдолбленный для крепления бревен. Однако общая для всех миниатюр схематичность сильно затрудняет изучение конструктивных особенностей этих построек.

Помимо жилых зданий, Кенигсбергская летопись сохранила рисунки и других сооружений, например пристани на Оке в Рязани. На берегу реки показаны две постройки с двускатными кровлями, ясно видны трехгранный причальный столб, забор и сходни с перилами.

¹¹⁷ См. А. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, стр. 5.

¹¹⁸ А. Шахматов. Заметки о составлении Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи. М., 1913.

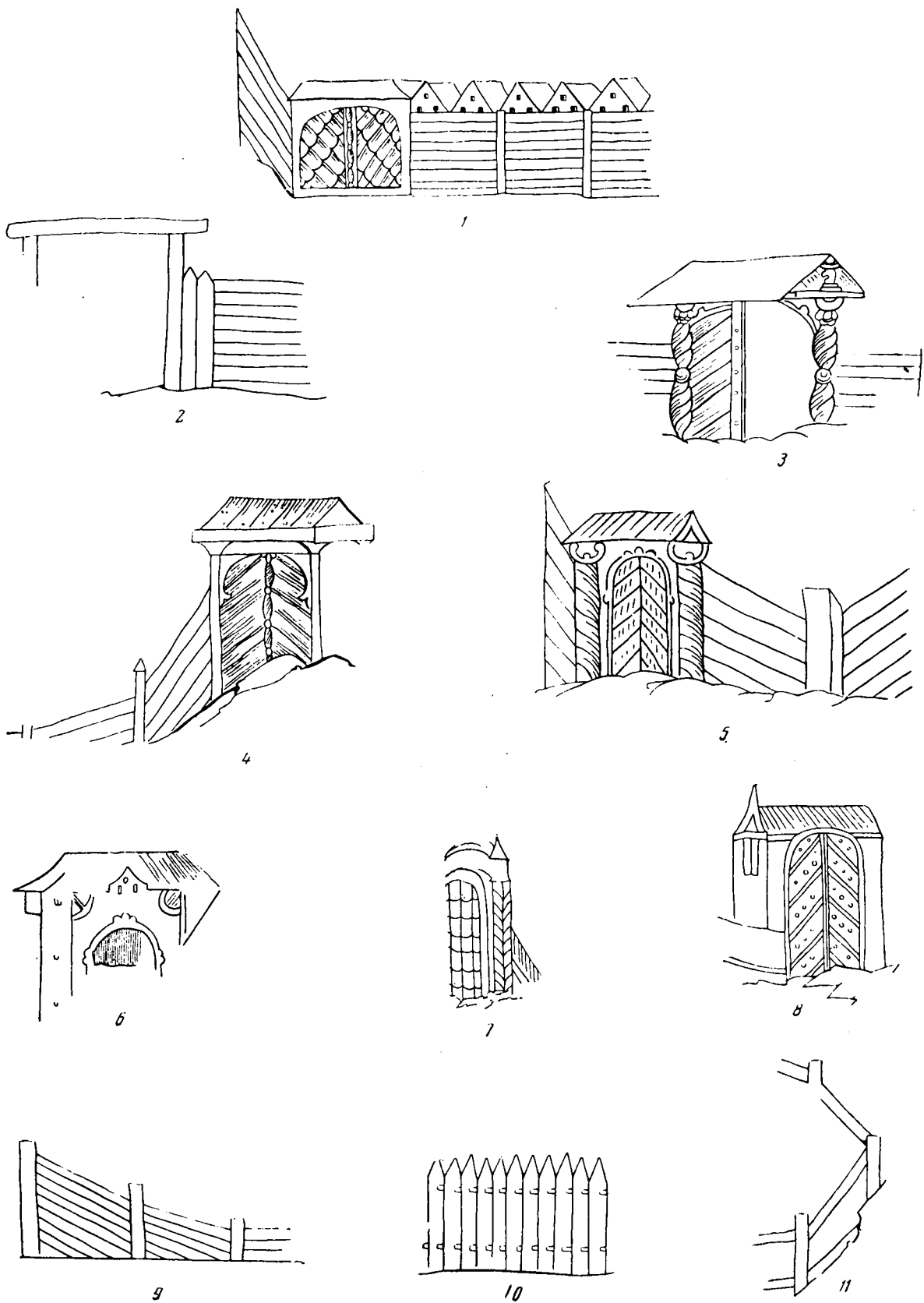

Табл. 3. Изображения въездных ворот в миниатюрах XVI века.

Необходимо отметить, что в различных религиозных рукописях XI—XII веков также помещались иллюстрации, касавшиеся в большинстве случаев церковных сюжетов. Отдельные рисунки содержали драгоценную характеристику внешнего облика древнейших церковных построек и их деталей. Так, например, на полях Псковского устава XII века (ГТГ) был изображен деревянный столпообразный шатровый храм, а в миниатюрах Добрилова Евангелия (ГБЛ) показан купол церкви с прекрасно прорисованной системой чешуйчатого покрытия — лемеха.

Наряду с миниатюрами рукописей, изображения жилых построек XII—XIII столетий были обнаружены археологами в металле и дереве. Сравнение археологических находок Костромской архивной комиссии и Новгородской экспедиции Академии наук СССР с рисунками на бумаге и пергаменте помогает установить общие принципы творческого мышления художников того времени, методов и средств воплощения художественных идей в различных изобразительных материалах.

Во второй половине XIX столетия Костромской архивной комиссией были проведены обширные раскопки могильных курганов б. Костромского уезда. Курганы принадлежали преимущественно крестьянскому населению, и полученный материал характеризует отдельные стороны жизни деревни XI—XII веков. Среди многочисленных предметов, найденных при раскопках, особый интерес представляют нагрудные украшения — подвески с изображением коньков, петухов и водоплавающих птиц. Одно из таких украшений, как уже заметил Б. А. Рыбаков¹¹⁹, напоминает силуэт жилого дома с двускатной крышей, центральным входом и двумя конями по сторонам¹²⁰. Размеры этого украшения очень невелики, однако оно имеет целый ряд любопытных деталей. Небольшие рельефные полосы подчеркивают по контуру остроконечную композицию центральной части подвески. Между этими полосами ритмично расположены от самого основания до конька выпуклые, почти круглого рельефа элементы, напоминающие торцы бревен или брусьев деревянного сооружения. Стоящие по сторонам кони по своему масштабу вполне соответствуют величине реально существовавших в то время построек.

Еще более интересна деревянная модель башни жилого дома, найденная при раскопках в Новгоро-

¹¹⁹ Б. Рыбаков. Искусство древних славян.— В кн.: «История русского искусства», т. 1. М., 1954, стр. 80.

¹²⁰ См. Д. Анучин. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах.— «Материалы по археологии восточных губерний», т. 14. М., 1899, стр. 250.

де¹²¹. Модель изображает двухэтажное здание, состоящее из двух открытых беседок. Судя по облегченной конструкции и наличию декоративных элементов, здание скорее всего относится к постройкам гражданского типа. Видимо, модель изображала наиболее яркую и запоминающуюся часть хором — вышку или терем. Однако, независимо от того, в какой степени эта модель соответствовала реально существовавшей в Новгороде башне, она несомненно передает архитектурный образ таким, каким около тысячи лет тому назад воспринимал его и был способен воплотить в дереве новгородский мастер. Это — образ четкой и ясной вертикальной постройки с четырехскатной кровлей, с открытыми проемами, с обычными для деревянных столбов украшениями в виде овальных бусин. В этом небольшом произведении нашли свое отражение отдельные характерные черты новгородского деревянного зодчества.

Составляя рисунки Кенигсбергской летописи и изображение новгородской башни, мы различаем как бы два пути развития изобразительного искусства: с одной стороны, господство средневековой системы представлений, боязнь нарушить установившиеся каноны и трафареты церковной живописи, с другой — настойчивые поиски реалистических форм, стремление передать знакомые художнику и виденные им в жизни архитектурные образы и бытовые детали. Однако робость исканий художников второго направления не позволяет еще говорить о реалистических тенденциях в искусстве. Эти тенденции отчетливо выступают только в XVI веке.

В XVI веке история русского искусства обогатилась такими выдающимися произведениями, как Евангелие 1507 г., (ГПБ), иллюстрации которого выполнены художником Феодосием, сыном прославленного Дионисия, «Житие Бориса и Глеба» (ЦГАДА) и «Христианская топография» с их миниатюрами и, наконец, лицевые летописные своды с их тысячами миниатюрных рисунков.

Если в рассмотренных нами выше рукописях изображения строились только в одном или двух планах, то в ряде миниатюр XVI века появляется пространственное построение художественной композиции. Архитектурные сооружения изображаются уже в аксонометрии, а иногда в перспективе, выявляются объемы зданий и их взаимосвязь, четко передается характер строительного материала, способы рубки и украшения зданий.

Конечно, в миниатюрах XVI века еще по-прежнему наличествуют и абстрактные архитектурные ан-

¹²¹ См. А. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода.— «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. 1. М., 1956, стр. 36.

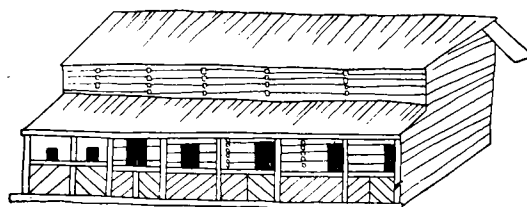
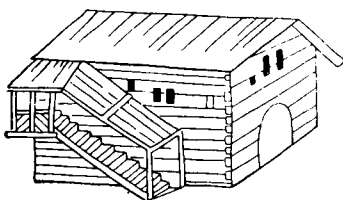
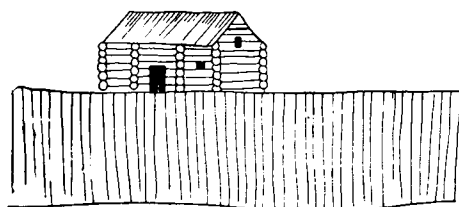
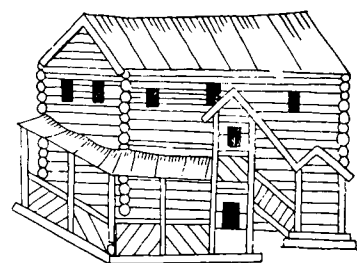
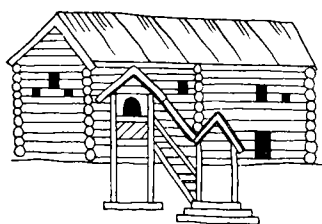
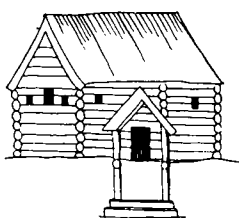
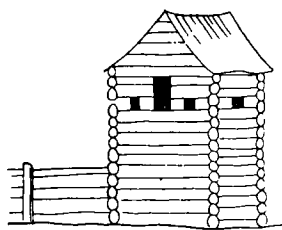
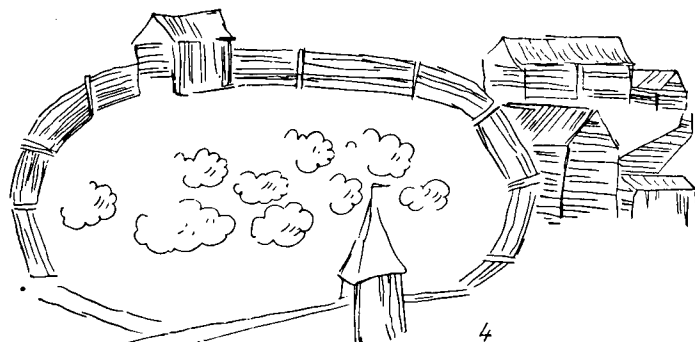
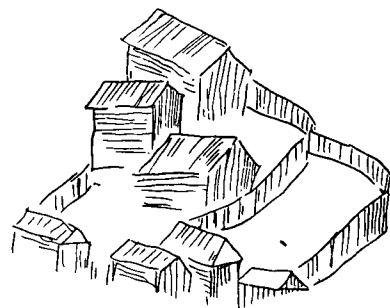
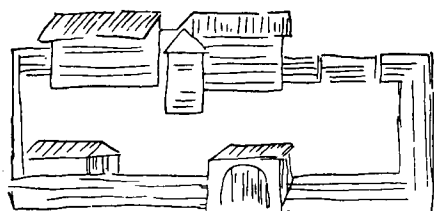
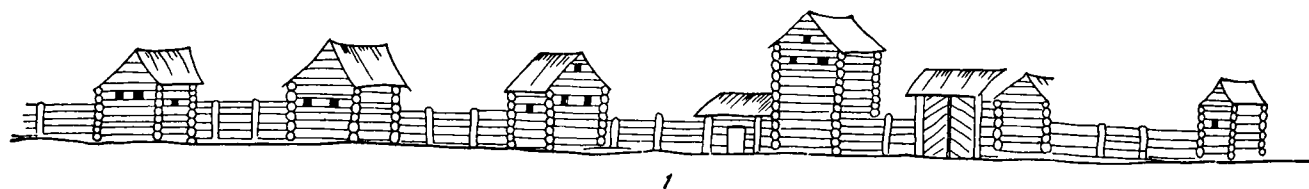

Табл. 4. Изображения жилых построек на плане части Новгорода XVII века.

самбли, и фантастические сооружения, и неглубокое пространство, и условные, порой непонятные элементы зданий. Но в то же время в них все чаще встречаются постройки, в назначении которых уже не приходится сомневаться.

Среди «архитектурного фона» все отчетливее видны простые дома горожан с традиционными тремя окнами по фасаду, огражденные забором, состоящим из горизонтальных досок, забранных в столбы, или из поставленных вертикально и заостренных сверху бревен (табл. 2, 1, 2, 6).

Не менее реалистично изображены княжеские и боярские хоромы, представляющие собой обширные палаты с многочисленными оконными проемами и четырехскатными, «палаткой», кровлями. Рядом с ними возвышаются теремные башни и повалуши с клинчатыми, кубоватыми, бочкообразными кровлями, с резными подзорами и венчающими гребнями (табл. 2, 7).

В миниатюрах «Жития Зосимы и Савватия Соловецких» XVI столетия (ГИМ) впервые дано аксонометрическое изображение дома с трехчастной планировкой, состоящего из двух жилых помещений, освещенных небольшими окнами, и расположенных между ними сеней с входной дверью (табл. 2, 4).

На миниатюре Шумиловского списка Никоновской летописи за 1429 год (ГПБ), иллюстрирующей сооружение новгородским посадником Юрием Дмитриевичем церкви в Аркаже, художник изобразил в городе две жилые деревянные постройки с ясно прорисованными торцами круглых бревен. Одна из этих построек показана двухэтажной, при этом первый этаж — бревенчатый, а второй, видимо теремной, — из гладкого теса. Подобный прием хоромного строительства применялся и в последующие века.

Характер врубки бревен точно передан на некоторых иконах XVI века. Так, на интересной по своему содержанию Хутынской иконе (ГИМ), к сожалению до сих пор не опубликованной, в одном из клейм изображено возведение сруба. При соединении бревен «в обло» (т. е. с выпуском круглых концов) продольный паз выбран в верхней части бревна. Подобная конструкция была характерна для построек XVI века (табл. 2, 11).

Любопытные изображения деревянных сооружений имеются и на другой новгородской иконе — «Антоний Римлянин» (ГТГ). Фигура Антония, плывущего на камне, занимает там весьма незначительное место. Главной темой иконы является прекрасно нарисованный архитектурный ансамбль Антониева монастыря. С левой стороны за деревянной оградой показана небольшая бревенчатая изба с волоковыми ок-

нами и дощатой резной дымницей. Интересно отметить, что появление дымницы на иконе совпадает с ее первым упоминанием в Новгородской летописи¹²². Это, конечно, не означает, что дымниц раньше не существовало в посадских избах. Однако самый факт одновременного подтверждения ее наличия в деревянном зодчестве XVI века изобразительными и письменными источниками весьма примечателен. В центре иконы «Антоний Римлянин» изображены своеобразные по своей архитектурной композиции деревянные ворота, покрытые «бочкой».

Следует отметить, что изображению ворот на иконах и в рукописях XVI века вообще уделялось особое внимание. Ворота были первым сооружением, встречавшимся при въезде в город, крепость, монастырь, во двор посадской или крестьянской усадьбы. Ворота свидетельствовали о степени богатства, а также о художественном вкусе их владельцев. От них зависело первое впечатление, которое получал посетитель, и это заставляло выделять их среди других построек. Не случайно ворота строились добротнo, красиво и украшались иногда с большим усердием, чем жилые здания.

В «Житии Зосимы и Савватия Соловецких» впервые даны детальные изображения самых разнообразных по своей конструкции и декоративному оформлению деревянных ворот. Здесь мы встречаем и самую простую воротную систему — соединение трех круглых бревен, — сохранившуюся до наших дней на околицах северных деревень, и самый богатый по своей художественной обработке образец древнерусских ворот с навесом и резными «верейми». Форму и конструкцию этих ворот мы встречаем через сто лет в доме Гороховецкого воеводы и в целом ряде церквей и монастырей б. Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний (табл. 3, 2, 3).

Среди рисунков «Жития» особый интерес представляет для нас изображение ворот с центральной резной колонкой и полуovalными боковыми кронштейнами. Подобный тип ворот характерен для народного зодчества последующих веков. Ворота крестьянских дворов Горьковской, Ивановской, Костромской, Кировской, Пермской и других областей в своей основе развивают эту древнюю схему (табл. 3, 4).

Не менее широкое распространение получил также отмеченный уже художниками XVI столетия прием украшения воротных створок различным расположением по отношению друг к другу обшивных воротных досок. На рисунках мы видим и диагональную композицию сходящихся к центру досок, и сочетание вертикальных рядов с горизонтальными, и примене-

¹²² ПСРЛ, т. III, стр. 160.

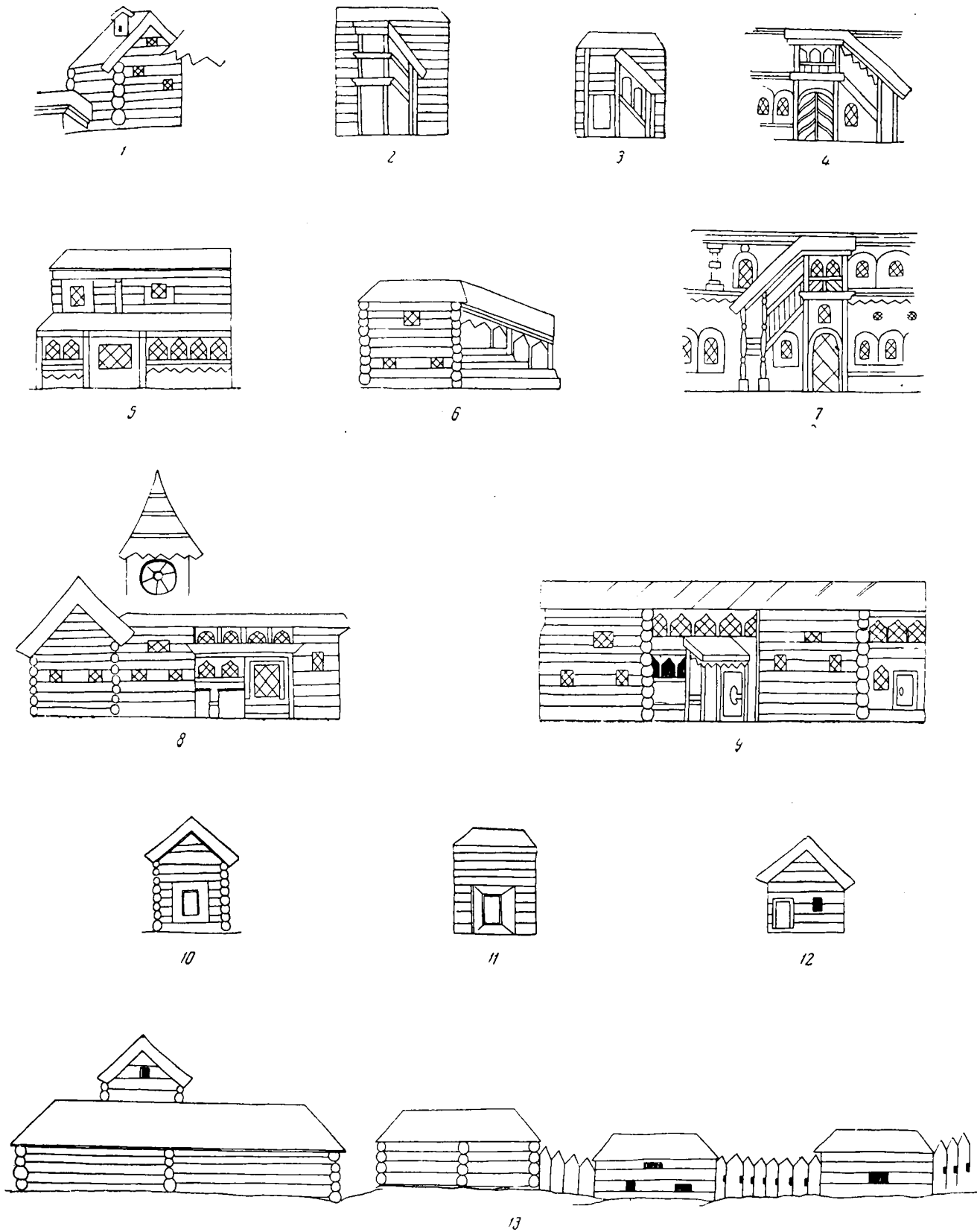

Табл. 5. Изображения жилых построек на иконе Троице-Сергиева монастыря XVII века.

ние тесины с закругленными концами, придающими плоскости створок нарядную чешуйчатую поверхность, и, наконец, использование самых различных вариантов простого резного орнамента (табл. 3, 5—8).

Как мы видим, в миниатюрах второй половины XVI века была достигнута высокая степень конкретизации архитектурных форм. Она продолжала развиваться в житийных рукописях и в иконописи XVI столетия. Однако здесь имело место уже не простое накопление в произведениях живописи реалистических элементов, фактов, жизненных наблюдений художников, а изменение мировоззрения, соответствовавшее новому этапу развития русской культуры.

В XVII веке летописание на Руси угасло. Оно не могло удовлетворить возросшие потребности исторической мысли. На смену миниатюрным рисункам и иконам, являвшимся в свое время единственными изобразительными документами архитектурных построек, приходят первые чертежи. Получает широкое распространение «палатное письмо» с детальной передачей блестящих архитектурных ансамблей древнерусских городов и монастырей.

Термин «чертеж» является древнейшим славянским словом. Еще в X веке черноризец Храбр говорил: «...прежде убо словене не имеху книг, но чертами и резами чьтяху...»¹²³. В древнерусских письменных источниках термин «чертить» обозначал, главным образом, составление географических карт, например, не дошедшего до нас Годуновского «Большого чертежа». В земледелии «чертежом» на деревьях отмечались границы подсечного участка. Как уменьшенное изображение постройки на бумаге, термин «чертеж» стал применяться лишь в XVII столетии.

Во второй половине XVII века чертежи применялись при ведении нового хоромного и церковного строительства.

В Преображенское посылается «церкви Николая Чудотворца чертеж»¹²⁴. В Спасском монастыре требовалось построить для ученья две «кельи поземные», эту работу «подрядился сделать против чертежа плотник Федька Обакумов»¹²⁵.

Чертеж входит в обиход как документ, фиксирующий план местности, расположение построек, характер архитектуры, как документ, определяющий объем строительства. На чертеже дворца в селе Алексеевском кладется царская «резолуция»: «По сему чертежу быть дворцам в селе Алексеевском»¹²⁶.

¹²³ См. А. С и д о р о в. Рисунки старых русских мастеров. М., 1956, стр. 11.

¹²⁴ «Дела Тайного приказа». СПб., 1907, стр. 1572.

¹²⁵ См. И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1, стр. 418.

¹²⁶ ЦГАДА. Приказ тайных дел, ф. 27, д. 484, ч. 2, рис. 143.

Однако развитие чертежного искусства в XVII столетии представляло собой длительный процесс. Первые чертежи были весьма примитивны и схематичны. Художник стремился передать характер хоромной постройки одновременно и в плане и в проекции. Не будучи уверенным в ясности изображения, он наносил на чертеж названия помещений и их размеры.

Тем не менее эти первые чертежи позволяют судить о составе помещений в жилом комплексе, показывают этажность зданий, дают представление об их конструктивных особенностях. Конечно, не все чертежи были равноценны. Значительная часть их оставалась условной. Чертеж села Павловского дает лишь намек на существование там обширных великокняжеских хором, соединенных переходом с церковью. Не менее условно сделано изображение и деревни Володиково. Улицы этого селения (кстати сказать, как и многих других деревень) показаны в виде трех рядов стоящих небольших изб. В чертеже хором близ села Люберцы художник пытался изобразить многоярусность повалуши, далеко выступающее двухмаршевое крыльцо и трехчастные жилые покои. Однако все эти ясно увиденные им особенности хором нашли весьма условное воплощение на бумаге. Видимо, художник еще слабо воспринимал пространство, масштаб, не овладел техникой рисунка.

Но среди этих чертежей имеются и такие, которые довольно реалистично передают характер построек. Таков, например, чертеж хором на дороге в деревню Максимки. На фасаде хором четко выявлен жилой пятистенок, срубленный «в лапу», а также подведенная под одну крышу с ним и построенная из досок светлица. Художник нарисовал и ряд декоративных элементов в обшивке светлицы, художественное оформление на окнах, резной гребень и маковки на крыше.

Еще более реалистично показаны хозяйственные постройки на одной из городских усадеб Москвы. Чертежник не только верно почувствовал их масштаб, но и попытался изобразить постройку в аксонометрии.

Все эти черты нашли свое дальнейшее развитие в одном из замечательных изобразительных документов конца XVII столетия — плане части Новгорода. Документ этот был впервые опубликован академиком Б. Д. Грековым в 1926 году¹²⁷. К сожалению, он не прокомментирован автором публикации и к тому же был издан ничтожным тиражом (400 экземпляров).

¹²⁷ Б. Греков. План части Новгорода конца XVII века. Л., 1926.

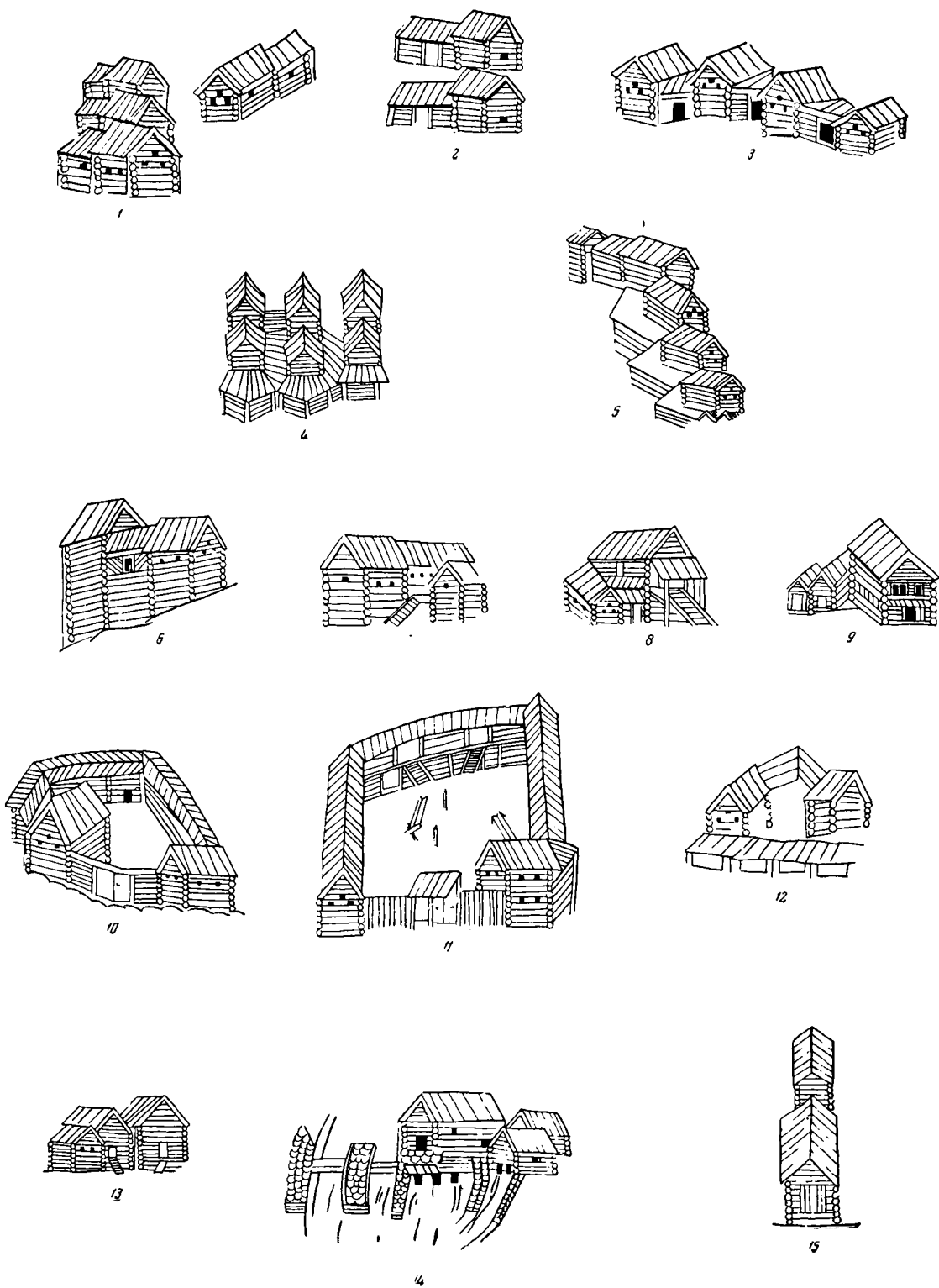

Табл. 6. Изображения жилых построек на плане Тихвинского посада XVII века.

А. Л. Монгайт в одной из своих работ¹²⁸ использовал часть материала этого плана для реконструкции деревянных башен крепостной стены небольшого деревянного города. Отдельные фрагменты плана были опубликованы М. Г. Милославским¹²⁹.

Исключительная ценность изучения плана и текста дела, хранившегося в архиве Министерства иностранных дел, заключается в том, что здесь впервые с достаточной исторической точностью дано подробнейшее описание новгородских усадеб со всем комплексом находившихся на их территории хоромных и хозяйственных построек. Кроме того, довольно реалистические изображения различных зданий города знакомят нас с новгородской гражданской архитектурой второй половины XVII века.

Возникновение этого плана было вызвано ходатайством служителей новгородского Николаевского Разважского монастыря перед московским царем о возвращении монастырю принадлежавшей ему земли, незаконно застроенной подьячими и проданной ими со всем недвижимым имуществом «разных чинов людям». По распоряжению из Москвы для выяснения дела в 1695 году были составлены подробнейший чертеж и опись указанных построек, а также собраны все копии с купчих.

Документы характеризуют дворы представителей наиболее зажиточных слоев новгородского населения (подьячего и сотника стрельцов). Они говорят о наличии сложной и большого комплекса жилых и хозяйственных построек в системе городской усадьбы XVII века. Среди этих построек имеются двух- и трехэтажные здания, «черная изба на жилом подклете», «горница брусеная белая на жилом подклете», «верхние и нижние сени», вышка над сенями, «повалуша», чуланы и т. п. Интересен факт существования двойных сеней с «перерубом» (внутренней рубленой стенкой), двойных погребов с «перерубом»; бани с «припередком» (место для раздевания), наличие больших окон, «ворота щитом с калиткою» и различных в одной усадьбе ограждений — «тына лежачего» для переднего двора и «частокола стоячего» для фруктового сада.

Еще более разнообразные сведения мы можем почерпнуть из самого плана. На чертеже показана застройка части Новгорода, примыкавшей к Николаевскому монастырю, по Разважей улице, по Большой

проезжей улице, вдоль городского вала и на площади стрелецкой съезжей избы.

Изучение графического материала дает нам прежде всего важные сведения о внешнем облике новгородских построек и в значительной степени дополняет письменные источники. Так, из чертежа мы узнаем, что передние горницы освещались с улицы одним большим косячатым окном и двумя волоковыми, что кровли у домов были двускатные, тесовые, что такое же двускатное покрытие было и на воротах центральных въездов в усадьбы. Избы имели красивые крыльца. Наиболее подробно парадная лестница изображена у дома новгородца Семена Скобельцына. Лестница состоит из двух площадок (верхней и нижней) и длинного марша ступеней, соединяющих второй этаж с землей. Высокие столбики, служащие опорами крыльцу, поддерживают крышу над лестницей. Подобное устройство крыльца повторяется на чертеже неоднократно, и, видимо, являлось типичным приемом для новгородского зодчества (табл. 4, 1—7).

Интересно показана на чертеже также стрелецкая съезжая изба, расположенная около моста на большой городской площади. Это — двухэтажное здание с большими косячатыми окнами и двускатной тесовой крышей. Высокое красивое крыльцо и широкая, охватывающая здание галерея придают всему сооружению яркий и своеобразный характер постройки общественного назначения. На противоположной стороне моста нарисованы лавки, представляющие собой низкие одноэтажные срубы. Рядом расположена крепостная деревянная стена с могучими боевыми башнями (табл. 4, 8—10).

Наряду с усадьбами богатых горожан и общественными зданиями на плане показаны и избы рядовых новгородцев. На левой стороне Разважей улицы, если смотреть по направлению к Волхову, нарисовано пять рубленых изб, из них только одна имеет два этажа.

Почти все жилые постройки поставлены на линии проезжей части улиц. При этом вход в помещение устраивался, видимо, как правило, со стороны внутреннего двора усадьбы. Подобные традиции планировки дома были в городе очень устойчивы. Они прослеживаются по археологическим материалам начиная с XII века.

Необходимо отметить большое разнообразие и четкость объемных характеристик зданий, показанных на плане. Это свидетельствует о стремлении составителей плана при изображении застройки города как можно ближе придерживаться натуры. «Место, на котором живут разных чинов люди, измерено и чертеж учинен, — писали они в Москву, — а сколько что

¹²⁸ А. Монгайт. Оборонные сооружения Новгорода Великого. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 31. М. — Л., 1952, стр. 43.

¹²⁹ М. Милославский. Деревянное зодчество на Руси XVI—XVII вв. — «Труды Ин-та истории естествознания и техники», т. 7. М., 1956, стр. 97.

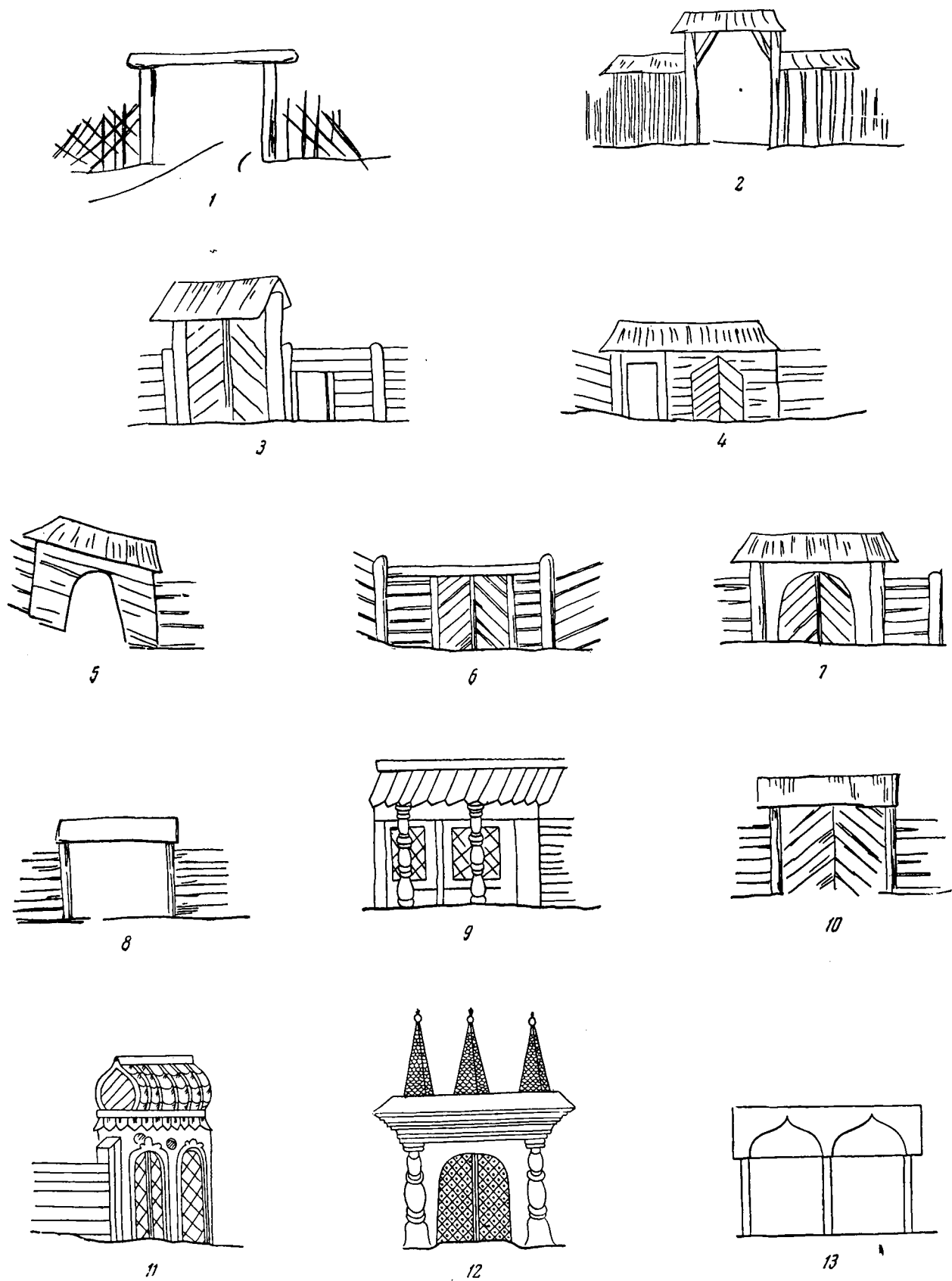

Табл. 7. Изображение въездных ворот художниками XVII века.

мерую и в которых местах, и тому роспись по чертежу (назначенными словами)»¹³⁰.

Указанные надписи дают исключительно ценные данные о габаритах улиц, площадей, усадеб Новгорода. Так, например, Разважа улица имела в ширину 3 сажени, Проезжая — 2 сажени, площадь около съезжей избы имела в ширину 28 сажен и в длину 38 сажен, усадьба Артема Маврина — 14½ сажени в длину и 14 сажени в ширину и т. д.

Надо отметить, что такие огромные участки в городской застройке могли занимать только власть имущие люди. На той же Разважей улице, по сведениям писцовой книги конца XVI века, жил некий Дмитрий «в красных плотниках», усадьба его состояла из 49 кв. сажен¹³¹. Подобные размеры усадеб были характерны для широких слоев повгородского населения и почти полностью совпадают с теми средними размерами участков двора, которые предоставляли «для черных и работных людей» в большинстве древнерусских городов¹³².

Некоторое представление о застройке городских усадеб Новгорода дают иконографические материалы XVI—XVII веков. Наиболее известные зарисовки города имеются на Знаменской, Михайловской, Флоро-Лаврской и Хутынской иконах¹³³. Прием изображения зданий на иконах мало чем отличался от техники исполнения рисунков на чертежах, и это вполне понятно: одни и те же художники являлись творцами и икон, и «палатного письма», и первых русских чертежей. Живописец и мастер «парсунного письма» Станислав Лапуцкий одновременно занимался составлением «чертежей железных заводов». Отсутствием «иконошников и чертежников» в Одоеве объяснял Голицын задержку чертежей с засеки¹³⁴.

Судя по изображениям на Знаменской иконе, иконописец вполне владел необходимыми для чертежника того времени знаниями и навыками. Рисунки его также аксонометричны, относительно масштабны, достаточно ориентируют во взаимном расположении построек в городе и на участке.

¹³⁰ См. Б. Греков. Указ. соч., стр. 6.

¹³¹ См. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века. СПб., 1911, стр. 110.

¹³² См. Н. Чечулин. Русские деревянные жилые постройки XVI в. СПб., 1893, стр. 10.

¹³³ См. П. Гусев. Новгород XVI века по изображениям на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». — «Вестник археологии и истории», вып. 13. СПб., 1900, стр. 7—66; П. Горностаев. План Новгорода на иконе Знамения Божьей матери в новгородском Знаменском соборе. — «Известия имп. Археологического общества». СПб., 1865, стр. 199.

¹³⁴ Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, стр. 64.

На иконе показана планировка усадьбы прямоугольной формы с ограждением и застройкой по периметру. В глубине двора находятся жилые хоромы, состоящие из двух высоких зданий. В центре хором устроена лестничная клетка. В левом углу расположена служебная постройка. Большие въездные ворота ведут на территорию усадьбы с городской площади (табл. 4, 2). Около другой, не менее обширной усадьбы художник показал фруктовый сад (табл. 4, 4).

Наряду с богатыми боярскими и купеческими усадьбами на иконе изображена очень плотная застройка большинства новгородских улиц. Это — кварталы менее имущих слоев посадского населения. Многочисленные невысокие заборы разделяют крохотные участки ремесленников. Жилые постройки расположены здесь произвольно, они различны по своей высоте и объему (табл. 4, 3).

О характере деревянных построек конца XVII столетия дает представление икона «Преподобный Макарий Желтоводский» (ГИМ). На иконе в аксонометрической проекции показаны рубленая «в лапу» изба и большой монастырский склад-амбар. Изба — двухэтажная. Высокое крытое крыльцо, опирающееся на далеко выдающиеся из стены кронштейны, ведет непосредственно на второй, жилой этаж. Первый этаж является подклетом и имеет въездные ворота с переднего фасада. Крыша — двускатная. Изба освещается через косячатые и волоковые окна. Рядом с избой находится амбар (табл. 4, 11, 12).

Изображение амбара настолько реалистично и верно, что не возникает никаких сомнений в определении его конструктивных и декоративных особенностей. Здесь та же рубка «в лапу», двускатная крыша и пристроенная на столбах галерея с дощатой заборкой парапета. Несмотря на то, что эти постройки были возведены далеко от Новгорода, на Волге, они очень близки по своим строительным принципам (и, кстати сказать, по графическим приемам изображения) к новгородским. Отличаются они более мощным объемом, строгостью и простотой архитектурных форм.

Одним из наиболее ранних и ярких памятников, дающих представление о деревянном зодчестве первой половины XVII века, является икона Троице-Сергиева монастыря.

Проф. Е. Е. Голубинский, проанализировав нанесенные на икону постройки и даты их возведения, пришел к выводу, что икона была написана между 1643 и 1650 годами¹³⁵, и охарактеризовал ее как про-

¹³⁵ Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909, стр. 404.

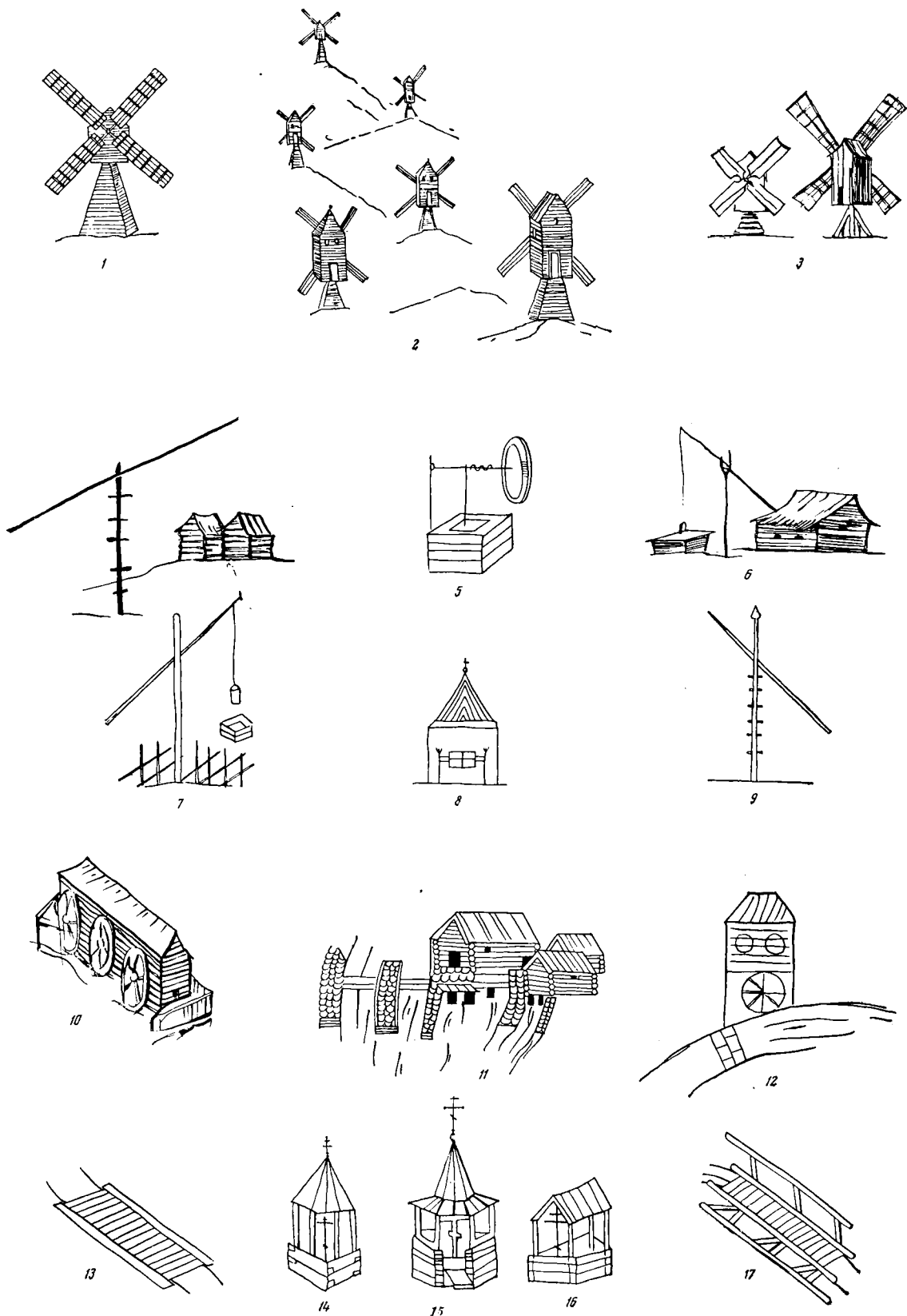

Табл. 8. Изображение мельниц, колодцев, мостов, деревянных ограждений-художниками XVII века.

изведение более топографическое, чем иконографическое (с чем нельзя не согласиться). Он нашел в ней много произвольного и фантастического в изображении архитектурных сооружений монастыря. Однако в то же время он не мог не признать, что рисунки содержат ряд весьма точных и важных наблюдений художников, позволяющих ответить, например, на вопрос о первоначальной форме кровель Троицкого и Успенского соборов.

Особую ценность икона имеет для истории древнерусского деревянного зодчества, так как она дает первые очень реалистические изображения хоромных и хозяйственных построек, фиксирующие композиционные, конструктивные и декоративные приемы русских плотников, которые применялись в подмосковном строительстве до возведения знаменитого дворца в селе Коломенском.

Письменные источники XVII века содержат сведения о строительстве в монастыре обширных деревянных дворцов для приезжавших сюда царей. Так, в 1620 году в переяславских лесах было заготовлено на государевы хоромы «красного леса» 1000 бревен, «да на брусье» — 3000 бревен¹³⁶. Из бревен рубились и многочисленные «кельи тройни деревянные с сенями», «кельи деревянные на подклетьях», «изба с комнатою», «оружейные палаты», «бочарная», «плотнишница», «воскобойни хоромы» и другие необходимые для жизни и ведения хозяйства постройки.

На западной стороне монастырской территории на иконе показана деревянная жилая постройка, состоящая из двух помещений, соединенных между собой сенями. Боковые постройки срублены из толстых, мощных бревен и имеют небольшие, почти квадратные косячатые окна с ромбовидным переплетом слюдяных оконниц. На крыше нарисованы две дымницы, что свидетельствует о наличии печей в этих зданиях. Сени же, видимо, были холодным, но очень светлым помещением. Конструкция их — дощатая, двухэтажная. На втором этаже они имеют сплошную ленту окон. В первом этаже кроме окон нарисованы двери с большим замком секирной формы. Навес над дверями опирается на колонки. Он украшен резным подзором. Подобных построек на иконе показано несколько (табл. 5, 10).

Прием соединения теплых клеток холодными и светлыми сенями, галереями, гульбищами был характерной особенностью древнерусского зодчества. Он определил собой и планировку северного народного жилища, и хоромного, дворцового строительства. На иконе Троице-Сергиева монастыря он подробнейшим образом зафиксирован художником.

¹³⁶ См. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 230.

На иконе изображены также разнообразные типы крылец. Здесь есть и крыльцо на тяжелом бревенчатом основании, со сплошным навесом и с аркадами по сторонам, и легкие крыльца, опирающиеся на высокие резные колонки, с открытыми одномаршевыми и двухмаршевыми лестницами (табл. 5, 2—4, 6, 7).

В северо-восточном углу монастыря показаны небольшие клетки-амбары. Одни срублены «в обло», с выступающими круглыми торцами бревен, другие, видимо, обшиты тесом. Амбары и житницы имеют колодные двери и невысокие крыши (табл. 5, 11—13).

Внизу, за стеной нарисованы подсобные здания мастерских. Это — простые бревенчатые постройки с четырехскатной крышей, щелевидными окнами и внутренними капитальными стенками («перерубами»). Остроконечный дощатый забор ограждает хозяйственный двор монастыря (табл. 5, 14, 15).

Изображение на иконе самых разнообразных деревянных построек, важнейших декоративных и конструктивных элементов дает нам возможность последовательно восстановить важнейшие звенья развития древнерусского гражданского деревянного зодчества первой половины XVII столетия, совершенно отсутствовавшие до настоящего времени в истории отечественной архитектуры.

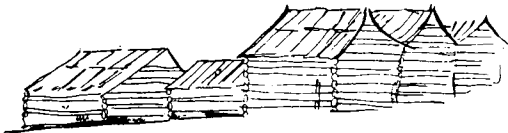
Наряду с городской и монастырской застройкой, изобразительные документы этого времени раскрывают перед нами архитектуру крестьянских построек. Наиболее интересные материалы по крестьянскому зодчеству дает план Тихвинского посада, составленный в 1678 году. Впервые план был опубликован полностью только в 1951 году К. И. Сербиной¹³⁷. До тех пор нам были известны лишь отдельные фрагменты этого замечательного графического документа.

Около 70% населения Тихвинского посада в конце XVII столетия было связано с сельским хозяйством и огородничеством. Значительная группа «пахотных людей» посада целиком существовала на доходы от обработки земли и платила денежные и хлебные поборы монастырю наравне с крестьянами¹³⁸. Все это не могло не отразиться на составе и характере построек.

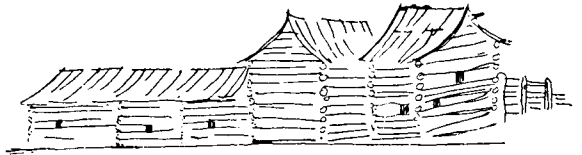
Чертеж дает аксонометрическое изображение самых различных деревянных сооружений второй половины XVII столетия. Помимо церквей и крепостных зданий монастыря, здесь можно увидеть целые ряды городских и крестьянских изб с детальной фиксацией отдельных архитектурных элементов — крылец, ворот, въездов (табл. 6, 1—13, 15). На чертеже изо-

¹³⁷ К. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.—Л., 1951.

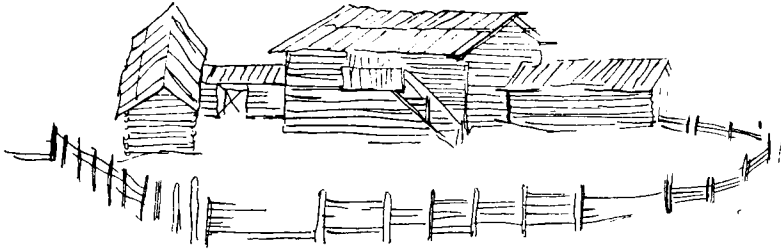
¹³⁸ См. К. Сербина. Указ. соч., стр. 295.

1

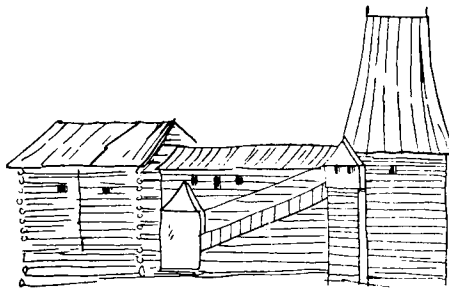
2

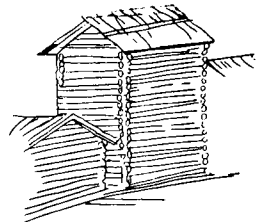
3

4

5

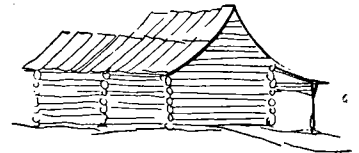
6

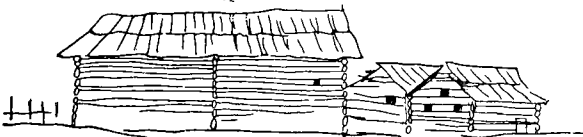
7

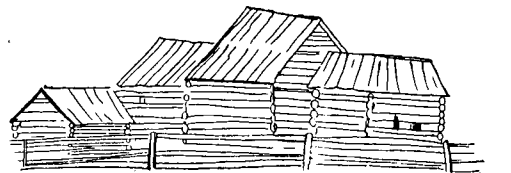
8

9

10

11

Табл. 9. Рисунки жилых построек в альбоме Мейерберга.

бражены сельскохозяйственные постройки (гумно, двор), торговые, промышленные, инженерные сооружения (лавки, мельницы, мосты, плотины), колодцы, часовни, придорожные кресты, разнообразные типы ограждений городских дворов, огородов и полей.

Изучение плана позволяет твердо говорить о сложившихся типах жилья, о связи помещений и этажности построек. Все эти вопросы играли весьма важную роль на протяжении всей истории развития народного жилища.

На плане прежде всего четко выявлен основной принцип расположения избы и двора на одной оси, с плотным присоединением их друг к другу (табл. 6, 1, 2, 4, 5). Это — преобладающая система взаимосвязи построек в крестьянском комплексе. На плане показана также часть параллельно стоящих изб, соединенных между собой крытыми дворами с воротами, выходящими на главную улицу деревни (табл. 6, 3).

На плане встречаются как низкие «поземные», одноэтажные избы с одноэтажным двором, так и избы на высоком подклете, иногда в два этажа. В последнем случае открытые крыльца и въезды во двор ведут непосредственно на второй этаж (табл. 6, 7—9, 13).

Освещение изб, судя по рисункам, осуществлялось через маленькие волоковые окошки, количество которых было различным. Наиболее часто встречаются здания с тремя окнами по фасаду, в некоторых случаях имеется два окна и даже одно.

Среди посадских домов показано жилье с трехчастной планировкой (табл. 6, 6). В сенях чертежником отмечены дощатая косая забирка стены и большой оконный проем. Все это по-прежнему характеризует сени как холодное, но светлое помещение самостоятельного назначения. Все без исключения постройки имеют двускатную тесовую кровлю.

Выявление и систематизация графического материала позволили сгруппировать некоторые элементы жилого комплекса XVII столетия в отдельные таблицы. К числу таких элементов относятся въездные ворота, ветряные и водяные мельницы, различные типы колодцев, мосты, изгороди и т. д.

Изображения сельских, посадских, монастырских и усадебных ворот, правдиво и лаконично зарисованных иконописцами и чертежниками в Пскове и Новгороде, Архангельске и Москве; значительно дополняют известные нам по источникам XVI века типы этих сооружений. Наряду с простой, широко распространенной схемой ворот в виде двух столбов с открытой бревенчатой перекладиной или закрытой двускатной кровлей, здесь встречается очень много новых вариантов конструктивных и декоративных приемов, обогащающих архитектуру древней Руси.

Чертежи Москвы дают удивительно яркую композицию трех шатровых ворот и ворот с покрытием из крещатых бочек (табл. 7, 12, 13). Икона «Александр Ошевенский» (фонды Покровского собора) сохранила нам образец ворот с двумя резными столбами, поставленными впереди створок. Икона XVI века «Антоний Римлянин» изображает ворота бочкой с декоративной чешуйчатой кровлей (табл. 7, 11).

Среди других архитектурных сооружений на чертежах встречаются ветряные мельницы. Все они отличаются друг от друга только основанием, представляющим собой бревенчатую клетку различной высоты и формы (табл. 8, 1—3).

Водяные мельницы показаны очень схематично, и говорить об их конструкции, за исключением количества приводных колес (от одного до трех) не представляется возможным (табл. 8, 10—12).

Значительно разнообразнее показаны существовавшие в XVII веке колодцы. Большая часть из них является обычными журавлями, весьма характерными для северных районов. На высоком столбе укрепленная иногда наверху этого столба в рогатке, иногда в центре столба в гнезде качается перекладина, облегчающая подъем бады, спускающейся в колодец на длинном шесте. Кроме журавля изображены колодцы с барабаном, покрытым навесом, или с большим маховым колесом, с цепным или веревчатым подъемом воды — системой, характерной для Поволжья и среднерусской полосы (табл. 8, 7—9).

Среди графических источников XVII века особое место занимают рисунки иностранных путешественников — А. Олеария, посетившего Россию в 1633 и 1635—1639 годах, и Мейерберга, прибывшего в Москву в 1661 году — на четверть века позднее. Изданные этими путешественниками альбомы представляют ценнейшее собрание рисунков русских городов, деревень, усадеб, а также одежды и предметов быта.

Альбом Мейерберга содержит большое количество реалистических и, видимо, достаточно точных изображений архитектурных сооружений, выполненных вдумчивым и наблюдательным художником. Среди подобных рисунков необходимо отметить Посольскую избу в Москве, усадьбу в селе Никольском под Москвой, комплексы жилых зданий в Торжке и Вышнем Волочке, а также целый ряд крестьянских изб, церковных и хозяйственных построек (табл. 9, 1—11).

Рисунки из альбома Олеария, значительно исправленные при подготовке к печати, с нашей точки зрения менее близки к натуре. Изображенные на них постройки лишены во многом типичных черт древнерусского деревянного зодчества.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА СЕЛЕНИЙ

Говоря о планировке города, селения, усадьбы, мы всегда связываем это понятие с наличием организованной системы площадей, улиц или отдельно стоящих построек, с предварительной разработкой размещения основных общественных сооружений, например крепостных стен, въездов, ворот, храмов, часовен, зданий.

В народном зодчестве это понятие можно отнести лишь к процессу возведения крестьянского жилого комплекса, где владелец предварительно определял общий объем строительства, намечал состав и размеры клетей, их этажность, их связь между собой. Здесь имело место практическое планирование, последовательное проведение тех или иных видов работ при совершенно конкретном представлении о законченном целом.

Что касается планировки селений, то здесь дело обстояло совсем иначе. Планировка русской северной деревни всегда имела свои специфические особенности. Деревни возникали без заранее составленного плана, без избранного типа селения, без определенно архитектурно-композиционного замысла. И тем не менее они до сих пор поражают нас глубоко продуманным с функциональной и с художественной стороны выбором места, удачно организованной системой улиц и переулков, компактной группировкой жилых и хозяйственных сооружений, необыкновенной архитектурной цельностью и выразительностью всей застройки. Все эти черты складывались на протяжении длительного исторического периода развития каждой деревни от временной одинокой зимовки до многодворного села (фот. 5—8).

Первый поселенец ставил двор там, где было удобно вести сельскохозяйственные работы, заниматься скотоводством, ловить рыбу, охотиться, где были доступны пути сообщения и где в случае необ-

ходимости имелись благоприятные условия для защиты от нападения врагов и диких зверей.

Разнообразный и часто неровный рельеф местности, наличие многочисленных оврагов, ручьев, топких болот, привычка строиться у самой воды, поближе к лодке, основному средству сообщения, либо на выступающем мысе на пригорке, либо у опушки леса, искать защиты от северных ветров за грядой холмов или группой деревьев — все это заставляло крестьянина осторожно и тщательно выбирать участок для своего дома, ставить избу там, где это было наиболее целесообразно, где ему больше всего нравилось. Живописно и свободно развивалась планировка деревни по склонам берега, сливаясь с особенностями его рельефа, составляя органическую часть и продолжение всего пейзажа.

Учитывая природно-климатические факторы, крестьянин был свободен не только выбрать участок, но и наиболее правильно и выгодно использовать его рельеф при расстановке хозяйственных построек, придать нужную ориентацию жилым помещениям по странам света, найти наиболее удобное место для подсобных сооружений. Он рубил избу там, где лучи солнца давали больше тепла и света, где из окон избы, с площадки крыльца, с территории двора открывался наиболее широкий вид на обрабатываемые им угодья, где был хороший подход и подъезд к дому. На ровной и сухой площадке он строил овин и гумно, «на глазах», перед окнами избы ставил амбар. На вершину холма поднимал ветряную мельницу, внизу, у воды, соорудил баню.

Глубокие традиции и большой строительный опыт облегчали крестьянину успешное осуществление своего архитектурного замысла. Острая наблюдательность, умение оценить достоинства и недостатки прежних приемов планировки и возведения зданий

позволяли ему творчески решать практические задачи строительства. В процессе напряженного созидательного труда рождалось бесконечное разнообразие местных особенностей народного зодчества. Первоначальный комплекс построек возникал вне зависимости от будущей планировки деревни; направления ее главной улицы, композиции ее общественного центра.

Но проходило время, и из семьи приехавшего поселенца выделялся один из братьев или один из сыновей. Отводилось новое место для второй, а затем для третьей самостоятельной крестьянской усадьбы. Образовывались малодворовые деревни из владельцев, кровно связанных между собой, часто носивших одну и ту же фамилию и выполнявших совместно целый ряд трудоемких работ в лесу и в поле.

Формирование новых усадеб подчинялось тем же правилам выбора участка и расстановки построек. Новый комплекс был в значительной степени связан с расположением первого дома, патронимического центра группы семейств.

Исследуя письменные источники, Н. Н. Воронин¹ выявляет четыре основных обозначения сельских поселений: «погост», «свобода» (слобода), «село», «деревня». Все эти термины встречаются в текстах летописей последовательно и соответствуют различным стадиям исторического развития феодального общества.

Погост является наиболее ранней формой сельских поселений, представляющей собой объединение на основе общинного землевладения значительного количества крестьянских хозяйств-семей. Раскрывая мирскую, общинную основу этого объединения, впоследствии ставшего важной податной единицей в системе древнерусского государства, автор считает погост устойчивым элементом еще доклассового периода.

Рядом с «погостом» и как бы в противопоставление ему летописцы употребляют термин «свобода» (слобода), характеризующий поселение ремесленников, выходцев из общины. Развитие слобод отражает процесс разложения сельской общины, отделение ремесла от земледелия.

К последующему виду феодального поселения Н. Н. Воронин относит село, как поселение крестьян на господской земле, а затем как центр вотчины или поместья.

Значительно позднее, по мнению исследователя, входит в обиход термин «деревня» (XIV век). Но в летописи термин «деревня» появляется намного раньше, чем в духовных грамотах, на которые ссылается

¹ Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935.

автор. Нет сомнения, что многодворная деревня, т. е. та деревня, которая дошла до наших дней, была результатом длительного исторического процесса. Однако принципы ее застройки, приемы взаимосвязи отдельных жилых и хозяйственных помещений складывались в древнейший период развития русского народного зодчества. Не случайно летописец упоминает деревню одновременно с селом и слободой, стремясь, видимо, оттенить ее специфические особенности.

К этому необходимо добавить, что фактический перечень терминов и, видимо, соответствующий им различный характер существовавших сельских поселений, упоминаемых летописцами, был удивительно широк. Слово «село» встречается в 907 году, «погост» — в 947 году, «деревня» — в 1096 году, «острог» — в 1192 году, «свобода» — в 1237 году, «починок» — в 1378 году.

Кроме того, в тех же документах применяются и производные этих слов, наряду с селом — «сельцо», «селишко», «селище»; рядом с деревней — «деревнишка», «деревушка», — термины, уточняющие размеры и общественное значение отдельных населенных пунктов.

Больше того, многие из этих слов охватывали несколько понятий: например, селом называлось крестьянское жилое место (дым, двор), княжеская усадьба, населенный пункт с церковью, простой земельный участок.

Погост — крупный административный округ, его центральное селение, а впоследствии — сельский приход, постоянный двор или одиноко стоящая церковь с общинным кладбищем.

Посадам именовалось не только предместье города или монастыря, но и обычный ряд (порядок) крестьянских изб в деревне (улица в два посада). Меткая и образная народная терминология непрерывно увеличивает этот перечень слов, характеризующих первичные ячейки сельской застройки, дополняя его словами «зимовка», «заимка», «выселки», «околы», «выставка», «хутор» и др.

Большую работу по изучению форм сельской планировки провели этнографы. Среди последних исследований, посвященных этой теме, следует назвать работы Н. И. Лебедевой и Н. П. Милонова², М. В. Витова³ и Е. Э. Бломквист⁴.

Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов, опираясь на археологические, картографические и архивные мате-

² Н. Лебедева и Н. Милонов. Типы поселений Рязанской области.— «Советская этнография», 1950, № 4.

³ М. Витов. О классификации поселений.— «Советская этнография», 1953, № 3.

⁴ Е. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев, белорусов.— «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956.

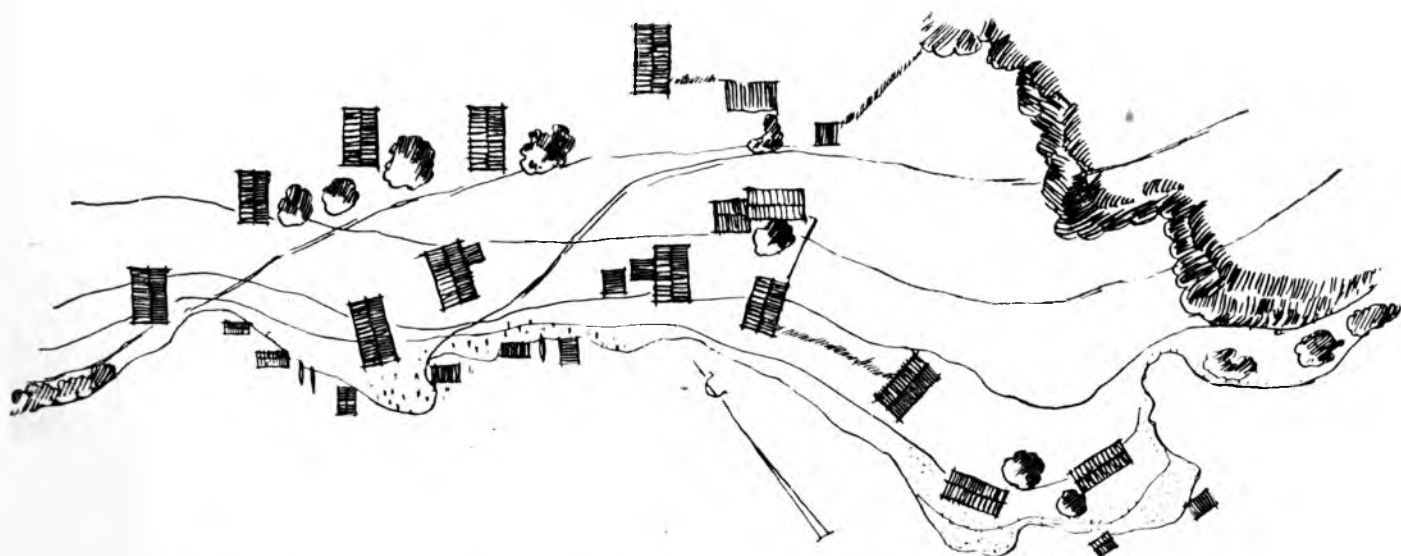

Табл. 10. Схема застройки села Гужево Каргопольского района Архангельской области.

риалы, систематизируют типы сельских поселений Рязанской области, выделяя кучевые, круговые и линейные формы поселений.

Для кучевых селений они считают характерным расположение селений группами или кучками на значительном расстоянии друг от друга, при самых различных вариантах их планировки (дугой, кругом, без всякого порядка). Под круговыми селениями авторы понимают расположение построек вокруг какого-либо центра — озера, выгона, пашни, церкви, кладбища, базара или военного пункта. К линейным планам они относят селения со стоящими в ряд жилыми зданиями, имеющими прямолинейную, криволинейную или дуговую конфигурацию улиц.

Каждую из выделенных форм поселений Н. Лебедева и Н. Милонов богато иллюстрируют картографическими примерами, дают им широкий сравнительный анализ, связывают процесс развития того или иного типа планировки с рельефом местности, с историей края, с социально-экономическими условиями жизни населения. Однако, при всех положительных методах исследования, выделенные ими типы поселений переходят из одной группы в другую, неоднократно повторяются, что в значительной степени лишает всю систему классификации необходимой четкости.

Большую и интересную работу по изучению гнездового типа расселения на Севере и по классификации поселений проделал этнограф М. В. Витов. Целый ряд предшествовавших ему исследователей — М. Б. Едемский⁵, К. К. Романов⁶ и другие — отмечали, что северные деревни, в том числе и однодворные, редко были расположены в одиночку. В большинстве своем они объединялись в группы-гнезда. Таковы, например, на реке Пинеге деревня Кулогоры, состоящая из семи деревень-околов, деревни Цимага и Вонга, имеющие по десяти околов каждая, и др.

Со своей стороны, мы могли бы присоединить к этим примерам село Пучегу на Северной Двине, состоящее из цепочки деревень, растянувшихся на 7 километров вдоль берега реки, или Ошевенский погост в Прионежье, объединяющий несколько десятков селений.

Для того, чтобы установить, как возникали и что первоначально представляли собой гнезда селений, М. В. Витов обратился к древним документам — писцовым книгам XV—XVII столетий. Используя данные писцовых книг, он составил карту поселений

⁵ М. Едемский. О крестьянских постройках на севере России. СПб., 1913.

⁶ К. Романов. Жилище в районе Пинеги. — В кн.: «Крестьянское искусство СССР», ч. 2. Л., 1928.

Шунгайского погоста в различные периоды его существования (с 1496 по 1720). Карта наглядно показала, как небольшие группы в две-три однодворные деревни с течением времени разрастались, образуя гнезда вокруг погоста.

В первоначальный период население таких гнезд имело родственные связи и обладало хозяйственным, общественным и идеологическим единством. В дальнейшем, несмотря на нарушение этих связей, гнездовой характер расположения долгое время сохранялся, являясь господствующим типом расселения на Севере.

Однако было бы весьма поспешным делать выводы об исключительности гнездового типа расселения, а такое впечатление невольно создается, так как автор ограничивается исследованием лишь одной стороны проблемы.

В процессе заселения северного края, наряду с образованием групп-гнезд малодворных деревень, складывался и развивался другой тип расселения в крупных промысловых и торговых селах, не имеющих непосредственно тяготеющих к ним деревень.

Особенно сильное развитие этот тип расселения получил в полосе таежных лесов и беломорского побережья, т. е. там, где земледелие не являлось преобладающим видом занятия населения. Примером этому может служить одиноко стоящее село Долгощелье на реке Кулой или село Шуерецкое на западном берегу Велого моря. Рыбный промысел (основной вид производственной деятельности жителей этих сел) определил с первых дней их возникновения плотный характер застройки, а географические условия (наличие больших скальных массивов и тошких болот) не содействовали выделению «починков», «выселков», «выставок» и т. п.

М. В. Витов делает серьезную попытку пересмотреть существующую в этнографической литературе классификацию форм поселений. Он выдвигает пять форм: 1) беспорядочные формы, 2) рядовые формы, 3) замкнутые формы, 4) уличные формы и 5) деревни позднего происхождения⁷. Однако полное устранение излишней дробности в классификации поселений (к чему разумно стремится автор) требует еще дополнительной работы. Спорной является, например, формулировка первого раздела — «беспорядочная форма». Р. М. Габе, отвечая Н. Н. Харузину, который также пользовался этим термином, писал: «Селений, в планировке которых нельзя было бы обнаружить какого-нибудь порядка или стремления к нему в отношении расположения домов, мне не приходилось видеть даже в деревнях, находящихся в близком

⁷ М. Витов. Указ. соч., стр. 37.

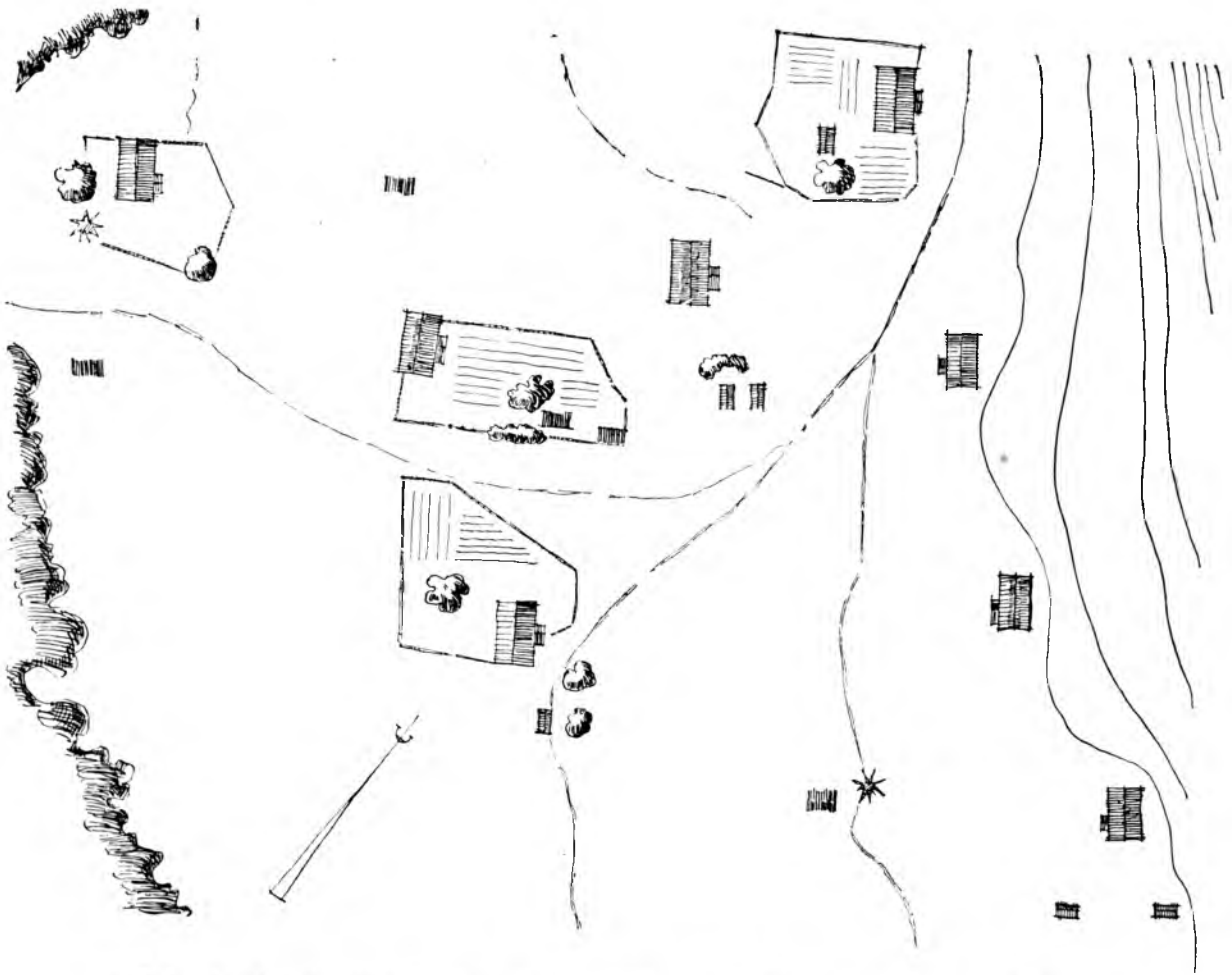

Табл. 11. Схема застройки села Таратино Ленского района Архангельской области

расстоянии от финской границы, например, в Самозерском районе»⁸.

Как мы увидим ниже, бессистемная на первый взгляд застройка была глубоко продуманной в отношении целого ряда функциональных и художественных задач и вытекала из строгого учета рельефа местности при планировке усадеб.

Далее, едва ли целесообразно выделять в самостоятельные типы рядовую и уличную формы селений. Каждая однорядная, двухрядная или многорядная форма застройки предопределяет наличие различных по своему характеру улиц в деревнях, и многочисленные их варианты могут как подтипы войти в этот раздел.

На наш взгляд, можно совершенно безболезненно исключить из предложенной системы последний, пятый, раздел, который ничего конкретного не содержит, ибо перестроенные под влиянием администрации деревни могли принимать самые разнообразные формы. Достаточно сравнить, например, выполненные арх. К. И. Росси проекты планировки деревень, представляющие радиально-кольцевую систему расположения построек, и план рядового расселения крестьян со смежными участками двух крестьянских дворов, предусмотренный правительственными реформами⁹.

При классификации форм расположения жилых и хозяйственных построек в сельской местности следует говорить не о типах планировки деревень, а о приемах или принципах их застройки. Таких основных приемов застройки северных деревень, по нашему мнению, можно назвать три: 1) свободный; 2) замкнутый, 3) рядовой.

Селения, характеризующиеся свободным принципом застройки, могут состоять из редко стоящих крестьянских дворов с произвольной ориентацией изб и хозяйственных сооружений, из отдельных скученных групп зданий, из близко находящихся деревень, представляющих собой территориально широкое гнездовое объединение.

Селения с замкнутой застройкой могут иметь круглую, овальную, прямоугольную или ломаную форму расположения дворов с центральной площадью, озером, огородами, садами и многочисленными проулками и прогонами между строениями.

Селения с рядовой застройкой могут быть однорядными, двухрядными, трехрядными, многорядны-

ми, иметь прямолинейные и криволинейные, пересекающиеся и сходящиеся улицы с односторонней и двусторонней постановкой крестьянских изб.

Каждый из перечисленных приемов лежит в основе развития бесконечно разнообразных местных вариантов застройки селений, обусловленных преобладающим занятием населения, близостью крупных промысловых и торговых центров, городов и монастырей, оживленных путей сообщения, расположением селения на берегу озера или реки, вдоль прямого тракта или вдоль извилистой проселочной дороги, на высоком холме среди поля или у опушки таежного глухого леса. Наконец, важную роль в процессе формирования селений играли строительные традиции и культурно-бытовые особенности жизни крестьян данного района.

Перечисленные выше приемы на различных стадиях исторического развития сменяли друг друга или существовали одновременно, преобладая в той или иной части деревни.

Каждый из этих принципов застройки определяет и специфические архитектурно-композиционные качества планировки всего селения. Деревни со свободной застройкой не имеют ярко выраженного центра и главной улицы. Деревни с замкнутой застройкой обычно группируются вокруг погостов с церковью и обладают отчетливо выраженной вертикальной осью. Деревни с рядовой застройкой отличаются протяженной горизонтальной композицией и четким направлением улиц и переулков.

К характерным примерам селений со свободной застройкой можно отнести селение Гужево Каргопольского района Архангельской области и деревню Таратино Ленского района той же области. Селение Гужево (табл. 10) расположено в лесной гористой озерной части района. Основным занятием жителей было земледелие и рыболовство; среди промыслов развиты были охота и смолокурение¹⁰. Здесь нет ни одной семьи, которая не имела бы лодки и сетей. Амбары, где хранятся рыболовные снасти, поставлены на сваях, прямо в воде; рядом с ними находятся бани, несколько выше по склону берега озера расположены избы, на гребне — овины и гумна. Селение состоит из двух частей: нижней, наиболее древней, и верхней, возникшей во второй половине XIX века.

Избы стоят редко и соединяются живописно выющимися по открытому лугу дорожками и тропами. Здесь нет улиц, четких границ усадеб. Для жилых построек используется каждый мыс берега.

⁸ Р. Г а б е. Карельское деревянное зодчество. М., 1944, стр. 9.

⁹ См. А. В в е д е н с к а я. Из истории планировки русской деревни XVIII и первой половине XIX в.— «Труды Гос. Исторического музея», вып. 15. М., 1944, стр. 77—120.

¹⁰ В. Д а ш к о в. Описание Олонецкой губернии в историко-статистическом и этнографическом отношении. М., 1842, стр. 38—73.

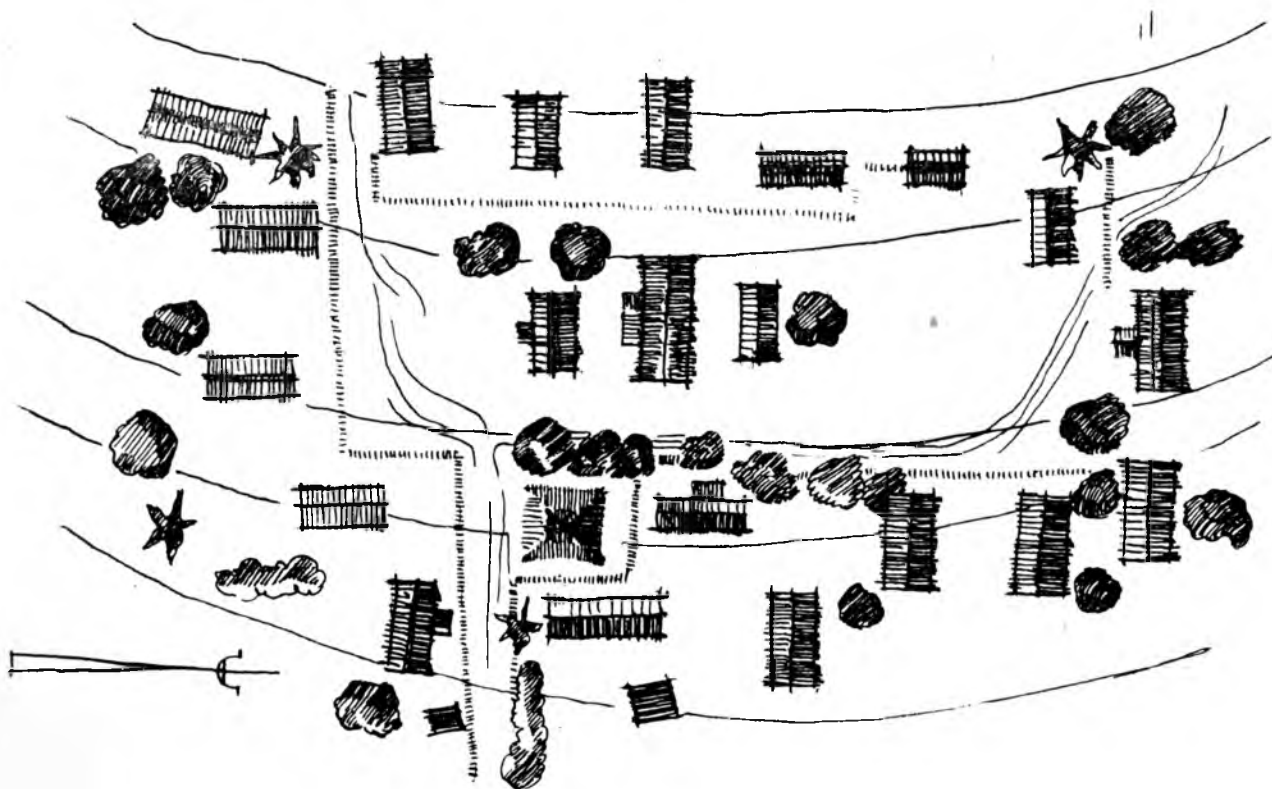

Табл. 12. Схема застройки села Кузьминское Тарногского района Вологодской области.

Здесь нельзя встретить двух изб, расположенных на одной линии. При преобладающей ориентации окон жилых помещений на юг, многие из зданий имеют значительный разворот к востоку или западу с лестницами крылец, опускающимися к озеру. Такое положение построек определялось сильно изрезанной линией берега и стремлением владельцев при всех обстоятельствах повернуть фасад здания к воде.

Но со временем уловы рыбы сокращались, а значение земледелия в жизни крестьян все возрастало. Оно становилось основным средством их существования. Постепенный отход от воды и все большая роль в производственной жизни крестьян поля, луга, леса обусловили и выбор нового местоположения зданий, и новую систему застройки вдоль дороги, связывающей деревню с пашней. Верхняя часть наиболее отчетливо воплощает эти тенденции. Избы деревни ставятся в ряд, подъезд к ним более удобен. Намечается организация дворов в улицы.

Селение Таратино (табл. 11) возникло на высоком берегу реки Вычегды. «... Грунт земли по большей части глинистый, а в некоторых местах с черноземом,— писал об этом районе исследователь местного края Брусиллов.— Лес растет лиственный, сосновый, еловый, пихтовый и прочий мелкорастущий кустарник. На пашенных землях высеваются хлеба: озимого до 3000, ярового до 6000 четвертей. Как большей частью делают подсеки, то урожай в хорошее лето бывает неимоверно велик, но поелику по суровости климата иногда выпадают снега, прежде нежели поселянин успевает собрать жатву, что чаще случается в отдельных северных селениях, а потому поселяне и снискивают пропитание звериным промыслом, деланием дощеников для сплаву соли из Сереговского завода и поставкою для одного дров»¹¹.

Рыбный промысел не имел здесь существенного значения. Заливные луга Староречья далеко отодвинули воду. Лодка в крестьянской семье была редким исключением. Крестьянское хозяйство прочно опиралось на земледелие и отхожие промыслы. В застройке деревни река играла значительно меньшую роль, чем в Гужево. Редко расположенные на берегу избы были ориентированы на юг вне всякой зависимости от воды. Высокие одностолбные с открытыми площадками крыльца пристроены к домам со стороны земельных угодий. К каждому дому примыкают непосредственно пашня, луга, огороды. Многочисленные изгороди, а местами и глубокие ов-

раги отделяют усадьбы друг от друга. Здесь также нет ни площадей, ни улиц, ни переулков. Проселочная дорога, связывающая длинную цепочку таких деревень, проходит по околице за границей жилой застройки.

Замкнутая форма расположения построек была характерна для древнейших славянских поселений. Целый ряд исследователей называет ее круговой, кольцевой, овальной, квадратной и т. д. в зависимости от формы планировки деревни. Однако народное зодчество никогда не прибегало к точным геометрическим построениям и совсем не употребляло подобной терминологии.

К группе селений, имеющих замкнутую застройку, следует отнести селение Кузьминское Тарногского района Вологодской области и село Палуга Лешуконского района Архангельской области.

Селение Кузьминское (табл. 12) расположено среди поля на вершине холма, у подножья которого протекает речка Кокшенга. В центре селения находятся три наиболее древних крестьянских усадьбы. Вокруг них построены все остальные избы, образующие теперь замкнутый четырехугольник плотной жилой застройки. Деревня возникла, как рассказал нам местный старожил, 70-летний крестьянин Алексей Иванович Попов, во второй половине XVIII века. Ядром селения явилась усадьба Кузьмы Панфиловича Попова (средняя из трех сохранившихся старых построек), по имени которого была названа и вся деревня. До настоящих дней большинство домов принадлежит здесь Поповым, с трудом устанавливающим свои родственные связи. В селение ведут три дороги, но ни одна из них не изменила планировочной структуры деревни, не создала самостоятельных осевых направлений или улиц селения.

Против одного из старых домов, центрального ядра, была сооружена маленькая часовня во имя Николая Чудотворца. Однако ее боковое положение и скромные габариты не повлияли на общий спокойный и собранный характер застройки.

Старые густые березы и могучие высокие ели, сохранившиеся здесь от раскорчеванного и расчищенного леса, напоминают о трудной и большой работе, проделанной первыми поселенцами. В тени этих деревьев, одиноко стоящих среди широкого хлебного поля, как в зеленом оазисе, была когда-то размещена компактная группа жилых и хозяйственных построек одной крестьянской семьи, разросшаяся теперь в многодворную деревню.

При тех же принципах замкнутой застройки иначе выглядело село Палуга, расположенное на обрыве крутой излучины реки Мезени (табл. 13).

¹¹ Н. Б р у с и л о в, Опыт описания Вологодской губ. СПб. 1833, стр. 43.

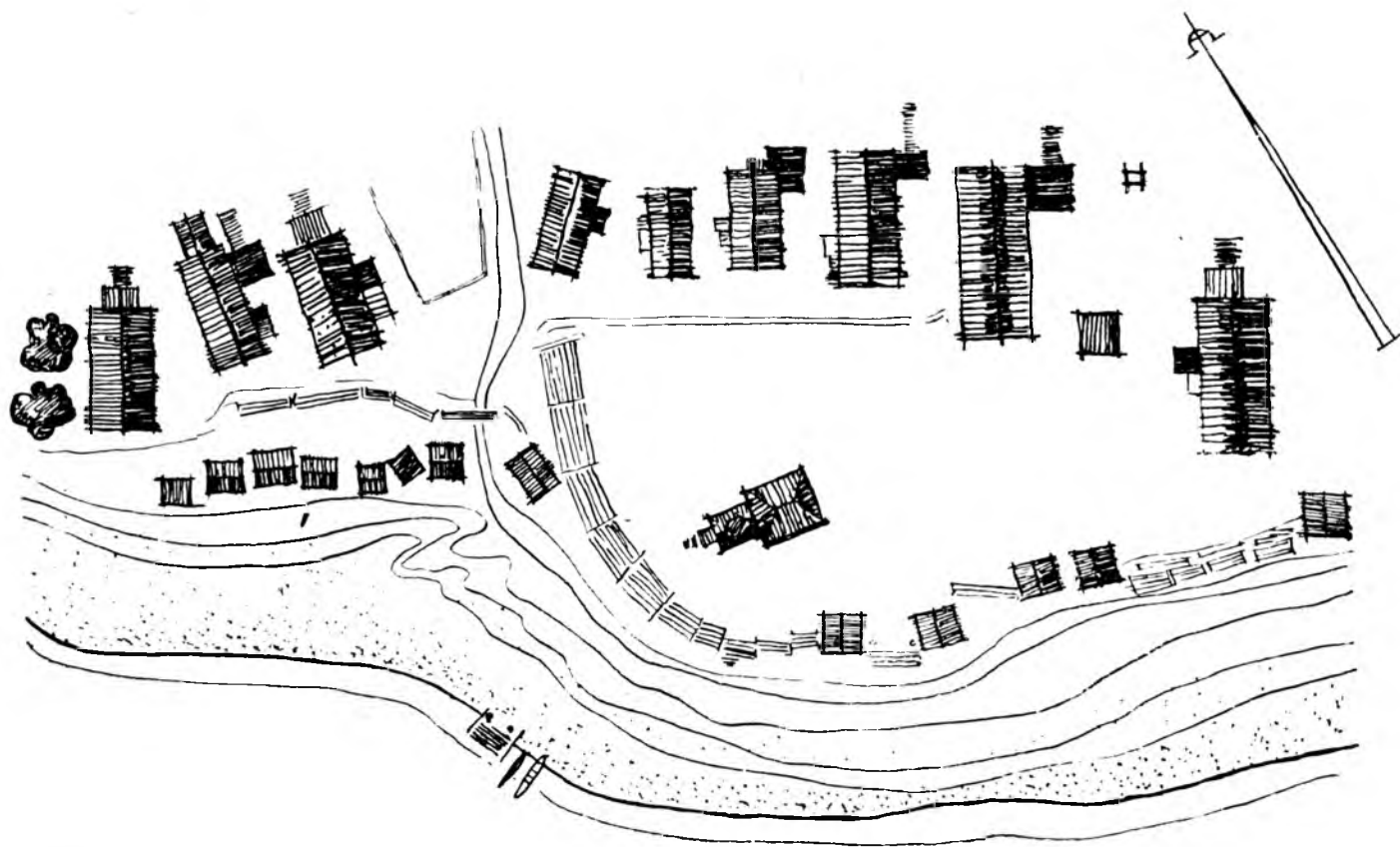
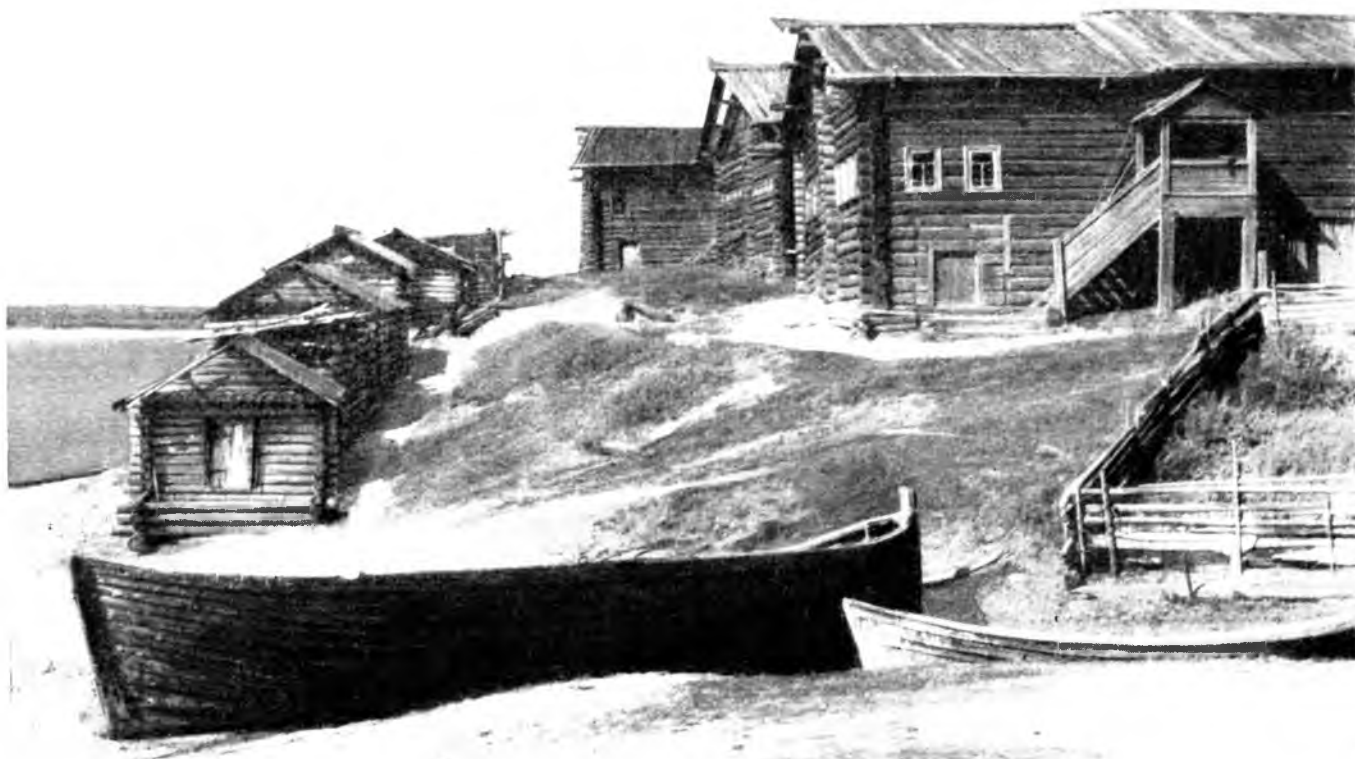

Табл. 13. Схема застройки села Палуга Лешуконского района Архангельской области

Расположение деревень и сел вдоль узкой прибрежной полосы было особенно характерно для Мезенского района. Скучная, малопригодная для обработки земля, ранние морозы и холодные, ледяные даже в летние дни, северные ветры затрудняли ведение сельского хозяйства. Крестьяне искали средств к существованию в охоте, рыболовстве, промысле морского зверя, заготовке и сплаве леса Архангельскому адмиралтейству, а также в продаже разнообразных поделок из дерева¹².

Мезенские плотники славились своим мастерством на работах в судостроительных затонах на Северной Двине, в Архангельске и Петербурге. Находчивость и изобретательность широко проявлялись во всей строительной деятельности мезенских крестьян.

Суглинисто-песчаная почва высоких берегов Мезени, на которых возводились деревни, легко размывалась при таянии глубоких снегов, при бурном половодье рек и дождливой осенней погоде. Ненадежный грунт сползал в воду вместе с участком улиц, увлекая за собой целые постройки. Мезенский плотник прочно укреплял берег системой подпорных стенок, полукольцом охватывающих территорию деревни со стороны реки. Он смело ставил на эти стенки различные сооружения (амбары, бани, часовни). Мощное бревенчатое основание иногда превышало по высоте срубы самих построек, напомилавших огромные глухие башни северных острогов или древних укрепленных городищ.

Таковыми были, например, селения Палуга и Целигоры, Юрома и Азопольское. Основная застройка в селе Палуга сосредоточена по периметру ровной площадки на берегу реки, в центре которой воздвигнута деревянная часовня. Со стороны поля расположены жилые избы, со стороны воды — амбары и бани. Плотная и замкнутая полоса зданий разрывалась лишь в одном месте, на краю крутой излучины, почти точно отмечающей фарватер реки. В этом разрыве во весь свой рост открывалась часовня с высокой шатровой кровлей, выполнявшая роль маяка для широких и малообжитых просторов мезенской долины. В архитектурной композиции деревни часовня создавала вертикальную ось, акцентировала центральную площадь, связывала воедино всю сложившуюся застройку.

Наиболее распространенным приемом сельской застройки является рядовая, или уличная система. Примерами таких селений могут служить: село Юрома Лешуконского района Архангельской области, деревня Булыкино Чарозерского района Вологодской

области, село Спас Костромского района Костромской области, село Красные Оселки Лысковского района Горьковской области, деревня Старый Юг Городецкого района Горьковской области. Планировка каждого из этих селений имеет свои специфические черты, обусловленные местными историческими и географическими условиями формирования селения. Одно из них расположено вдоль тракта, определившего направление улицы и ориентировку главных фасадов изб, другое — на берегу большой судоходной реки, ограниченной крутыми берегами, третье — на «гриве», невысокой возвышенности среди заливных лугов, превращающейся в весеннее половодье в одинокий остров.

Однако независимо от этого все они характеризуют один и тот же прием рядовой застройки, наиболее характерный для северных деревень и Верхнего Поволжья.

Село Юрома расположено в среднем течении реки Мезени. Это одно из древнейших селений б. Мезенского уезда Архангельской губернии. В новгородских церковных грамотах упоминается о сгоревших и вновь возведенных в этом селении церквях во имя Михаила Архангела в 1513, 1626, 1685 годах и во имя Ильи Пророка в 1644 и 1743 годах¹³. В середине XIX века в селении числился 21 двор, 61 житель мужского пола и 59 жителей женского пола¹⁴. Все жилые постройки села стояли в один ряд вдоль бурной и широкой реки Мезени.

За последнее столетие население села почти утроилось, соответственно увеличилось и количество изб. Для застройки была использована вся прибрежная полоса, от высокой горы на юге до глубоких оврагов на севере. Единственным резервом для расширения территории селения оставалась пашенная земля. Здесь и возник второй порядок изб. Он не изменил общей структуры древней планировки Юромы, подчиненной реке — единственному пути, связывавшему село с уездным и губернским центрами.

При двухрядной застройке в Юrome существуют две самостоятельные улицы. Первая идет непосредственно вдоль берега реки. Она имеет одностороннюю застройку из жилых домов. Окна переднего фасада изб этой улицы обращены к Мезени, открыты к солнцу и свету. Противоположная сторона улицы ограничена деревянными мостками, часто с высокими поленицами дров, многочисленными перилами и скамьями к воде. Редко поставленные амбары и бани

¹³ См. «Краткие исторические описи приходов и церквей Архангельской епархии», вып. 2. Архангельск, 1855, стр. 329.

¹⁴ См. «Список населенных мест Российской империи», т. 1. СПб., 1861, стр. 27.

¹² По материалам газеты «Архангельские губернские ведомости», 1858, № 20,

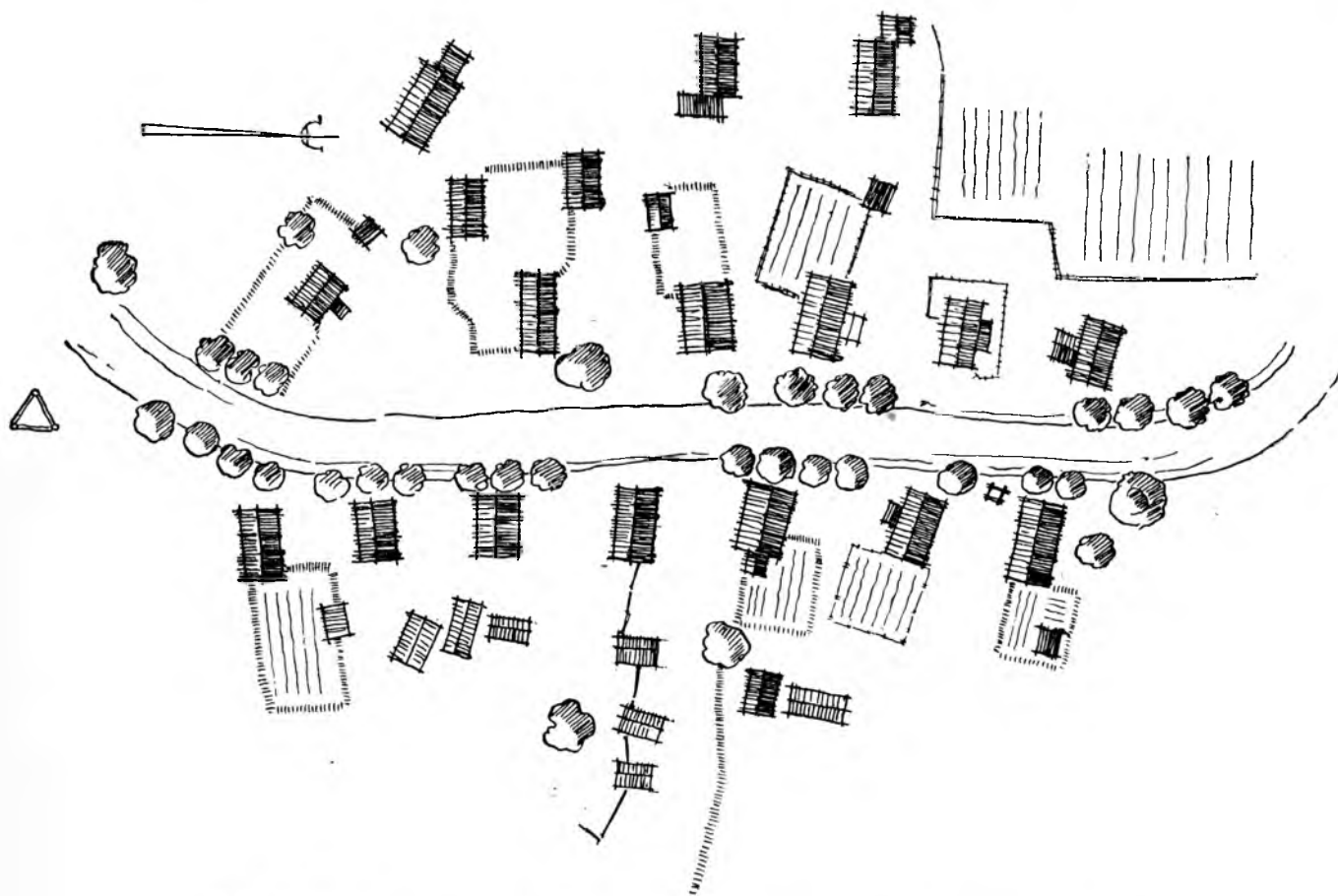

Табл. 14. Схема застройки села Булыжино Чарозерского района Вологодской области.

прочны закрепляют ее прибрежную линию, образуя наиболее красивую часть всей застройки селения.

Второй порядок изб находится за первым. Здания также ориентированы к реке. Однако стоящие перед ними огромные двухэтажные дворы первого порядка закрывают мезенские просторы, а с ними и значительную часть света и солнечных лучей. Многооконные избы на высоких подклетах и глухие мощные стены двора создают необыкновенно выразительную и четкую перспективу второй улицы, имеющей сквозное движение вдоль всего селения и соединяющейся частыми и короткими проездами с набережной.

Подобная планировка деревень, состоящих из двух последовательно расположенных друг за другом порядков изб с одной и той же ориентацией, была характерна для северных приречных селений. Она была широко распространена в Архангельской, Вологодской и Костромской областях.

Селение Булыкипо Чарозерского района Вологодской области (табл. 14) стоит на старом тракте, соединяющем древний Кириллов-Белозерский монастырь с городом Каргополом. Этот важный исторический, когда-то очень оживленный путь послужил основой планировки деревни. Избы стоят двумя порядками по обеим сторонам дороги и, следуя за ее изгибами, образуют свободную и живописную перспективу улицы. Высокие березы, посаженные по обочине дороги и подчеркивающие ее криволинейный характер, отделяют своими густыми кронами жилые здания от проезжей части. Главные фасады большинства четырехоконных изб в обоих порядках обращены к дороге, крыльца с лестницами также повернуты к улице, хотя и пристроены к дому с боковой стороны. За двухэтажными дворами расположены хозяйственные постройки — бани, овины, амбары.

При въезде в деревню стоит ветряная мельница с медленно крутящимися крыльями, высоко приподнятая от земли бревенчатой клеткой. В деревне сохранились старинные избы и особенно выразительные по своей архитектуре хлебные амбары с многочисленными резными колонками и орнаментированными наличниками у дверных колод. Из деревни открывается широкий вид на хлебные поля и зеленые выгоны для скота.

Первые исторические сведения о селении Спас Костромского района Костромской области (табл. 15) встречаются в книгах приказа Большого дворца. Селение в числе других было пожаловано Иваном IV во владение московскому Чудову монастырю.

Основное занятие населения — земледелие. Однако наличие обширных заливных лугов и пастбищ благоприятствовало развитию животноводства,

Селение расположено в низменных местах поймы реки Костромы, около больших озер Великого, Идоломенского и др. Планировка селения Спас, архитектурные и конструктивные особенности его построек сложились в особых условиях: селению угрожали большие весенние разливы Волги. Тяжелая и напряженная борьба костромских крестьян с водной стихией получила своеобразное отражение в народном зодчестве, выявив редкую изобретательность местных плотников.

Особенность планировки селения Спас заключается в том, что вся жилая застройка состоит из отдельных компактных групп, объединяющих тесно прижатые друг к другу избы целого рода. Эти группы разделяются между собой узкими переулками, выходящими на центральную улицу, пересекающую деревню от южной околицы до северной, где была расположена древняя деревянная церковь с сельским кладбищем.

Образование таких групп было вызвано невозможностью расширения территории деревни за границы зоны весенних паводков. Из-за этого каждый крестьянин при росте и разделе семьи был вынужден ставить новую избу для своих сыновей на одном и том же приусадебном участке. Таким образом, площадь участка беспрерывно уплотнялась, сплошь застраивалась срубами жилых и хозяйственных сооружений. Вход в некоторые избы был настолько зажат между срубами, что человек задевает локтями бревна двух соседних построек. Естественно, что ориентация изб, за исключением двух порядков, образующих центральную улицу, была самой различной.

Село Спас показывает нам максимальную плотность жилой застройки. Сравнивая почти упирающиеся друг в друга избы в низовьях реки Костромы с редко и широко расставленными домами в деревне, расположенной на высоких берегах реки Вычегды, мы как бы находим крайние границы колебания приемов застройки северных деревень. Амплитуда этого колебания, как мы видим, исключительно велика. Она свидетельствует о большой творческой свободе народных зодчих в решении практических задач крестьянского строительства.

Одним из интересных явлений в Верхнем Поволжье является наличие в деревнях при одном порядке изб двух улиц, передней и задней. В наиболее яркой форме эти приемы застройки сказались в планировке селения Старый Юг Городецкого района Горьковской области (табл. 16). Наряду с земледелием здесь были широко развиты различные столярные ремесла. Местные мастера отличались в строительстве судов, в выполнении декоративной резьбы,

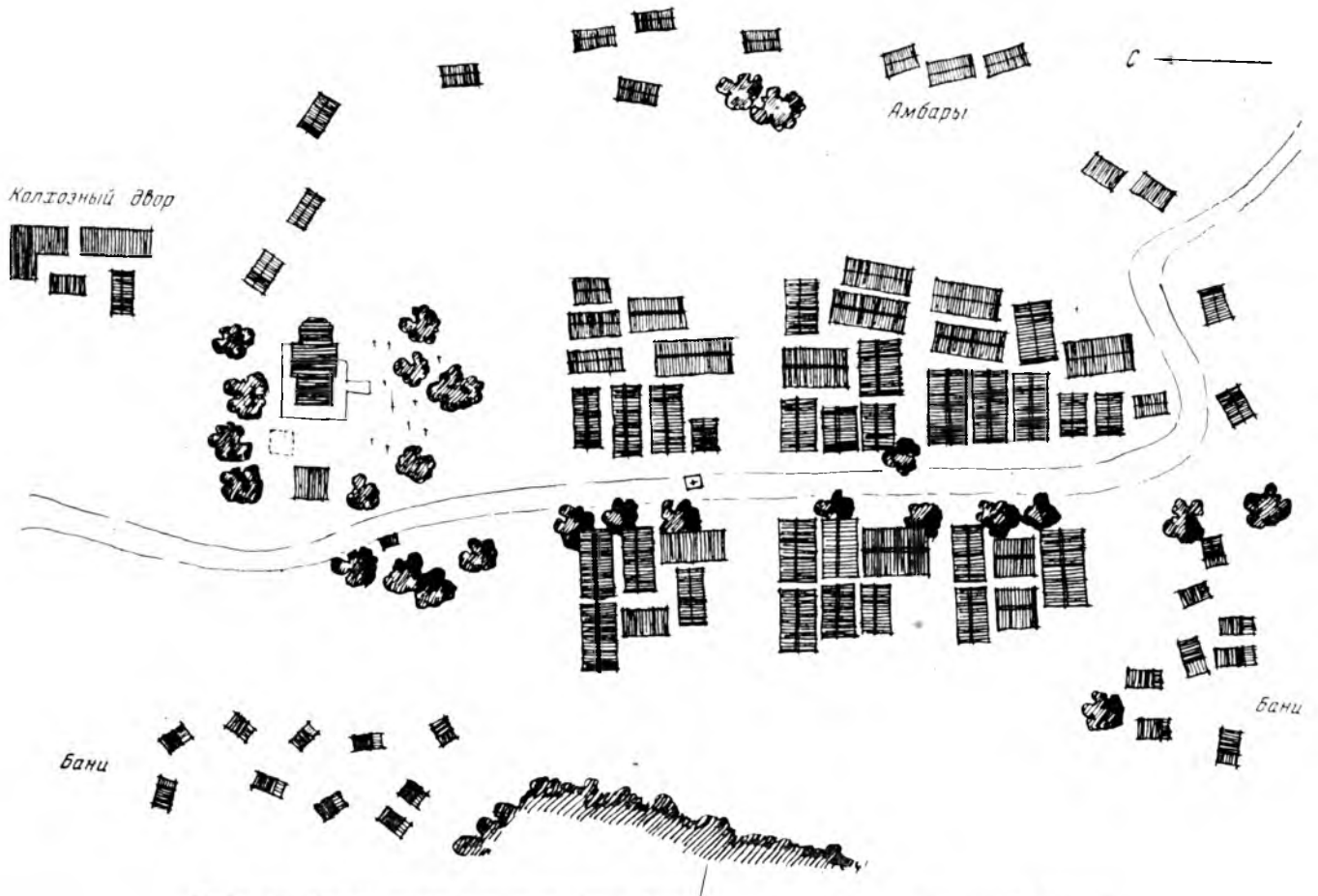

Табл. 15. Схема застройки села Спас Костромского района Костромской области.
Рисунки К. Лопяло.

в производстве рам, саней, кадусек и других деревянных изделий.

Умение владеть топором, долотом, резцом, большой опыт в строительных работах, естественно, сказались и в удобной планировке крестьянских усадеб, в смелой и оригинальной композиции построек, в ярких резных украшениях на жилых избах.

Деревня Старый Юг расположена на берегу небольшой речки того же названия при впадении ее в Волгу. Единственный порядок изб поставлен на самом краю зеленого склона и обращен главными фасадами в сторону реки. Узкая полоска ровной земли перед избами обсажена березами. За ними по бровке берега тянется проезжая часть передней улицы. На нее выходит не только изба, но и парадные въездные ворота крытого двора с калиткой. Стоящие за избой помещения для скота имеют свои задние ворота, выходящие на вторую улицу деревни, соединяющую все хозяйственные постройки.

Каждая из этих улиц, как мы видим, вызвана к жизни конкретными функциональными потребностями крестьянского хозяйства. По задней улице гнали скот, возили сено, солому, навоз, дрова, носили воду. На ней расположены колодцы, сложены дрова, возведены гуменики, сеновалы, приусадебные постройки, разбиты огороды.

Передняя улица деревни, со скамейками у изб, с открытыми рамами и цветами на подоконниках, оставалась тихой, чистой и красивой. Это было лицо деревни, здесь собирались вечерами, гуляли в праздничные дни, встречали гостей. Небольшие амбары, вынесенные «на глаза», как и во многих северных деревнях, замыкали ее противоположную сторону.

Одну из разновидностей уличной застройки представляют селения с развитым садоводством. Такие селения часто встречаются на реке Вятке (Воробьево, табл. 17, Большие Тушки, фот. 7), в Поволжье (Красные Оселки, Фокино), а также в Псковской и Новгородской областях (Старая Мыза, Старая Русса и др.). Своеобразие планировки этих селений заключается в наличии обширных садов, вынесенных на противоположную сторону улицы в виде самостоятельных и изолированных участков или примыкающих непосредственно к крестьянским избам.

В первом случае сохраняется обычная довольно плотная однорядная застройка улицы, а сады образуют сплошной фронт зелени против окон жилых зданий. Во втором случае сады расположены на территории усадеб, окружают избы, амбары, бани. Они широкой зеленой полосой отделяют здания и усадьбы друг от друга. Улицы имеют двухрядную застройку с редко поставленными домами, с высокими заборами,

за которыми поднимаются кроны яблонь и вишен, черемухи и рябины.

Садоводство играло большую роль в экономике этих районов. В урожайные годы доходы от продажи фруктов и овощей значительно пополняли бюджет крестьянской семьи и позволяли ей не только возводить добротные избы, но и обильно украшать их орнаментальной резьбой.

В перечисленных селениях не было ни одной крестьянской усадьбы, которая не имела бы плодовых деревьев или ягодных кустарников, так же как не было ни одного дома, в котором искусство резчика не нашло бы своего применения.

Однако было бы совершенно неправильным при рассмотрении тех или иных типов планировки селений исходить из якобы застывших, постоянных приемов их застройки. Застройка селений вместе со всей материальной культурой народа беспрерывно видоизменялась, отражая коренные социальные преобразования общества. Больше того, часто в одной и той же деревне на различных исторических этапах ее развития преобладали разные принципы планировки, одновременное существование которых было вполне закономерным явлением.

Одним из примеров исторического изменения принципов сельской застройки может служить село Красные Оселки Лысковского района Горьковской области.

В большом приволжском селе Красные Оселки насчитывается около двухсот домов. Они стоят в два ряда, образуя одну улицу протяженностью более двух километров. Улица тянется по гребню высокой прибрежной горы, которая круто обрывается на юго-востоке и на северо-западе у впадения в Волгу двух небольших притоков. В центре улицы, несколько ближе к реке, на месте старой деревянной церкви в конце XVIII века была воздвигнута новая, являющаяся единственным каменным сооружением в селении. С площади перед церковью и с улицы селения открываются бескрайние перспективы лесов, серебряной ленты реки, заливных лугов и озер огромной поймы Волги. Многоярусные склоны берега покрыты фруктовыми садами, окружающими селение со всех сторон и вклинивающимися широкими массивами в хлебные поля.

Трудно установить сейчас причины, заставившие первых поселенцев выбрать для деревни это место. Одно остается неоспоримым — их влекли сюда река с удобным водным сообщением, лесные массивы левобережья, буйные травы и плодородная почва староречья.

Вся жизнь крестьянина, его труд и отдых, весь

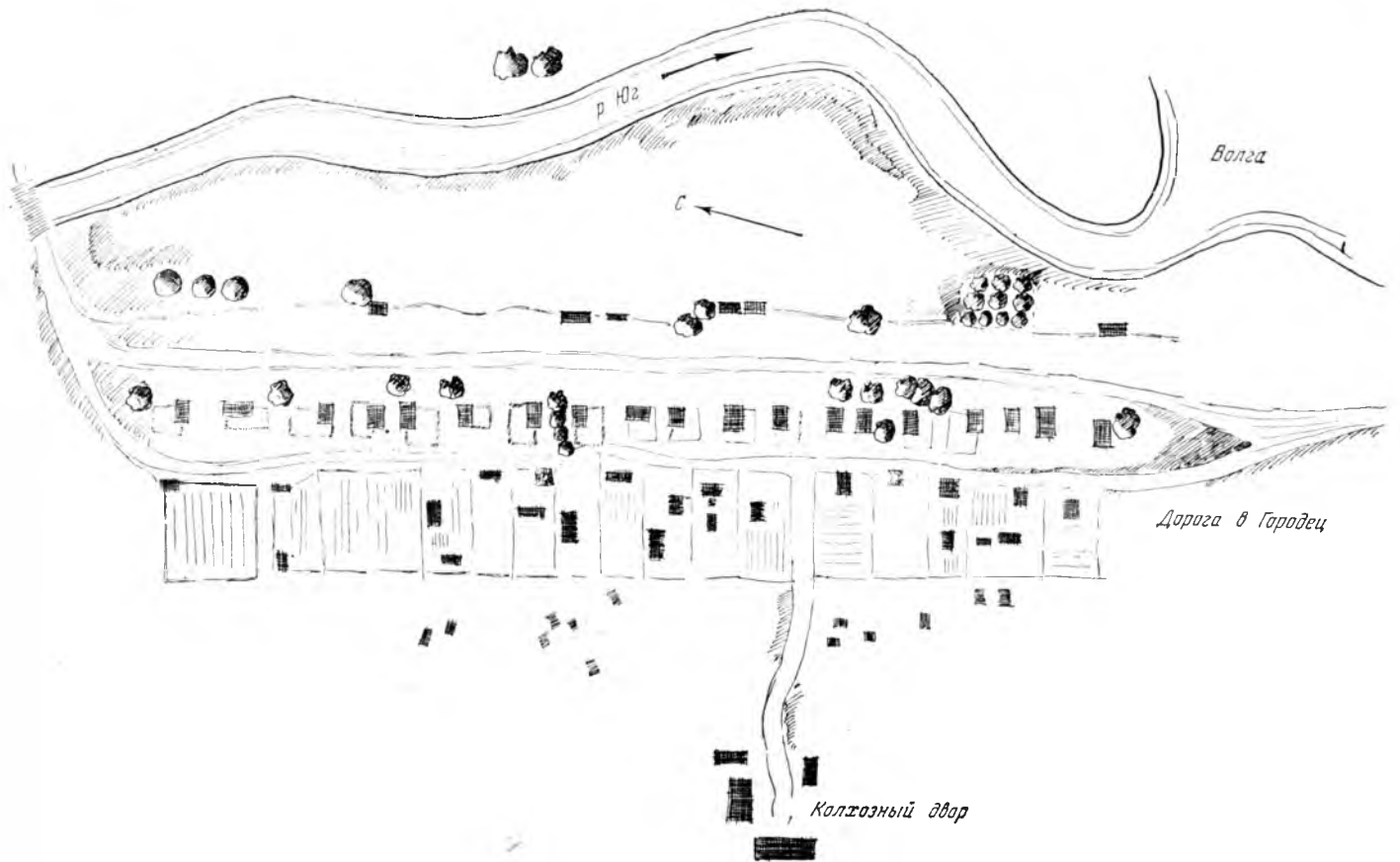

Табл. 16. Схема застройки села Старый Юг Городецкого района Горьковской области.

круг желаний и мир художественных образов были тесно связаны с рекой, с красотой окружающей его природы. Он воспевал ее в песнях и былинах, стремился воспроизвести в резных украшениях и росписях на многочисленных предметах быта, в узорах тонких кружев и в вышивках на одежде.

Он ставил свою избу так, чтобы из окон дома можно было наблюдать за приближением рыбацкой лодки, сплавом плотов, движением судов, спадом или подъемом воды в весеннее половодье и осенние дожди, чтобы из окна можно было увидеть летние зори и зимнюю непогоду, определявшие для него подчас и время и характер работы.

Не случайно в селении первоначально имелся только один порядок изб, обращенных главным фасадом к реке. В этом порядке находятся наиболее древние избы с наиболее удобными для обработки приусадебными участками.

Вторая сторона улицы появилась позднее в результате деления крестьянских семейств. Постройки датируются рубежом XIX и XX веков. Они — меньших размеров, хуже срублены; иногда часть двора свисает над обрывом и подпирается сваями. Территория усадеб имеет сильный уклон, изрезана сухими оврагами, оползнями, крутыми и извилистыми тропами. Окна жилых зданий обращены в противоположную от реки сторону.

Второй порядок домов отрезал деревенскую улицу от Волги.

Два периода исторического развития селения показывают последовательное изменение не только планировки и принципов застройки крестьянской усадьбы, но и всего строя жизни приволжского крестьянина, его мировоззрения, его эстетических потребностей.

Проникновение капиталистических отношений в деревню и социальное расслоение крестьянства во второй половине XIX века протекало в Поволжье особенно интенсивно. Выделение зажиточной верхушки крестьян, скупавшей землю, прибиравшей к рукам различные промыслы, стоявшей во главе строительной деятельности артелей плотников, руководившей набором рабочей силы на заготовку и сплав леса, захватившей местную торговлю, ставило в тяжелое положение значительную часть сельского населения.

Задавленный малоземельем и нуждой, средний крестьянин вынужден был на долгое время уходить от своей семьи, искать заработков на стороне, попадать в кабалу к подрядчикам. С трудом сводил он концы с концами в своем скудном бюджете. Круг его потребностей безмерно суживался. К этому периоду

относится появление в деревне второго порядка изб, замкнувшего деревенскую улицу плотной застройкой. Улица была связана проселочной дорогой с оживленным торговым трактом между Новгородом и Казанью. Туда устремлялись теперь деловые интересы старой, наполовину еще патриархальной деревни, вступившей на путь капиталистического развития.

Развитие планировки определяло формирование архитектурного ансамбля села. Важнейшие проблемы образования ансамбля — выбор места для общественного центра и главного сооружения — церкви, определение дорог и подъездов, размещение жилой и хозяйственной застройки и т. д. — решались «миром» на месте в процессе застройки села. Его художественные достоинства зависели от опыта не одного поколения русских плотников, которые умели не только строить дешево, прочно и красиво, но и последовательно обогащать язык архитектурных форм, выражающих художественные идеалы народа. Об этом свидетельствует весь путь исторического развития сельского строительства от одиноко стоящего погоста до крупного северного села.

У восточных славян с их патриархально-общинным строем жизнь протекала в укрепленных городищах. Жилые постройки родов были тесно связаны друг с другом, ограждены частоколом, рвом и земляным валом.

Формирование сельской общины повлекло за собой изменение типов поселений. Самостоятельные семьи ставили свои постройки среди обрабатываемых ими сельскохозяйственных угодий.

Кровные родовые связи постепенно уступали место территориальному объединению земледельцев и сложению новой системы поселений из общинных центров — погостов — и широко разбросанных вокруг них отдельных групп крестьянских дворов.

Вскрытые археологическими раскопками древние селища X—XI веков показывают расположение небольшого количества жилых построек чаще всего вдоль берега реки в один или два ряда¹⁵.

Если к этому прибавить, как отмечает П. Н. Третьяков, что жилищем славянских племен издавна служила рубленая из бревен изба с печкой-каменкой у задней стены, т. е. почти такая же «черная» изба, какие кое-где сохранились в этих местах до начала XX века, то станет очевидным, что в конце первого тысячелетия н. э. уже начали складываться основные черты, присущие старорусской северной деревне¹⁶.

¹⁵ См. Л. Успенская, М. Фехнер. Поселения древней Руси.— «Труды Гос. Исторического музея», вып. 32. М., 1956, стр. 17.

¹⁶ См. П. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 284.

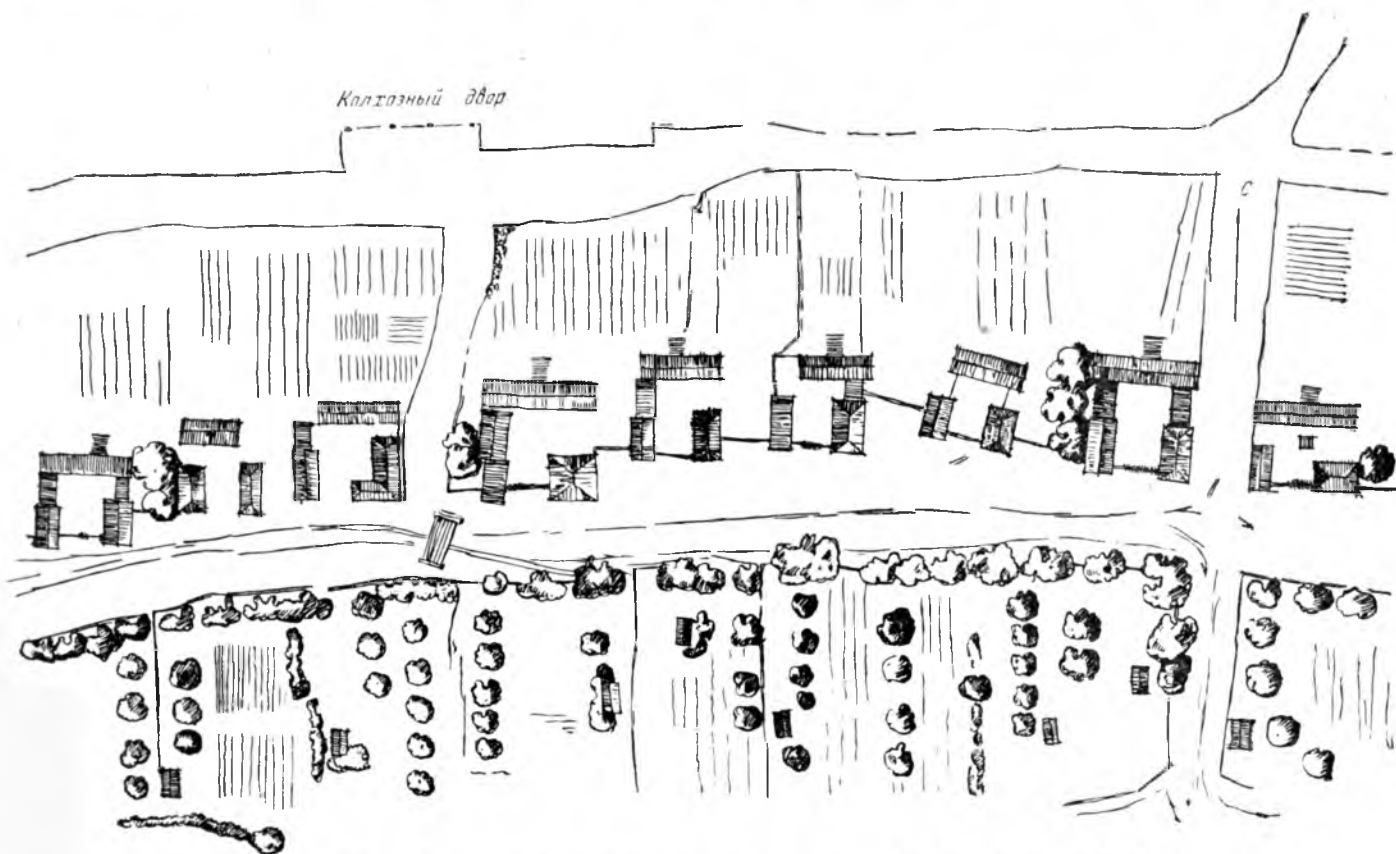

Табл. 17. Схема застройки села Воробьево Шурлинского района Кировской области

Погост как административно-территориальная единица сохранялся на Севере до конца XVIII века. На территории погоста сооружалась «миром» церковь и всегда существовало общее кладбище. В трапезной церкви происходили собрания крестьян, обсуждались правовые и хозяйственные вопросы, устраивались «братчины» (угощения с вышивкой), заключались сделки, велись суды.

Мирское значение трапезной в жизни крестьян стало настолько велико, что в 1683 году архиепископ великоустюжский и тотемский Геласий распорядился «чтобы приходя приходские люди к церквям божим и в церковных трапезах всяких чинов люди для всяких своих земских и мирских дел сходов не чинили и меж собою великие раздоры и мятежи, и неподобные матерные брани и бои не были, и по праздникам молебных пив не носили бы и в трапезе не пили бы»¹⁷.

Несмотря на это стремление высшего духовенства искоренить «мирской дух» из сельских церквей, погосты по-прежнему играли большую роль в общественной жизни крестьянского населения.

Одно из крупнейших политических выступлений северных крестьян третьей четверти XVIII века носило название Кижского, по имени Кижского погоста. Здесь оно зародилось, здесь происходили сборы и совещания повстанцев, здесь оно было жестоко подавлено правительственными войсками¹⁸.

Общественное значение погоста народные зодчие стремились выразить в художественных формах церковных сооружений, в системе планировки погоста и окружающей его застройки.

Архитектурные ансамбли погостов имели свои масштабы и свои характерные для сельской местности организующие элементы. Границы их то предельно сокращались до маленькой группы построек, окруженных высокими и густыми елями, то уходили в просторы полей и озер до утопающей в дымке линии горизонта. Природа как важнейший художественный фактор приобретала здесь особое значение.

Насколько сомкнутыми и плотными были северный крестьянский дом или церковь погоста, настолько свободно развивалась общая планировка селений.

Стремление зодчего органически связать в единое неразрывное целое природу с постройкой являлось основной чертой творчества сельского строителя. Талантливый советский композитор Б. Асафьев, хотя он и не был специалистом в области истории

архитектуры, дал глубокую и правдивую характеристику русской деревни: «Я был поражен, прежде всего, красотой ансамблей, т. е. спайкой между фоном (природою: лес, холмы, поля, вода, острова, дальние линии берегов) и церковками, колокольнями, избами, часовнями, крестами и т. д. ... Чутье северянина не обманывает его, когда он удачно расположенной деревней, домом, часовней, церковью, а иногда просто крестом как бы отмечает центральную точку и побочные центры, вокруг которых смыкается или собирает себя многообразие природы»¹⁹.

Принципу открытой и живописной планировки отвечает большая часть северных погостов.

Приведем несколько примеров. Упомянувшийся выше погост Кижский возник на одном из любимых новгородцами островов Онежского озера. В XVI столетии он объединил 130 деревень с 687 крестьянскими дворами. В центре этого обширного административного погоста уже тогда стояли два деревянных храма, один из которых имел вертикальный объем с шатровой крышей²⁰. На их месте в XVIII веке был возведен новый комплекс архитектурных сооружений, развивающий те же композиционные принципы. Среди новых сооружений главное место заняла многоглавная Преображенская церковь (фот. 9). Ее пирамидальная центрическая композиция господствовала над окружающей местностью, широкой гладью воды и застройкой окрестных деревень. Зодчие считывали на круговое восприятие церкви.

Деревни охватывали погост со всех четырех сторон. Они располагались на побережье материка и многочисленных островах. Главные фасады изб в селениях Боярщина, Подбельники, Середка и других были обращены в сторону погоста.

Вид на церковь открывался из окон жилых помещений, с площадок крылец и галерей, церковь была видна с полей, с заливных лугов, при движении по воде и прибрежным тропам. Словом, где бы ни находился кижский крестьянин, перед ним всегда поднимался этот величественный архитектурный ансамбль, наполненный глубоким идейным смыслом и необыкновенной поэтической силой.

Крупные заонежские избы окружающих деревень композиционно подчинялись погосту и составляли с ним единое художественное целое.

Многие черты архитектурного облика погостов свойственны и северному селу. Отличие его состоит в том, что общественные сооружения расположены

¹⁷ См. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке. СПб., 1909, стр. 204—205.

¹⁸ Я. Балагуров. Кижское восстание 1769—1771 гг. Петрозаводск, 1951.

¹⁹ Б. Асафьев. Крестьянское искусство Севера. Л., 1926, стр. 16.

²⁰ См. «Олонецкий сборник», вып. 3. Петрозаводск, 1894, стр. 243.

там непосредственно в зоне жилой застройки. Церкви, крестьянские избы, амбары, бани организуют его планировку, входят в общую панораму, создают его силуэт, активно участвуют в сложении архитектурного ансамбля. Границы его при этом суживаются объемами примыкающей застройки. Появляются избранные точки зрения, определяющиеся улицами. Западные фасады церквей акцентируются архитектурно-конструктивными приемами и устройством площадей перед ними.

Примером такой планировки может служить одно из древнейших селений Прионежья — село Турчасово Архангельской области (фот. 10).

Планировка села Турчасова, видимо, сложилась в тот первоначальный период освоения новгородцами новых земель, когда вопросы обороны северных рубежей и защиты важнейших путей сообщений играли первостепенную роль. Об этом говорят и выбор места для населенного пункта, и славянский корень в названии села (Турчас — дозорная башня), и целый ряд исторических источников, указывающих на наличие здесь в древности церковных и крепостных сооружений.

Село Турчасово расположено на вершине холма в крутой излучине многоводной и бурной реки Онеги (фот. 4). Из села легко просматривается движение судов по реке, как со стороны моря, так и со стороны озера Лага. Далеко видны отсюда также и сухопутные дороги, идущие с юго-запада на север и пересекающие под Турчасовом реку Онегу.

В «Книге Большого чертежа» были указаны точные координаты села, что подчеркивало его стратегическое значение: «... от моря 60 верст город Турчасово, а от Бела-озера до Турчасова 350 верст... а от Турчасова вверх 175 верст город Каргополь»²¹.

Книга дважды отмечает существование в селе укрепленной части — «города», уничтоженной, видимо, только в конце XVI столетия, при вооруженном нападении на Холмогоры и Турчасово «свейских немцев»²².

«Городок» явился центральным ядром формирования планировки селения. Здесь были сосредоточены самые крупные и высокие постройки села — деревянные церкви и колокольни. Комплексы этих сооружений неоднократно изменялись по типу и количеству зданий, но всегда оставались доминирующим звеном в застройке селения.

Будучи небольшим по своим размерам, «город» не мог включить в себя всю крестьянскую застройку.

²¹ См. Н. Токмаков. Описание села Турчасово. М., 1899, стр. 3.

²² Там же, стр. 4.

За его пределами и по склону холма вдоль дороги вырос посад крестьянских дворов.

В сложной и яркой композиции сооружений этого комплекса нашли применение наиболее выразительные архитектурно-художественные формы шатровых, кубоватых, бочкообразных и многоглавых северных храмов. Зодчие как бы использовали весь опыт, накопленный не одним поколением северных плотников, и созданием этого комплекса завершили блистательный этап исторического развития русского деревянного зодчества XVII—XVIII веков.

В Турчасове две церкви и одна колокольня (фот. 10). Церковь Благовещения была срублена в 1795 году. Ее главный объем имеет типичное для башенных храмов трехъярусное членение. Внизу — четверик, на нем — восьмерик и наконец высокий шатер с одинокой главкой. С восточной стороны к четверику примыкает алтарь, с западной — два небольших придела и просторная трапезная. Необыкновенная стройность такой планировки сделала ее излюбленным приемом композиции северных деревянных церквей.

Церковь Преображения была возведена в 1781 году. Она представляет собой центрическое сооружение. К каждой стороне простого четырехгранного столба пристроено по одному равновеликому прирубку. В перекрытиях этой церкви использованы наиболее выразительные формы деревянных конструкций. Над центральной частью сделано кубоватое завершение с пятью главками, над боковыми — килевидные кровли.

Турчасовский комплекс создан в условиях, исключительно благоприятных для выявления памятников. Со стороны реки и окружающих заливных лугов как на ладони была видна вся застройка древнего городка. Однако у подножья холма, в начале улицы зритель уже не мог видеть городка. После общего восприятия всей панорамы Турчасова угол зрения его сокращался. Два ряда крестьянских изб останавливали его внимание и направляли его движение. Он медленно поднимался в гору в ожидании появления главных сооружений. Бесперывная цепь художественных впечатлений при движении по улице от множества встречавшихся на пути архитектурных образов и конструктивных приемов подготавливала зрителя к восприятию господствующего сооружения — закономерного завершения развития архитектурного ансамбля, зародившегося именно здесь, при первых постройках на деревенской околице.

Впечатление органического единства всей застройки усиливалось наличием одного и того же строительного материала, одной и той же техники его обра-

ботки, общего модуля и ритма горизонтальных венцов многочисленных срубов. Ритмическое движение нарастало последовательно, с определенными интервалами и акцентами, от эпически спокойных горизонтальных изб и трапезной церкви к вертикальным объемам приделов, к необычной кубоватой форме их кровли, от медленного ритма редко расположенных жилых построек к стремительному разбегу криволинейных очертаний главок, в игре резной чешуи утопающих в безграничном просторе голубого неба. Это движение с новой силой подхватывалось резко сокращающимся кверху шатром центрального столпа и повторялось в мощном аккорде архитектурных форм второй, девятиглавой церкви.

Так от прочно стоящих на земле бревенчатых срубов к изысканному, легкому силуэту венчающей части здания развивалась эта композиция, вызывающая чувство глубокого эстетического удовлетворения у зрителя.

Юридические документы XVI столетия дают уже довольно подробные описи дворов Турчасова, плана изб и расположения подсобных построек.

Так, у Андрея Иванова было во дворе «две избы, да клеть на подклети, да мыльня, два сенника на двух хлевах, да сарай и забор около двора»²³. У крестьянина Михаила Ольферова числилось «во дворе хором: изба с прирубом, да против клеть на подклети, да сенник на хлеве, да мыльня, да сарай и тын дворовый и с ворота, и овин с ригачем»²⁴.

Мы видим, что в составе этих дворов уже сложился весь комплекс жилых и хозяйственных построек, характерный для народного зодчества Прионежья и в последующие столетия.

Более того, среди жилых помещений уже были клеть, изба с прирубом и изба-двойня, т. е. те виды жилых построек, которые определили, как мы увидим, направление типологического развития русского крестьянского жилища. И, наконец, хозяйственная половина дома имела два этажа (клеть на подклете, сенник на хлеве и т. д.), что отражало твердо установившуюся вертикальную двухъярусную структуру крестьянского двора северной полосы.

В архитектурном строе этих простых бревенчатых изб с глухими фронтонами под двускатными крышами, с маленькими окнами и высокими крыльцами, тяжелыми охлупнями и причудливыми курицами содержались все необходимые элементы для создания больших и сложных композиций центрального комплекса деревни.

Здесь формировались и основные конструктивные приемы и важнейшие принципы гармонического построения архитектурных форм. Здесь складывались прочные основы плотничного искусства, позволявшие народным мастерам свободно и смело воплощать свои строительные замыслы.

То, чего нельзя было сделать в скромной крестьянской избе, становилось доступным при строительстве общественного здания. Усложняя план, объем, силуэт простого четырехстенного сруба, используя те же конструктивные и декоративные приемы, народные мастера создавали архитектурные произведения, стоящие в одном ряду с лучшими памятниками мирового зодчества. Однако в основе планировки всех этих комплексов лежала одна и та же мера — бревенчатая клеть. Она являлась модулем архитектуры и нормой потребностей крестьянина. Она определяла и типологию русского народного жилища.

²³ «Акты юридические...», стр. 11.

²⁴ Там же, стр. 129.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТИПЫ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ

ЧЕТЫРЕХСТЕННАЯ ИЗБА И ИЗБА С КЛЕТЬЮ

Первоначальным звеном, «завязью» развития жилого дома русского крестьянина является изба, состоящая из одной утепленной клетки (собственно избы) и небольших сеней, прикрывающих вход от непогоды. Подобные постройки были характерны для бобылей, батраков, беднейшей части русского крестьянства. Отсутствие собственной лошади и крупного рогатого скота позволяло обходиться без двора. Вследствие маломощности своего хозяйства они были принуждены работать по найму у кулака или добывать средства отхожими промыслами. Владельцы таких построек не имели материальной возможности не только срубить хороший дом, но и в течение всей своей жизни производить какие-либо существенные перестройки. Не случайно поэтому избы бобылей сохранили наиболее архаичные черты старого крестьянского жилища, представляющие особый интерес для истории народного зодчества.

Мы зафиксировали такие постройки в самых различных районах Севера и Поволжья: в Вологодской области (изба в деревне Баклановка Тарногского района), в Архангельской (изба в селе Маселга Каргопольского района), в Пермской области (изба в селе Осиповка Белоевского района), в Горьковской (изба в селе Старый Юг Городецкого района) и др. Все они близки друг к другу по внутренней планировке и конструктивным приемам, обладают признаками одного и того же типа жилища и в то же время отличаются местными строительными и архитектурными особенностями.

Для примера рассмотрим избу потомственных крестьян-сплавщиков леса по Сухоне, принадлежащую Е. А. Ершовой в селе Ястреблево Великоустюжского района Архангельской области (начало XIX века) (табл. 18).

Квадратная в плане изба на невысоком подклете срублена из сосновых бревен толщиной 25—30 см. В пазы стен заложен мох. С внутренней стороны бревна гладко затесаны на высоту человеческого роста. Потолок представляет собой бревенчатый накат, смазанный глиной и засыпанный сверху землей. Пол сделан из колотых пластин, тщательно пригнанных друг к другу. Внутреннее пространство избы едино. Обстановка ее предельно проста. Большая глинобитная печь на деревянном помосте (опечке) поставлена в углу около входной двери; устьем она обращена к передним окнам. Около печи устроен «голубец» — дощатый короб, прикрывающий лестницу в подполье. Конструкция печи посредством брусьев (воронцов) прочно связана со всеми четырьмя стенами. Между печкой и боковой стеной настланы полати. Вдоль стен тянутся лавки. В переднем углу расположены обеденный стол и божница. Против устья печи в «бабьем куту» прикреплен к стене столешкафчик, служащий для приготовления пищи и хранения посуды.

Русская печь была самым крупным объемом в интерьере крестьянской избы. Она занимала площадь от 2,5 до 3 кв. м, не считая примыкавшего к ней голбца.

Возможность удовлетворить многогранные потребности крестьянской семьи сделала этот тип печи необходимой принадлежностью каждого жилого дома (табл. 19). Теплоемкость печи обеспечивала равномерный обогрев жилого помещения в течение круглых суток, позволяла долго держать в горячем состоянии пищу и воду, сушить одежду, в сырую и холодную погоду спать на ее теплой поверхности. В некоторых областях (Вологодской, Архангельской) принято было даже мыться в печке (табл. 20).

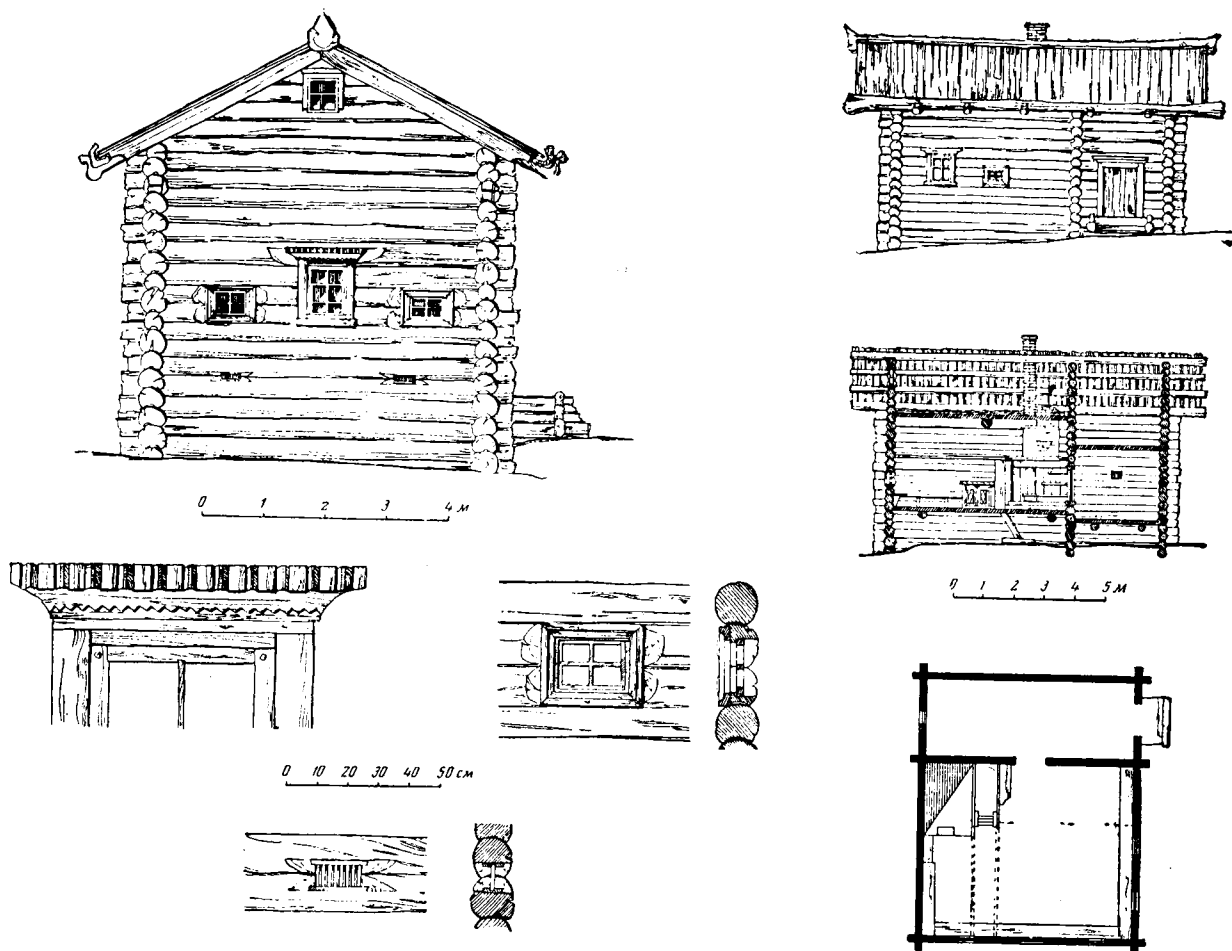

Табл. 18. Дом Е. А. Ершовой в селе Ястреблево Великоустюжского района Вологодской области.

Конструкция печи состояла из двух частей: бревенчатой клетки, так называемого опечка, и собственно печи из глинобитных стенок, пола и свода. В курной печи дома в селении Кузьминское вместо трубы сделан глинобитный козырек, назначение которого — задерживать летящие с дымом к потолку искры.

Исторически сложившийся на Севере тип русской печи обладал постоянными габаритами и имел мало вариантов. Разновидности их были связаны главным образом с конструкцией и декором опечка, с формой и расположением печур, а также с системой дымоходов.

Концам выпускных брусьев бревенчатого основания придавалась форма кронштейнов, передняя стенка его украшалась резным орнаментом, росписью или филленчатой обшивкой. Однако функциональное и художественное значение печи в избе было настолько велико, что зодчий вынужден был искать более сильных выразительных средств и более крупных элементов для их художественной обработки. Таким элементом стала припечная доска. Ее утилитарное назначение состояло в предохранении шестка от сквозного

движения воздуха при открывании дверей или окон, особенно в то время, когда горит таганок или тлеют угли. Глухой, массивной плоскостью она поднималась на высоту устья печи, после чего получала необыкновенно сложное по контуру резное завершение.

В кузьминской избе доска обрезана по параболической кривой с овальным внутренним отверстием, в селении Брусенец она представляет собой трехъярусную композицию из конских голов, в одном из домов деревни Бредовицы — это динамический, собирающийся к центру разбег завитков. Находясь у внешнего угла русской печи, она оказывалась почти в центре избы и, естественно, в центре внимания находившихся в жилом помещении людей. Она была красива и тогда, когда топилась печь и ее сквозной узор озарялся блеском огня, и тогда, когда гасли дрова и она темным и причудливым силуэтом отделяла опечек от остального пространства избы (табл. 21).

У припечной доски начинался короб голбца. Рама короба была связана из массивных брусьев, поддерживавших балку (воронец) полатей. В торцовой части голбца на кованых орнаментированных жикови-

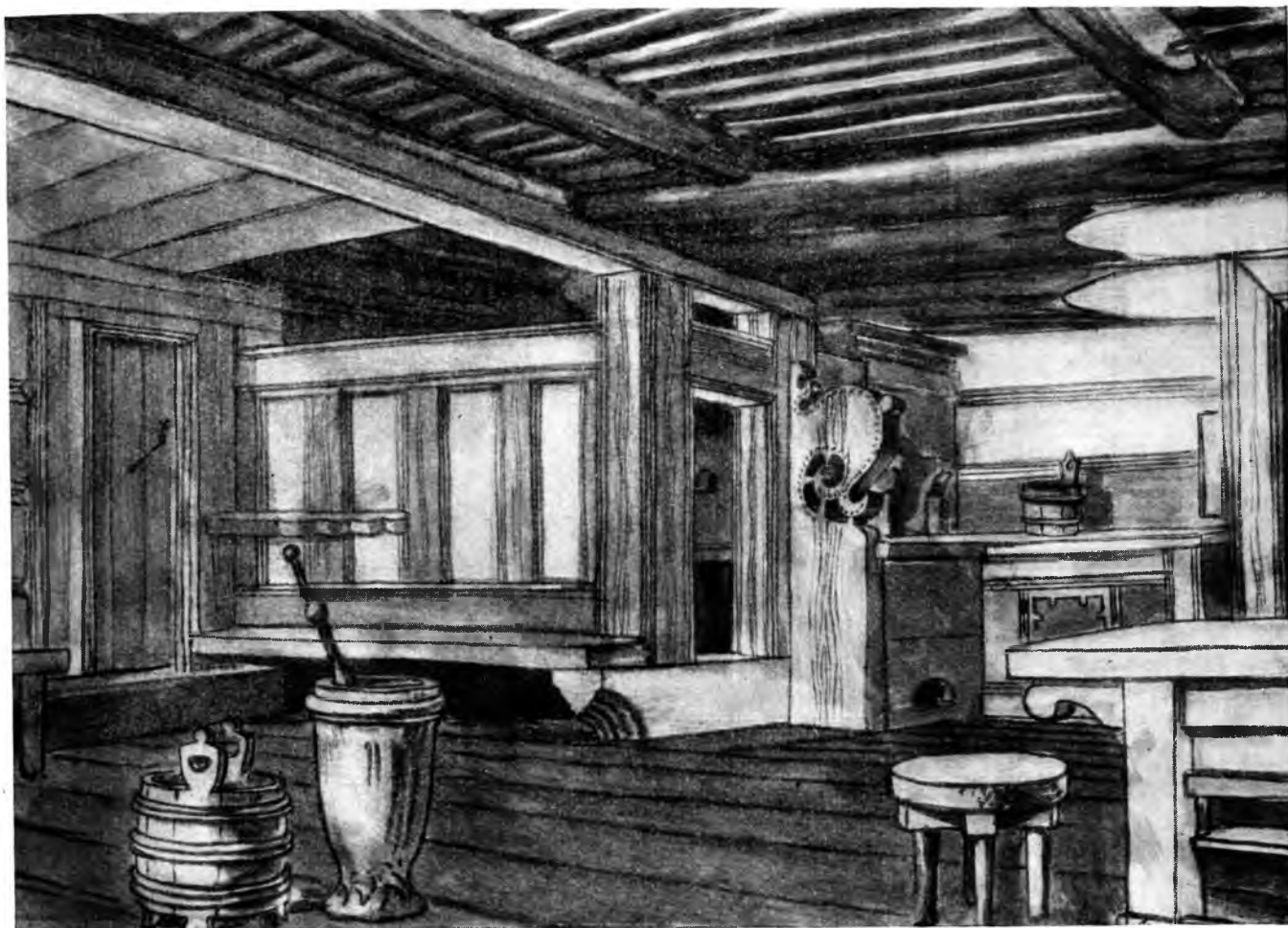

Табл. 19. Интерьер курной избы В. И. Деревцова в селе Кодима Верхне-Тоемского района Архангельской области.
Рисунок К. Лопяло.

нах висели одностворчатые тяжелые двери. С боковой стороны голбца были устроены ступени. Вдоль стен избы ставились широкие лавки, прочно связанные со срубом. Криволинейное очертание припечной доски являлось лейтмотивом композиционного замысла зодчего в оформлении элементов интерьера жилища. Форма ее повторялась неоднократно в мягком движении линий среза вертикальных стенок голбца, лавки, божницы. В одном случае (например, в очертаниях лавки) эта линия становилась пологой, почти выпрямлялась, движение ее замедлялось, в другом — получала максимальное напряжение (например, в крутом и упругом контуре стенки голбца и божницы). При этом, если линия среза находилась выше уровня припечной доски (например, у голбца), движение ее было направлено вниз, и наоборот, обработка нижних элементов (лавок) подчинялась нарастающему движению вверх. Этим приемом зодчий достигал необходимого композиционного и стилистического единства разнообразных архитектурных форм интерьера.

С противоположной стороны, у входной двери ставилась широкая лавка (коник) — место работы хозяина. По периметру стен прибывались полки (полицы). На них располагались предметы быта, домашняя утварь, головные уборы.

Изба имеет три окна с лицевой стороны и два — по боковой стене. Красные, косячатые окна по форме близки к квадрату. Размеры волоковых окон равны толщине бревна. Рама центрального окна состоит из двух горизонтальных частей. Нижняя половина при открывании окна поднимается вверх. Переплеты волоковых проемов выдвигаются в стороны. Каждое из окон освещало наиболее важные участки домашней работы и быта. Левое окно прорезывалось против устья печи, правое — у обеденного стола, среднее — давало свет в центральную часть помещения. Окна боковой стены усиливали освещение на столе и в заднем углу, на конике.

Под потолком над печью было проделано еще одно отверстие для выпуска дыма. Видимо, изба первоначально не имела трубы и топилась по-черному.

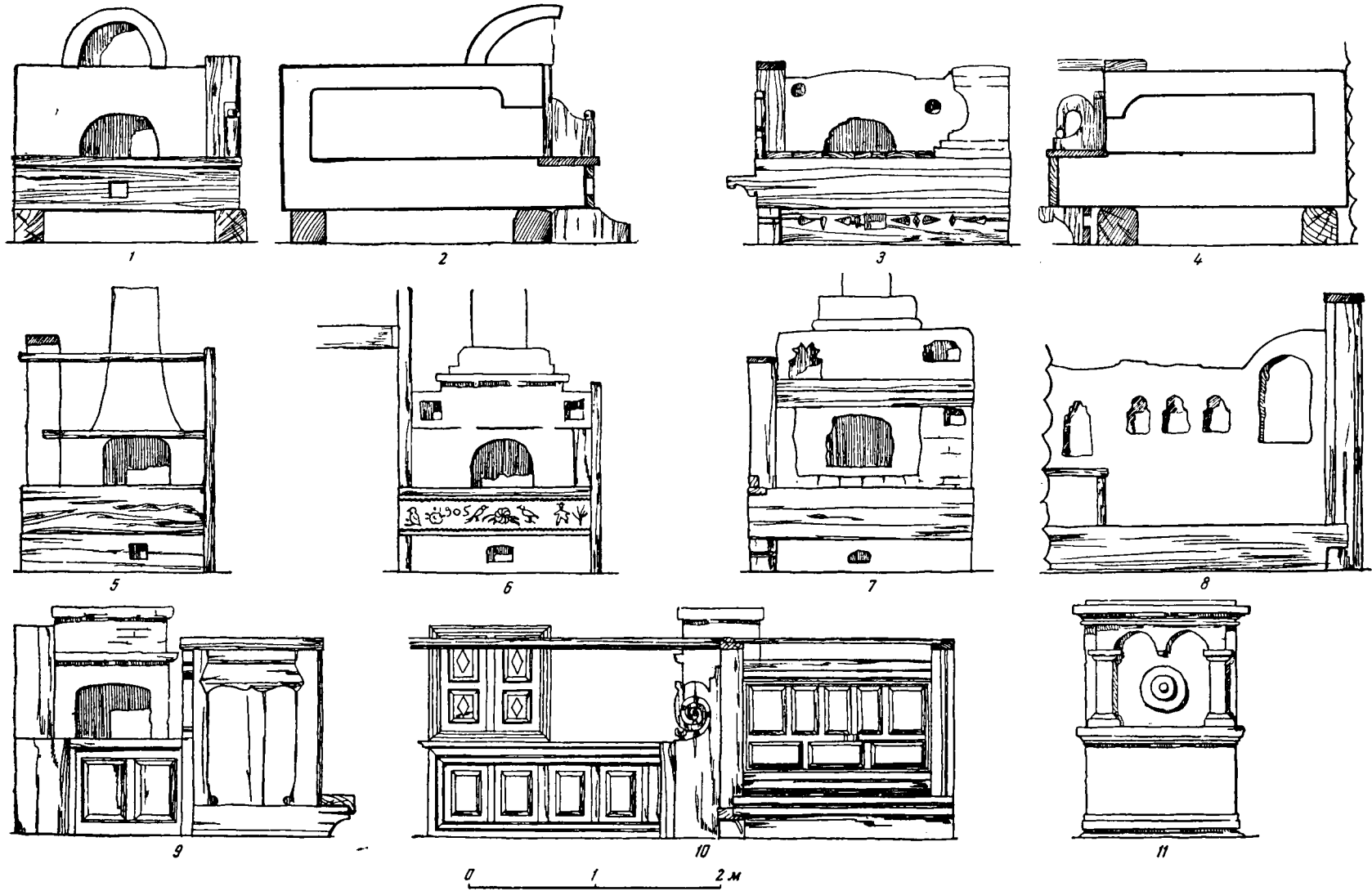

Табл. 20. Типы печей в северных избах.

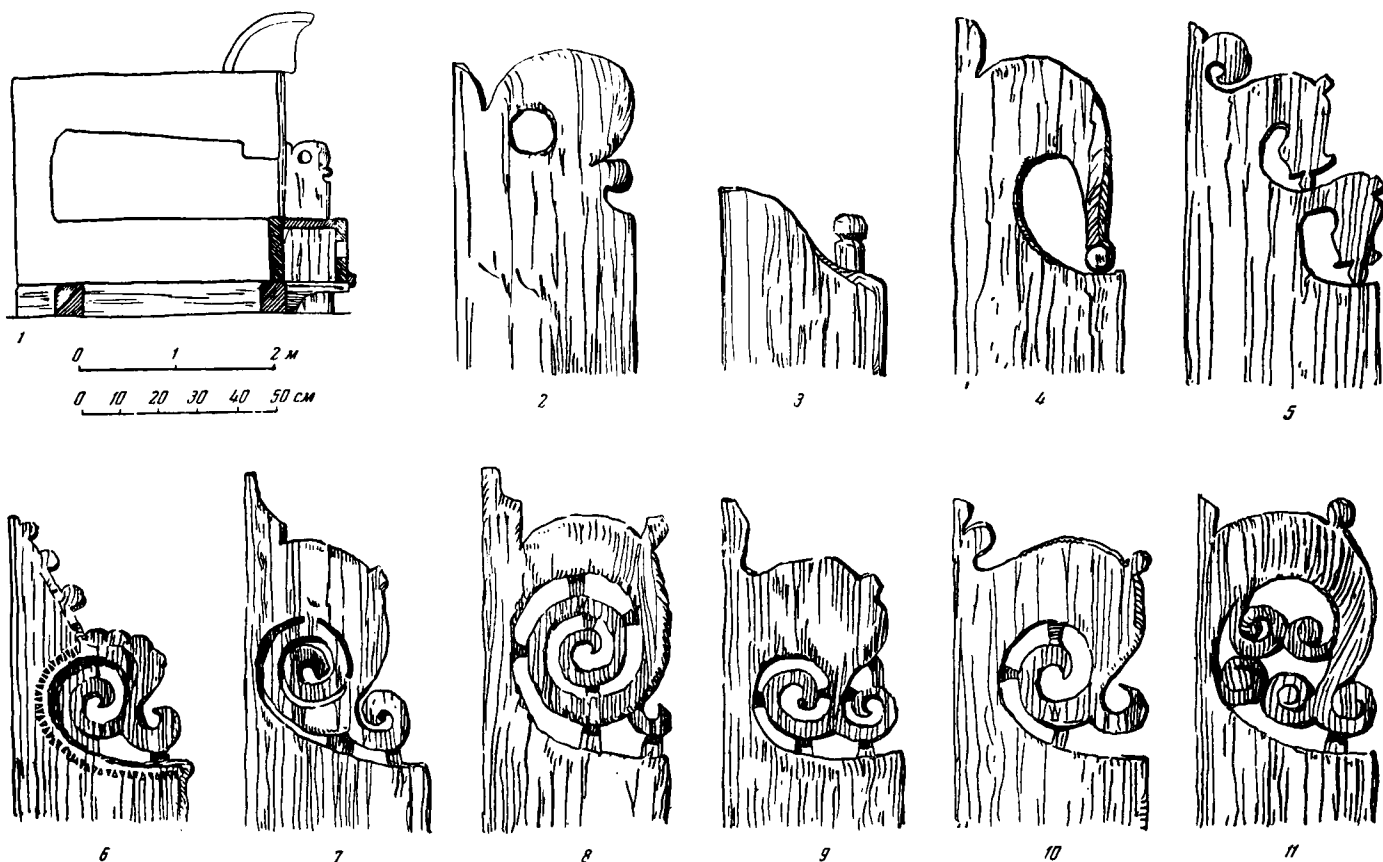

Табл. 21. Припечные доски в северных избах.

Многолетний слой копоти покрывал верхнюю часть помещения.

Сзади к избе примыкали сени в виде небольшой пристройки-тамбура с наружным крытым крыльцом. Невысокий бревенчатый фронтон с сучковатыми курицами (крюками) и далеко выпущенными потоками (желобами) держал двускатную кровлю, увенчанную конем. Таковы были планировка и конструкции северной избы, определившие важнейшие признаки великорусского крестьянского жилища.

Крестьяне северных областей были скупы на украшения своей избы. Их лаконичные постройки говорили о замкнутых условиях быта, большом и напряженном труде, непрерывной борьбе с суровой и капризной северной природой. Созданная ими архитектура рождалась в результате решения практических, жизненно необходимых задач крестьянского быта, в условиях максимальной экономии средств, времени, строительных материалов.

Плотники, родившиеся в таежных лесах Севера, искали удовлетворения своих эстетических потребностей в целесообразности архитектурных форм, в об-

щем силуэте бревенчатых объемов, в почти скульптурной обработке конструктивных деталей.

Примером дальнейшего развития типа русской крестьянской избы может служить дом А. И. Соколовой в деревне Скребино Чарозерского района Вологодской области (табл. 22, фот. 13). Дом был возведен в 60-х годах прошлого столетия и принадлежал семье среднего крестьянина, главным занятием которой были земледелие и скотоводство. Характерным признаком этого жилого комплекса является значительное увеличение дворовой части, где устроены специальные помещения для лошадей, коров и мелкого скота (хлевы, омшаники, стойла).

Дом Соколовой принадлежит к тому же типу четырехстенной избы, как и дом в селе Ястреблево и имеет ту же внутреннюю планировку. Но в нем увеличены размеры и количество окон (три впереди и три с боковой стороны). Пространство около печи изолировано дощатой перегородкой. В интерьере избы широко применена художественная обработка деталей внутренней обстановки (припечной доски, крошнейных полок, опушки лавок и т. д.). Введена также роспись на опечье и стене, отделяющей кухню.

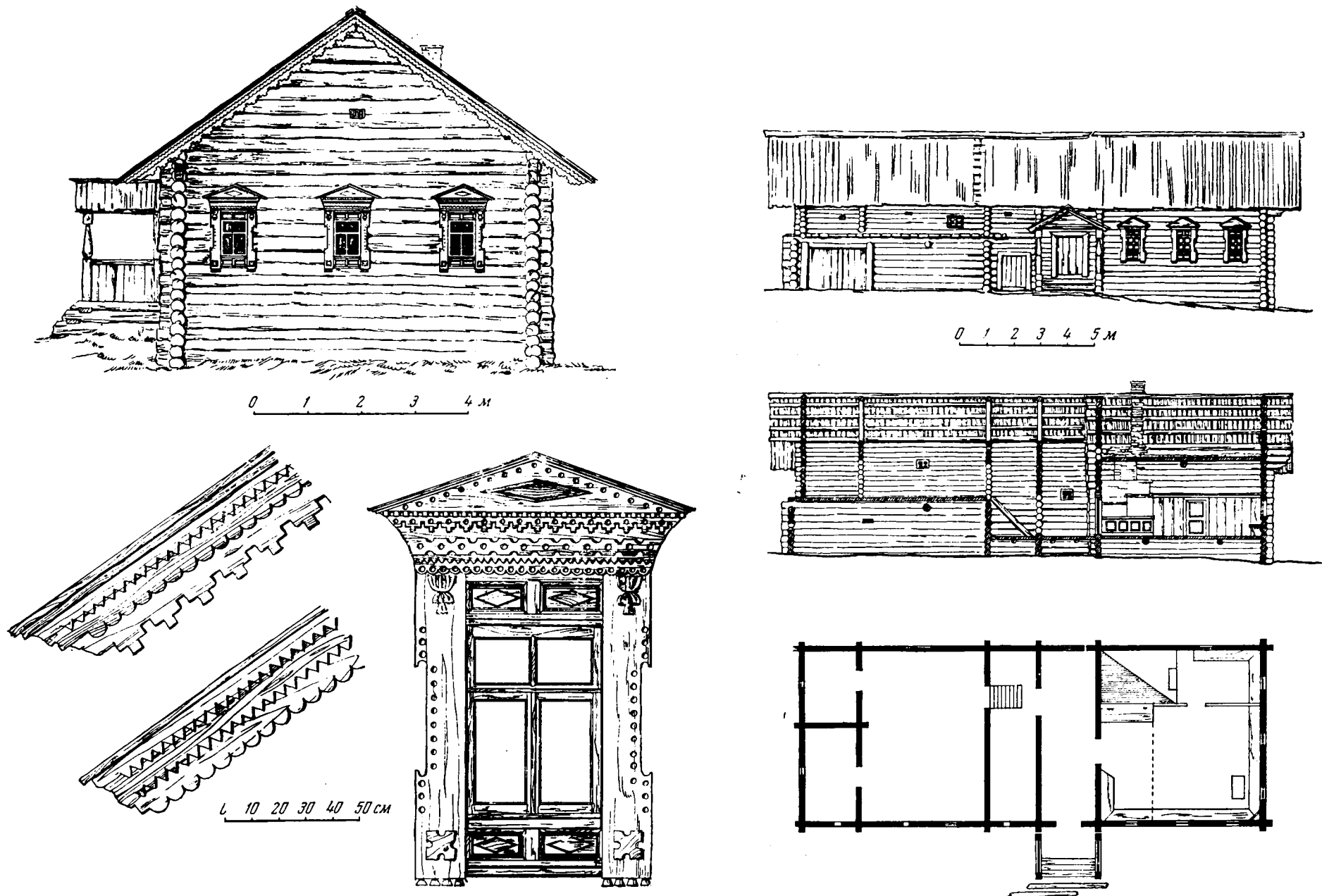

Табл. 22. Дом А. И. Соколовой в селе Скребино Чарозерского района Вологодской области.

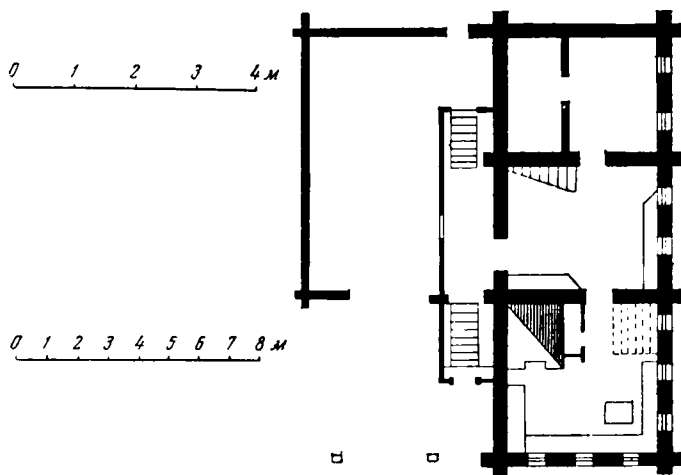
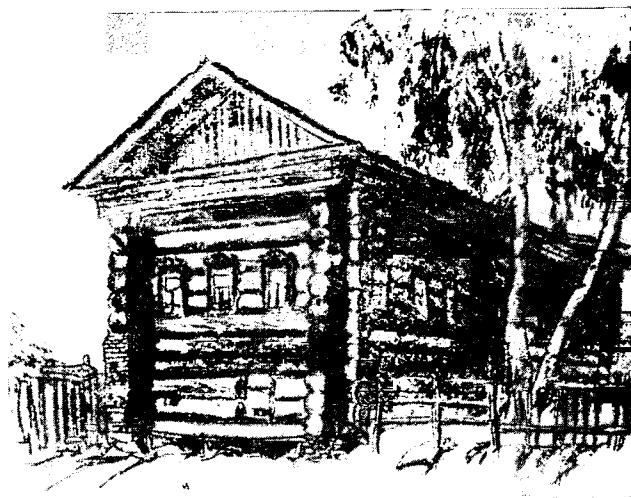
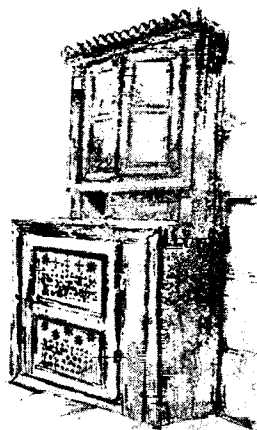
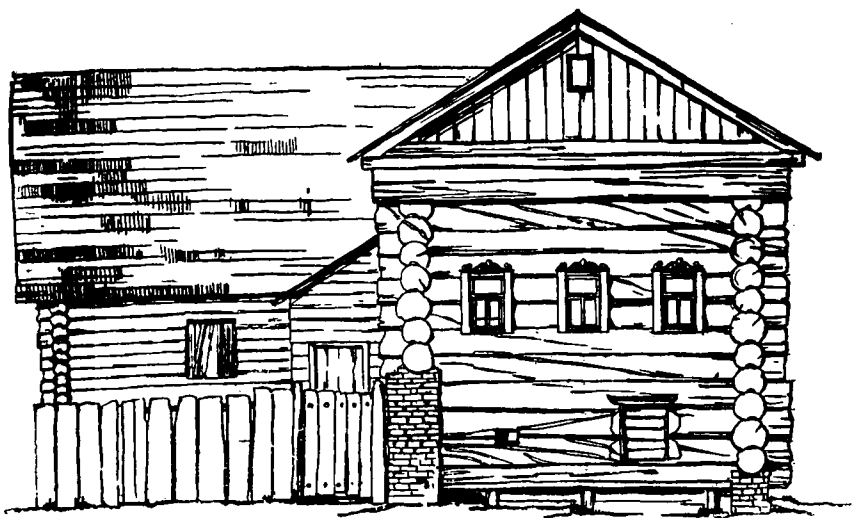

Табл. 23. Дом И. А. Скобелькина в селе Стрельниково Костромского района Костромской области.
 Рисунки Н. Ковальчука.

Примыкающий к сеням двор расположен на одной линии с избой, под одной крышей, в одних и тех же габаритах, составляя как бы ее естественное продолжение. Рациональная мысль народного зодчего выявила необходимость поднять жилую часть избы на подклет, повыше от сырой почвы и снежных сугробов, и сделать у двора второй этаж для длительного хранения в зимний период запасов корма скоту.

Образовался единый объем дома-двора, позволяющий крестьянину вести в ненастную погоду хозяйственные работы и ходить за скотом, не выходя из закрытого помещения.

Последовательно развивались художественно-композиционные приемы и архитектурные формы здания. Сохраняя мощную бревенчатую плоскость стен, плотники значительно усилили выразительность наличников, художественную резьбу на подзорах, конструкцию крыльца. В этот резной убор дома они смело ввели элементы профессиональной городской архитектуры — горизонтальные членения из полочек и гуськов, сухарики, капельники, кисти, филенки различной формы. Используя их, они создали свои композиции, в которых развиваются традиции местного края, обогащая знакомые народу архитектурные формы.

Примером более развитого типа крестьянского жилища может служить дом И. А. Скобелькина в деревне Стрельниково Костромского района Костромской области, построенный в начале XVIII века (табл. 23). Планировка жилой части крестьянского комплекса усложнена здесь путем присоединения к сеням с противоположной стороны еще одного жилого помещения. Дом получил трехчастную планировку по продольной оси, состоящую из избы, сеней и горницы.

Каждое из помещений имеет почти одинаковые габариты и используется в крестьянском быту для жилья. Изба срублена из толстых сосновых бревен диаметром 40—60 см. Пол и потолок сделаны из тяжелых тесанных топором брусев. Вся имеющаяся в избе обстановка, за исключением стола, врублена в стены. Значительную часть помещения занимает русская глинобитная печь на деревянном помосте. К печи примыкает голбец с врезанным в головной части шкафчиком для посуды. В стойку у шкафчика упираются две перпендикулярные балки-воронцы, поддерживающие задние (над входом), и передние (перед печкой) полати. Вдоль стен идут широкие лавки с низкими резными опушками.

Рядом с избой расположены сени, по площади превышающие горницу. Сени имеют два окна. У стен — те же лавки с опушками, в углу — божни-

ца, большой стол и два богато отделанных массивных шкафа.

Таким образом, не только размеры сеней, но и характер обстановки свидетельствует о том, что сени были жилым помещением, местом работы, приема и угощения гостей, т. е. сохранили свое первоначальное назначение, известное нам по древнейшим летописям¹, а также по описям и чертежам знаменитого дворца в селе Коломенском XVII столетия².

Следующее помещение, горница, было разделено капитальной рубленой стеной на две части. Одна из них предназначалась для хранения имущества, другая — для жилья в летний период.

В доме Скобелькина мы впервые отмечаем наличие мебели, двух шкафов и кровати, во внутренней обстановке крестьянского жилища. При этом мебель не является здесь приобретением последнего времени, а находится так же давно, как существует дом. Об этом свидетельствуют приемы художественной обработки и характер орнамента на створках посудных шкафов.

Техника трехгранно-выемчатой резьбы, как известно, имела широкое распространение в XVII и XVIII веках. Неглубокие и примитивные по складу выемки слегка нарушали гладь доски, наполняя ее игрой светотени и создавая увлекательный ритм разнообразных, крупных и еле заметных звезд, розеток, кругов. Расположение их на створках шкафа кажется случайным: сверху они крупнее, внизу — мельче. В одном месте мастер стремился создать четкий ряд порезок, в другом он умышленно его перебивал или обрезал в виде треугольника. Но всюду орнамент находится в постоянном равновесии, придавая художественную цельность немногочисленным предметам мебелировки крестьянской избы середины XVIII века.

К сожалению, архитектура дома сильно пострадала от дальнейших перестроек. Существующий двор был сооружен позднее на месте старого, пришедшего в полную негодность. Бревна с фронтона были сняты для ремонта стен. Двустворчатые ставни на кованых жиковинах (навесках) сохранились только с боковой стороны. Там же остались и два старых наличника с раскрепованными фронтонами и широкими окладными досками, свисающими по концам капельниками, несущими традиции деревянного зодчества Петровского времени.

Дом стоит на высоком подклете с самостоятельным входом с улицы и внутренней лестницей из-под голбца.

¹ См. ПСРЛ, т. I, стр. 73, 97; т. II, стр. 21, 56, 72.

² См. И. Забелин. Домашний быт русских царей XVI и XVII ст., ч. 1, стр. 362.

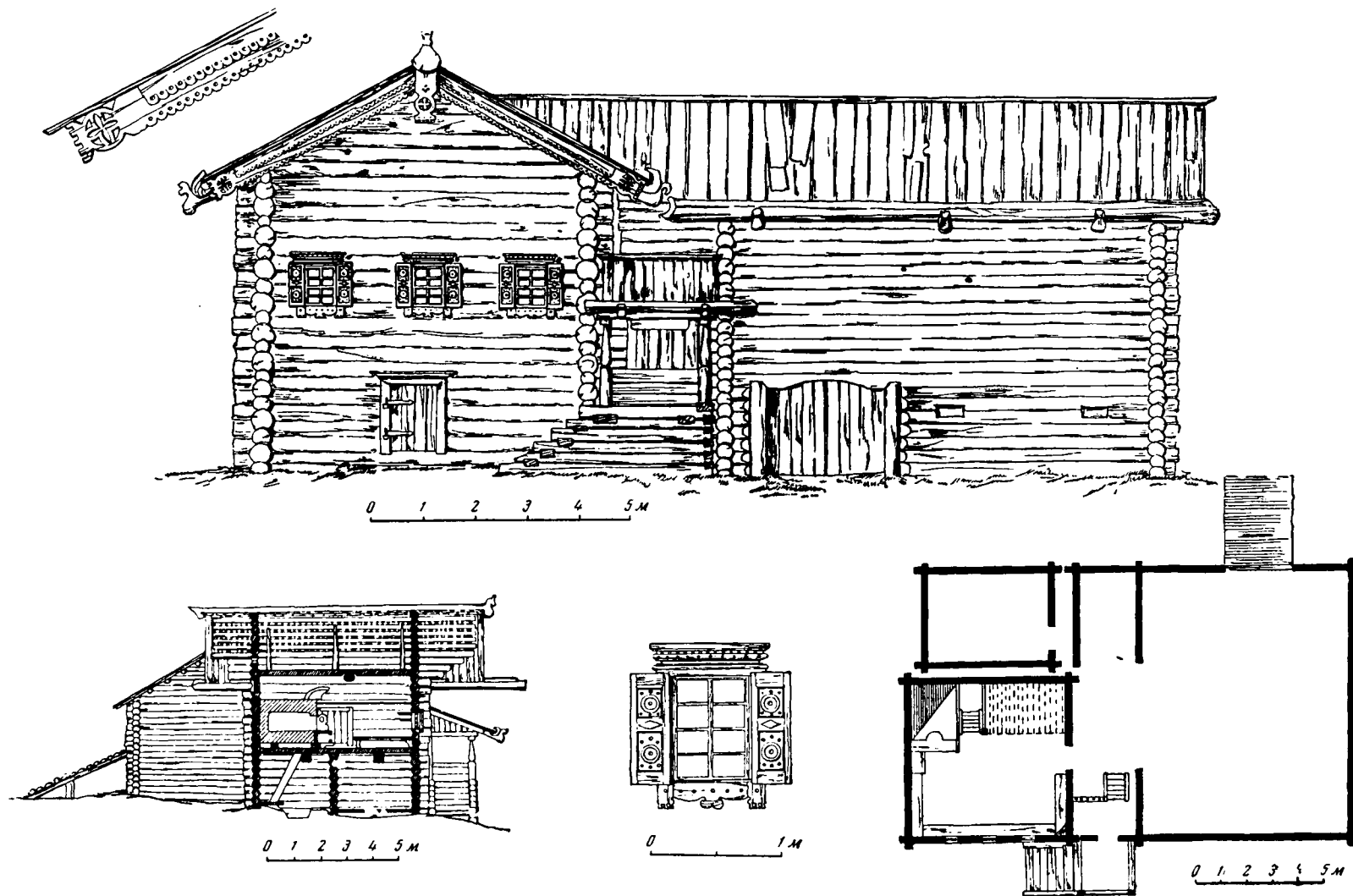

Табл. 24. Дом И. А. Тимофеева в селе Троицкая Слобода Тотемского района Вологодской области.

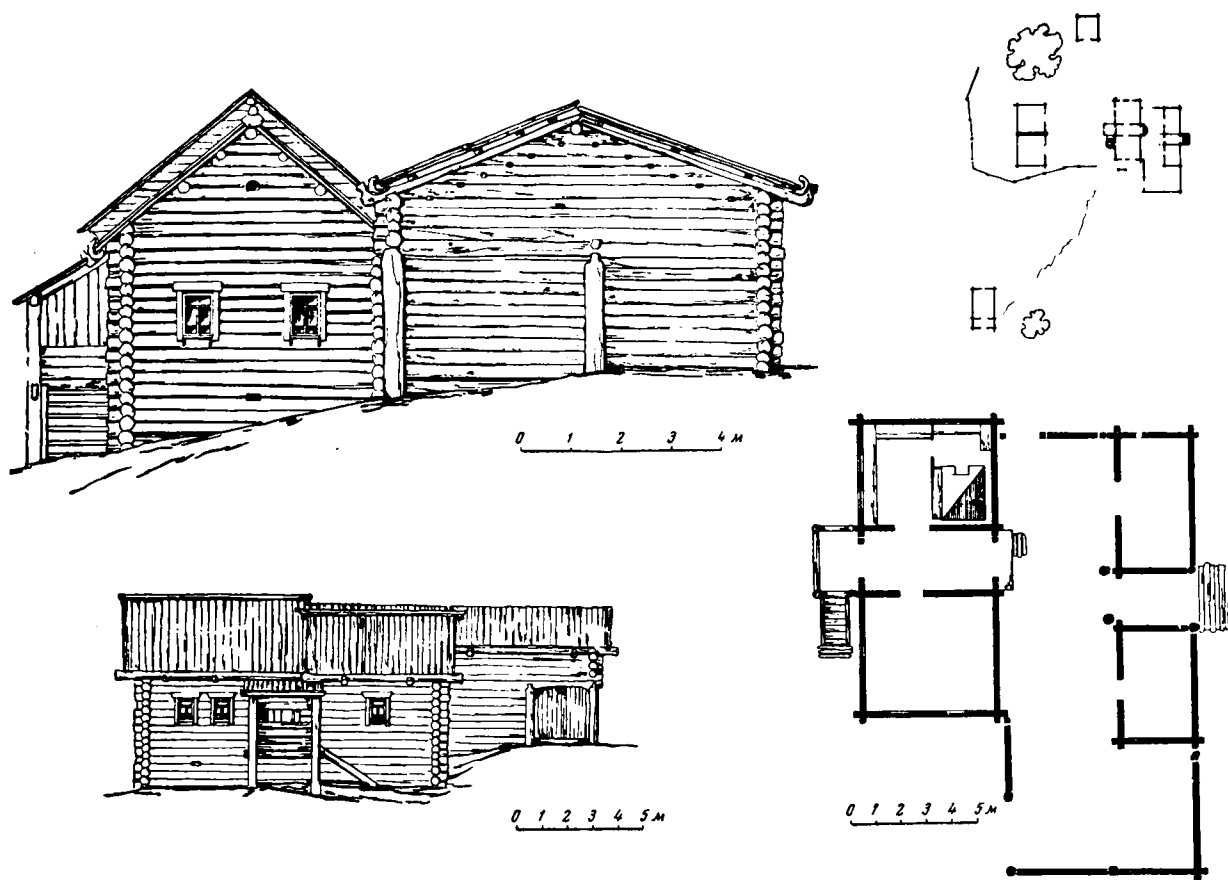

Табл. 25. Дом И. Л. Валькова в селе Сим Соликамского района Пермской области.

Подобные постройки встречаются в Архангельской и Вологодской областях. Они поражают массивностью бревен, прочностью сруба, стройностью силуэта, всем своим богатырским видом. Такие дома придают застройке деревни какой-то особый, степенный, эпически величественный характер, соответствующий всему строю жизни северных крестьян (табл. 24).

Центральным зданием прикамской усадьбы была также рубленая изба на высоком подклете, с глухим бревенчатым фронтоном, простыми далеко свисающими курицами и потоками, закрытыми бревенчатыми крыльцами.

Основную отличительную черту крестьянской архитектуры Прикамья составляли двухоконные на улицу жилые клетки при двухрядной застройке усадьбы (избой и двором, покрытым самостоятельной кровлей). Таковы, например, дом И. Л. Валькова в селении Сим Соликамского района Пермской области (табл. 25) или дом Г. Я. Мальгина в селении Верхняя Боровская того же района (табл. 26).

Избы рубились из сосны, однако все внутренние элементы (полы, лавки, полати) изготовлялись из

кедра. Потолки настилались из круглых, слегка обтесанных бревен. Внутренняя планировка избы оставалась такой же, как и в рассмотренных выше жилых постройках. Большая глинобитная печь стояла в углу у дверей и была повернута устьем к окнам на торцовой стене. Рядом с печью устраивался голбец с лестницей в подполье. Выше размещались полати. В переднем углу — стол и лавки вдоль стен. На одной оси с избой находилась горница. Оба эти помещения соединялись сенями, имевшими с одной стороны дверь на крыльцо, с другой — во двор. Скотный двор обычно пристраивался к избе и горнице сбоку. Иногда он охватывал дом с двух сторон, защищая жилые помещения от холодных северных ветров.

Устройство дворовых построек имело свои конструктивные особенности. В центре двора ставились два — четыре массивных столба, поддерживавших коньковый брус кровли. На линии боковых степен имелись такие же столбы меньшей высоты. Они связывались между собой по верху мауэрлатом и забирались до земли короткими бревнами. Торцовые стены клались из горизонтальных бревен без стоек. Наиболее подверженные гниению постройки, хлев и омша-

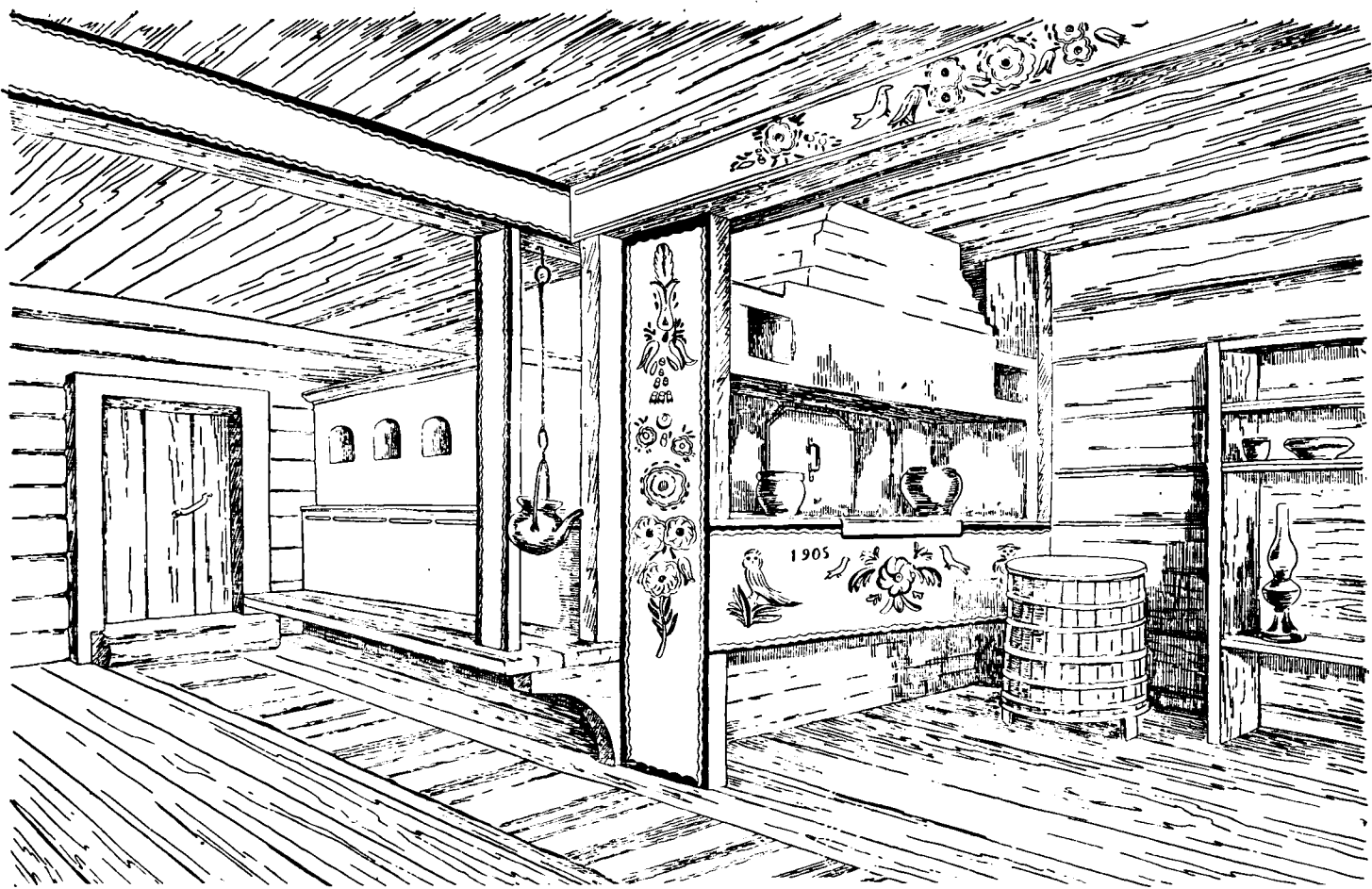

Табл. 26. Роспись в доме Г. Я. Мальгина в селении Верхняя Боровская Соликамского района Пермской области.
По рисунку Т. Лапиной.

ник, ставили на территории двора отдельно. Это позволяло производить замену нижних венцов или целиком негодного сруба, не нарушая всей конструктивной системы двора. Перекрытие хлева и омшаник были иногда единственным местом хранения сена для скота.

С противоположной стороны дома находилось крыльцо. Прикамские крыльца отличаются большим своеобразием. Они бывают двух типов: в виде самостоятельного, приставленного к зданию прямоугольного сруба с низким дверным проемом и внутренней лестницей или в виде площадки, забранной по сторонам досками и укрепленной на двух высоких столбах. Первый тип крылец имеет давние традиции в русской архитектуре и дает нам представление о древних деревянных «притворах», теперь почти не встречающихся в народном зодчестве. Второй тип получил широкое распространение на Урале и в Сибири.

На территории усадьбы против окон избы всегда ставились амбары для хранения хлеба и имущества.

Рядом с ними устраивались навесы для хозяйственного инвентаря, повозок, рыболовных снастей. Бани выносились на край села к реке или водоему.

Скромный и внушительный облик прикамской избы надолго запоминается всем, кто побывал на севере Пермской области. Тесно прижаты к большим дворовым постройкам жилые клетки с мощными колодами маленьких окон и низких дверей. Предельно компактна их планировка и объемная композиция. Ловкая и чистая у них врубка бревен, нехитрая конструкция и, что удивительнее всего, полное отсутствие каких бы то ни было декоративных элементов.

Суровым и замкнутой кажется изба, одиноко стоящая на склонах бурных и полноводных уральских рек, на фоне непроходимых таежных лесов. Но стоит переступить порог избы, и впечатление резко меняется. Могучая сила художественного творчества народных мастеров поражает вас богатством и многогранностью своего проявления. Особого внимания заслуживает обилие росписи по дереву в интерьере жилища и на предметах быта (табл. 26).

Наличие росписи в народном зодчестве не раз уже отмечалось в различных районах Урала, Поволжья, Северной Двины. В Оренбургской губернии, например, чаще всего расписывался потолок, на голубом фоне которого размещались разнообразные фантастические птицы и цветы³. В Поволжье изображались бытовые сцены⁴, на Севере — гирлянды и львы⁵. В Прикамье мы встретили орнамент из цветов и листьев, фигуры людей и лошадей. В Поволжье, на Севере, в Прикамье росписью покрывались припечные брусья, доски перегородок, части полатей, ставни и фронтоны зданий.

Характерную особенность росписей в интерьерах крестьянских изб составляет ее связь с архитектурой жилища. Росписи конструктивных элементов печи усиливают их художественную выразительность; цветовая тональность резко выделяет их на белом фоне печи. Те же принципы лежат в основе росписи воронцов и матиц потолков. Выявление дверного проема, простенка, верхних венцов сруба подчеркивало внутренние габариты помещения, как бы вырисовывало его главные очертания в сумерках зимнего дня или при трепетном свете небольшого огонька в долгие зимние вечера.

Привязанность северных крестьян к этим красочным рисункам в интерьере небольших бревенчатых изб раскрывает перед нами богатый внутренний мир людей, их любовь к образам быта и песен, к радуге ярких и сочных тонов окружающей их природы.

Эволюция типов русского крестьянского жилища происходила в двух направлениях. Первое направление характеризуется развитием жилого комплекса по продольной оси путем присоединения к сеням с противоположной стороны еще одного помещения (избы, горницы, клетки). Чаще всего это встречается при двухрядной или трехрядной застройке усадьбы, при поперечном или угловом расположении двора, т. е. при всех тех вариантах планировки жилого комплекса, когда позади сеней остается свободное место для возведения второй холодной или теплой клетки.

Второе направление эволюции русского крестьянского жилища определяется поперечным развитием планировки путем расширения переднего помещения. В одном случае это достигается увеличением габаритов четырехстенной избы, членением внутреннего

пространства на две части, введением дополнительного, четвертого, окна, на фасаде, в другом — созданием нового типа жилья путем пристройки к избе капитального прируба или второго самостоятельного сруба.

Расширение габаритов четырехстенной избы-клетки, увеличение размеров и числа оконных проемов, естественно, требовало больших материальных затрат. Возведение таких домов было характерно поэтому прежде всего для тех районов, где крестьяне находились в лучших экономических условиях, имели возможность получить дополнительный заработок, продать часть своих сельскохозяйственных продуктов или кустарных изделий своего производства.

Наиболее часто встречаются подобные дома в селениях, расположенных вдоль крупных торговых трактов, водных путей сообщения, вблизи промышленных центров.

В Новгородской области, например, территория распространения четырехоконных изб примыкает непосредственно к старому Петербургскому тракту в Валдайском и Бронницком районах. В Архангельской области она охватывает весь бассейн реки Онеги. В Поволжье эти постройки сосредоточены между Костромой и Ярославлем, на реке Вятке — вблизи Котельнича.

Наиболее древней постройкой в Новгородской области является дом П. И. Лепина в селении Сытинка Валдайского района (табл. 27). Дом был срублен в 1812 году. Дата возведения избы совпадает с началом Отечественной войны 1812 года. Неоднократно упоминаются в народных преданиях грозные и тревожные дни борьбы русского народа с войсками Наполеона. «Мой дед, — рассказывает Павел Иванович Лепин, — покрывал тесом этот дом, когда французские солдаты сжигали на своем пути крестьянские постройки. Будучи уверен в разгроме непрошенных завоевателей, он закончил строительство дома и не раз отворял двери новой избы перед проходившими русскими отрядами, перед крестьянами из разоренных Наполеоном деревень».

Дом хорошо сохранился до наших дней и дает ценнейший материал для изучения типа новгородских крестьянских построек начала XIX века.

Сруб дома состоит из двух одинаковых по высоте частей: верхней — избы и нижней — подыбицы. В избе жили, в подыбице хранили хлеб, овощи, имущество. Каждое из помещений имело самостоятельный вход. Из избы двери вели в сени, соединенные внутренней лестницей с небольшим боковым крыльцом. Из подыбицы, расположенной в центре главного фасада, был устроен выход прямо на улицу.

³ См. Ф. Стариков. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891, стр. 195—198.

⁴ См. Д. Прокофьев. Живопись в крестьянском быту Городецкого уезда. — «Нижегородский краеведческий сборник». Нижний Новгород, 1929, стр. 226—294.

⁵ См. Н. Влибин. Остатки искусства в русской деревне. — «Журнал для всех», 1904, № 10.

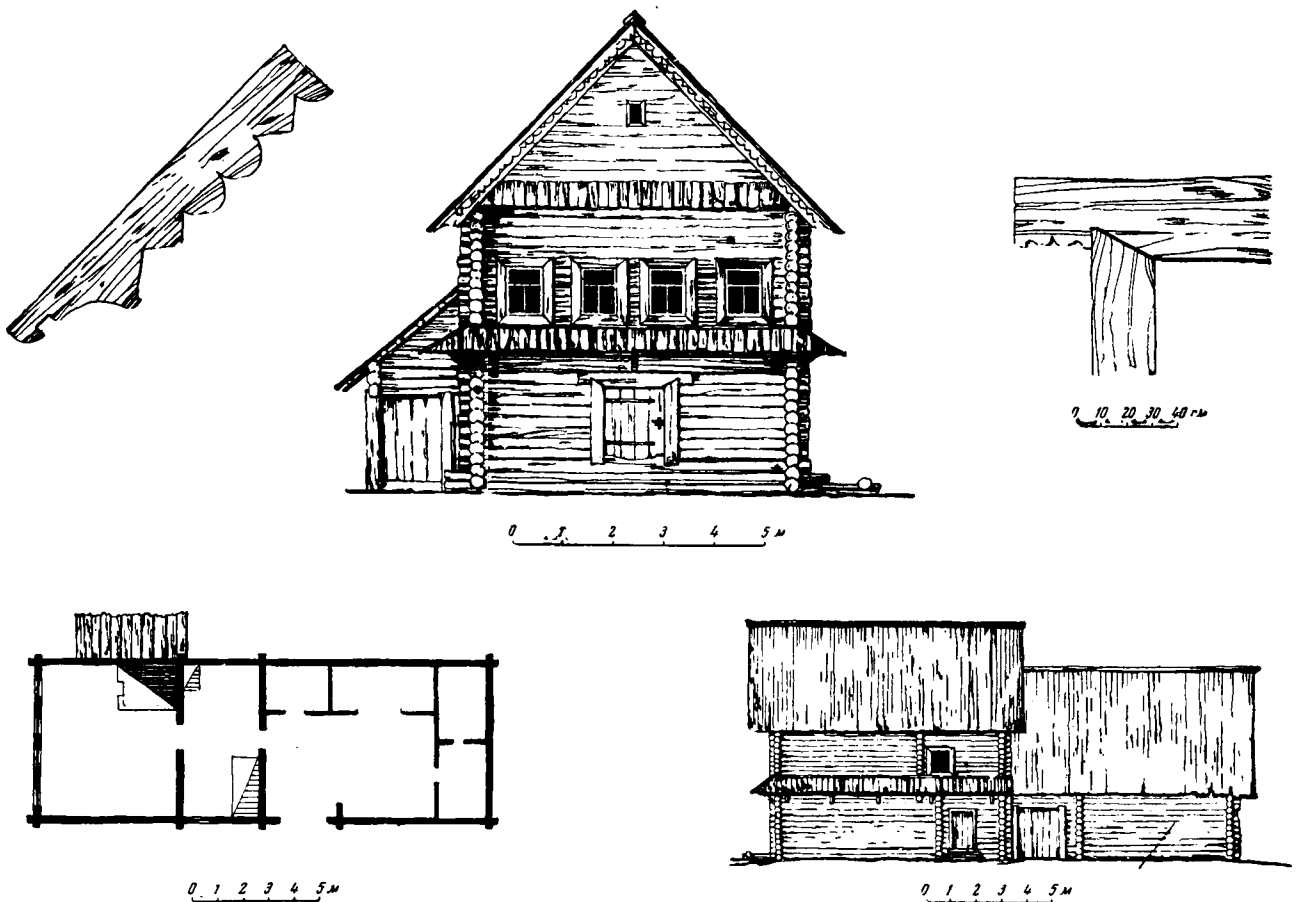

Табл. 27. Дом И. И. Лепина в селении Сытинка Валдайского района Новгородской области

Внутренняя планировка жилого помещения ничем не отличалась от простой трехколонной великорусской избы. Большая печь, расположенная в заднем углу, устьем была повернута к передним окнам. Над дверями, между печью и боковой стеной, находились полаты; по диагонали от устья печи, перед обеденным столом висела божница. Вдоль стен стояли лавки.

Таким образом, в первый период появления четвертого окна на фасаде избы традиционное расположение внутренней обстановки оставалось прежним.

Деление дома на два изолированных этажа с внешней стороны подчеркивалось небольшим навесом, так называемым прикромом. Это — своеобразный элемент в новгородском жилом деревянном зодчестве. Его практический смысл очевиден: прикрыть нижнюю часть высокого бревенчатого сруба от частых в этих местах дождей. Под прикромом оставались всегда сухими помост перед дверями в подызбицу, дрова для растопки печи и стоявшая у передней стены скамейка — излюбленное место отдыха хозяев дома в ненастную осеннюю погоду или жаркий летний полдень. Прикрой состоял из дощатого навеса, опиравшегося

на кронштейн или вертикальные стойки. В одном случае прикрой устраивался с трех сторон избы, в другом — только по переднему фасаду, в третьем ограничивался участком, соединяющим двери избы и подызбицы.

Наиболее развитую форму прикрой получил при стоечной конструкции. Вынос крыши при этом значительно увеличивали несущие вертикальные брусья, художественно обработанные резьбой; иногда вводился парапет, забранный досками. Образовавшаяся открытая галерея у простой крестьянской избы мало чем отличалась (а может быть, и послужила прототипом) от обходных галерей древних деревянных церквей Севера.

Ритм изысканных по силуэту резных колонок с глубоко западающей светотенью, легкость всей далеко выдвинутой вперед по отношению к глухой бревенчатой стене конструкции композиционно обогащали облик построек, делали прикрой важнейшим элементом всего строительного замысла зодчего.

Традиции устройства подобных галерей в народном зодчестве Новгородской области уходят в глубокую древность. На плане части Новгорода XVII сто-

летия древнерусские художники, стараясь передать архитектуру съезжей избы, изобразили точно такую же конструкцию. Первый этаж съезжей избы окружен навесом, опирающимся на вертикальные стойки. Концы вертикальных стоек прикроя, расположенных по периметру бревенчатых стен жилых построек, прослеживаются археологами в Новгороде в слоях XIII и XIV веков.

Важно отметить и вторую конструктивную особенность дома П. И. Лепина. Сруб избы сделан меньше сруба подызбицы. Поэтому задняя стенка верхнего этажа не совпадает со стеной нижнего этажа. Смещение бревенчатых стен являлось своеобразным приемом местных плотников. Используя смелую навесную конструкцию, они расширяли габариты служебного помещения, увеличивали основание избы и придавали всему зданию прочность и устойчивость.

Дом П. И. Лепина, как и другие избы Валдайского района, отличался не только количеством, но и размерами оконных проемов. Высота окна доходила до 1,15 м при ширине в 76—80 см, что значительно превышало габариты окон крестьянских изб в других областях России в это же время. Увеличение размеров оконных проемов объяснялось рядом исторических, экономических и других условий, влиявших на развитие народного зодчества этих мест. Как известно, оконное стекло в древней Руси вошло в употребление раньше всего в Новгороде⁶. Его распространение в экономически наиболее мощных близлежащих районах, связанных прямыми путями сообщения с городом, было вполне закономерным явлением. При господствующих здесь пасмурных погодах усиление естественного освещения в избах было действительно необходимым.

Двор в доме П. И. Лепина был перестроен и утратил специфические особенности древней планировки. По сообщению владельца, первично двор располагался позади и вдоль боковой стены избы. Он имел главные въездные ворота у крыльца и дополнительные, хозяйственные ворота, для выгона скота со стороны усадебного участка. В соответствии с этим крыльцо находилось не на боковом, а на переднем фасаде избы, рядом с главными воротами во двор. Основные принципы такой планировки крестьянской усадьбы сохранились в преобладающем количестве селений до настоящего времени.

Несколько иначе развивался тип четырехкошпной избы в Прионежье. Он также имел древние строительные традиции. Как показывают сохранившиеся памятники народного жилого зодчества второй поло-

вины XVIII века, четырехкошпные избы уже тогда представляли собой массовый тип построек во многих селениях от Каргополя до Беломорского побережья. Сложившиеся в течение ряда столетий в устойчивый и широко распространенный тип, эти избы получили самостоятельные, присущие местной архитектуре, принципы внутренней планировки, конструктивные и декоративные приемы.

Примером прионежской избы может служить дом Н. И. Бибина в селении Село Каргопольского района Архангельской области (табл. 28). Дом Н. И. Бибина, построенный в 1860 году, состоит из избы, сеней и горницы, поставленных на высокий подклет. Большой двухэтажный двор охватывает жилые помещения с двух сторон. Первый этаж используется для содержания скота, второй — для хранения запасов сена.

Бревенчатый помост, «взвоз», поднимался вдоль боковой стены избы непосредственно на второй этаж двора. Примыкающая к сеням горница предназначалась для жилья в летнее время. Подклет, так же, как и в Новгороде, имел самостоятельный выход, но не с улицы, а из подсенья. Изба делилась на две половины массивными, соединенными между собой шкафами, дверки которых отворялись в обе половины. В шкафу стояла посуда, лежали полотенца, скатерти, белье. Обе половины имели одинаковые размеры и одно и то же (по два) число окон. В одной из них находилась русская печь, полавник (стол для приготовления пицци) и был сосредоточен весь хозяйственный инвентарь. Это была половина хозяйки. Во второй половине стоял стол для еды, лавка, кровать. Это была чистая половина избы. Здесь ели, выполняли домашние работы: ткали, пряли, ремонтировали упряжь, принимали гостей.

Стремление к выделению кухонного угла из общего жилого помещения отмечается в народном зодчестве уже на рубеже XVIII и XIX веков в самых различных районах Севера (примерами могут служить дом Соколовой в деревне Скребино Чарозерского района Вологодской области, дом Мальгина в селении Верхняя Боровская Соликамского района Пермской области и др.). Однако во всех этих случаях выделялась лишь небольшая часть избы, так называемый бабий кут — место для приготовления пищи, расположенное против устья печи. Отделялось это место занавеской или дощатой перегородкой.

В избах Прионежья этот принцип осуществляется более последовательно: здесь пространство избы делится на два не только самостоятельных по своему назначению, но и равноценных по площади помещения. Внутренняя структура жилья определяется

⁶ См. Н. Фальковский. Москва в истории техники. М., 1950, стр. 334.

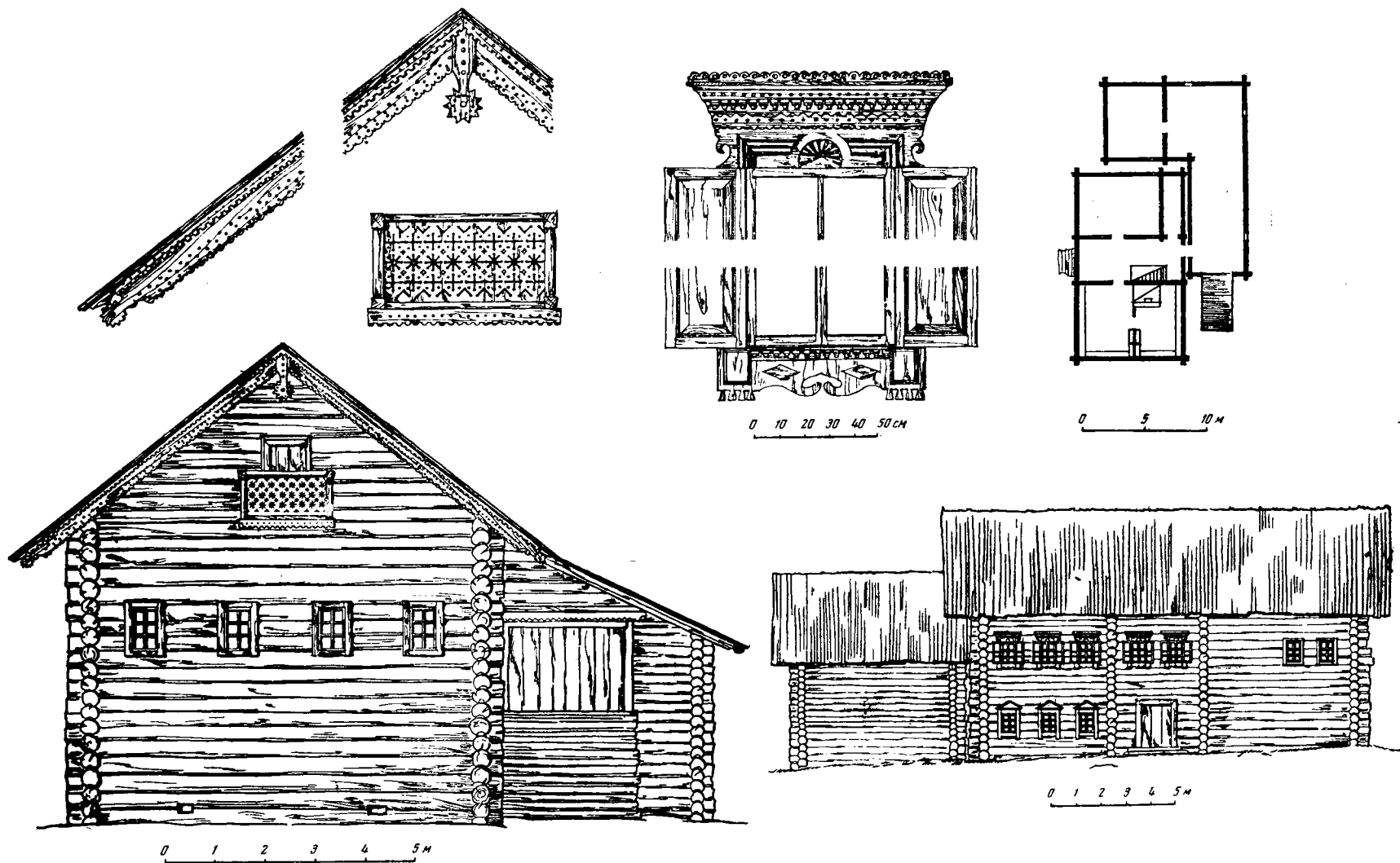

Табл. 28. Дом Н. И. Бибина в селении Село Каргопольского района Архангельской области.

иным принципом планировки — крестьянская изба делится в поперечном направлении на ряд смежных помещений.

Архитектура дома Н. И. Бибина проста и выразительна. Народный зодчий стремился раскрыть красоту избы в художественном выражении внутренней конструктивной сущности архитектурных форм: в огромной несущей силе горизонтальных стволов деревьев, в их прочной связи, в их равномерном, спокойном ритме, в четких прямых линиях двускатной кровли, в предельной собранности всей постройки.

Он искал эту красоту в соразмерности целого и его частей: стены и окна, фронтона и балкона, плоскости доски и композиции резного орнамента. Четыре редко поставленных окна не имеют наличников, но воспринимаются как главные по назначению элементы избы, дающие свет и сохраняющие тепло в скромном крестьянском жилище. Этому способствуют и компактные проемы окон и удлиненные простенки между ними: зодчий как бы противопоставляет частому ритму горизонтальных бревен нарочито замедленный, статичный и сосредоточенный ритм окон, в первую очередь привлекающих внимание зрителей. И в то же время этот новый ритмический строй, благодаря небольшим размерам и числу окон, зрительно не только не ослабляет, а наоборот, подчеркивает несущую способность стены, ее силу и выразительность.

Этому же впечатлению способствует и тонкий узор резных досок балкона, напоминающий вышивку полотенца, кажущийся особенно четким и ажурным на фоне глухой массивной поверхности стен, и единственная узкая полоса резных подзоров на скатах кровли.

Умение найти эту меру определяло профессиональную подготовленность мастера, его способность выразить художественные взгляды народа. Глубокая народная мудрость полнокровнее всего выступала именно здесь, в художественном истолковании простых, целесообразных конструкций, в создании гармонического строя элементарных архитектурных форм.

Когда плотник добивался единства в решении утилитарных и художественных задач, четырехстенная рубленая изба становилась произведением искусства, удовлетворявшим не только практические, но и эстетические запросы крестьянина.

Суровая северная изба казалась необычайно приветливой, гладко обтесанная бревенчатая стена — нарядной, конструктивные детали — изысканно красивыми, объем и силуэт здания — величественно стройными.

Не случайно дом Бибина, несмотря на отсутствие каких-либо значительных украшений на его фасаде,

считается в селе одной из лучших построек, выполненной первоклассными каргопольскими плотниками.

В народной архитектуре Прионежья, как и в других районах, прослеживается стремление наиболее даровитых зодчих отойти от штампа, отказаться от повторения и, при типовой схеме планировки избы и традиционных конструктивных приемах, найти новые средства художественной выразительности, новые принципы архитектурной композиции жилого помещения.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить (а они в деревне находятся рядом) рассмотренный нами выше дом И. И. Бибина и дом А. С. Воронина (фот. 21).

Дом А. С. Воронина также представляет собой большую стоящую на высоком подклете четырехоконную по фасаду избу под двускатной кровлей, с двумя жилыми помещениями, разделенными между собой шкафом, горницу и двор, примыкающий к сеним с задней стороны. Однако горница здесь находится рядом с избой. Сени сильно сокращены по площади, а взвоз на второй этаж двора перенесен на другую сторону избы. Окна имеют богатые наличники, а балкон совсем отсутствует.

Творческий подход зодчего к выполнению взятой на себя работы, его пытливые поиски нового ритмического построения важнейших элементов здания и новых художественных форм существенно изменили архитектурный образ избы.

Высокая рубленая стена дома А. С. Воронина по-прежнему остается открытой. Она красива сама по себе своим золотистым блеском, сединой льна в глубоких пазах, мягкой игрой светотени на ровных круглых бревнах.

Окна расположены так же редко, как и в доме Н. И. Бибина, и на тех же местах, но они соединены между собой резными ставнями. Стену активно перебивает сплошная полоса декоративных элементов, для которых применена яркая цветовая гамма раскрашенных досок. Благодаря светлым тонам наличники резко выделяются на темной естественной фактуре деревянной стены. Медленному, затяжному ритму отдельно стоящих окон противопоставлен непрерывный ряд орнаментальных украшений. Сила художественного воздействия этого приема была настолько велика, что зодчий нашел возможным оставить фронтон не только без балкона, но даже без оконных проемов. Гладкая бревенчатая поверхность лучше всего соответствовала его замыслу. Она спокойно завершала своеобразно задуманную композицию главного фасада здания.

Здесь была своя мера применения декоративных

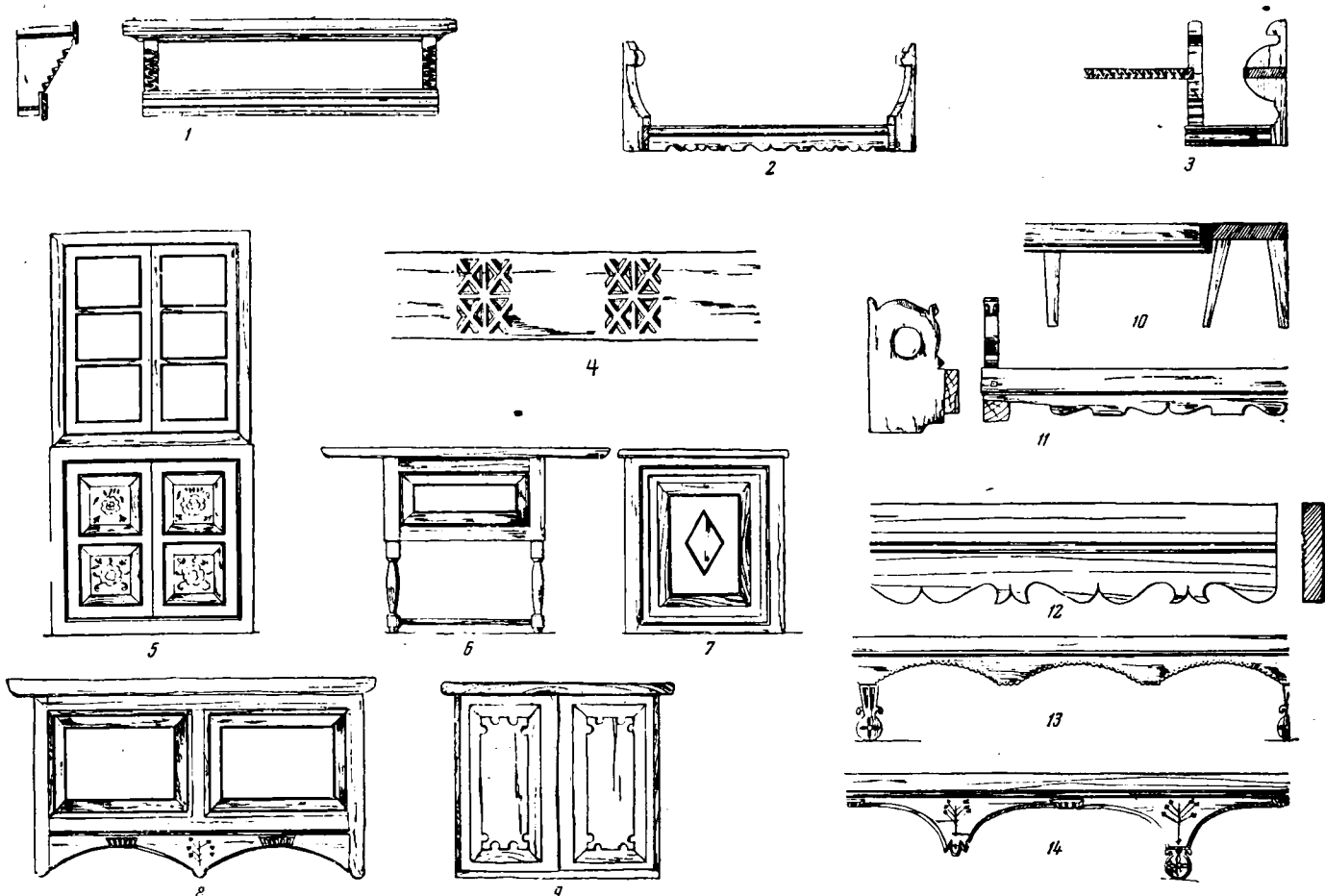

Табл. 29. Детали внутренней обстановки крестьянских изб.

элементов, своя система их расположения, своя самостоятельная идея придания архитектурной выразительности стене.

Два рядом стоящих дома стали неповторимыми, непохожими друг на друга. Каждый из них волновал своими качествами, надолго западал в память своим художественным образом.

Здесь проявилась одна из тех важнейших особенностей народного зодчества, которые составляют специфику народного искусства. Она заключается в том, что автор постройки осуществляет свой замысел собственными руками. Благодаря этому формирование архитектурного образа здания не прекращается до последнего движения резца, до последнего взмаха топора. Прочные навыки и профессиональное мастерство создали благоприятную почву для развития народной фантазии в этой области, для выполнения бесконечно разнообразных вариантов самых простых и самых сложных построек.

Двухэтажная изба и маленький амбар, ветряная мельница и бревенчатый мост, высокая деревянная церковь и еле заметный резной крест на погосте

всегда в той или иной мере несут в своем облике эти особенности пародного зодчества. Живое творческое начало в работе непосредственных исполнителей каждой постройки в отдельности и устойчивые традиции коллективного опыта определяют полноту художественных образов народного искусства. Поэтому восприятие первичного замысла плотника неотделимо от ощущения мастерства его рук, труда, вложенного им в возведение постройки. Острота его замысла неразрывно связана с точным и ловким ударом топора, с ясной и выразительной архитектурной формой, с гармоническим равновесием всех элементов здания (табл. 29).

В том же направлении, как и в Прионежье, развивалась планировка избы в Кировской области, в деревнях, расположенных по течению реки Вятки. Здесь, так же, как и в других селениях, простая трехкамерная изба получала дальнейшее развитие в создании двух изолированных помещений со своими самостоятельными очагами. В качестве примера можно назвать дом Е. М. Романовой в селе Воробьево (табл. 30, фот. 18) и дом С. А. Белобородова в

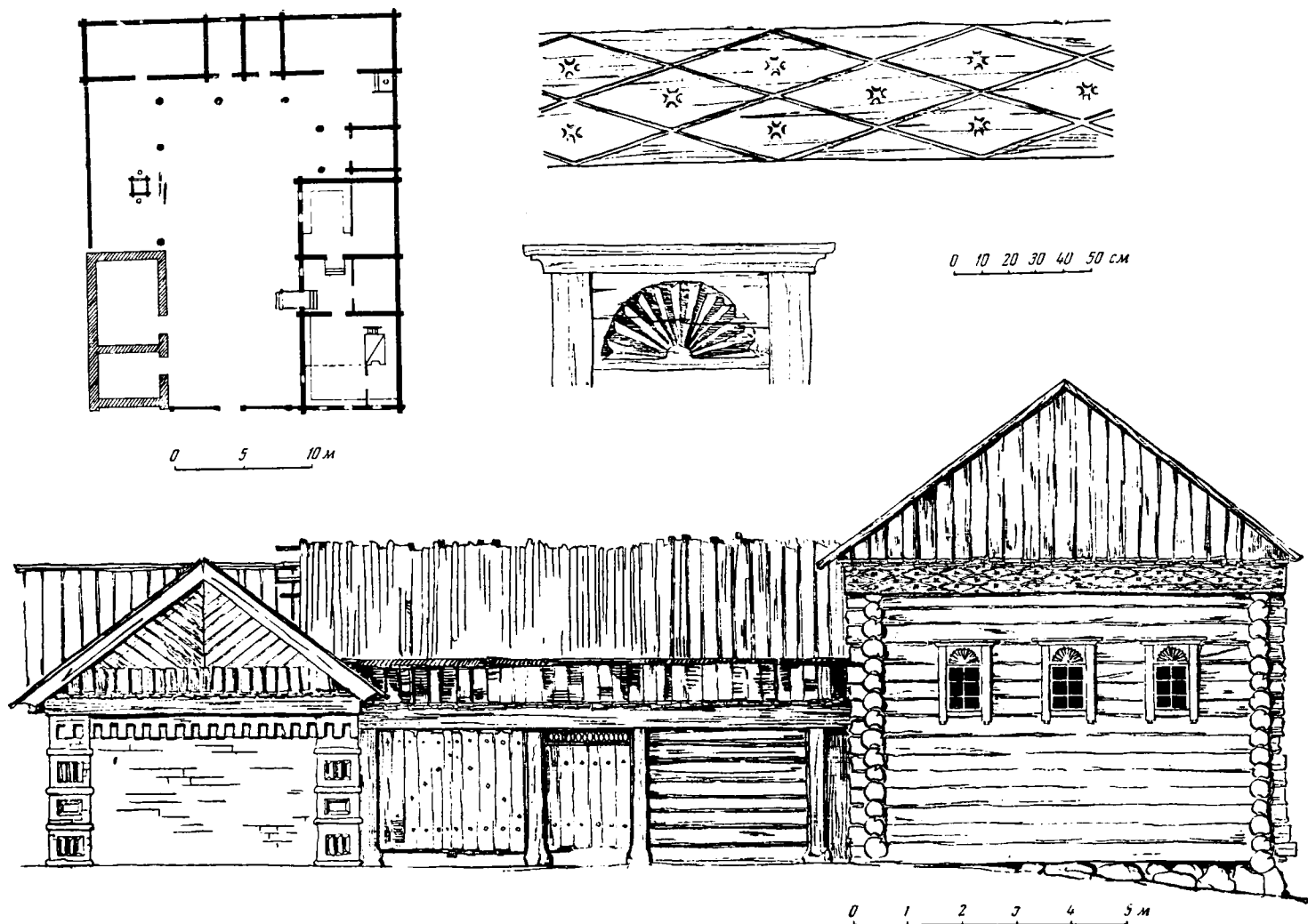

Табл. 30. Дом Е. М. Романовой в селе Воробьево Шурминского района Кировской области

деревне Гужавино Шурминского района Кировской области (табл. 31). Дом был построен Белобородовым в 1906 году. Сейчас в нем живут два брата со своими семьями; поэтому в доме два самостоятельных жилых помещения и два хозяйственных двора. Каждое из помещений имеет свою русскую печь, свой отдельный выход и собственную, территорию усадьбы. Усадьба состоит из двух самостоятельных групп построек, в центре которых находится жилой дом.

В первой половине дома печь повернута устьем к передним окнам, над дверью устроены полаты, вдоль стен тянутся лавки, в красном углу стоит стол и висит божница. Дощатая перегородка отделяет место перед печью (бабий кут) от общего пространства избы. Планировка этой половины ничем не отличается от рассмотренных нами выше жилых построек Севера и Поволжья. В левой же половине печь повернута устьем к окнам во двор, и соответственно ее положению изменено расположение внутренней об-

становки в избе. Отсутствуют полаты и бабий кут. Для сна используются невысокие нары, примыкающие к печке с боковой стороны.

Основные принципы такой планировки были характерны для южных областей России. Сочетание двух типов планировки избы в одном районе, в одной деревне и даже в одном доме встречается здесь довольно часто. В этих селениях скрещиваются два различных потока строительных традиций. В верховьях реки Вятки господствует северный тип закрытого дома-двора, в южных районах жилье ставится отдельно. Хозяйственные и скотные постройки располагаются по периметру усадьбы.

Членение избы на два изолированных помещения с двумя самостоятельными очагами наглядно раскрывает одну из тенденций развития русского крестьянского комплекса. Условия жизни большой крестьянской семьи вызвали естественное стремление увеличить количество жилых ячеек. Решение этой

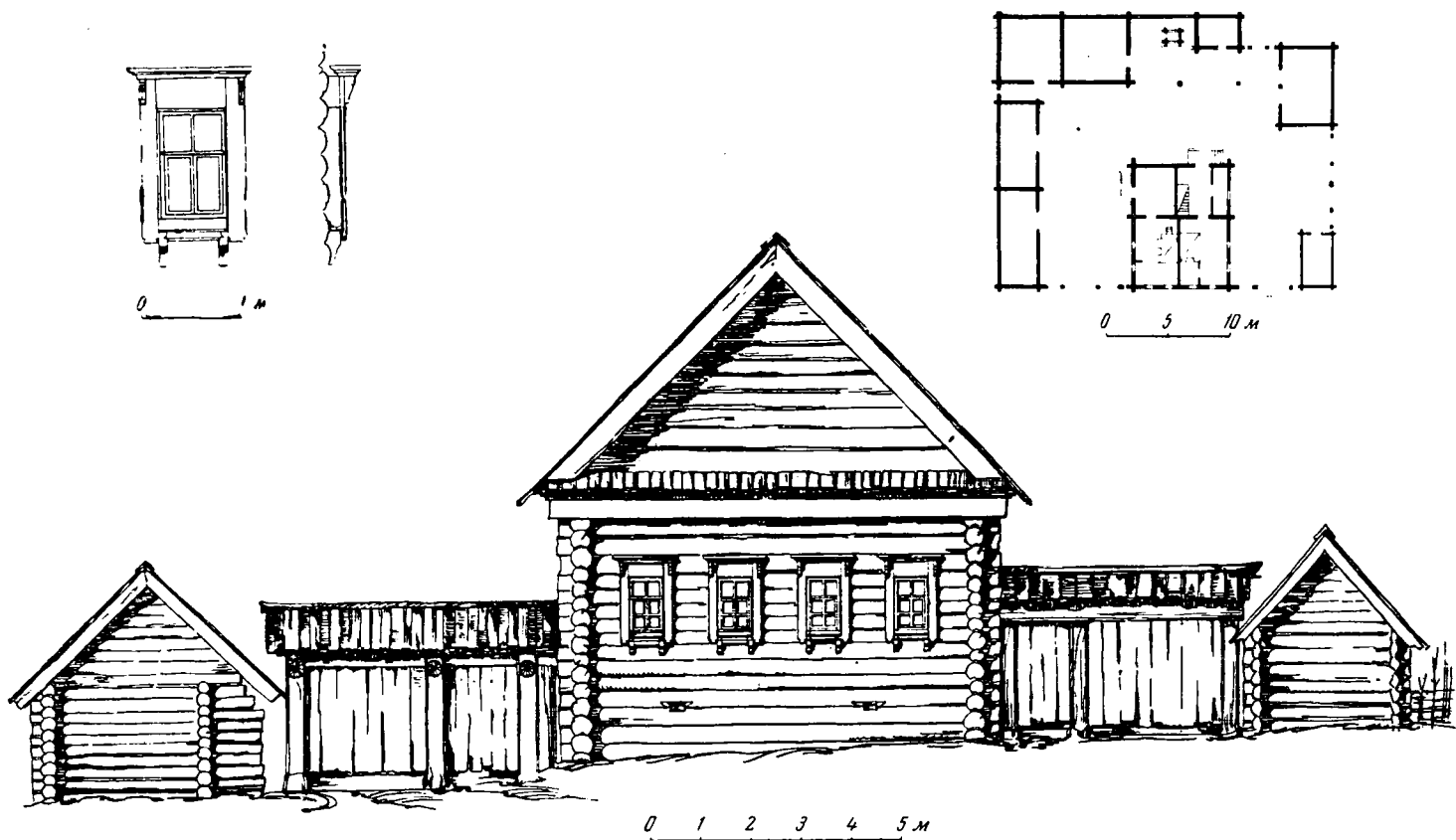

Табл. 31. Дом С. А. Белобородова в селе Гужавино Шурминского района Кировской области

задачи на протяжении всей истории развития русского народного зодчества шло различными путями, определившими сложение таких типов жилых построек, как двойни, пятистенки и шестистенки.

Четырехкошная изба получила широкое распространение не только в Новгородской области и Прионежье. На рубеже XIX и XX веков она стала преобладающим типом жилых построек во многих деревнях Верхнего Поволжья, в частности в Некрасовском районе Ярославской области и Костромском районе Костромской области.

Особенно интересно происходила замена старых трехкошных срубов в тех деревнях, где население было связано с промыслами или отхожими заработками в городах. Главным видом таких заработков в Поволжье являлись строительные работы. Плотников, лепщиков, резчиков по дереву и камню можно было найти здесь в каждой деревне, если не в каждом доме. Отходничество оказывало огромное влияние на весь быт и культуру местных крестьян.

Характеристика, данная В. И. Лениным условиям жизни владимирских плотников, вполне соответствует положению мастеровых и в б. Даниловского уезде Ярославской губернии.

Приводя выдержку из статистического сборника, В. И. Ленин отметил, что плотник «живет несравненно чище окрестных крестьян и резко выделяется своей „интеллигентностью“, „сравнительно высокой степенью умственного развития“».

Особенно сильно сказалось влияние города на организации жилых ячеек. Планировка простой четырехстенной избы, входившей в традиционный комплекс крестьянского двора, получила здесь дальнейшее усложнение.

В качестве характерного примера таких построек можно назвать дом А. И. Салова в селении Овсянники Некрасовского района Ярославской области и дом Г. И. Свистунова в деревне Вежи Костромского района Костромской области. Оба дома были возведены в начале нашего столетия. Они одинаковы по своим габаритам и принципам планировки.

Дом А. И. Салова состоит из избы-зимовки, чулана и двухэтажного двора, расположенных на одной продольной оси и под одной двускатной кровлей (фот. 17). Однако изба уже не составляет единого объема, а имеет целый ряд небольших комнат, полу-

⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 467.

чившихся в результате перестановки русской печи в доме Салова — к задней стене, в доме Свистунова — на середину помещения. Появление самостоятельных по своему назначению комнат (изолированной кухни и прихожей, столовой и спальни), а также исключение из числа предметов бытовой обстановки полатей и лавок коренным образом изменили всю систему внутренней планировки крестьянской избы. Жилой дом приобрел новые качества, определившие новый этап в развитии народного зодчества.

Вместе с тем в домах Салова и Свистунова сохранился двухэтажный дом, первый этаж которого по-прежнему использовался для скота, а второй — для хранения запасов корма и устройства всех подсобных помещений (амбар, овин, сеновал), необходимых для ведения сельскохозяйственных работ. Остался также балкон.

И в том и в другом доме балкон пристроен со стороны двора. Его не видно с улицы, он не является украшением фасада, не имеет декоративной обработки. Практическое его значение ограничивается возможностью вести наблюдение за играющими около дома детьми, за огородом, полем, подходящей скотиной.

Но роль его в жизни крестьянина выходит далеко за эти рамки утилитарной целесообразности. Балкон в Поволжье — это место отдыха, как скамья под навесом у передней стены дома в Новгородской области, как обширная площадка крытого высокого крыльца в деревнях на побережье Белого моря, Вычегды, Мезени, Печоры.

С балкона дома Саловых открываются необъятные просторы Волги. Отсюда можно было любоваться плывущими судами, весенним половодьем, далями заволжских лугов. С балкона дома Свистуновых были видны зеркальная гладь Идоломенского озера, бесконечные лагуны реки Костромки, поля с шумящими хлебами, леса и рошчи, утопающие в синей дымке горизонта.

Влияние городской строительной практики сказалось не только в изменении внутренней планировки избы, но и в изменениях внешнего оформления здания.

Александр Иванович Салов, так же как и его отец Иван Дмитриевич, был потомственным мастером мраморных работ. Накопленный им опыт работы в городе позволил широко использовать лепные украшения и штукатурку при отделке и утеплении обычной рубленой избы.

Лепные украшения на крестьянских домах можно увидеть более чем в 60 деревнях Некрасовского района. Они применяются в виде отдельных скульптур, помещенных в неглубоких нишах, или в виде масок, укрепленных непосредственно на плоскости стены, богатого фризového пояса с растительным орнаментом, напоминающим мотивы глухой резьбы на лобовых досках резных фронтонов, в виде гирлянд, архитектурных деталей (пилястр, карнизов, капителей), умело приведенных к масштабу небольшой деревенской избы.

В доме Саловых оштукатурена лишь передняя стена, подверженная наиболее холодным и пронзительным северным ветрам. Стена эта была обращена к улице и представляла собою главный фасад всей постройки. Основным декоративным элементом боковых стен дома Саловых являлся лепной карниз, с трех сторон охватывавший здание и состоявший из редко поставленных лепных кронштейнов, полочки и гуська. Углы были оформлены пилястрами, завершенными капителями и женскими масками. Прямоугольные наличники из лепных вьющихся линий и цветов в горшках украшали простенки дома.

Все эти элементы, взятые из арсенала архитектуры классицизма, мало походили на свои прототипы. Так, одна из женских масок имела портретное сходство с одной из девушек деревни (дочерью строителя), и они казались нежнее и человечнее, а растительный орнамент почти точно воспроизводил полевые цветы, ромашки, васильки, кувшинки, переплетающиеся ветви деревьев.

Тем не менее господствовавшие в городской архитектуре конца XIX века эклектические подражания различным стилям, формы которых должны были выполнять, работая в городе, местные лепщики, оказали пагубное влияние на их творчество у себя в деревне. Они привозили сюда готовые модели и шаблоны и повторяли здесь приемы осуществленных в городе лепных композиций.

Русский Север дает нам много примеров одноэтажных четырехстенных изб, имеющих пять, шесть и даже семь окон по переднему фасаду. Такие избы достигают больших размеров (10—12 м по ширине), но сохраняют те же принципы планировки и представляют собой единое по объему жилое помещение. В самостоятельный тип русского народного жилища такие постройки не сложились, и мы считаем возможным отнести их к разновидностям простых четырехстенных клетских изб.

ПЯТИСТЕНОК

Развитие другого типа крестьянского жилища — избы-пятистенка — обуславливалось рядом специфических причин и прежде всего жизненной необходимостью увеличения для крестьянской семьи количества жилых помещений. Изба являлась единственным теплым срубом в доме. Здесь варили пищу, работали, а в зимнее время спали все члены иногда очень многочисленной крестьянской семьи.

Как показывают документы по истории крестьянского хозяйства первой четверти XVIII века, в некоторых деревнях Вологодской, Новгородской, Костромской областей в одном крестьянском дворе проживало от 10 до 20 человек. Так, например, в деревне Перково Вологодского уезда, состоявшей всего из четырех дворов, имелось «34 человека мужского пола, 25 человек женского пола вместе с детьми»⁸. В деревне Жары Новгородского уезда «на шесть дворов (13 изб) приходилось 129 человек, в том числе 51 человек детей»⁹.

Часто в одном помещении жили не только родители, но и их женатые сыновья и родственники со своими детьми. Например, на дворе крестьянина Афанасия Кизилова (в двух избах) жили: «жена Марья Михайлова дочь, дети: Иван, Федот, Иван младший. У Ивана жена Авдотья Андреева дочь, у Ивана сын Герасим, дочь Мавра, у него брат Денис вдов, у него же племянник Михайло Емельянов, у Михайла жена Христина Михайлова дочь, у них дети Ефим, Степан, дочери девки Марья, Матрена»¹⁰.

Крестьянин был вынужден искать пути расширения жилой площади, присоединять к основному срубам избы дополнительные помещения.

В наиболее благоприятном положении оказались чернососшные крестьяне северных областей, избежавшие крепостного закабаления, обладавшие более крепким в экономическом отношении хозяйством и наличием лесоматериала. Не случайно именно Север явился родиной наиболее развитых типов крестьянского дома и местом их широкого распространения.

Формированию пятистенка способствовало также профессиональное мастерство северных плотников, славившихся своим умением возводить из дерева не только монументальные церкви и крепостные башни, но и сложные инженерные сооружения — мельницы, мосты и др. Они высоко оценили конструктивную це-

лесообразность жесткой бревенчатой стены в срубе избы. Как конструктивный элемент небольшая в два-три-четыре бревна стенка применялась и применяется до настоящих дней плотниками для опоры пола, потолка, опечка, для связи фронтона. Такие приемы мы можем наблюдать в самых различных вариантах и в самых различных районах Севера и Поволжья. Они характерны как для больших по своим габаритам домов, построенных зажиточной частью крестьянства, так и для скромных изб середняков с двумя или тремя окнами по переднему фасаду.

В некоторых избах в нижних и верхних венцах сруба имеются дополнительные поперечные бревна, образующие прочную раму для капитальной дощатой перегородки. Сплошная бревенчатая стена явилась логическим завершением такой конструкции.

Таким образом, сложение нового типа жилой постройки было вызвано не только ростом бытовых потребностей северного крестьянина и экономических возможностей его хозяйства, но и закономерным развитием строительной мысли народных зодчих.

Наиболее древние крестьянские постройки, дошедшие до нас в натуре и сохранившие свои основные планировочные и декоративные особенности, датируются второй половиной XVIII века. Среди этих памятников архитектуры имеются и пятистенные избы (табл. 32).

Большой интерес представляет, в частности, жилой комплекс в селе Верховье Прионежского района Архангельской области, исследованный в свое время этнографом Л. Костиковым¹¹. Жилой комплекс состоял из избы, двух горниц, сеней с чуланом и двора, расположенных на одной оси под одной двускатной кровлей.

Изба была построена в 1765 году. Год ее сооружения плотник вырубил на «пропуске» — бревнах, поддерживающих скат кровли. В конструкцию жилого сруба введены две поперечные стенки. Одна из них находится в центре постройки и служит опорой для пола и печи. Вторая значительно смещена в сторону и отделяет от жилого помещения так называемый закулок, предназначенный для хранения и помола муки, заготовки пицци и т. д.

Первая стенка, состоящая из длинных поперечных бревен, начинается от земли и обрывается на уровне пола; вторая, сделанная из коротких обрезков бревен, начинается на уровне пола и заканчивается на последнем венце сруба.

Таким образом, в избе села Верховье дополни-

⁸ «Материалы по истории помещичьего и крестьянского хозяйства первой четверти XVIII века». М., 1951, стр. 57.

⁹ Там же, стр. 221.

¹⁰ Там же, стр. 50.

¹¹ Л. Костиков. Изба семи государей. СПб., 1914.

тельные стенки еще различны по своему назначению и конструктивному характеру. Они не образуют единой капитальной «пятой стены» сруба и, следовательно, не создают нового типа жилой постройки, но полностью предвосхищают ее основные особенности. Традиционное для Прионежья смещение печи из угла к средней части задней стены способствует выделению заулка в хозяйственную комнату, освещенную самостоятельным окном.

В четырехстенной избе появились два помещения, используемые для различных целей. Главное помещение предназначалось для жилья. Обстановка его состояла из большой глинобитной печи, лавок, стола, полатей, божницы. Свет в избу проникал через три окна переднего фасада, из которых центральное было косячатое и два крайних — волоковые, и через три аналогичных окна, расположенных на боковой стене.

Печь в избе топились по-черному. Дым выходил через специальное отверстие в потолке и деревянный короб на крыше — дымницу.

В избе, как сообщает Л. Костинов, проживала большая семья. Однако ни теснота, ни дым и копоть курного отопления, ни слабый свет, еле пробивавшийся в помещение через маленькие волоковые окна, не могли лишить крестьянина его естественного стремления украсить скудную обстановку своего жилища, ввести художественные элементы в конструкцию обстановки, в предметы быта и труда, в посуду, одежду, утварь.

В избе в селе Верховье мастер старательно обработал трехлепестковыми арочками боковую стенку печи, придав изогнутый, упругий контур в виде головы коня припечной доске, красивым сквозным орнаментом украсил брусья ее деревянного помоста. Художественную форму получили также части лавок, стола, полатей, ткацкие станы, прялки, дуги и коромысла.

Новые планировочные, конструктивные и художественные качества, определяющие развитие крестьянского жилища, несет в себе изба села Брусенец Тотемского района Вологодской области, исследованная арх. Милеевым¹².

Изба построена также во второй половине XVII века и представляет собою уже завершенный в своем становлении новый тип крестьянского дома, так называемый пятистенник. Сопоставляя эту постройку с избой в селе Верховье, мы можем очень наглядно проследить пути его формирования.

Смещенные в предыдущей избе, две внутренние стенки соединяются здесь в одну капитальную «пятую» стену, ничем не отличающуюся от остальных

бревенчатых стен избы. Вместо одного жилого помещения в передней части дома образовалось два — изба и горница, полностью изолированные друг от друга, с самостоятельными дверями из общих сеней.

Свет в избу проникал через одно косячатое и два волоковых окна. Горница была освещена лучше. Она имела одно косячатое окно на лицевом фасаде и два таких же больших окна с боковой стороны.

Внутренняя планировка избы в селе Брусенец немногим отличается от планировки избы в селе Верховье. Однако эти отличия характеризуют местные особенности планировки крестьянского жилища Прионежья и бассейна Северной Двины. В Прионежье русская печь всегда отодвигалась от угла к входным дверям. Образовавшееся пространство между печью и боковой стеной, так называемое запечье, использовалось для установки ручного жернова или устройства лестницы в подполье. В северодвинской избе печь была плотно прижата в угол. Между печью и дверью ставился голбец с лестницей в подполье.

Разные приемы расположения печи, чрезвычайно устойчивые в каждом из этих районов, не меняли общих принципов планировки избы, но создавали различные варианты внутренней обстановки крестьянского жилища. В одном случае (Прионежье) печь приобретала значение центрального, доминирующего элемента жилого помещения, вокруг которого группировались все предметы обстановки и быта, в другом (Северная Двина) она не только была отодвинута в угол, но и закрыта более чем на половину голбцом со стенками, украшенными резьбой или росписью. Расположение печи в стороне позволяло легко отделать ее устье припечной доской или дощатой перегородкой от остальной части избы.

В избе села Брусенец намечались и другие изменения в архитектуре народного жилища. Для конструктивной прочности значительно увеличившегося фронтона здесь введены две поперечные бревенчатые стенки. Они образуют под крышей дополнительное помещение для жилья в летний период — «вышку». Появление вышки вызвало к жизни балконы с ограждением в виде фигурных балясин и резных колонн, а также дверей, соединяющих балкон с чердачным помещением. Обогащение архитектуры народного жилища выражалось также в применении различных по конфигурации дверных проемов, использовании накладных деталей (подзоров, наличников) и устройстве сложных по своей конструкции высоких одно-столбных крылец.

Изба в селе Брусенец обладает также другими очень редкими конструктивными особенностями, присущими наиболее древним сооружениям русского

¹² Архив Академии художеств СССР в Ленинграде.

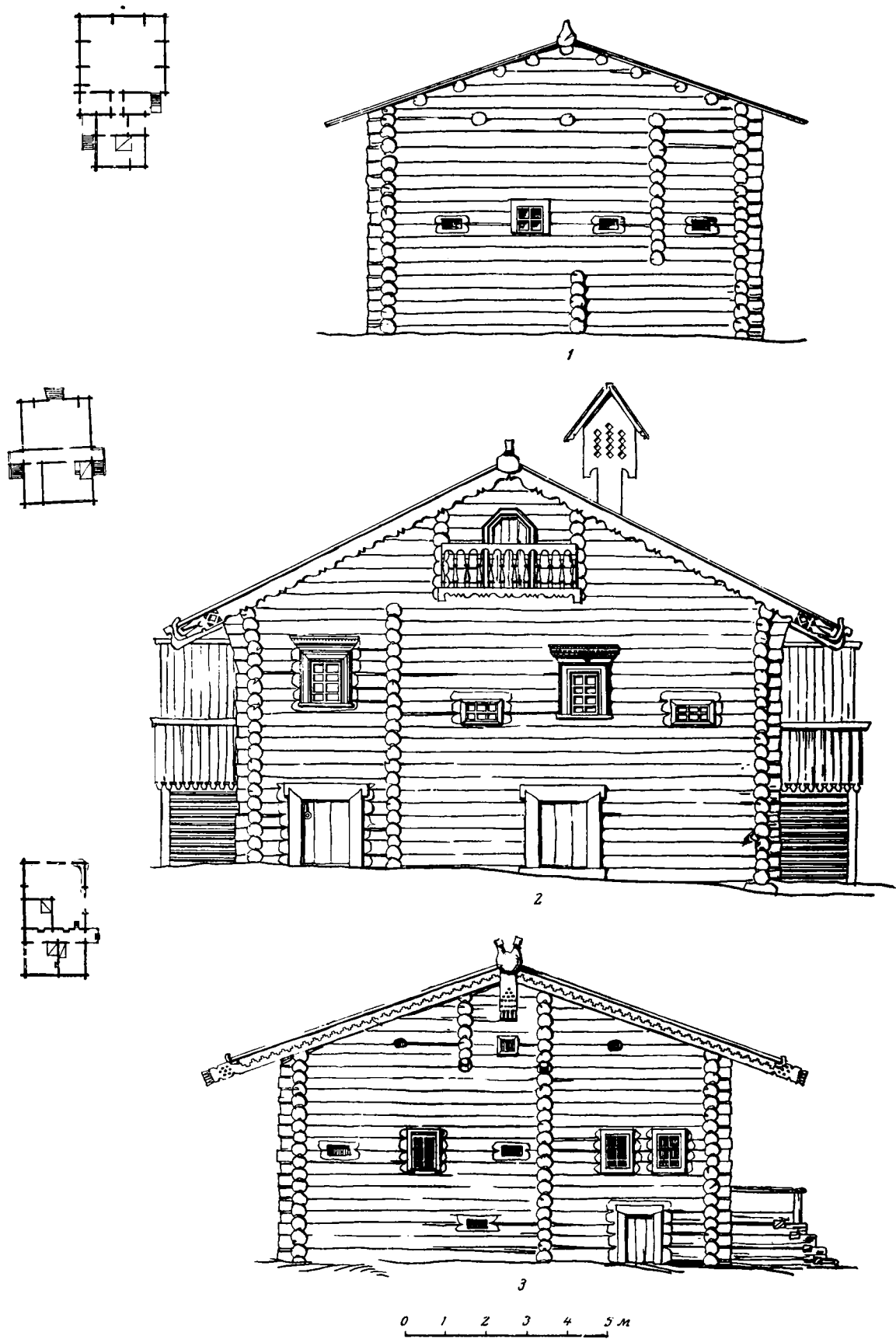

Табл. 32. Развитие пятистенной избы.

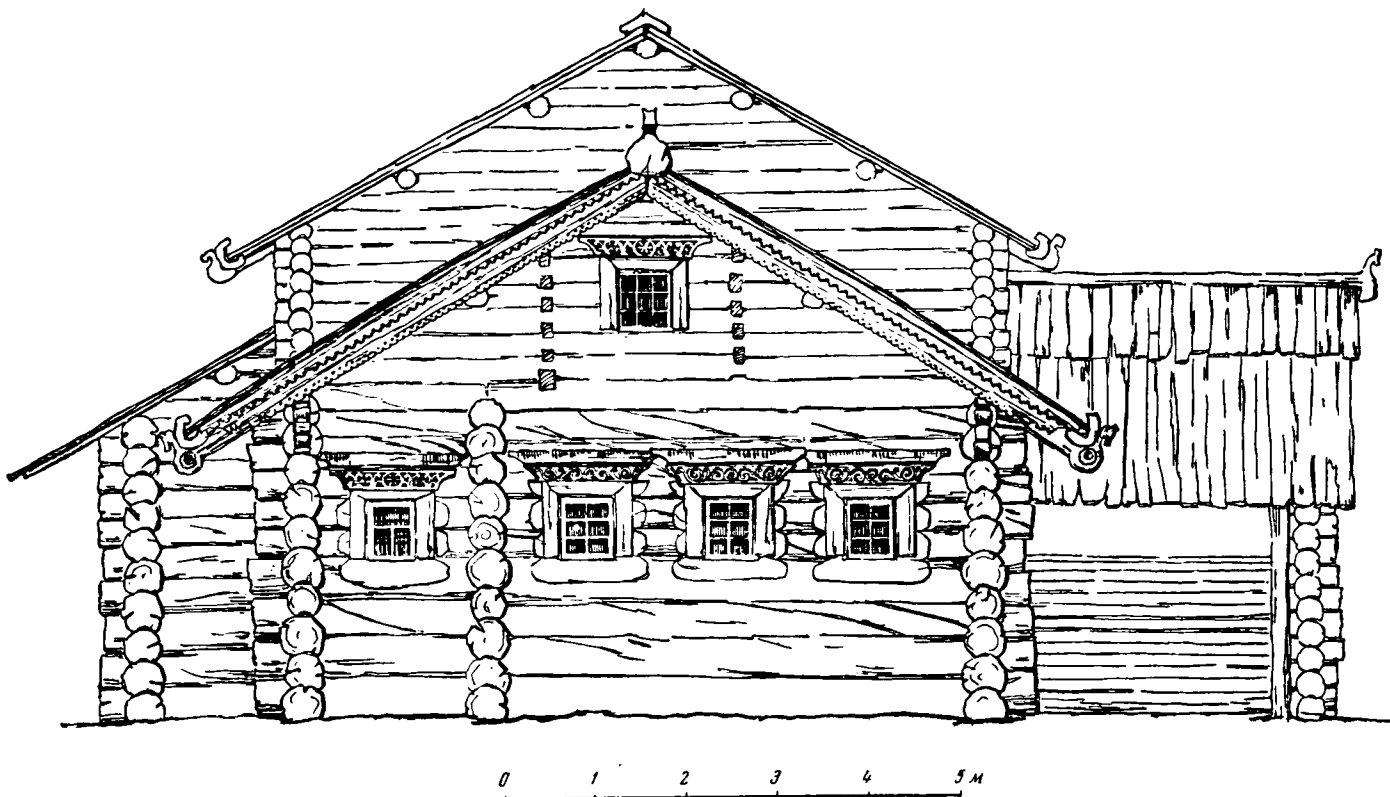

Табл. 33. Дом Д. А. Русиновой в селении Кондратьевская Верхне-Тоемского района Архангельской области.

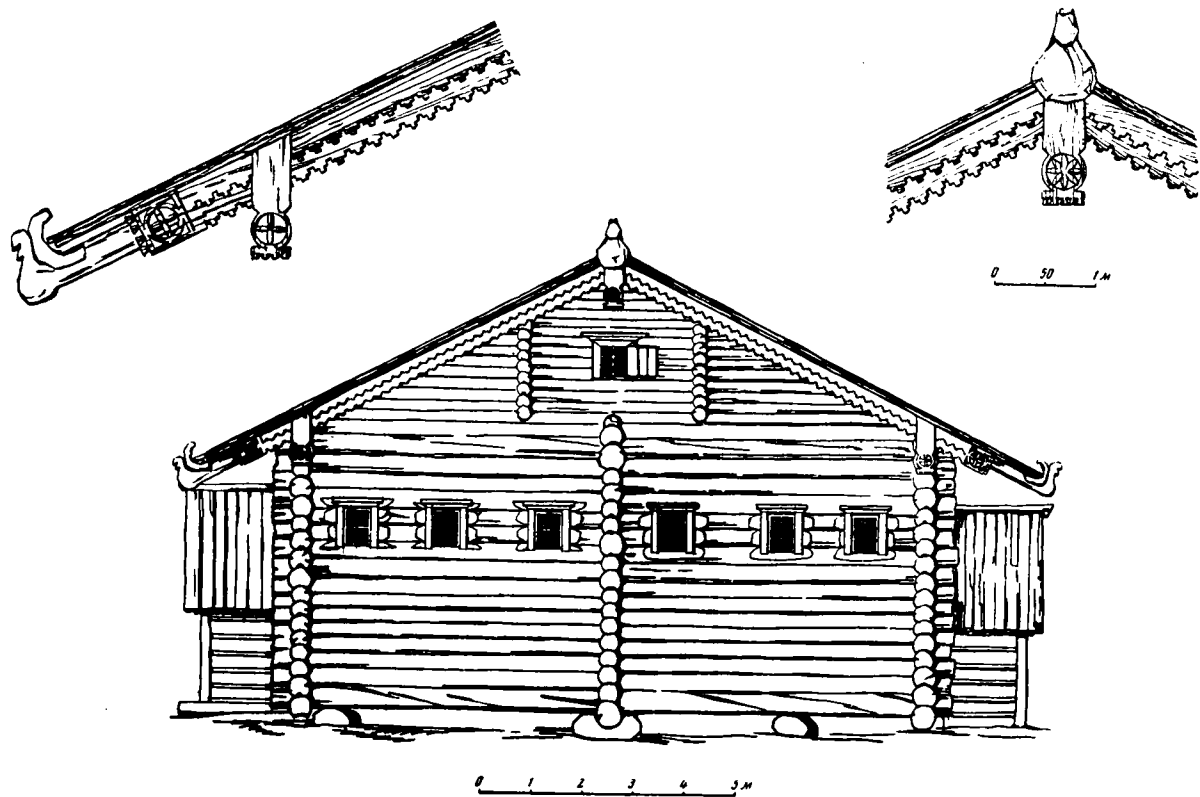

Табл. 34. Дом А. В. Попова в селе Кузьминское Тарногского района Вологодской области.

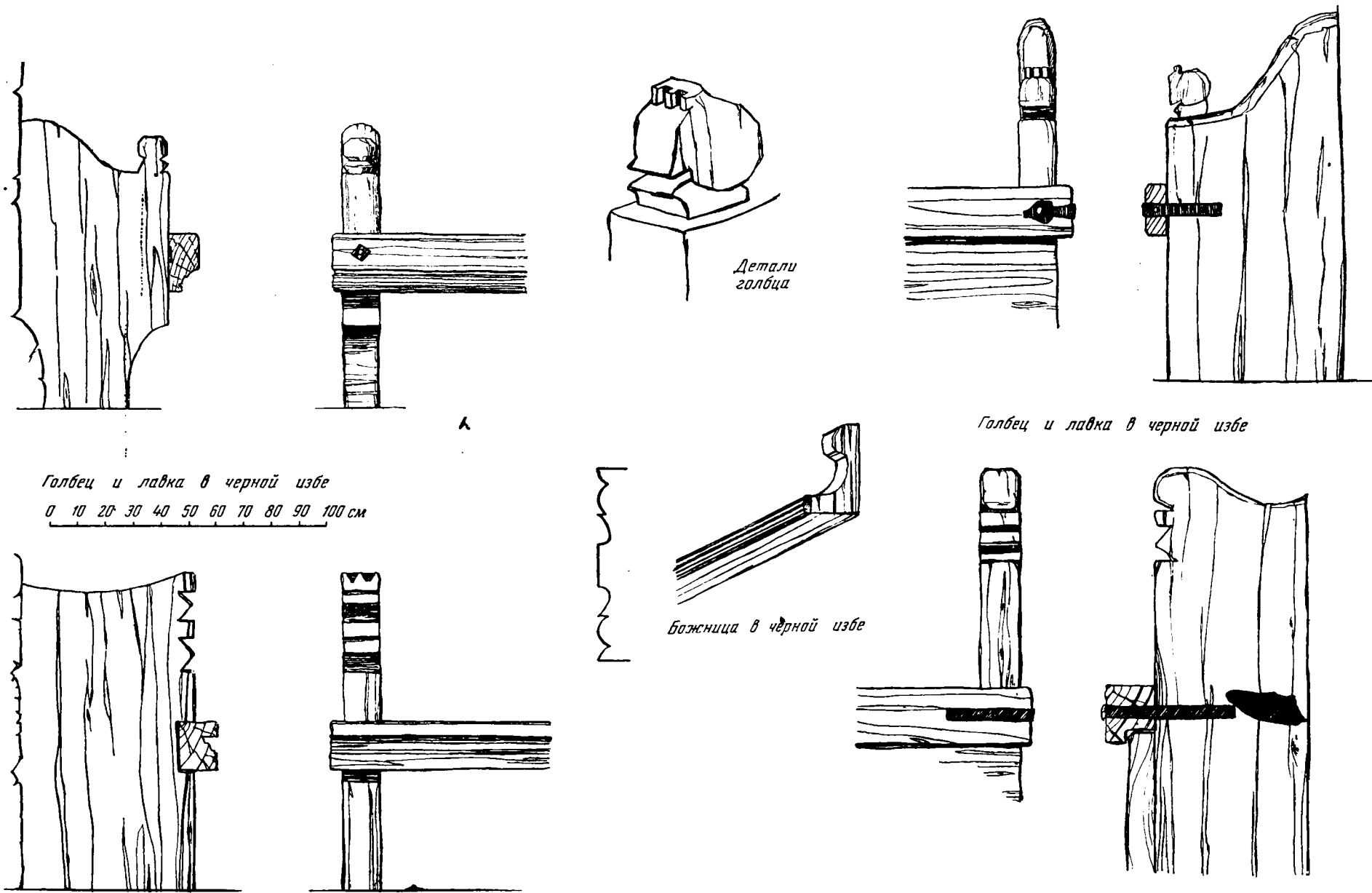

Табл. 35. Детали внутренней обстановки дома А. В. Попова в селе Кузьминское Тарножского района Вологодской области.

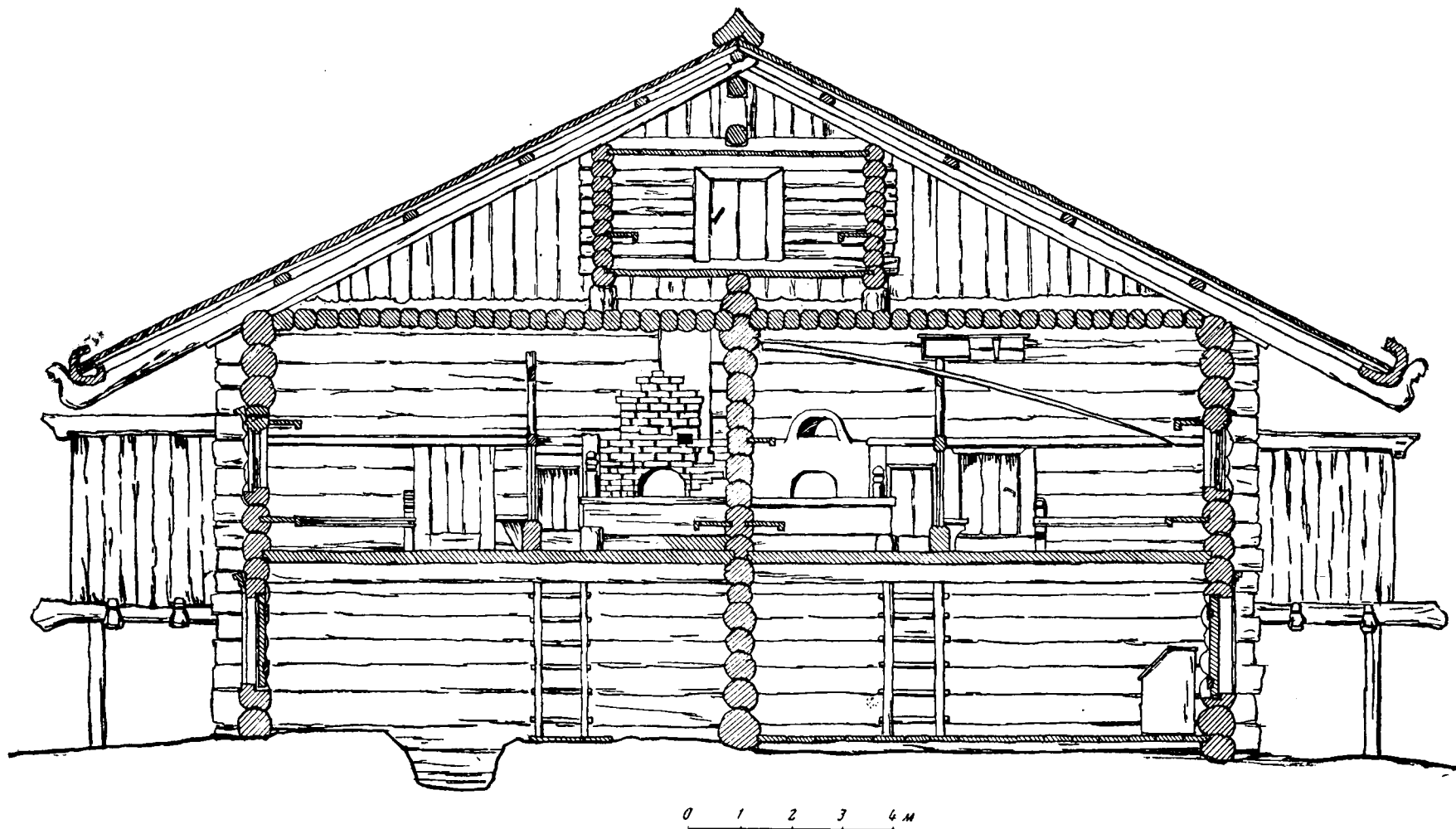
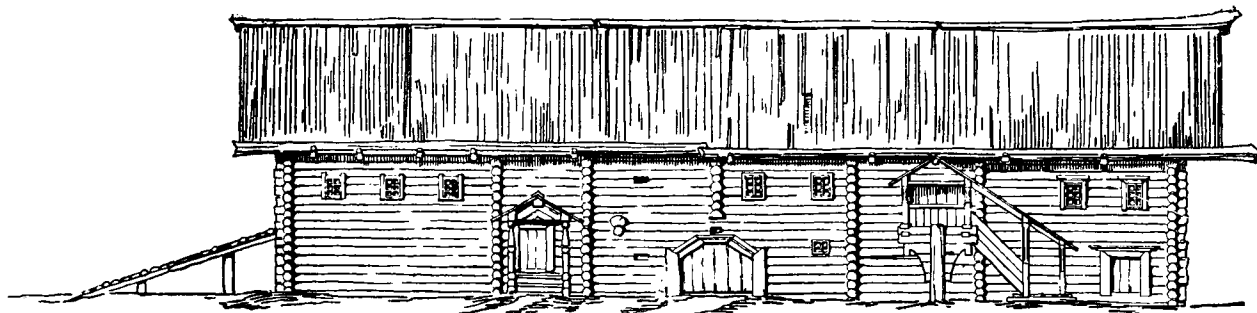

Табл. 36. Разрез дома А. В. Попова в селе Кузьминское Тарногского района Вологодской области.

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 м

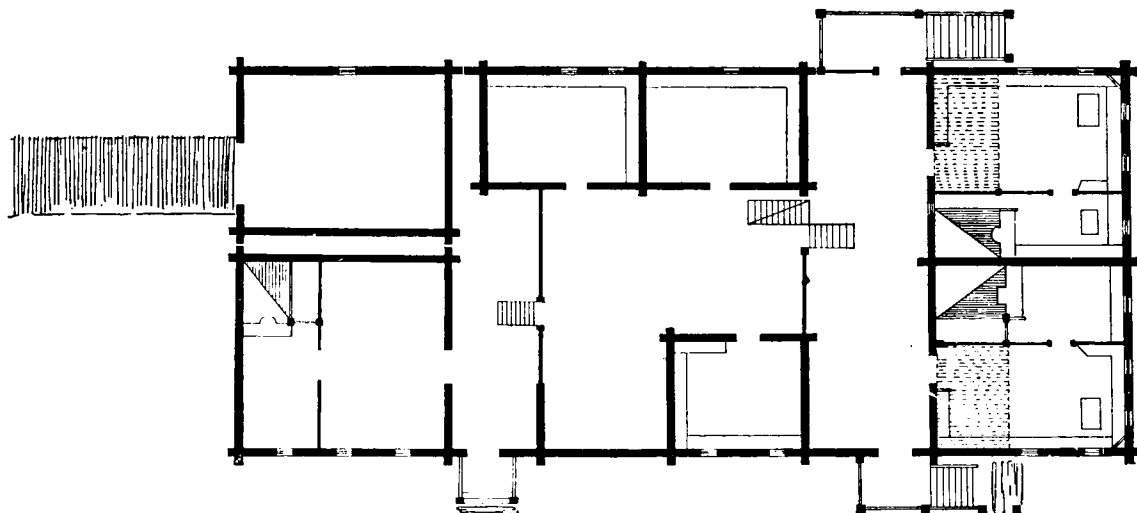

Табл. 37. Боковой фасад и план дома А. В. Попова в селе Кузьминское Тарногского района Вологодской области.

деревянного зодчества: боковые бревенчатые стенки сруба в своей верхней части отходят от вертикальной линии в сторону, как бы валятся на зрителя. Этот «повал» позволял расширить опору для кровли, отвести свисающую часть дальше от стен и тем самым предохранить стены от атмосферных осадков.

Применение повалов не ограничивалось жилыми избами; мы встречали их на амбарах (село Шунга), мостах (село Шуерецкое) и других сооружениях. Подобный прием, требовавший точного расчета и большого искусства в рубке, русские плотники знали очень давно. Наиболее ранние из известных нам клетских церквей (церковь XIV века в Муромском погосте, церковь XV века в селении Бородава), представлявшие собою не что иное, как обычные четырехстенные срубы, уже обладали этими формами. Необычайно многогранное развитие повалы получили при строительстве столпообразных шатровых храмов XVI—XVIII столетий (церковь в селе Панилово, церковь в селе Верховье, церковь в Кондопоге и др.), составляющих гордость русской национальной архитектуры.

Родоначальницей этих бесконечно разнообразных конструктивных приемов и архитектурных форм явилась, видимо, все та же скромная, небольшая крестьянская изба, самая массовая из деревянных построек северной деревни.

Собранный материал позволяет определить дальнейшие этапы развития пятистенка, получившего вслед за четырехстенной избой наиболее широкое распространение в крестьянском строительстве (например, дом Д. А. Русиновой в селении Кондратьевская Верхне-Тоемского района Архангельской области, табл. 33).

Характерным типом такой постройки может служить дом А. В. Попова в селе Кузьминское Тарногского района Вологодской области (табл. 34—37). Дом был возведен на берегу реки Кокшенки на рубеже XVIII и XIX веков Кузьмой Панфиловичем Поповым. Усадьба Попова была единственной в те времена на месте существующей теперь деревни и послужила ядром всего населенного пункта. Большая часть дворов этой деревни принадлежит до сих пор

пор Поповым, с трудом устанавливающим свои родственные связи.

Владелец этого дома Алексей Иванович Попов, несмотря на свой возраст (ему около 60 лет), предполагал в 1958 году «раскатать» прадедовскую постройку и срубить из нее «небольшую избу для себя и старухи». Нам удалось детально зафиксировать этот дом, имеющий интересные планировочные и конструктивные особенности.

Дом А. И. Попова представляет собой развитый жилой крестьянский комплекс, состоящий из пятистенной избы, избы-зимовки, трех холодных клеток «на повите» (втором этаже двора) и светелки на чердаке. Две из этих клеток использовались для хранения имущества и одна — для жилья в летнее время. Пятистенок отделялся от двора общими сенями с двумя одностолбными крыльцами, пристроенными с обеих сторон дома.

Пятистенок в селе Кузьминское отличается от пятистенка в селе Брусенец тем, что пятая, внутренняя стена перенесена в центр всей жилой постройки и совершенно точно делит ее на два равных трехоконных по фасаду помещения — избу и горницу. В избе сохранился древний и в своем роде уникальный образец курной глинобитной печи с дымоволочным окном в задней стене под потолком, а также полаты, лавки, столы.

В горнице была поставлена «белая» печь с трубой. Поэтому стены и потолок здесь чистые, без следов копоти и дыма. Однако вся внутренняя обстановка повторяется без каких-либо изменений. Жилой этаж пятистенка высоко поднят над землей. Существующие под ним подклеты имеют самостоятельные входы с улицы и внутреннюю лестницу. Окна у жилых помещений — красные, с задвижными рамами. «Зимовка» была встроена в габариты двора. Она представляла собою невысокий утепленный сруб без подклета, с большой черной печью и маленькими, прежде волоковыми окнами. В зимовке также жили люди, но помимо этого в ней готовился теплый корм для скота. Два раза в день, утром и вечером, сюда приводили коров, телят и овец и кормили их из специальной колоды, стоявшей внутри помещения. Кроме того, в этой же избе в запечье полторы недели держали молодых телят.

Алексей Иванович Попов сообщил нам некоторые сведения из своей многолетней строительной практики. Лес для строительства, рассказывал он, готовили за два приема. В первый прием в заказнике отбирали лес для потолка, пола, косяков, матиц, лавок и столярных поделок и тщательно его сушили. Во второй прием, иногда на следующий сезон, вели заго-

товку бревен для сруба. Вывозили его на санях или весной гнали на плотах. Кондовую мелкослойную сосновую древесину и лиственницу использовали для первых 3—4 венцов.

Для сруба избы шел крупный и тяжелый лес. Для фронтона оставляли более легкий, для конструкции кровли использовали ель. Дворы ставили на столбах. Тес для кровли кололи «желобом».

До сих пор мы рассматривали пятистенки, развернутые длинной стороной к улице. Широкий фронт окон и наличие трех поперечных стенок сразу определяли пятистенный тип жилой постройки. Такое расположение дома было характерно для всех районов Севера и Верхнего Поволжья. В Новгородской же области пятистенные избы ставились к улице не длинной, а узкой стороной. Примером такого пятистенка может служить дом Павла Петровича Ковалева в селении Чистово Мстинского района Новгородской области (табл. 38, фот. 16).

Дом Ковалева состоит из двух смежных жилых помещений — избы и горницы, разделенных капитальной бревенчатой стеной. Каждое из помещений имеет свой очаг отопления и свою планировку. В избе находится русская печь, вдоль стен расположены лавки, в красном углу стоит стол и повешена божница. Место перед устьем печи отделено перегородкой. Изба предназначена для варки пищи, еды и работы. В горнице находятся кровати и топчаны. Легкая перегородка делит ее в свою очередь на две комнаты, позволяющие изолировать ночлег родителей и детей.

Пятистенок Ковалева не имеет сеней. Их заменяет примыкающий к избе с двух сторон крытый двор. Двор состоит из чистой половины и помещения для скота. Передняя часть двора вымощена досками; здесь хранятся повозки, упряжь, сухие дрова для растопки печи. Она сделана в виде огромного навеса вдоль боковой стены избы. Вторая часть двора представляет собою двухъярусное сооружение, нижний этаж которого используется для содержания скота, а верхний — для хранения сена.

Передний фасад пятистенной избы Ковалева мало чем отличается от обычной четырехстенной клетки: те же габариты сруба, те же три окна, тот же невысокий фронтон, та же двускатная кровля.

С левой стороны дома устроено низкое крыльцо с двумя ступеньками и небольшим навесом, поддерживаемым одной резной колонкой. На линии входной двери расположены главные въездные ворота во двор. С противоположной стороны двора сделаны задние ворота, предназначенные для выгона скота, вывоза навоза и выполнения других хозяйственных работ.

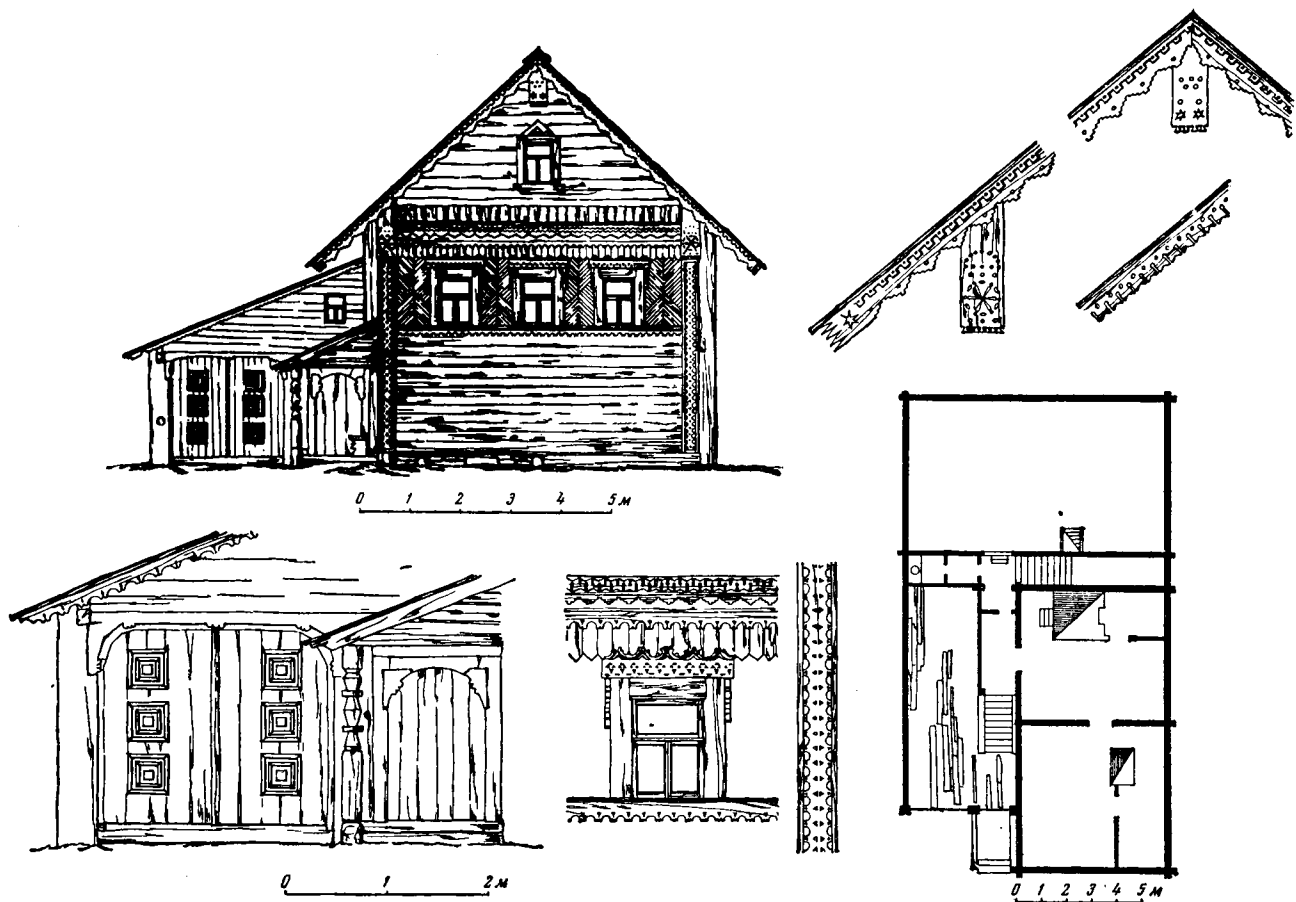

Табл. 38. Дом П. П. Ковалева в селе Чистово Мстинского района Новгородской области.

Дверь, ведущая в дом, имеет красивое арочное завершение. Один из характерных для древнерусской архитектуры конструктивных приемов оформления входа — образование арочного проема — строители осуществляли вставляя в места стыка брусьев дверной колоды специальные подкосы, имеющие криволинейные очертания, и сильно затесывая перекладкины (табл. 39).

Устройство дверных проемов в виде арок было распространенным приемом в деревянном зодчестве северных областей (церковь села Шуи Кемского района Карельской АССР), Заонежья, Кировской области. Особенно широко применялись арочные проемы в церковной и жилой народной архитектуре Закарпатья (церковь в селе Пилище Межгорского района¹³, галереи дома в селе Грушевом Тячевского района¹⁴ и др.).

В Новгородской области криволинейные подкосы получали дополнительную профилировку в виде полуваляков и гроздьев из валяков и украшали, как, например, в доме Ковалева, не только дверные, но и

воротные проемы. Тяжелые створки ворот также имели художественную обработку в виде двух рядов ширинок, иногда раскрашенных в разные цвета и, видимо, заимствованных из каменного зодчества.

Дом Ковалева был обшит тесом, но сохранил традиционную систему резного наряда крестьянской избы. По линии скатов кровли помещены подзоры из одной широкой доски с зубчато-ступенчатым обрезаем и узкой навесной полоской из сухариков и трех полочек. В центре подзоров помещена иллюзорная ветреница с двумя шестиконечными звездами и рядом сверленных отверстий. По краям подзоров на торцах верхних бревен укреплены два подкрылка с простым геометрическим орнаментом в виде круга и полукружия с удлиненными капельниками. Резьбой покрыты также наличники фронтона и углы здания.

Приподнятый на высокий подклет сруб воспринимается вместе с крыльцом и двором в единой многоплановой композиции переднего фасада. Мастер с большой целеустремленностью, тактом и вкусом использовал резные доски. Тонкий художественный узор как бы подчеркивает основную идею этой композиции, усиливает главные членения объема, выявляет его силуэт, акцентирует центральную, жилую

¹³ См. П. Макушенко, З. Петрова. Народная архитектура Закарпатья. Киев, 1956, стр. 159.

¹⁴ См. там же, стр. 33.

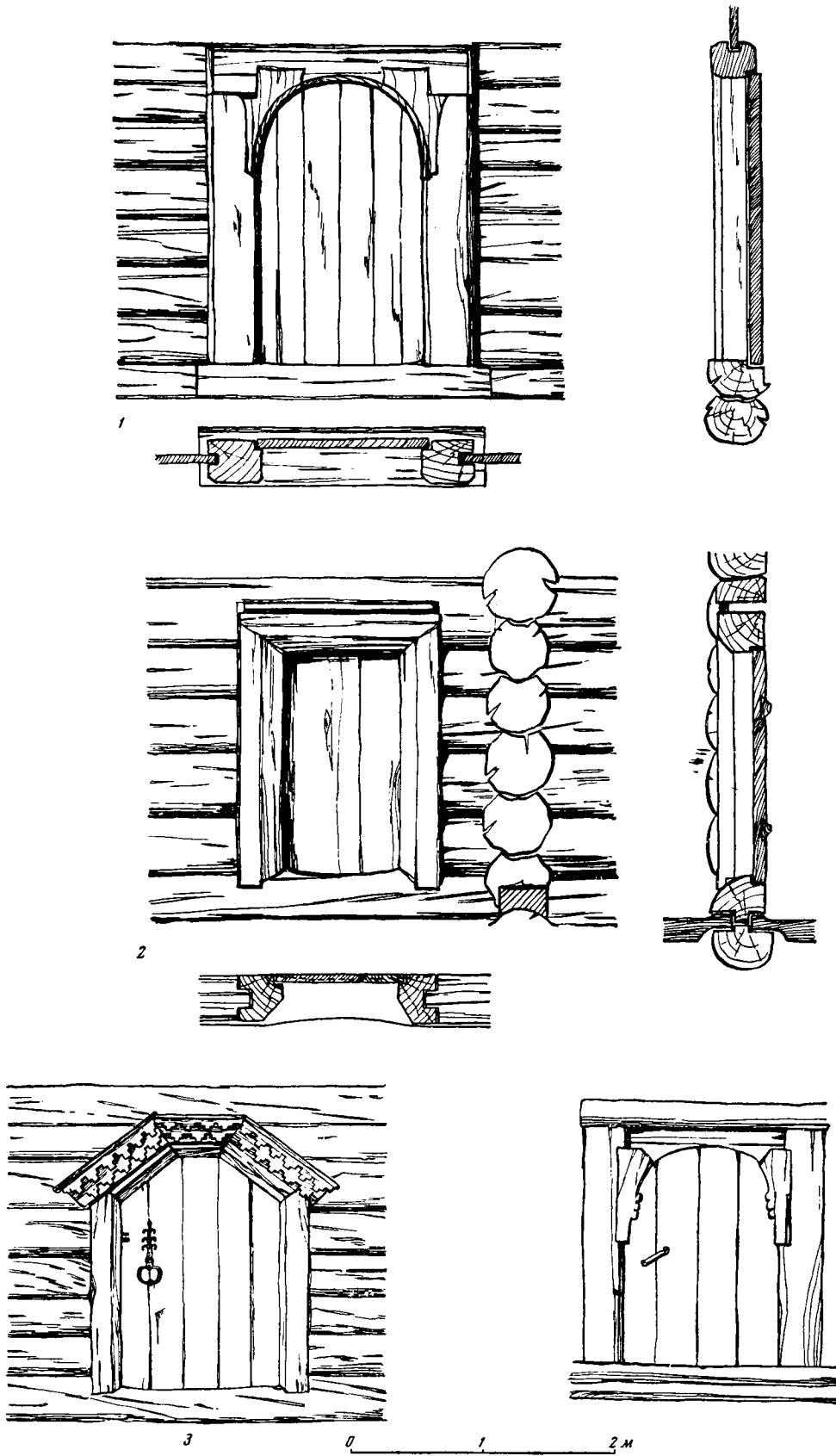

Табл. 39. Типы дверных колод в северных избах.

часть постройки. В то же время в доме Ковалева скрестились два направления, характеризовавшие художественное мировоззрение русских плотников. Одно следовало традиции прошлых столетий, максимально используя выразительность конструктивных элементов в обработке проемов дверей, ворот, несущего столба крыльца, подзоров, ветрениц, подкрылок. Другое исходило из внешних приемов оформления постройки — скрывало за тесовой обшивкой бревенчатую фактуру стен, делало основной упор на накладных декоративных деталях, более дешевых, легких по исполнению и внешне эффектных.

Подобные столкновения взглядов и методов работы народных мастеров были характерны для конца XIX века. Они отражали процесс капиталистического развития деревни, период наиболее бурного изменения ее архитектурного облика. Расположение пятистенка короткой стороной с тремя окнами по фасаду и высоким фронтом к улице было характерно не только для зодчества Новгородской области (табл. 40). Такие же постройки возводились в Поволжье и на побережье Белого моря. Естественно, что в каждой местности были свои строительные особенности.

Так, в селении Красные Оселки Лысковского района Горьковской области к пятистенной избе А. В. Авдеевой примыкают сени, соединяющие ее с двором и двумя крыльцами. Наличие в избе окон с одной стороны заставило строителей изменить положение печи и повернуть ее устье к свету. К окнам были переставлены стол и лавки.

В селении Шуерецком Кемского района Карельской АССР в доме А. И. Исакова к пятистенку помимо сеней было пристроено еще жилое помещение — небольшая светелка. Однако планировка избы и горницы от этого существенно не изменилась.

Коренным образом изменился внешний облик пятистенка в южных районах Кировской области, в западной части Псковской области и на Среднем Поволжье (от Горького до Куйбышева), где он также получил широкое распространение. При периметральной застройке усадьбы в этих местах жилой дом был полностью отделен от дворовых и хозяйственных построек. Его небольшие габариты позволяли делать невысокие четырехскатные или двускатные (по узкой стороне) кровли. В соответствии с этим при продольном расположении пятистенка к улице объем его был относительно мал, силуэт прост, резной наряд беден. Основные принципы возведения пятистенной избы получили здесь дальнейшее развитие в дополнительном членении жилых помещений, усложнившим всю планировку жилого комплекса.

В качестве примера можно назвать дом М. А. Петровой в селе Большая Тушка Шурминского района Кировской области (фот. 23). Каждое из двух смежных помещений пятистенка делилось на изолированные комнаты с самостоятельным функциональным назначением (кухня, столовая и т. д.).

Функциональное разграничение общей площади избы в народном зодчестве прослеживается очень давно. Народная терминология сохранила первичные наименования отдельных углов избы соответственно их назначению в жизни крестьянской семьи. Против устья печи помещался бабий кут — место приготовления пищи, по диагонали от устья печи — красный, или большой, угол со столом и иконами — место для еды, приема гостей, у входной двери — хозяйственный кут, или конник, — широкая лавка-ларь, служившая для поклажи и ремонта упряжи, и, наконец, за печью (на реках Онеге и Мезени) — жернов угол — место ручного помола зерна.

Стремление изолировать эти углы друг от друга вызвало установку в избе перегородок, дополнительных прирубов, наконец, устройство самостоятельных помещений для отдыха и сна — горниц, светелок, клетей. Это стремление проявилось также в постройке в одном жилом комплексе черных и белых изб, т. е. в формировании более развитых типов жилья — пятистенных и шестистенных домов.

Таким образом, многокомнатная планировка дома — закономерный этап в развитии народного жилища. Она отражает потребность крестьянина отделить взрослых членов семьи от детей и стариков, женатых от холостых, девушек от парней, создать более или менее благоприятные условия для работы и отдыха. Эти черты в одинаковой мере присутствуют в планировке простой четырехстенной избе А. Салова в Поволжье и в пятистенном доме М. Петровой, возведенном на берегу реки Вятки.

Рассмотренные нами пятистенные избы характеризуют собой наиболее важные этапы большого и сложного процесса формирования пятистенка в русском народном зодчестве. Все остальные весьма многочисленные варианты пятистенных изб не имеют принципиально новых планировочных или конструктивных особенностей. Они отражают лишь промежуточные звенья развития или местные разновидности этого вида построек.

Как показывают собранные нами материалы, только на Севере и в Поволжье существует более 80 разновидностей пятистенных изб. Разнообразие их вызывалось прежде всего стремлением плотников удовлетворить конкретные бытовые потребности кре-

стьян, соответствующие тем или иным их материальным возможностям.

Пятистенные избы имели поэтому самые различные габариты, от небольшой трехкошней жилой постройки среднего крестьянина Поволжья до крупных двухэтажных зданий зажиточной верхушки поморского крестьянства Архангельской области. Типы изб отличались, естественно, не только габаритами помещений, но и конструктивными и декоративными приемами, введением дополнительных бревенчатых стенок, пристройкой выступов крылец, количеством и формой оконных проемов, резным орнаментом на наличниках, подзорах, ветреницах и т. д. и т. и.

Все это в свою очередь существенно влияло на общий композиционный замысел, изменяло пропорции объемов, весь строй архитектурных форм здания. Избы одного и того же типа становились мало похожими друг на друга, несмотря на общие принципы планировки и строительные приемы. Эти отличия особенно резко проявляются при сравнении различных местностей.

Сила и устойчивость областных традиций, существовавших часто на весьма ограниченной территории (бассейн реки, группа островов, район или сельсовет), составляли своеобразную черту развития русского народного зодчества.

В Верхнем Поволжье, например, пятистенные избы ставились к улице и короткой и длинной стороной, в Новгородской области — только короткой, а в Архангельской — только длинной.

В Верхнем Поволжье два смежных помещения пятистенка были различны по своей площади: изба — больше, горница — меньше. В Новгородской области, наоборот, изба — меньше, горница — больше, а на Беломорском побережье оба помещения делались одинаковыми.

Еще сильнее колебалось число окон на переднем фасаде пятистенка: в Новгородской области оно не превышало трех, в Поволжье всегда равнялось пяти, а на Севере достигало восьми.

Так же различны были и отдельные элементы архитектуры жилых построек. В Поволжье балконы на фасаде дома совсем не делались. На реке Вычегде их можно было увидеть на редких избах. На островах Онежского озера балконы являлись обязательной принадлежностью каждого дома. При этом на Вычегде, как правило, балкон представлял собой открытую площадку, а в Заонежье он имел прочное перекрытие с резными стойками.

Те же местные особенности отличали и крыльца. В верховьях Камы, например, крыльца устраивались

в виде самостоятельных бревенчатых глухих прирубов. На Вычегде и Сухоне крыльца ставились на высоких одностолбных или двухстолбных конструкциях с открытыми площадками и маршами лестниц. В Заонежье и Поволжье перед входной дверью устраивался только навес, так как лестница размещалась внутри здания.

Применение лещины в народном зодчестве ограничивалось всего лишь 60 деревнями Некрасовского района Ярославской области, а свайные постройки были широко распространены лишь в трех селениях Костромского района Костромской области.

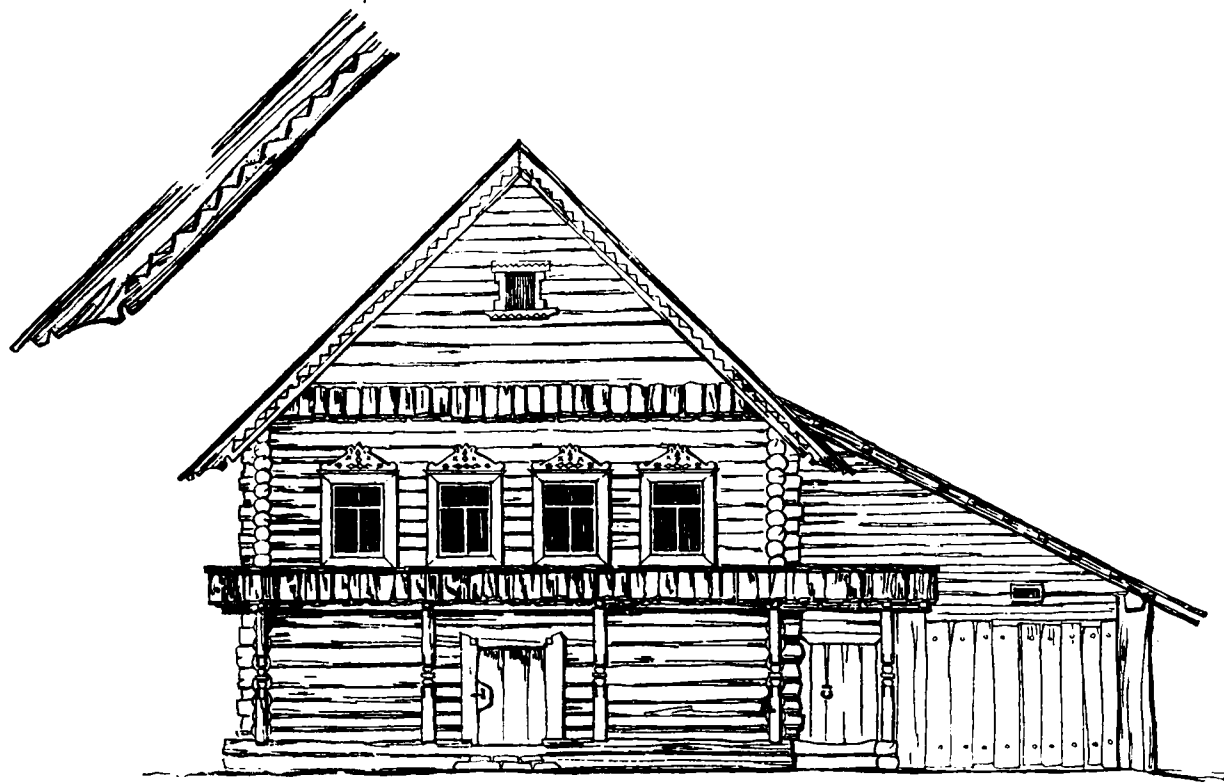
В формировании типов народного жилища огромную роль играли не только местные, как правило очень устойчивые, строительные традиции, но и личная одаренность плотников, их специальная подготовка, их творческая активность.

Некоторые пятистенные избы Поволжья и Севера, ничем не отличавшиеся по принципам планировки и конструктивным приемам от обычных крестьянских жилых построек, являются высокими произведениями архитектурного искусства. Они по праву должны войти в историю русского деревянного зодчества рядом с лучшими сооружениями профессиональных мастеров. К числу таких построек можно отнести дома в деревнях Мытищи, Кобылино, Федотово и других селениях, расположенных на берегу реки Унжи в Юрьевоцком районе Ивановской области. Все эти дома срублены выдающимся в Поволжье плотником и резчиком по дереву, «знатным мастером», как его называли крестьяне, Емельяном Степановым.

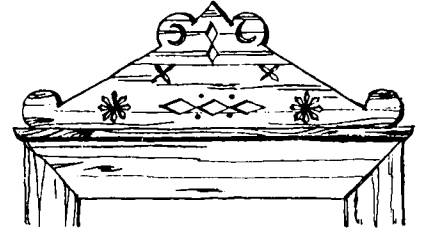
Значительная часть построек, возведенных этим мастером, принадлежала зажиточной верхушке деревни — крестьянам, занимавшимся, кроме земледелия, подрядами на стороне, заготовкой и сплавом леса, гонкой и продажей смолы, строительством мелких судов и т. н. Такими крестьянами были Андрей Григорьевич Серов в селении Мытищи, Дмитрий Кондратович Липатов в селе Кобылино, Алексей Михайлович Капустин в деревне Федотово и др. Все они имели достаточно средств для приглашения лучших плотников из Сокольского затона, к числу которых относился и Емельян Степанов.

Эти дома заслуживают внимания по двум причинам: во-первых, они обладают бесспорными архитектурными достоинствами и, во-вторых, в них на редкость полно раскрывается творчество этого мастера, фигуры сильной и самобытной, подлинно народного художника и зодчего.

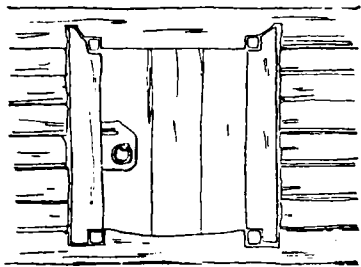
Пятистенок С. А. Уваева (быв. А. Г. Серова) в селении Мытищи представляет собой такую пост-

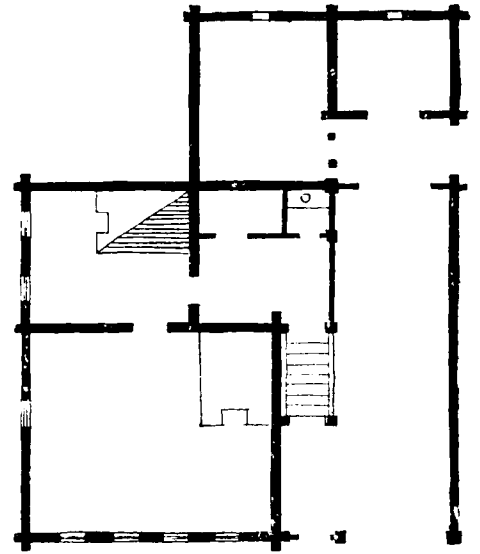
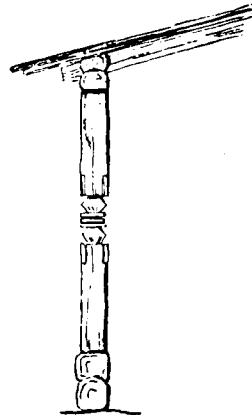
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 м

0 20 40 60 80 100 см

0 1 2 3 4 5 м

0 5 10 м

7*

Табл. 40. Дом в селе Яжелбицы Валдайского района Новгородской области.

ройку, в которой зрелость архитектурного замысла и мастерство зодчего проявились особенно ярко (табл. 41, фот. 52).

В основе планировки дома лежит традиционная схема расположения жилых и хозяйственных срубов в крестьянском комплексе. Впереди — изба, затем подсобные помещения (клетки, чуланы) и, наконец, скотный двор. Все постройки связаны между собой сенями, переходами, лестницами и находятся друг за другом на одной продольной оси. Таким же обычным является и внешний облик здания, представляющего собой прямоугольный бревенчатый объем под общей двускатной кровлей.

Казалось бы, для новаторства плотника не оставалось места и весь полет его мысли был скован необходимостью повторения традиционных приемов возведения построек. Но искусство плотника проявилось именно в этом умении, не нарушая живых традиций строительства, найти способы их творческого обогащения и в отношении планировки и в отношении изобразительных средств украшения жилища.

Дом Уваева в деревне Мытищи отличается функциональной целесообразностью избранной системы планировки, цельностью композиционного замысла, богатством архитектурных форм. Мастер, как большой художник и зодчий, свободно оперирует глухой бревенчатой стеной и легкой сквозной решеткой, узкой дверью и открытым проемом, высокой полуциркулярной аркой, одномаршевой и двухмаршевой лестницами и, наконец, тонким, изящным накладным орнаментом и крупной скульптурной формой конструктивных элементов.

Главным жилым помещением дома Уваева является пятистенок, состоящий из избы и горницы и занимающий переднюю часть здания. Внутренняя обстановка избы — такая же, как и во многих других крестьянских домах Ивановской области: печь с голбцом, полати, лавки, божница, стол. Выполняя эту привычную для жилых построек планировку, Емельян Степанов проявил необыкновенную изобретательность. Широкие лавки, устроенные вдоль стен избы, получили опушки с упругой волнообразной линией обреза и мелкоузорной выемчатой резьбой на кромке доски, опирающейся на прочные и устойчивые фигурные ножки.

Выразительную конструкцию приобрела лестница голбца. Она сделана в виде двух укрепленных на стене кронштейнов с криволинейным очертанием и легкой контурной резьбой, изображающей силуэты стеблей и листьев, еле заметные на плоскости массивных брусьев.

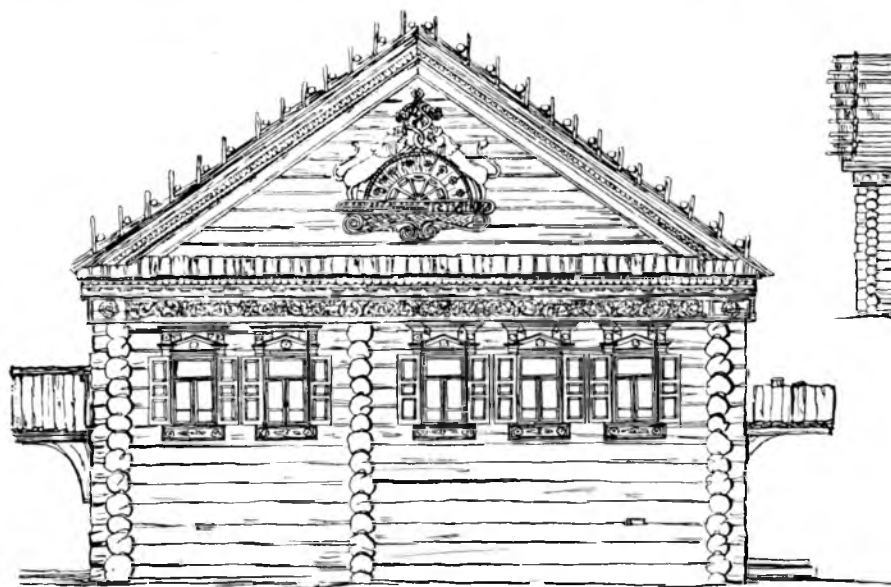
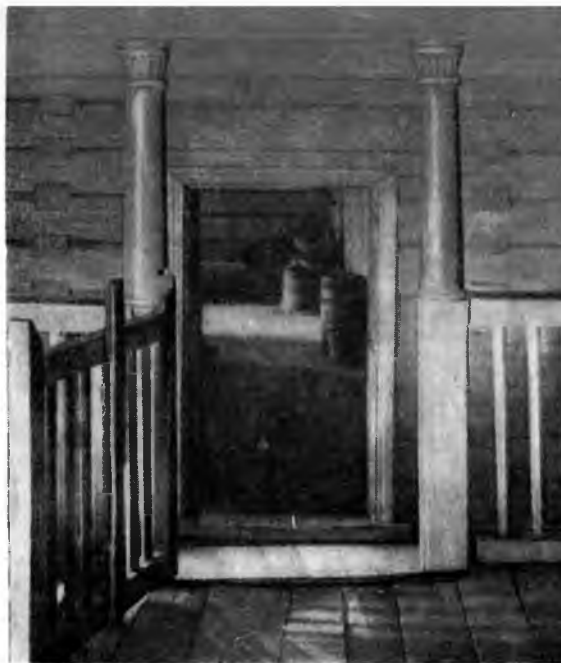
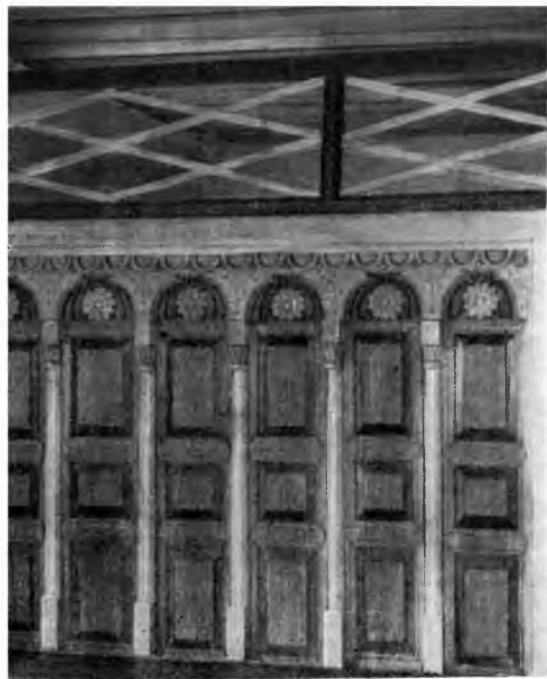
Своеобразную композицию представляет собою киот божницы. Здесь мастер применил точеные колонки, поддерживающие большой профилированный фронтон, и многочисленные розетки, укрепленные на простых связанных в раму досках.

Но самое главное внимание Емельян Степанов уделил художественной обработке перегородки между кухней и остальным пространством избы. И это не случайно: перегородка наиболее сильно освещалась из окон. На нее был направлен взгляд всех присутствовавших в помещении людей, обычно сидевших на лавках у противоположной стены.

Перегорodka являлась центральным местом украшения интерьера. Поэтому именно здесь сосредоточивалась и резьба, и роспись, вешались вышивки, гравюры, лубки и фотографии. Перегородка в доме Уваева обладает стройной архитектурной композицией с четкой моделировкой деталей. Она состоит из двух частей: нижней — сплошной заборки и верхней — сквозной ромбовидной решетки.

Основной темой оформления глухой плоскости нижней части служит аркатурный пояс, опирающийся на ряд удлиненных колонок. В центре каждой арочки помещена крупная розетка. Между розетками — острые и выразительные линейные порезки, изображающие контуры веток деревьев или полевых растений. Эта своеобразная народная графика, которую можно встретить на самых разнообразных предметах быта — ковшах, донцах прялки, вальке, ткацком стане — здесь умело применена мастером в сочетании с высоким и полным рельефом архитектурных элементов. Значительную часть плоскости занимают филенки, дающие неглубокую, но осязаемую игру светотени, подчеркивающую основные вертикальные членения стены. Над аркатурным пояском сделаны крупные полосы модульонов с двумя полочками, спокойно завершающими всю композицию резьбы на перегородке. Орнаментальные украшения повторяются в горнице на лавках, на божнице и на полке.

Два смежных помещения пятистенка различны по габаритам. Однако нарушение общего живописного равновесия, присущего всему плану дома, почти незаметно. Мастер умело восстанавливает центральную ось здания проходным «мостом» (продольными сенями), соединяющим избу со светелкой, зимовкой и обширным двором. Проход акцентирован декоративной аркой с красивым резным архивольтом, двумя крупными колоннами и орнаментированными досками, повышенными с двух сторон проема. Восстановлению равновесия способствует также сокращение свободной площади сеней за счет устройства

0 1 2 3 4 5 м Масштаб 2/3 фасада
 0 1 2 3 4 5 м Масштаб 1/3 фасада

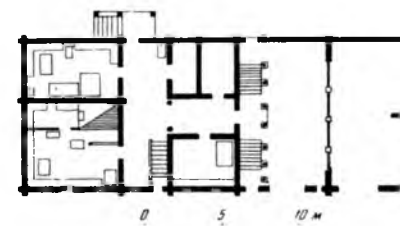

Табл 41. Дом С. А. Уваева в селении Мытищи Юрьевоцкого района Ивановской области

внутренней лестницы против дверей избы и, наоборот, увеличение площадки крыльца.

По центральной оси здания размещен и дверной проем из сеней во двор. Перед человеком, переступившим порог этой двери, необычайно эффектно открывалась двухмаршевая лестница на белый двор и оригинальная конструкция из чистых тесаных стоек, художественно обработанных в виде колонн, поддерживающих перекрытие двора.

Белый двор, вымощенный досками, играл в крестьянской жизни большую роль. Сюда заезжали на лошадях и летом в дождливую погоду, и зимой в метель. Здесь оставляли повозку, запрягали и распрягали лошадей. Здесь собирали в дорогу и провожали гостей. Здесь хранили упряжь и сбрую, сани и телеги.

Открытая колоннада не только пропускала ровный свет на лестницу, но и позволяла наблюдать с верхней площадки за всем происходившим на белом дворе. Белый двор отделялся от скотного легкой решеткой и воротами с криволинейным (в виде двух волют) завершением.

Даже здесь мастера сумели придать простым элементам выразительную архитектурную форму, сделать их украшением двора, украшением быта. В этом сказалась своеобразная философия народного художника, красной нитью проходящая через всю его практическую деятельность. Зодчий поставил перед собой определенную задачу функционально и художественно объединить в единый архитектурный комплекс различные по назначению помещения (избу, сени, клеть, двор, лестницу). Он стремился сделать это не путем механического соединения отдельных срубов, а путем последовательного развития единого композиционного замысла в архитектуре интерьера.

Целеустремленность мысли зодчего, мастерство его уверенных рук ощущаются поэтому в одинаковой мере в архитектуре всего дома — от планировки комплекса в целом до конструкции его перекрытий, от перегородки в избе до волют на внутренних воротах белого двора.

Как мы уже говорили, дом Уваева по своему внешнему облику ничем не отличается от других стоящих рядом жилых построек деревни. Архитектура его скромна: обычные и резные наличники, и карнизная доска, с трех сторон охватывающая здание. Лишь два декоративных элемента фасада выдают беспокойный и смелый характер Емельяна Степанова. Это — главные въездные ворота во двор с боковой стороны и слуховое окно на переднем фронте дома. Ворота состоят из двух проемов: большого,

въездного и калитки для прохода людей. Далеко выступающий навесный козырек защищает ворота от дождя и снега. Мастер отказался от традиционной конструкции ворот и системы их художественного оформления. Здесь не видно ни несущих столбов, ни криволинейных причелин, здесь вообще нет ни горизонтальных, ни вертикальных членений, столь характерных для народного зодчества Поволжья.

В ровной, обработанной крупной резьбой стене Степанов вырезал два проема, очень спокойных и простых по контуру: один — с овальным, другой с арочным завершением. Эффект избранного им приема заключался в создании огромного монолитного резного ковра с глубоким пластическим рельефом, с крупными и четкими срезами, мощным декоративным складом рисунка, объединяющим всю орнаментацию плоскость ворот (фот. 108; см. также фот. 107). Сопоставление его с бревенчатой фактурой стены избы и гладко затесанными досками створок ворот оставляет незабываемое впечатление.

В композиции орнамента на воротах мастер не применил широко распространенных в этих местах звериных мотивов, мифологических образов, виноградных гроздьев и т. п. Он использовал только одни растительные побеги из листьев аканфа, бесконечно изменяя их направление, характер завитков, их ритм, глубину их граней. Емельян Степанов и здесь шел своим путем мастера-новатора, творчески обогащавшего архитектуру народного жилища.

Теми же качествами отличается выполненное им слуховое окно на переднем фасаде дома. Не случайно резьба на слуховом окне чердака привлекла столь большое внимание зодчего. Глухая плоскость обшитого фронтона по своим размерам и расположению представляла собой важнейшую часть всей композиции главного фасада здания. Единственный оконный проем позволял мастеру создать художественный центр этой композиции, эффектно завершить систему резных украшений на здании. Он придал окну полуциркульную форму, вставил раму с красивым веерообразным переплетом, перспективно увеличил проем расходящимися стенками, на гладкие доски которых навесил стройный ряд рельефных розеток.

По бокам окна мастер поставил две фигуры зверей, в напряженном движении стремящихся достать плоды с дерева, под окном укрепил волюты с сильным и упругим силуэтом, соединив их легкой плетеной решеткой с резной авторской подписью «Ма[стер] Емельян Степанов». Вся композиция наличника окна вписывается в треугольник, соответствующий форме двускатной кровли дома.

Емельян Степанов построил более двух десятков домов в Юрьевоцком и Сокольском районах Ивановской области и Макарьевском районе Костромской области. Двенадцать из них сохранились до наших дней.

Родился Емельян Степанов в первом десятилетии XIX века в деревне Яблоново, в семье потомственного плотника и резчика по дереву Степана Зиринова. Отец его, вместе с двумя братьями Евдокимом и Тимофеем, строил суда и баржи в Сокольском затоне. У Степана Зиринова было семь сыновей, старшим из них был Емельян. Вся семья работала одной артелью. Избу в три окна ставили за три недели. Работая с малолетства в затоне, Емельян быстро овладел техникой резьбы и приучился к чистой и ловкой врубке бревен.

Емельян Степанов был мастер «первой руки». Он рубил углы, вставлял косяки, выполнял внутреннюю обстановку и украшал дом резьбой. На каждой из построек он ставил дату ее возведения, свое имя

и фамилию. Подпись «знатного мастера» составляла гордость владельца постройки. Мастерство его высоко ценилось в народе, и часто резные доски с его подписью перепродавались из одной деревни в другую. Таковы те краткие сведения, которые сообщил нам его родственник Кузьма Михайлович Зиринов, слышавший об Емельяне Степанове от своего отца.

Лично видела мастера в последние годы его жизни лишь восьмидесятилетняя крестьянка Клавдия Климовна Липатова, проживающая в доме, построенном Емельяном в деревне Кобылино. Это был высокий и сильный старик с одним глазом (другой выбило щепой), рассказывала она нам, с большой седой бородой. Мрачный и молчаливый, водку не пил (что для плотников — редкое исключение). Брал подряд лично, но сам в последние годы жизни выполнял только резьбу. Избы рубили его помощники. Умер Емельян Степанов 80 лет от роду в своей деревне в 1892 году.

ДВОЙНЯ И ШЕСТИСТЕНОК

Наряду с четырехстенной и пятистенной избой в русском народном зодчестве получил широкое распространение третий тип крестьянского жилища — так называемый шестистенок. Конструктивную основу этой постройки составляет связь шести капитальных стен (две расположены параллельно улице и четырех — перпендикулярно ей). Особенность планировки шестистенка заключается в наличии трех изолированных помещений по передней линии застройки дома. Двор расположен позади дома, на одной продольной оси с жильем.

Шестистенная изба была распространена преимущественно в северных районах. Однако разновидности ее можно встретить в Новгородской, Костромской и Ярославской областях.

Путь развития шестистенной избы легко прослеживается при сопоставлении ряда построек, определивших ее формирование. Здесь необходимо, прежде всего, назвать избу-двойню, сложившуюся еще в древнерусском зодчестве и сохранившуюся до наших дней во многих областях Севера.

Изба-двойня представляет собою два самостоятельных сруба, плотно прижатых друг к другу, имеющих общие сени и одну общую крышу. Так же, как и в пятистенке, жилые помещения вынесены в переднюю часть дома и торцы четырех поперечных стен выходят на главный фасад здания.

Характерным примером такой избы может служить дом А. Л. Яковлева в деревне Юрома Лешуковского района Архангельской области (табл. 42).

Дом Яковлева трижды переносился с места на место при продаже его разным хозяевам. По утверждению старожилов, это один из самых древних домов селения, воздвигнутый в начале XIX века. Два жилых помещения дома различны по своим габаритам. Первое помещение — изба — имеет три окна на улицу и два на боковой стене. Оно отапливается большой русской печью. Вдоль стен устроены лавки, над дверью — полатки, в углу — иконы. Печь в избе стояла у входной двери и была отодвинута от боковой стены. Пространство между стеной и печью использовалось для помолы муки и крупы. Здесь находился ручной жернов, в соответствии с чем и место называлось «жернов угол». Подобная планировка избы была характерна для всех мезенских и пинежских жилых построек.

Второе помещение представляет собой холодную клеть — летнюю горницу. Внутренней обстановки в ней, кроме лавок, не сохранилось и, по словам хозяев, не существовало вообще. При необходимости сюда приносились стол и кровать; когда эти предметы нужны были в избе или сенике, их уносили обратно.

Несмотря на наличие двух самостоятельных и разновеликих срубов, изба воспринимается как единый, монолитный симметричный объем. Конструктивно срубы объединены широким фронтоном дома. Он состоит из ряда цельных продольных бревен и жестких торцовых стенок. При этом одна из смежных стенок сруба поднимается до самой кров-

ли, а другая перебивается центральным окном фронтона и смещается в сторону. Подобный прием позволяет зодчему восстановить композиционное равновесие главного фасада и образовать прочную основу для двускатной кровли.

Конструкция крыши была такой же, как и в других районах Севера. Врубленные в слезы курицы (крючья) поддерживали потоки (желоба). В потоки упирались два ряда досок. Верхние концы стоек прижимались к коньковой слезе охлупнем (тяжелым стволом ели). Корневище ствола обрабатывалось в виде головы коня или птицы. В Юрме можно было увидеть также изображение головы оленя или лося. Натуральные рога этих животных охотники обычно прикрепляли к коньку кровли дома, отмечая этим свое ремесло (фот. 66).

Пожалуй, здесь больше, чем где бы то ни было нельзя рассматривать архитектуру крестьянской избы вне окружающей ее застройки, вне архитектурного ансамбля всей деревни. Мезенские деревни обычно располагались на берегу реки. Суглинисто-песчаная почва берегов легко размывалась паводком рек, осыпалась при весеннем таянии снегов, при бурных и продолжительных осенних дождях. Часто сползание грунта увлекало за собой проезжую часть улицы, жилые и хозяйственные постройки. Подобные явления были характерны и для других северных рек, особенно таких полноводных и капризных, как Вычегда и Сухона. Не только деревни, но и целые города (Сольвычегодск и Яренск) неоднократно переносились с одного места на другое, оказываясь под угрозой полного уничтожения. Находчивость и строительная изобретательность северных крестьян позволяли им вести успешную борьбу с этой суровой водной стихией. Мезенский плотник прочно укреплял ненадежный грунт мощной рубленой стенкой и смело ставил на этот бревенчатый массив, полукольцом охватывающий деревню со стороны реки, отдельные постройки (амбары, бани и др.). Перед домом он настилал на эту прочную конструкцию доски, ограждал их перилами, устраивал площадку для сушки заготовленных на зиму дров, мостил мосты для хождения людей и движения повозок, делал многочисленные лестницы, спуски, съезды к воде. Он придавал столбам и перилам художественную форму, напоминающую форму птиц и животных (гусей, уток, коней и оленей).

Если из плоскости стены в сторону обрыва было необходимо выдвинуть какое-нибудь сооружение, то оно получило дополнительное крепление в виде рубленой клетки, по своей высоте иногда превосходившей основную постройку.

Перед домом Яковлева, как бы фланкируя главное здание, стояли две постройки — амбар и баня. Между ними тянулся «обруб» из толстых бревен лиственницы. Выше обруба поднимались столбы, связанные длинными и тонкими жердями. Все это создавало характерную для мезенских деревень архитектурную раму стоящей на заднем плане избы, композиционно завершая живописную панораму построек усадьбы северного крестьянина. Умение использовать лес для решения самых разнообразных задач, выдвигаемых жизнью, нашло здесь наиболее широкое применение.

Устройство двух срубов в доме объяснялось прежде всего необходимостью иметь резервное помещение. Оно могло быть использовано для жилья в летнее время, а при установке печи — и круглый год. Это было важно потому, что крестьяне здешних мест, так же как и других районов Севера, жили долгие годы под одной крышей, одним хозяйством, очень большой семьей. В случае же женитьбы или раздела старшие сыновья получали возможность остаться в отцовском доме, в уже готовом срубе. Иногда большой двухэтажный дом осваивался постепенно на протяжении 10—20 лет. Из трех или четырех помещений жили только в одном, а остальные отделялись по мере увеличения семьи, наличия сил и средств. Такие избы часто встречаются также и на Северной Двине.

Наличие двух смежных бревенчатых стен в избе-двойне плотники объясняли стремлением сделать жилище более долговечным. Они полагали, что одна бревенчатая стена, разделяющая теплое и холодное помещения, скорее загнивает, так как конденсирует в себе влагу, которая не может испариться из-за отсутствия движения воздуха в соседнем помещении. Две же стены с промежутком между ними обеспечивали естественное проветривание. Не случайно между этими стенами стали устраивать небольшое волоковое окошко, а впоследствии и косячатое, красное окно. Увеличивавшееся расстояние между срубами позволяло создать дополнительное помещение в доме. Вначале это был холодный чулан, а затем теплая изолированная комната. Продольные бревна при этом удлинялись и конструктивно связывались друг с другом.

С расширением междусрубного пространства, так же, как и в пятистенке, увеличивались основные жилые помещения. Горница получила одинаковые размеры с избой и то же количество окон по главному фасаду. Главный фасад четко членился поперечными стенами по всей высоте на три части. Центральную ось подчеркивали балконы, дверные

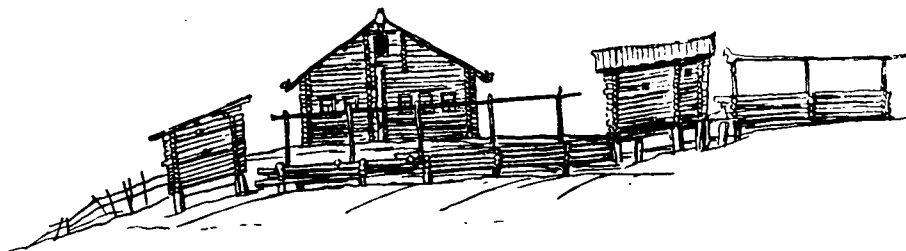
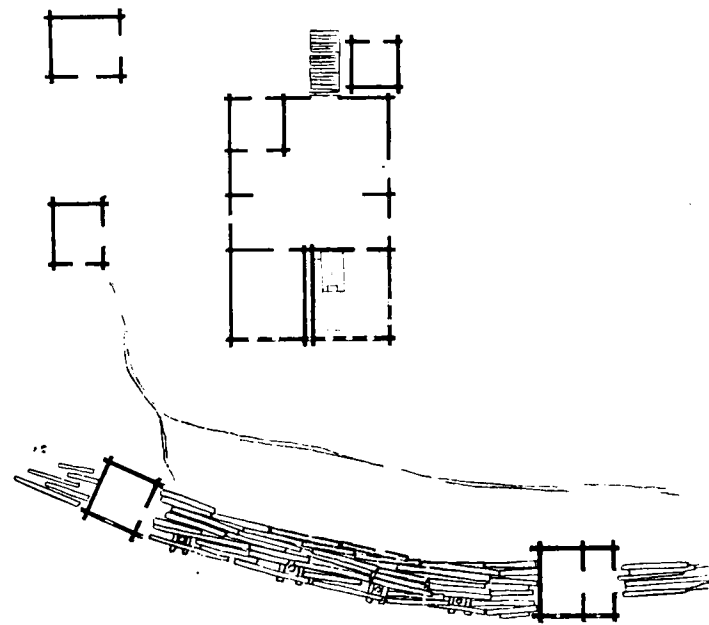
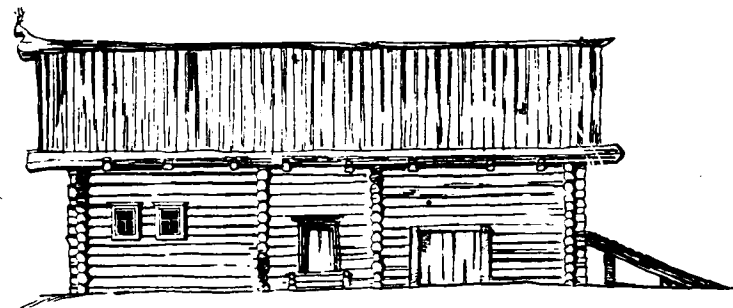
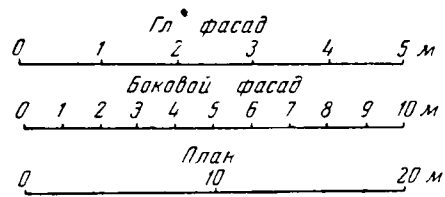
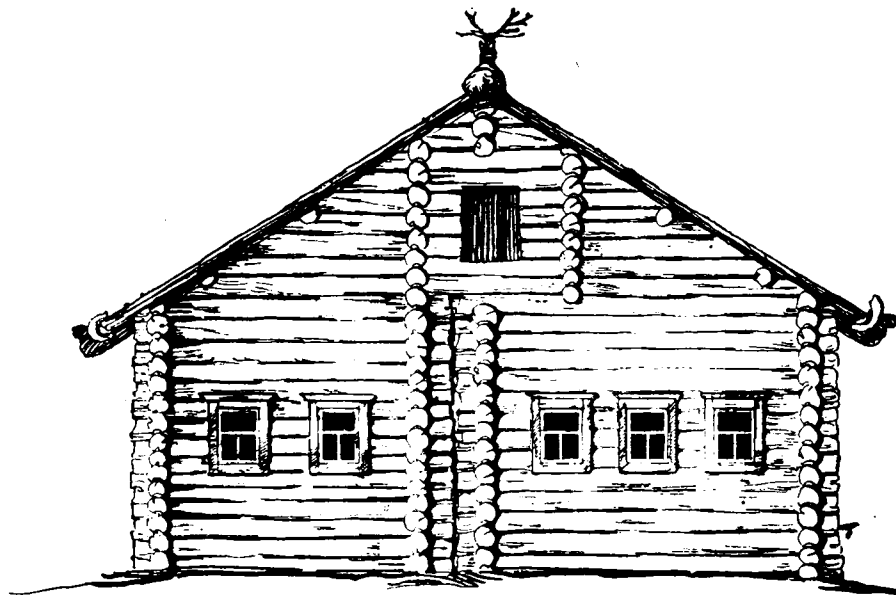

Табл. 42. Дом А. Л. Яковлева в селе Юрома Лешуконского района Архангельской области.

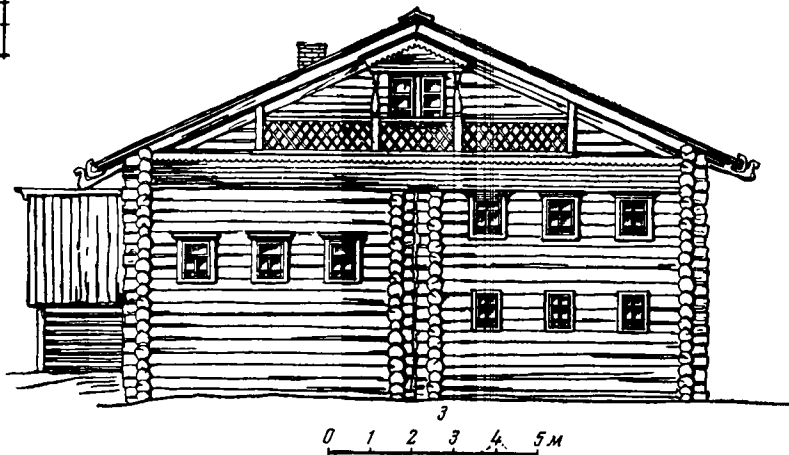
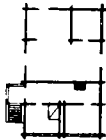
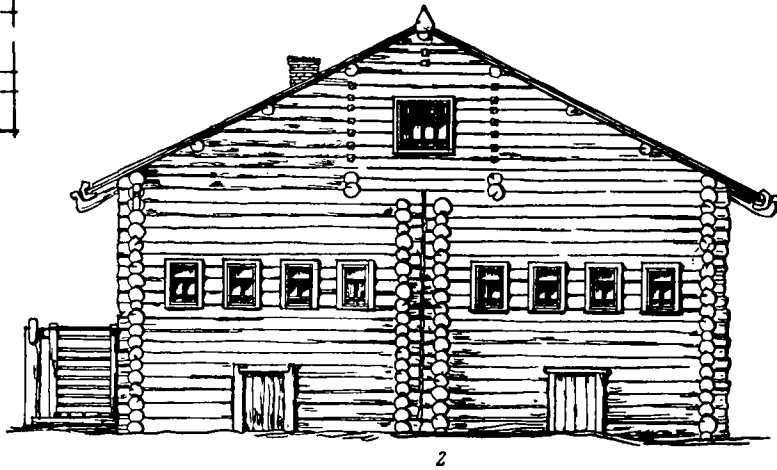
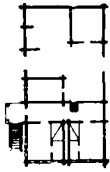
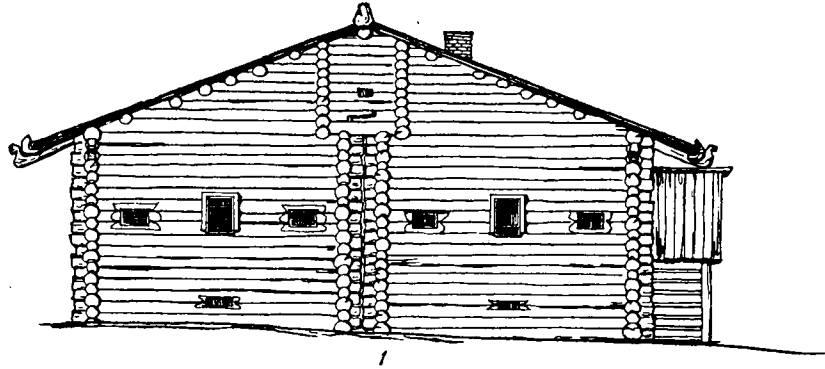
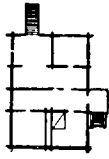
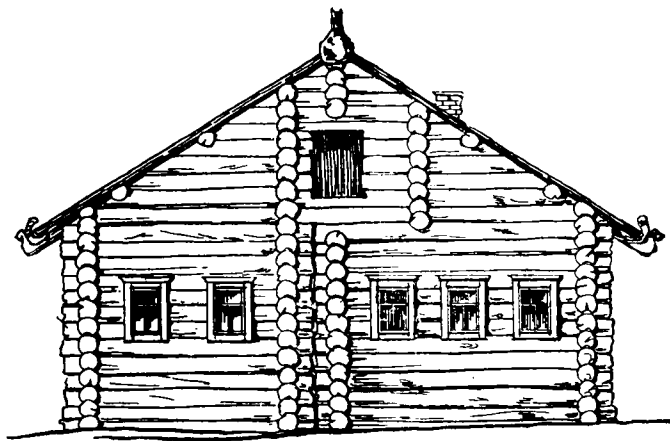
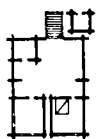
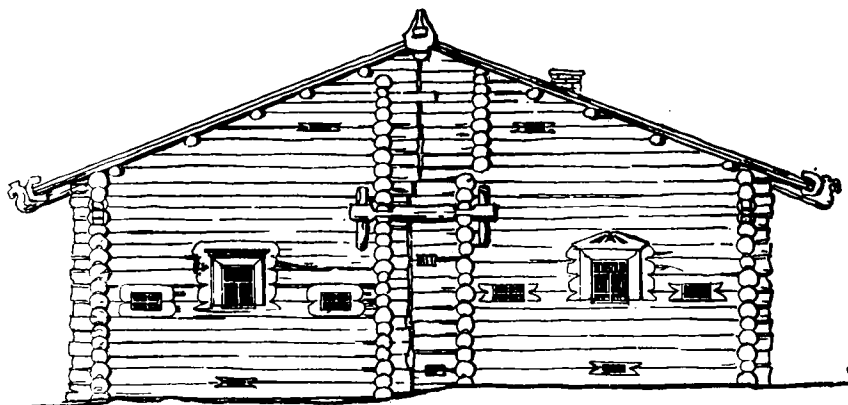
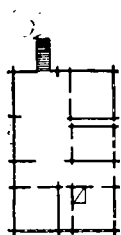

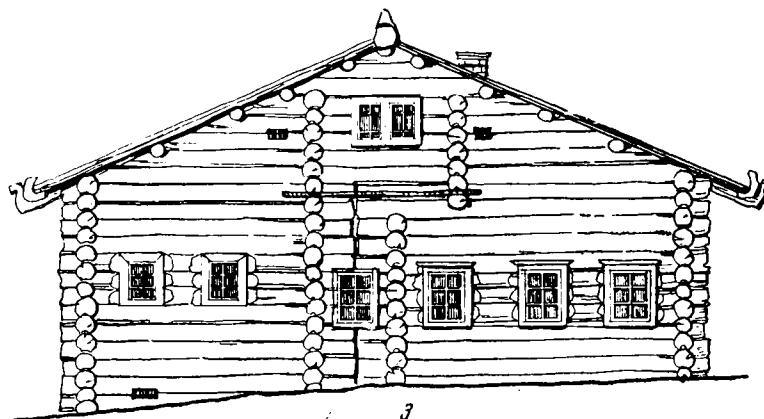
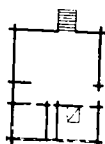
Табл. 43. Развитие избы-двойни.

1

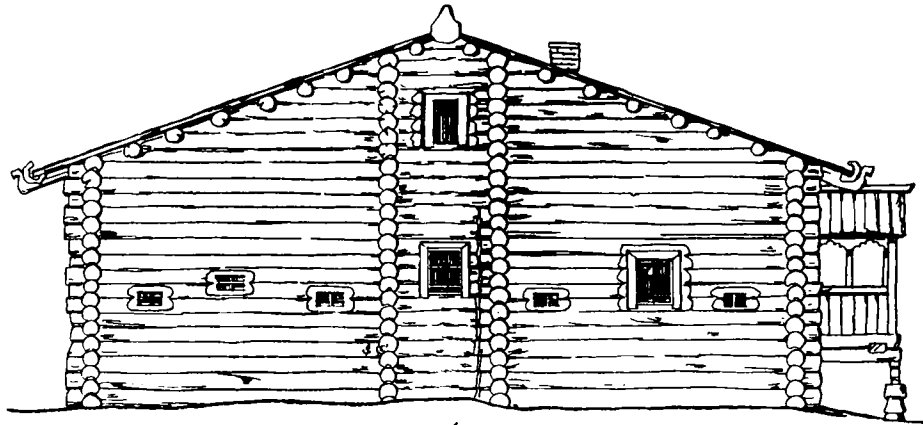
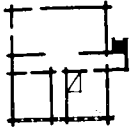
2

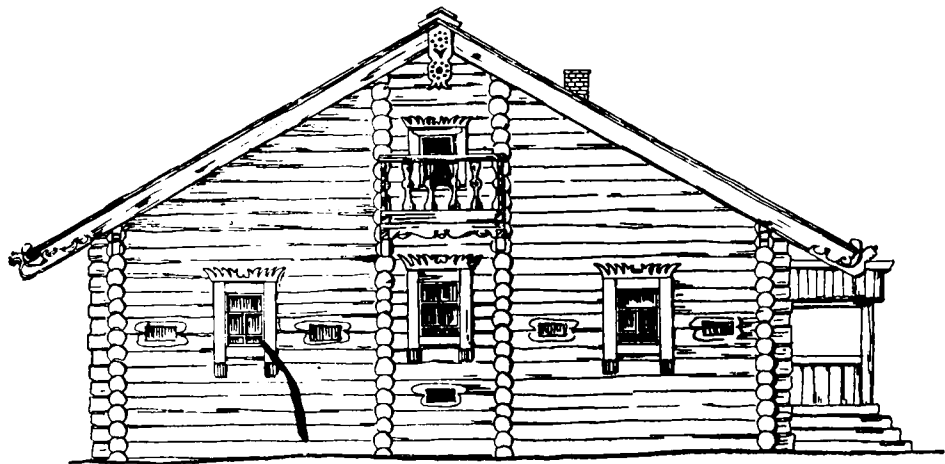
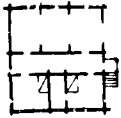
3

0 1 2 3 4 5 м

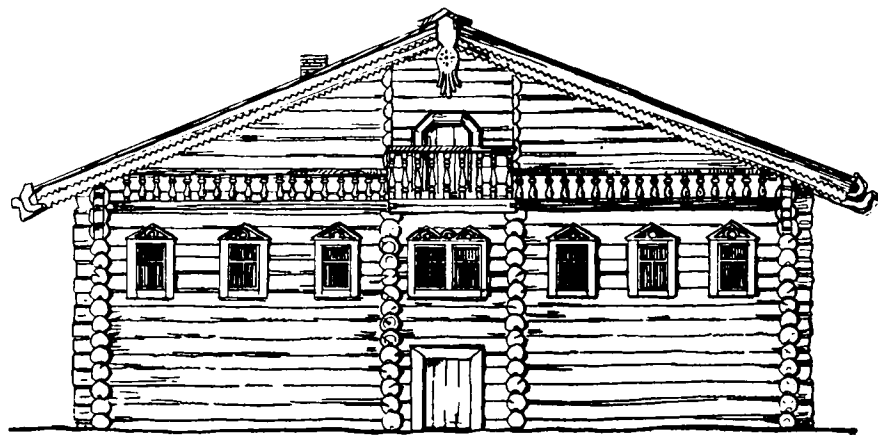
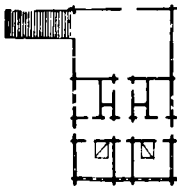
Табл. 44. Развитие шестистенной избы.

1

2

3

0 1 2 3 4 5 м

Табл. 45. Развитие шестистенной избы.

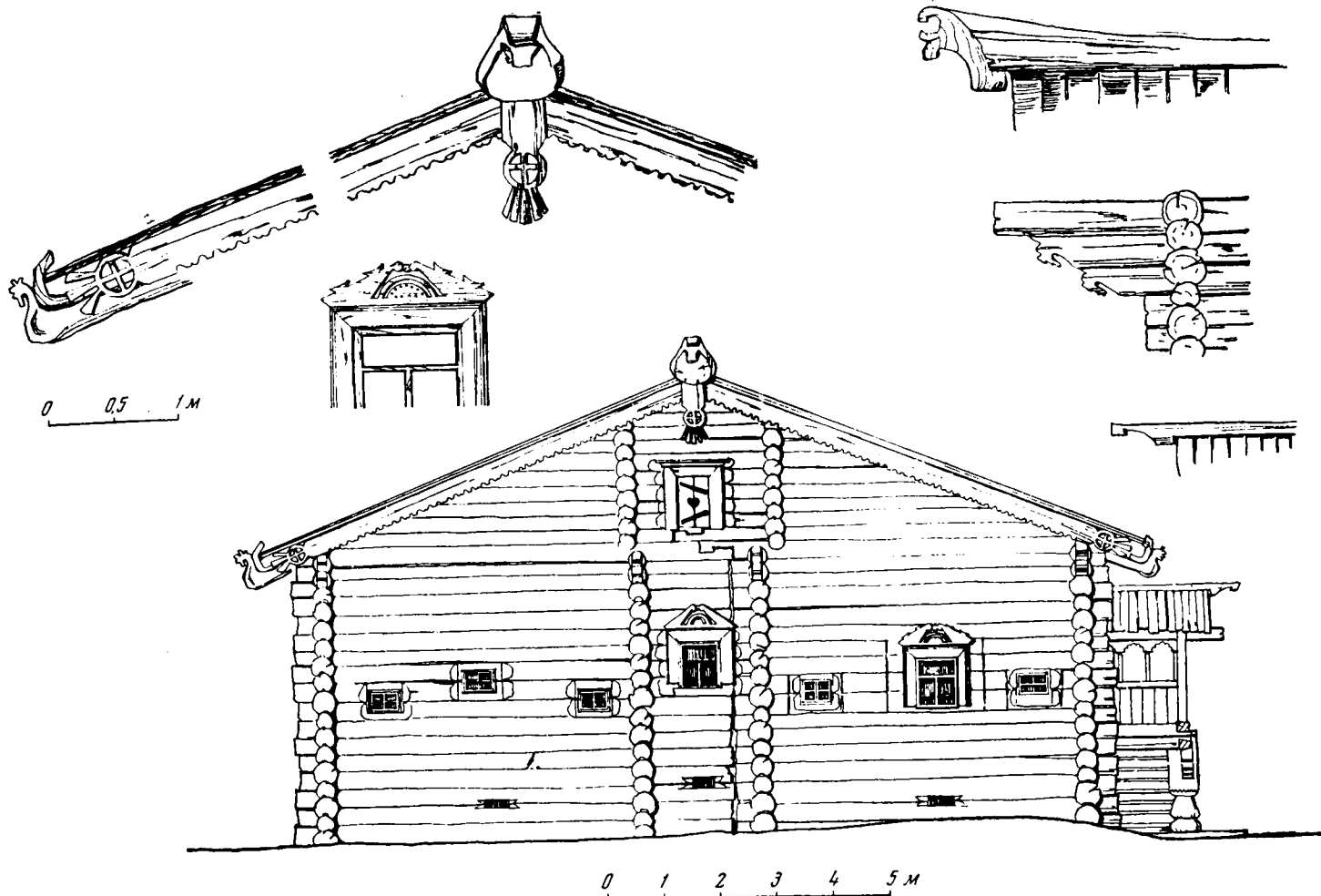

Табл. 46. Дом Н. А. Локшиной в селе Таратино Ленского района Архангельской области (главный фасад).

проемы, спаренные окна и высокие крыльца с длинными маршами лестниц. Постепенно формировался новый тип крестьянского жилья — шестистенная изба (табл. 43—45).

Для того, чтобы проследить этот процесс на сохранившихся постройках, рассмотрим ряд исследованных нами зданий. Среди этих зданий особый интерес представляет изба Н. А. Локшиной в селении Таратино Ленского района Архангельской области (табл. 46, 47).

Селение Таратино расположено на гористом левом берегу реки Вычегды. Оно составляло часть непрерывной застройки побережья, образовавшейся в виде группы деревень вокруг волостного села Кузьмино. До настоящих дней в этом селе сохранился последний образец деревянной гражданской архитектуры конца XVIII века — здание волостной управы, возведенное по «казенным» чертежам, присланным из Петербурга. Избы в Таратине крупные, почти все шестистенки. Поставлены они редко, в виде отдельных хуторов.

Дом Н. А. Локшиной был срублен в первой половине XIX века. Он состоит из трех жилых помещений, выходящих на главный фасад (изба, заулок, горница), двух отдельно стоящих клеток, включенных в габариты двора (светелка и зимовка), и сеней, отделяющих переднюю часть дома («перед») от задней половины построек («озадка»). Весь жилой комплекс поставлен на высокие подклеты и покрыт общей кровлей. Сени соединяются с землей одностолбным крыльцом с крытой лестницей, второй этаж двора — бревенчатый мостом, «взвозом».

Внутренняя планировка избы остается такой же, какую мы видели в простых трехконных избах в деревне Ястреблево Великоустюжского района Вологодской области. Большая русская печь плотно прижата в угол; рядом с ней — голбец с лестницей в подполье. Над дверью — полаты, вдоль стен — лавки, в красном углу — стол и божница. В горнице были такие же лавки, как в юромской избе-двойне.

Все это говорит о том, что процесс усложнения

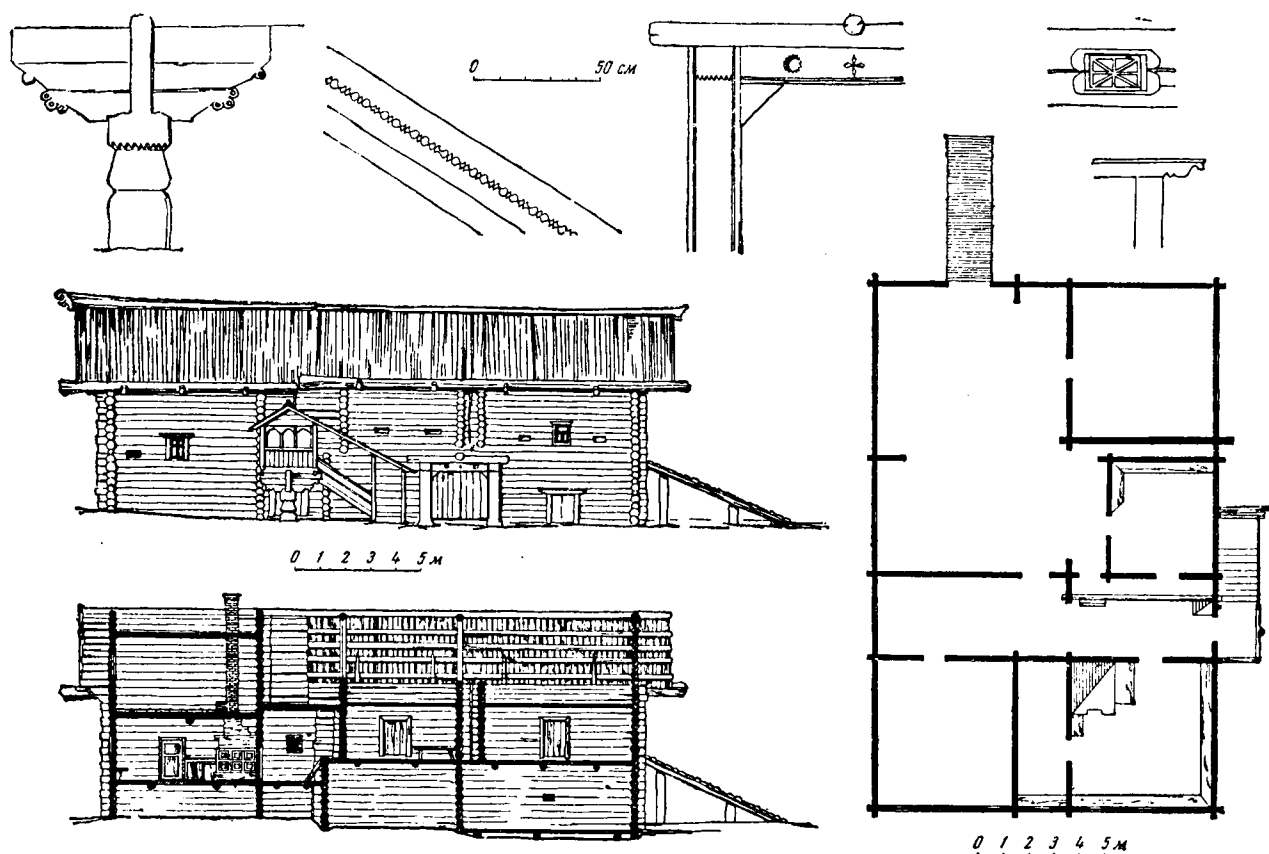

Табл. 47. Дом Н. А. Локшиной в селе Таратино Ленского района Архангельской области (боковой фасад, план).

крестьянского дома и формирования различных типов народного жилища шел прежде всего по пути количественного увеличения отдельных помещений и поисков наиболее целесообразных приемов их взаимосвязи. Внутренняя планировка основных ячеек (избы, горницы) изменялась значительно медленнее. Она устойчиво повторялась в четырехстенном, пятистенном и шестистенном домах. Изменение ее происходило в одном и том же порядке во всех этих жилых постройках, соответственно общему историческому развитию культуры крестьянского быта, изменению социально-экономических условий жизни и труда населения того или иного района.

Изба Локшиной в селении Таратино обладает характерной для северных изб системой украшения здания в виде художественно обработанных конструктивных элементов кровли (охлупень, курицы, потоки, бревенчатые кронштейны) и резных накладных досок (подзоры, ветреницы, наличники окон), выполненных с большим мастерством. Редкая особенность этой постройки заключается в использовании только волоковых окон для освещения одного из жилых помещений (фот. 43). Их форма и распо-

ложение отражают давние традиции древнерусского зодчества. Из трех окон, расположенных на главном фасаде первой избы, центральное приподнято на один венец. С боковой стороны находится еще два волоковых окошка. Подобное размещение оконных проемов было зафиксировано на постройках XVI—XVIII столетий древнерусскими художниками при иллюстрировании летописей, житий святых и т. д. Избы с таким же освещением можно было увидеть на иконах и многочисленных зарисовках иностранных путешественников.

Естественным было наше стремление выяснить у местных старожилов причины расположения волоковых окон в избе на разных уровнях. Объяснение, которое мы получили тогда, сводилось к следующему: света, попадавшего в избу через волоковые окна, было настолько мало, что целесообразное его использование представляло собой весьма существенную задачу. Левое нижнее окно прорезывалось против устья печи на высоте полавника. Правое нижнее окно, расположенное в красном углу, и окно на боковой стене освещали с двух сторон обеденный стол и находились на том же уровне.

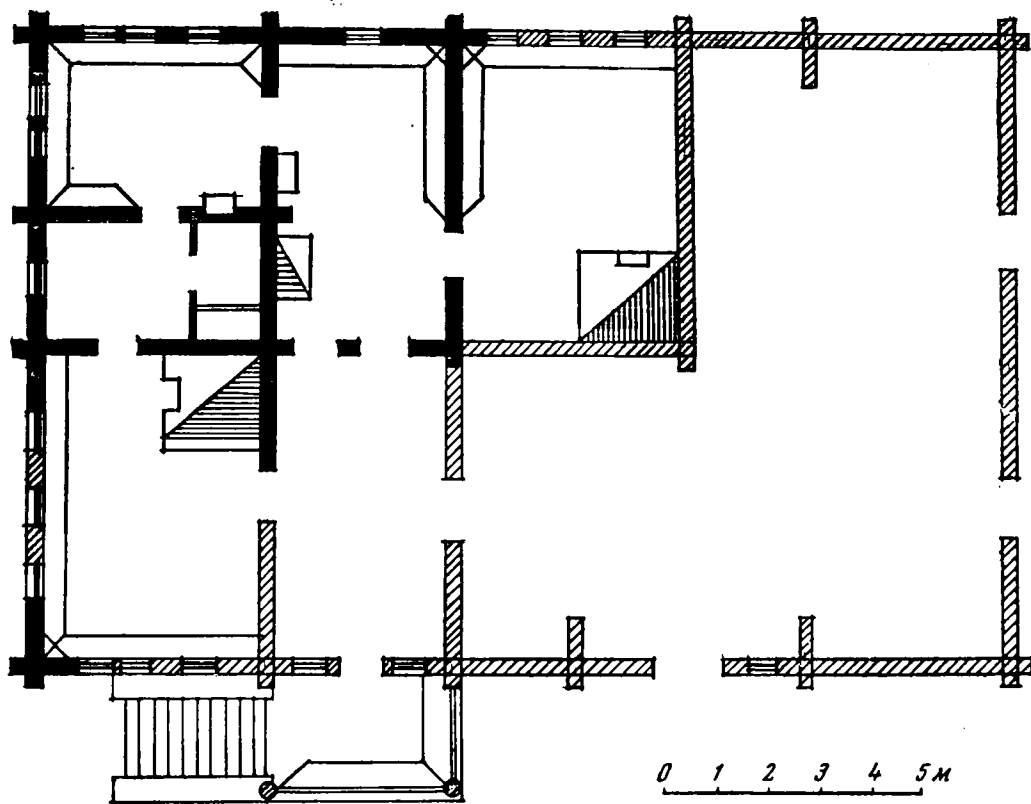

Табл. 48. План дома в селении Бор Верхне-Тюемского района Архангельской области.

Центральное окно было предназначено для освещения всего помещения и устраивалось примерно на середине между полницей и полом или на один венец выше боковых окон. Каждое из трех окон главного фасада избы имело свое наименование. Окно, расположенное у стола в переднем углу, называлось «передним». Окно против устья печи и посудного полавника именовалось «судным», а центральное окно, приподнятое на один венец выше остальных, получило название «среднего» или «красного»¹⁵.

Интересно отметить, что явно недостаточное проникновение света через это маленькое центральное окно для освещения всего жилого помещения повлекло за собой в первую очередь расширение именно его и появление новой системы сочетания окон на переднем фасаде избы в виде центрального красного, косячатого окна (окна с косяками) и двух по сторонам его, по-прежнему волоковых окон.

Такую систему окон мы видим на фасаде второй избы этого же дома. При освещении избы зодчий расширил центральный проем и сделал вместо волокового красное окно с косяками.

¹⁵ См. В. Даль. Толковый словарь великорусского языка, т. I. М., 1956, стр. 663.

Большой интерес представляет одностолбное крыльцо этого дома. Такие крыльца мы видели и в избе села Брусенец и в избе села Кошина, относящихся ко второй половине XVIII века. Это один из древнейших приемов устройства крыльца. Крыльца подобного типа наиболее сложны по своей конструкции, и сооружение их было доступно только плотнику с большим опытом и умением (см. табл. 97).

Исследованная нами изба в селении Бор Верхне-Тюемского района Архангельской области, относящаяся к 1770 году, дает представление о более развитом типе северного шестистенка. Владелец избы принадлежал к зажиточной части старообрядческого крестьянства. Огромный дом на высоком подклете стоит в центре деревни, расположенной на берегу Северной Двины. Все окна дома были красные, имели красивые, выполненные техникой сквозной резьбы наличники и глухие одностворные ставни на кованых орнаментированных жиговинах (павесках).

Изба по переднему фасаду делится двумя внутренними стенами на три части: черную избу, горницу и промежуточную комнату, разделенную в свою очередь на две половины — чистую комнату, молельню и чулан для сна с деревянной кроватью (табл. 48).

К жилой части непосредственно относятся и передние сени. Со стороны горницы они имеют большое косячатое окно, лавки вдоль стен с резными опущками, божницу в углу и вделанный в стену шкаф с глухими створками. Большая дверь с решетчатым сквозным верхом соединяет чистые сени с находящимися при входе в избу вторыми проходными сенями. Чистые светлые сени, видимо, предназначались для работы, приема гостей и праздничного веселья. По своему значению они выполняют ту же роль, как и сени в избе села Стрельниково.

Планировка дома в селении Бор свидетельствует о том, что богатый крестьянский жилой комплекс в XVIII веке обладал целым рядом четко определенных жилых помещений (изба, горница, зимовка, чулан для спанья, передние и задние сени).

В архитектуре жилища этого периода применялись не только косячатые, но и сдвоенные окна, умело использовался второй свет (решетчатые окна между сенями, комнатой и чуланом).

Сохранившиеся фрагменты и детали говорят также о высоком художественном мастерстве обработки дерева, которое мастера проявляли как при изготовлении обстановки (лавки, шкафы, божницы, кровати, перегородки, припечные доски и т. д.), так и при оформлении фасада (резные наличники, ставни, двери) (табл. 49).

Сравнивая избу в селении Бор с древнерусским жильем, описанным С. К. Шамбинаго на основании исследованных им былин, мы находим очень много общих черт в планировке и составе помещений.

Среди жилых помещений Шамбинаго упоминает о существовании специальной опочивальни¹⁶, модельни¹⁷, о наличии сеней, которых, по его утверждению, «было по нескольку, по крайней мере были передние и задние сени»¹⁸. Иногда их было трое: «трое сени у Гурилы да решетчатые»¹⁹. Описываемая им форма решетчатых окон, освещающих сени, соответствует сохранившимся в натуре окнам северодвинского дома. Принимая утверждение Шамбинаго, что былинное изображение построек принадлежит скоморохам XVI—XVII веков и соответствует исторической действительности того времени, мы вправе видеть в избе селения Бор строительные приемы более раннего времени, чем дата ее постройки (1770).

¹⁶ С. Шамбинаго. Древнерусские жилища по былинам.— В кн.: «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера». М., 1900, стр. 137, 147.

¹⁷ Там же, стр. 137.

¹⁸ Там же, стр. 135.

¹⁹ Там же, стр. 148.

Шестистенная изба Севера при общей конструктивной системе имеет две основных разновидности. Первый, рассмотренный нами выше тип шестистенка характеризуется расположением трех жилых помещений в передней части дома, сенями, идущими в поперечном направлении и отделяющими жилье от двора, и крыльцами, устроенными с боковой стороны. Во втором типе изба и горница занимают те же места, но между ними вместо заулка сделаны сени. Перемещение сеней на продольную ось здания существенно изменило не только планировку дома, но и его внешний облик. Главный вход в здание и парадное крыльцо перемещены с боковой стороны на передний фасад. Они становятся центром всей архитектурной композиции здания, значительно обогащая его пластическую выразительность.

Формирование принципов планировки дома с вынесением на переднюю линию застройки крыльца происходило в ходе развития типа шестистенка.

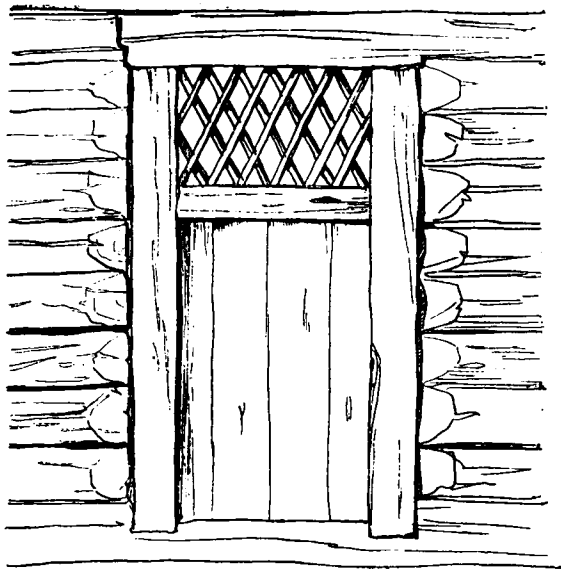
Расширение междусрубного пространства давало возможность выходить из дома непосредственно на главную улицу деревни. С высокой площадки крыльца открывался широкий вид на застройку улицы, подходящие к деревне дороги, окружающие поля и леса. Перемещение главного входа и высокого крыльца с парадной лестницей с боковой стороны на уличный фасад здания значительно обогащало пластическую выразительность постройки, позволяло зодчему создать сильный объемно-пространственный центр всей композиции дома.

Все это, естественно, не могло не привлекать внимания строителей.

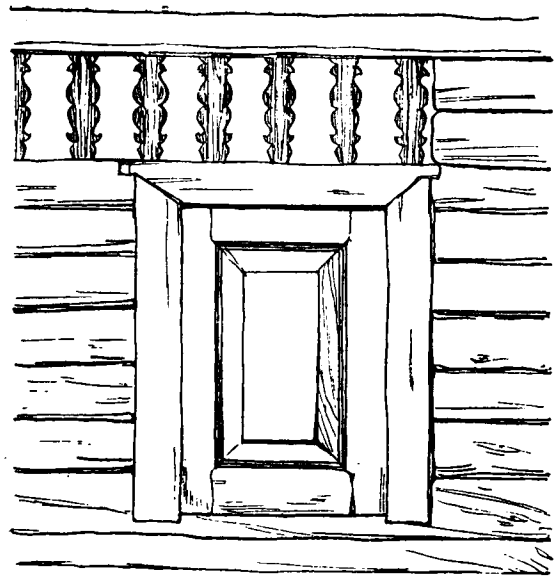
Многие постройки Севера отразили отдельные этапы формирования новых качеств шестистенной избы. Они помогают нам раскрыть сложный и длительный процесс развития народного зодчества (табл. 50).

Так, в доме деревни Большая Толца Ленского района Архангельской области в нижнем этаже центральной части, вместо обычного волокового окна, появился вход в подклет. В доме села Ховрино Верхне-Тотемского района Вологодской области этот выход получил небольшой навес и был соединен внутренней лестницей с жилым этажом.

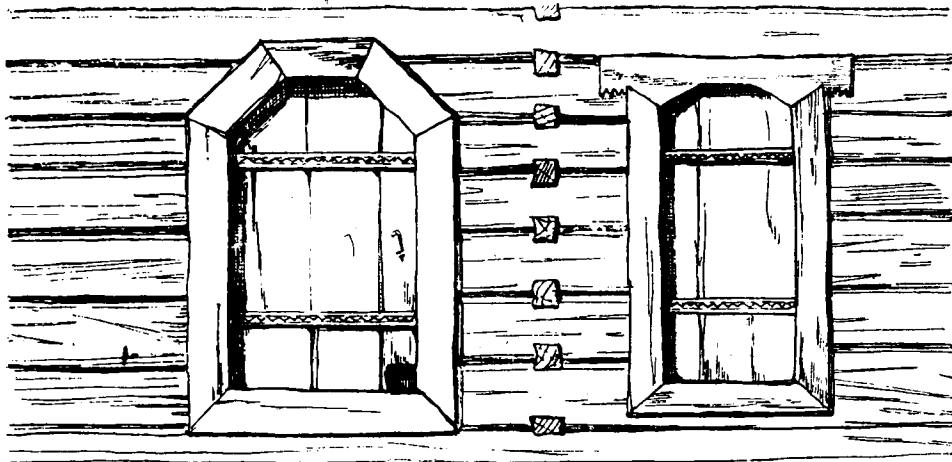
В доме села Воробьевского Кадниковского района той же Вологодской области внутренняя лестница заменена наружной, и дверь прорублена с площадки крыльца непосредственно в сени жилого этажа. Мы не ставим в прямую связь возведение указанных построек. Но они помогают нам восстановить утраченные последовательные звенья большого и сложного процесса типологического видоизменения народного жилища. В различных условиях

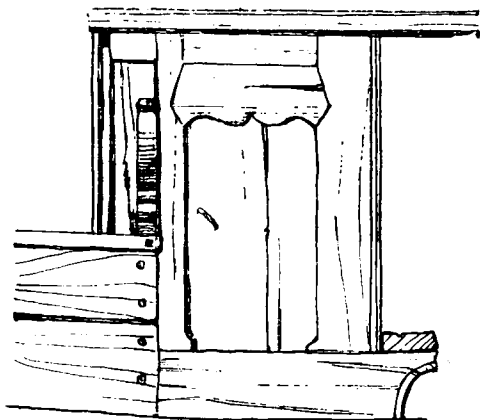
1

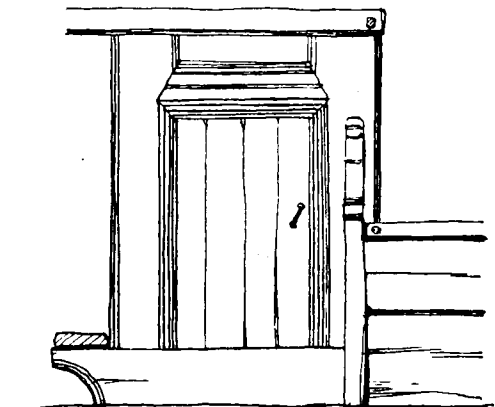
2

3

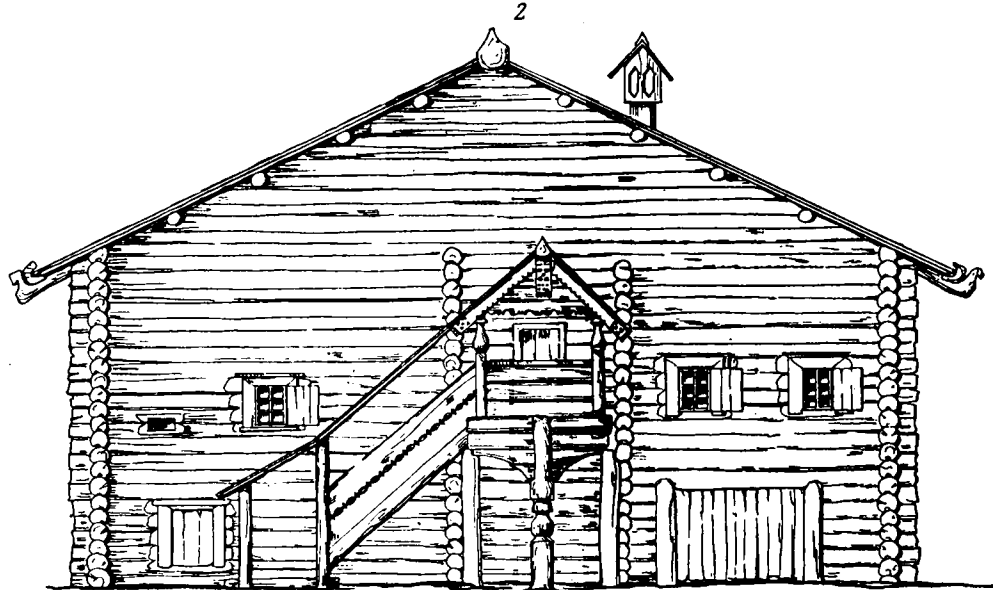
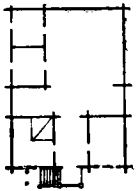
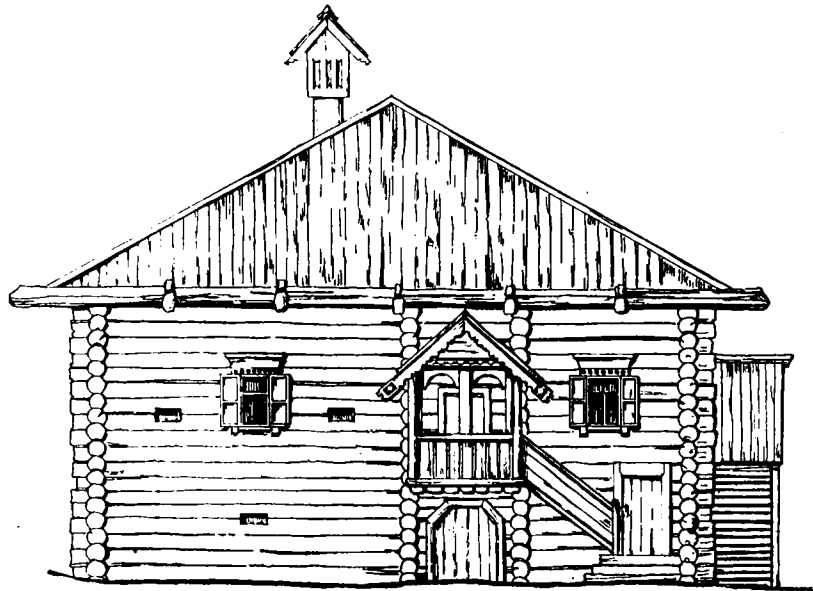
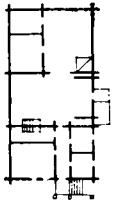
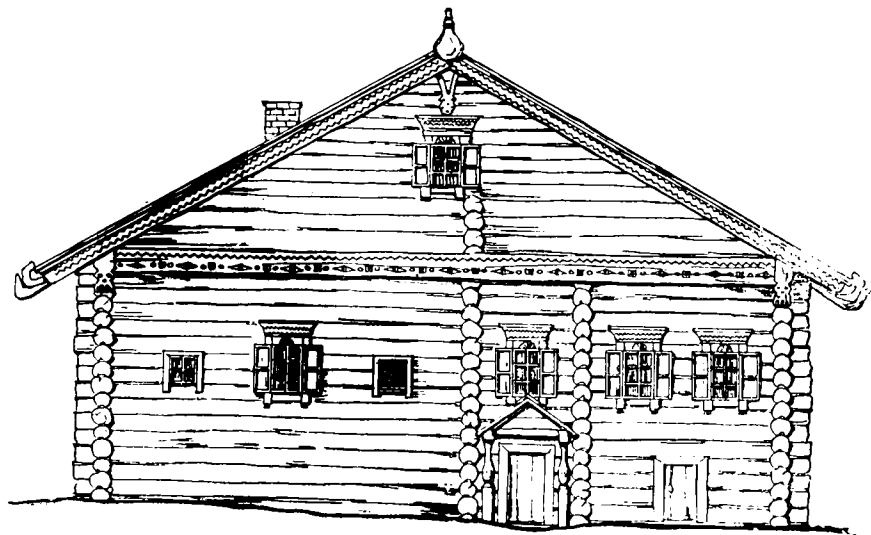
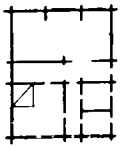

4

5

0 1 2 м

0 1 2 3 4 5 м

Табл. 50. Развитие шестистенной избы с крыльцом на главном фасаде.

Табл. 51. Улица села Векони Железнодорожного района Коми АССР.

Рисунок Т. Лапиной.

этот процесс протекал различно и в различные хронологические периоды.

Принцип планировки жилых изб с устройством центрального входа с главного фасада, зародившийся в народном зодчестве, был успешно использован русскими плотниками в хоромных и церковных сооружениях. Типичную для северных крестьянских изб планировку — сочетание двух жилых помещений, разделенных сенями в центре и соединенных высоким многомаршевым крыльцом с главной площадью двора или улицы, — имели боярские хоромы и каменные городские дома XVII столетия.

Традиции возведения изб с подобной планировкой живут до наших дней в районах Северной Двины, в Костромской области и в особенности в Коми АССР. Достаточно наглядное представление о древних типах таких изб дают постройки XVIII века: изба в селе Кошино Холмогорского района Архангельской области²⁰, изба в селе Воробьевском Кадниковского района Вологодской области²¹, изба в

Солигаличском районе Костромской области²². Каждая из этих изб имеет свои особенности в планировке дома, размерах основных жилых помещений, количестве окон, типе кровли, форме балкона, наличников и других элементов постройки (фот. 28).

В избе села Воробьевского крыльцо устроено навесным, в селе Кошине оно сделано одностолбным, в Солигаличском районе имеет балочную конструкцию с крытым маршем и двумя площадками. Но все эти постройки характеризуют один и тот же самостоятельный, четко сформировавшийся тип крестьянской избы с сенями и центральным входом на переднем фасаде со стороны главной улицы деревни.

Наибольшее количество таких построек сохранилось в селении Векони Железнодорожного района Коми АССР. Развитие народного зодчества в этой республике, имеющее свои национальные черты и местные особенности, неотделимо от общего хода

²⁰ См. И. Грабарь. История русского искусства, т. I. М., 1909, стр. 504.

²¹ См. В. Су слов. Обмер избы в с. Воробьевском. Музей Академии художеств СССР. Ленинград.

²² Изба Костромской области Солигаличского района, д. Малое Токарево. Снимок Орлова. Архив Ленинградского этнографического музея, № 35-84-49.

развития русской народной культуры. Приехавшие в этот край русские, стоявшие на более высокой ступени экономического и политического развития, оказали значительное влияние на всю жизнь народов Севера.

Русская культура нашла исключительно плодотворную почву для своего проникновения в среду коми. Здесь вполне уместно повторить меткое замечание, сделанное этнографом Н. И. Шишкиным о крестьянском быте коми-пермяков: «Иногда, — писал он, — бывает весьма трудно отличить у коми-пермяков русские бытовые черты от исконно национальных, настолько они у них глубоко привились, в то время как у русских они давно отжили свой век»²³.

Селение Векони расположено на реке Вымь, притоке Вычегды. Два порядка изб тянутся вдоль берега по живописному рельефу, то близко подходя к воде, то далеко отступая к полю, клиньями врезаются в шумящие вокруг деревни хлеба. Огромные шестистенные избы с мощными бревенчатыми стенами и низкими свесами крыш стоят свободно и независимо друг от друга. Широкие фасады изб с редкими окнами (их обычно не более двух в каждом срубе) обращены к югу, открыты к солнцу.

Далеко выдвинуты на проезжую часть улицы их крыльца с длинными лестницами, дощатыми парапетами, тонким орнаментом подзоров, причудливым силуэтом конструктивных элементов. В сложном ракурсе раскрываются крутые и пологие спуски лестниц, беспокойные и изломанные линии кровель. Глубоко западающая тень на маршах и площадках крылец резко выделяет их на фоне глухих и ровных бревенчатых стен жилых зданий. Кажется, будто вся перспектива улицы складывается из этих многочисленных крылец, разнообразных по своей композиции и архитектурным формам (табл. 51).

Порядок изб в деревне часто меняет свое направление и рельеф. В неожиданном повороте и сочетании различных по высоте объемов выступают жилые и хозяйственные постройки. В одном месте улица упирается в открытые крыльца, в другом — в бревенчатую стенку двора, в третьем — в группы амбаров и бань, в четвертом — в рубленые парники, приподнятые над землей на высоких столбах.

Принцип живописной планировки северной деревни сказывается здесь особенно сильно. Композиционным центром этой планировки является единственное общественное здание села — старая церковь. Она поставлена на высоком и обрывистом берегу реки, в середине застройки, в том месте, где

перекрещиваются дороги из разных деревень. Почти со всех точек села видно это высокое сооружение. Оно является главной доминантой села и служит надежным ориентиром при движении по воде и проселочным дорогам.

Типичным примером жилой постройки в селе Векони может служить дом Федора Александровича Осокина (табл. 52). Дом возведен во второй половине XIX века, однако он мало отличается от такой же шестистенной избы в селе Воробьевском Кадниковского района Вологодской области, или от избы в селе Кошино Холмогорского района Архангельской области, или от избы в селении Малое Токарево Солигаличского района Костромской области, построенных в конце XVIII столетия. Здесь те же два жилых сруба (изба и горница) с одномаршевым крыльцом, расположенным на переднем фасаде, выходящем на главную улицу деревни. Двор примыкает к жилью сзади. Каждое из жилых помещений освещается двумя окнами с переднего фасада и тремя — с боковой стороны. Внутренняя обстановка — такая же, как и в северодвинских избах. Печь несколько отодвинута от боковой стены. Между стеной и печью находится голбец с лестницей в подполье.

Архитектура фасада этой избы предельно скромна. Здесь нет ни вычурных резных наличников, ни многорядных подзоров. Единственным украшением дома является крыльцо. Архитектуре крыльца северодвинские плотники всегда уделяли большое внимание. Крыльца относятся к тем элементам жилой постройки, которые, наряду с наличниками, воротами, декоративной резьбой на деталях кровли и внутренней обстановки, придают однотипным крестьянским избам индивидуальные черты. Это прекрасно понимали и владельцы зданий, и плотники, и резчики по дереву. Показать степень зрелости своего мастерства, свою творческую фантазию, свое авторское лицо можно было прежде всего здесь. Остальные виды работ (планировка здания, рубка и обтеска стен, изготовление пола, потолка, окон, дверей и т. п.) благодаря устойчивым традициям не давали возможности внести какие-либо существенные изменения в архитектурные формы и конструктивные узлы. По одностолбным крыльцам северодвинских сел судили о мастерстве плотника, и действительно они были выдающимися произведениями народного зодчества. Наибольшее разнообразие в композиционных приемах встречается именно в этих элементах жилых построек.

Крыльцо дома Осокина в селении Векони охватывает значительную часть фасада, становится его

²³ Н. Ш и ш к и н. Коми-пермяки. Пермь, 1947, стр. 9.

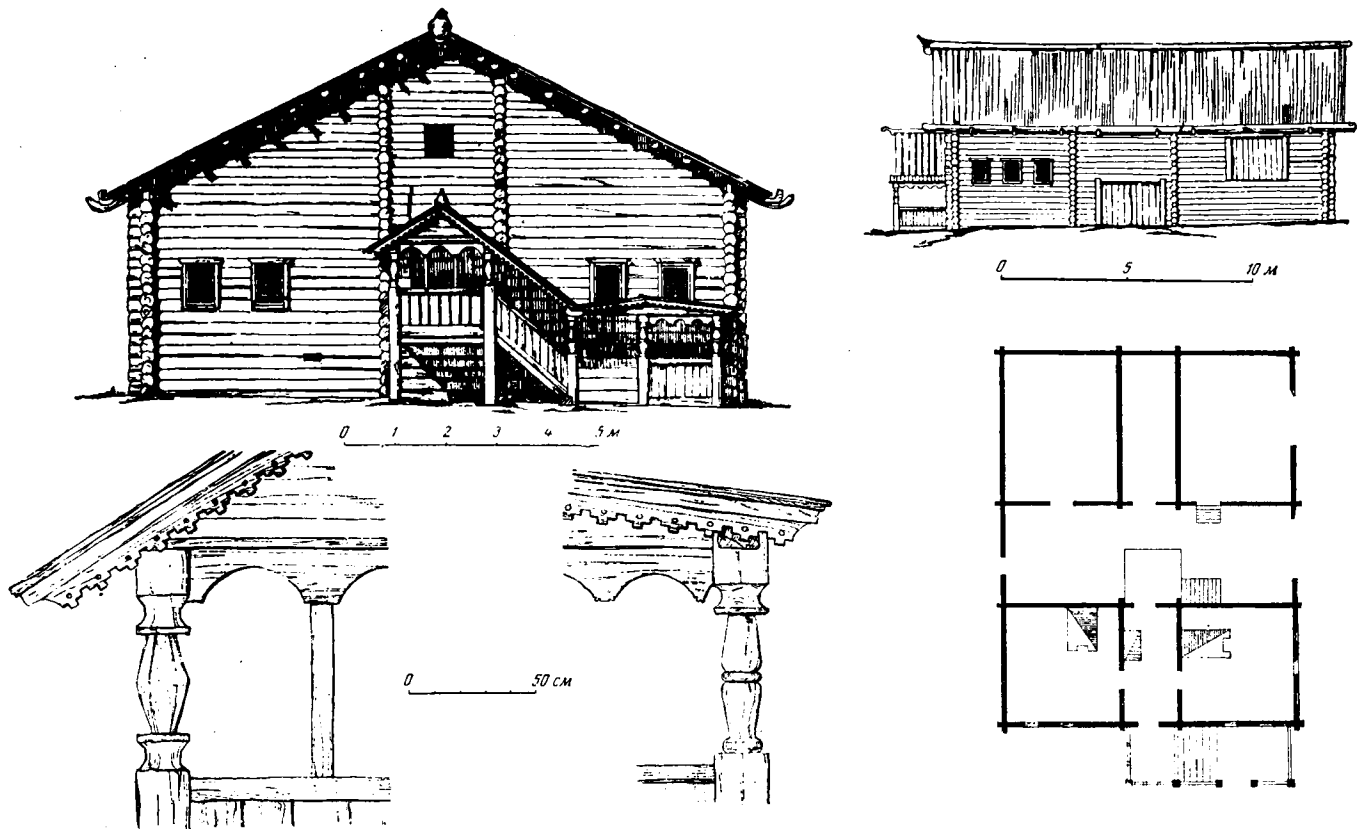

Табл. 52. Дом Ф. А. Осокина в селе Векони, Железнодорожного района Коми АССР.

главным элементом, центральным звеном архитектурно-композиционного замысла зодчего. Крыльцо начинается на уровне жилого этажа между двумя средними поперечными стенками и заканчивается на земле у края постройки. Кровля крыльца прикрывает два входа, в сени и в подклет, а широкая лестница объединяет их между собой. По своему функциональному назначению это крыльцо имеет много общего с прикромом избы Новгородской области. Но там навес находится на одном уровне, представляя собою плоскую кровлю. Здесь он приобретает сложную конфигурацию и состоит из четырех граней различных размеров и уклонов. Его архитектурно-конструктивная выразительность неизмеримо возрастает. Балки верхней площадки крыльца опираются на два столба и бревенчатую стену здания. Верхние части столбов, поддерживающих кровлю, обрабатываются в виде резных колонок. Такие же колонки повторяются по всему периметру крыльца, связывая всю конструкцию кровли и парапета.

Особое внимание плотники уделяли художественной обработке опухек между столбами. Они придавали им форму аркатурного пояса, а на верхней площадке соединяли их легкими стойками с глухим парапетом. Подобный прием оформления лет-

них открытых помещений часто применялся при строительстве светлиц, теремов, чердаков в древнерусском хоромном зодчестве. В центре зашитого тесом фронтона плотник старательно вышивал два резных круга — древний символ солнца, а над ними по линии скатов кровли помещал доски подзора с мелким зубчатым орнаментом. На площадке крыльца вдоль стен поставлены лавки. Отсюда открывается панорама села, видны тающие в лиловом мареве заречные заливные луга и необъятные массивы густых хвойных лесов.

В этом огромном селе, где каждый дом имеет свое крыльцо, нет построек, точно повторяющих друг друга. Они отличаются и габаритами, и конструктивными приемами, и декоративными элементами. Здесь широко используются резьба и роспись, накладная пропиловка и сквозная прорезь, скульптурная обработка деталей и глухой выемчатый орнамент на бревнах парапета (фот. 72—75).

Избы-двойни как тип жилой постройки встречаются не только на Севере. В своеобразной форме эти избы возводятся и в Заонежье, а также в Новгородской и Костромской областях. Их отличительную особенность составляют различные габариты двух жилых срубов (избы и горницы). Изба занимает

центральное положение, а горница пристраивается к ней сбоку, обычно под одним из скатов кровли. В Костромской области сруб горницы ставился над въездными воротами во двор и пол ее был выше пола избы. Здесь она обретала свое первоначальное значение верхнего («горного») жилья. Горница освещалась двумя небольшими окнами, в то время как изба имела три окна.

Тот же прием встречается и в Заонежье (например, в доме Елизарова в селе Потаневщина Заонежского района Карельской АССР). Рядом с большой избой также над въездными воротами во двор устроена горница. Выход из нее был непосредственно на второй этаж двора, а затем уже через сени можно было пройти на общее крыльцо.

В Новгородской области горница находилась на земле; она была ниже избы, но площадь ее часто превышала площадь основного помещения. Характерным примером может служить дом Н. С. Матросова в деревне Сытенка Валдайского района Новгородской области. Владелец дома рассказал нам об устойчивой традиции ставить на пепелище такие же дома, какие были раньше. «Наш дом,— говорил он,— трижды горел и трижды восстанавливался в том же виде».

ДОМ КОШЕЛЕМ

До сих пор мы рассматривали такие крестьянские усадьбы, в которых двор располагался за избой. Его или вовсе не было видно (со стороны переднего фасада), или выступала только часть двора, предназначенная для прохода в основные помещения, скрытые за жилой постройкой. Даже в том случае, когда двор примыкал к избе сбоку, он по-прежнему оставался второстепенным сооружением, стоявшим на заднем плане, мало связанным с архитектурной композицией главного жилого объема.

Изба кошелем характеризует новый, резко отличный от других, тип крестьянской застройки. «Кошел» («кошевик», «кошма») — термин, широко распространенный в народном быту. Он охватывает круг различных понятий. Этим словом обозначают и крупные плоты из бревен и дров, и длинные телеги, и широкие сани-розвальни, и вместительные корзины, и мешки в хозяйственном обиходе²⁴. Перенесенный в крестьянское зодчество, он определяет жилые постройки с огромной площадью двора, превышающего габариты обычной избы в два-три раза и примыкающего к избе с боковой стороны. Изба вошла в постройку не как

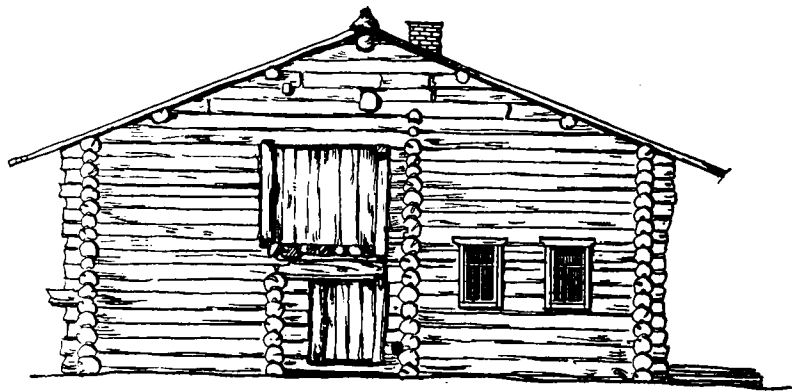
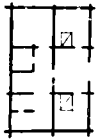
Дом Матросова состоит из двух самостоятельных изб, подведенных под одну кровлю. Одна — четырехстенная изба, другая — пятистенная. Четырехстенная изба стоит на высоком подклете (подызбице), имеет четыре окна по фасаду и прикрой (навес вдоль наружных стен), соединяющий крыльцо с дверью в подклет. Внутри избы главное место занимает большая русская печь. В красном углу — стол с лавками и божница. Другими словами, изба полностью повторяет все, что было характерно для рассмотренной нами выше четырехстенной жилой постройки начала XIX века, сохранившейся в этом же селении. Что касается стоящего рядом пятистенка, то он резко отличается от первой избы и планировкой, и своей внутренней обстановкой. В пятистенке — две комнаты и две печи. Одна служит для приготовления пищи, другая — для обогрева помещения. В первой, рабочей комнате работают и питаются, вторая предназначена для отдыха и сна. В комнате чистые кровати, стулья, «горка» для посуды, цветы на подоконниках. Здесь никогда не строились полаты, не существовало врубленных в стену лавок. Вторая изба была срублена в 1924 году и отвечает новым бытовым и культурным потребностям новгородского крестьянина.

самостоятельный и главный сруб, а как часть его и при этом меньшая. Коренным образом изменилась архитектура избы, ее внешний облик. Изба и двор составили единую и неразрывную плоскость переднего фасада. Вследствие этого объем потерял обычную для всех выше рассмотренных построек симметрию. Один из скатов кровли делался длиннее другого. Асимметрия стала неотъемлемым признаком композиции жилого комплекса.

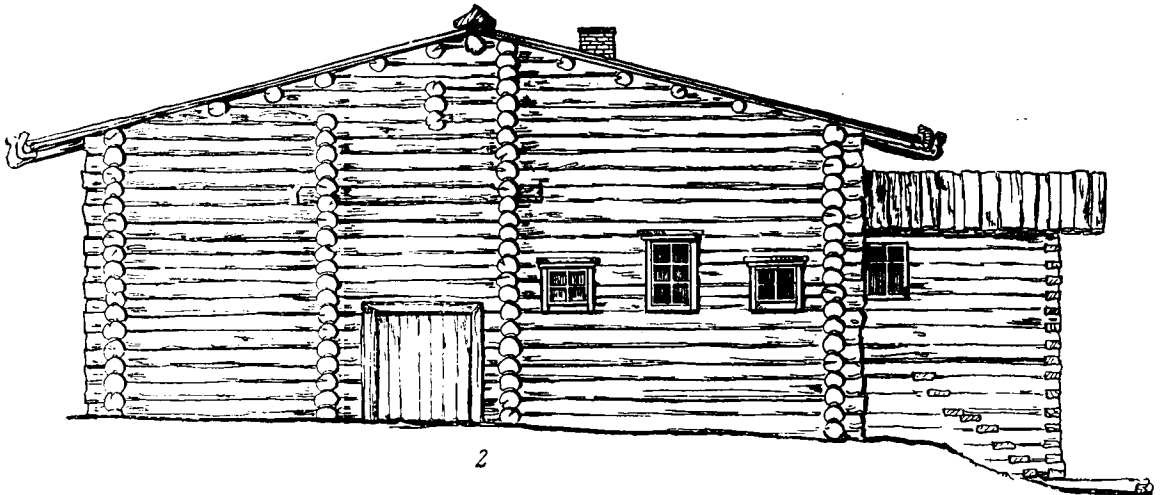
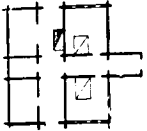
В то же время в жилой части дома повторяются многие из рассмотренных нами выше приемов планировки избы (изба-клеть, изба-двойня, изба-пятистенок и др.). Используются и старые принципы двухрядной планировки крестьянского жилого комплекса. На основе этих сложившихся в народном зодчестве приемов планировки плотники создают новую по своим архитектурным качествам жилую постройку.

Однако при слиянии избы и двора двухрядная планировка утратила свои главные признаки. Отдельно стоящие объемы совершенно исчезли. Огромная площадь второго этажа и двора (сарая) позволила значительно увеличить количество теплых и холодных срубов под одной крышей и стала выполнять роль сеней и крытых переходов между этими сруба-

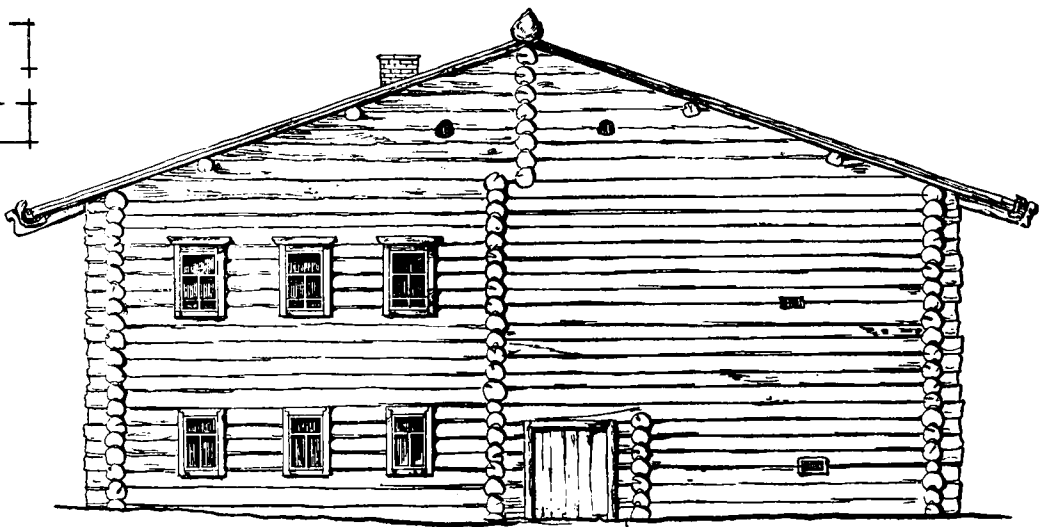
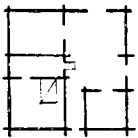
²⁴ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М., 1956, стр. 181—183.

1

2

3

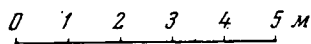

Табл. 53. Развитие дома кошем в печорских селениях,

ми. Образовалась новая система взаимосвязи жилых помещений — новый тип крестьянского дома.

Дома кошелем встречаются в низовьях Печоры и Верхнем Прикамье. Они были широко распространены на Беломорском побережье, но наибольшее развитие этот тип получил на островах Онежского озера.

Типы жилых построек, сформировавшиеся в низовьях Печоры (табл. 53) и в Прикамье, существенно отличаются от построек архангельских поморов и крестьян Заонежья.

Дома первой группы имеют конструктивно монолитный сруб, покрытый ровными скатами кровли, придающими полную симметрию всему объему. Их внешний облик прост и суров. Здесь не строят балконов и обходных галерей, высоких крылец и богатых резных наличников. Количество окон на главном фасаде колеблется от двух до трех, а с боковой стороны их еще меньше. Жилые срубы имеют незначительные габариты и стоят на низких подклетах. Художественную обработку имеют только некоторые элементы кровли (потоки и курицы) и детали приусадебных сооружений (колодцы, ворота, изгородь).

Характерным примером такой постройки может служить дом Матрены Степановны Чупровой в селе Усть-Цильма того же района Коми АССР (табл. 54, фот. 31). Дом возведен из сосновых бревен в начале XIX века. Лиственница использовалась только для первых трех венцов сруба. Дом состоит из двух смежных частей: жилья и двора. Жилая часть занимает южную сторону и представляет собой избу с клетью. Оба помещения имеют по два окна на торцевой стене и по одному на продольной.

В избе имеется большая глинобитная печь, полати, лавки, стол. Дворовая часть состоит из двух этажей. В первом содержится скот, во втором хранится сено. Два воротных проема, один над другим, были сделаны на переднем фасаде дома и выходили на главную улицу. Верхние ворота соединялись с улицей бревенчатым мостом — «взвозом». Вместо крыльца перед входной дверью в сени лежали на земле четыре короткие доски. Пологие скаты кровли и высоко поднятый второй этаж двора с въездными воротами до минимума сокращали бревенчатую плоскость фронтона и не оставляли места не только для дополнительного помещения на чердаке, но даже и для небольшого слухового окна.

На доме не было резных украшений, за исключением нескольких зарубок в елочку на потоке крыши.

Другие избы этого селения отличались от дома Чупровой только своими размерами, количеством и формой окон и, наконец, характером крылец. Последние в печорских селениях встречались очень редко

и только в домах зажиточных крестьян. Пристраивались они к зданию в виде самостоятельных глухих срубов.

Тяжелые условия жизни печорских крестьян — «зябли» на поле, недороды на лугах, «неплоды» во дворе — ограничивали народное зодчество прежде всего выполнением чисто утилитарных задач. Главным стремлением печорского плотника было сделать избу теплой, сруб двора прочным, прикрывающим от ледящего северного ветра стены жилого помещения. Именно этим объясняется известный аскетизм крестьянских построек, отсутствие художественно обработанных элементов в их архитектуре.

Иначе складывались условия формирования народного зодчества Беломорского побережья и Заонежья. На берегах Белого моря и Северной Двины наряду с земледелием, велась добыча соли, руды, смолы, ловля рыбы, бурно развивались судостроение, различные ремесла и промыслы. Подвижной и богатый впечатлениями поморский крестьянин не только обладал большими материальными возможностями, но и предъявлял более высокие требования к строителям его дома. Многие возведенные здесь крестьянские дома по ясности плана и конструктивной смелости представляют собою выдающиеся произведения русской архитектуры.

Примером таких построек на Беломорском побережье может служить изба кошелем в посаде Ненокса²⁵. Ненокса — бывшая вотчина Кириллова-Белозерского, Сийского и Николо-Карельского монастырей, имевших здесь свои соляные варницы. Юридические документы XVI столетия не только раскрывают картину систематической скупки монастырями соляных варниц у местных крестьян, но и дают некоторое представление о народном зодчестве того времени. Так, в 1578 году Нюнокшани Павел Ананьевич продал Кириллову монастырю двор и четверть варницы, «а во дворе хором: горница на дву щербетах, да против горницы амбар на дву подклетах и с предместьем, да сарай на столбах, да сеник на хлевах, да мыльня...»²⁶.

Таким образом купчая отмечает наличие первых этажей (подклетов) во всех жилых и хозяйственных постройках, использование в конструкции дворов опорных столбов, устройство на хлевах сеников, а у амбаров — предместьев, существование в составе усадьбы бани. Все эти конструктивные особенности были характерны для крестьянских дворов Беломор-

²⁵ Обмер А. Н. Буйнова. См. Н. Соболев. Дерево как материал в русской народной архитектуре. — «Архитектура СССР», 1940, № 3, стр. 51.

²⁶ «Акты юридические...», стр. 130.

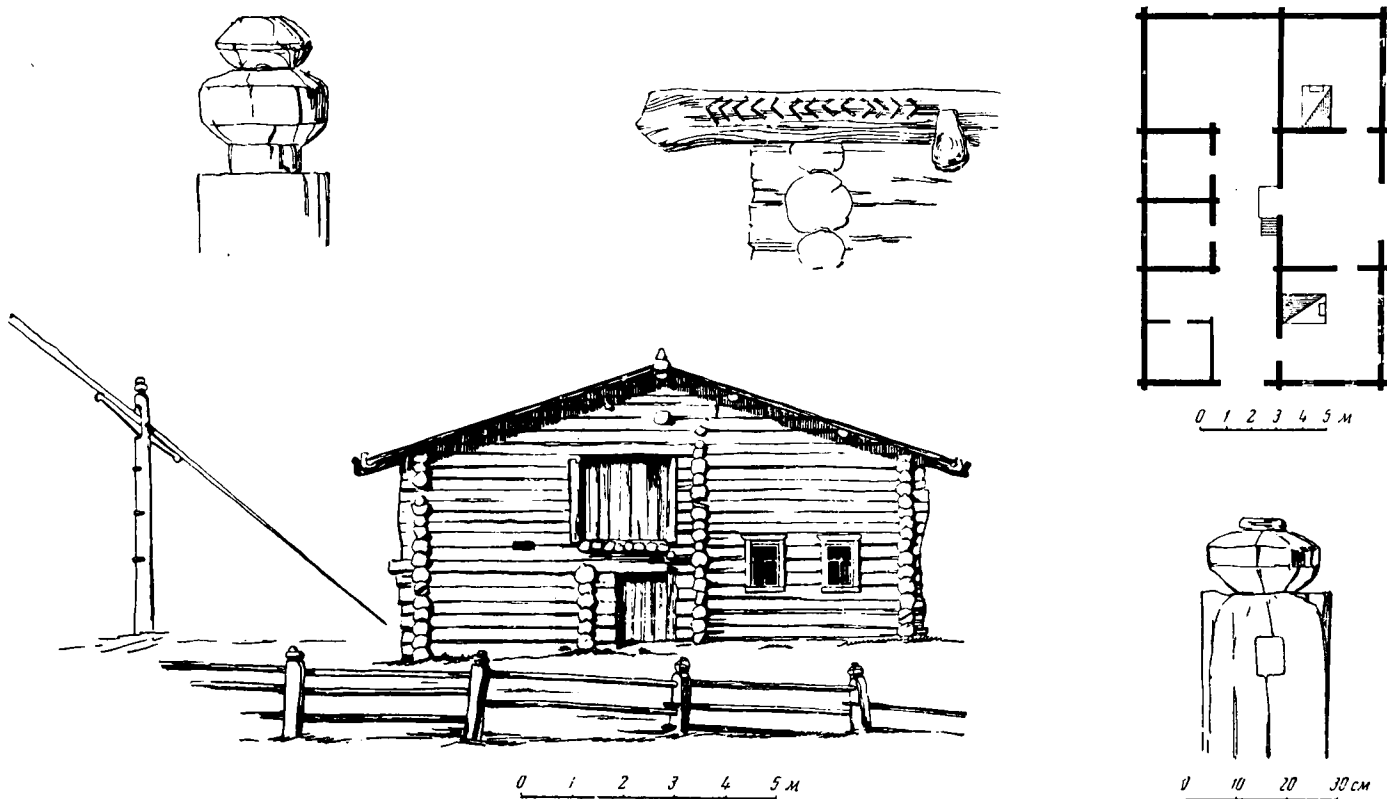

Табл. 54. Дом М. С. Чупровой в селе Усть-Цильма Усть-Цильмского района Коми АССР.

ского побережья на протяжении всех последующих столетий.

Посад Ненокса с давних времен отличался устойчивыми плотницкими традициями. В начале XVIII века (1727) здесь была возведена пятишатровая Троицкая церковь. Она удивила современников не только необычной композицией плана и объемов храма, но и смелой строительной конструкцией центрального шатра высотой более 20 м.

В конце того же века (1776) в Неноксе была срублена из сосновых бревен и покрыта колотыми пластинами крестьянская изба, сохранившая до наших дней главные особенности дома кошелем. Основной жилой сруб был выдвинут вперед и имел два самостоятельных и равновеликих ската. Однако примыкающий к нему двор, значительную часть второго этажа которого использовали для жилых помещений, образовал с избой единый объем под одной общей асимметричной кровлей. Въездные ворота во двор и входные двери в избу с небольшой открытой площадкой и внутренней лестницей находились на переднем фасаде здания, обращенном на главную улицу деревни. Каждое из помещений, соответственно своему назначению, освещалось с этой стороны различным количеством окон. Изба имела три окна, клеть — два, чулан и сени — одно.

Зодчий смело нарушил привычный для северных районов принцип симметрии жилых построек. Он создал сложную и прочную конструкцию из выпускных бревен, поперечных стенок и мощных опорных столбов, расположенных в центре двора для поддержки широкой плоскости кровли. Он свободно сгруппировал дополнительные жилые клетки с теплой избой, не изменив их внутренней обстановки и приемов связи. Все эти принципы лежали в основе дальнейшего развития дома кошелем, получившего особенно широкое распространение в районах Заонежья.

Своеобразно протекала хозяйственная и творческая жизнь Заонежья. Земли, примыкавшие к Онежскому озеру, входили в состав Оболежской пятины Великого Новгорода. По Онежскому озеру шел главный путь, соединявший Новгород с его обширными владениями на Беломорском побережье. Заонежье находилось под воздействием богатой новгородской культуры.

С присоединением в конце XV века Новгорода к Москве интенсивная хозяйственная деятельность новгородцев приостановилась. На протяжении двух столетий (XVI—XVII) Заонежье оставалось в стороне от торговых путей. Экономическая жизнь края замерла. Заонежье стало далекой и глухой окраиной русского государства. Высокие скалы, глубокие озера,

непроходимые топи и бесконечные леса со звериными тропами оказались удобным приютом для старообрядцев, спасавшихся от гонения властей. Сюда бежали холосы и крестьяне от помещичьего произвола, здесь находили пристанище дерзкие и остроумные скоморохи, преследуемые за «глумы» и «кощуны» над «кособрюхими боярами». В среде вольнолюбивых и непокорных потомков новгородцев они находили радушный прием и открытую поддержку.

Не случайно значительная часть населения Заонежья и Поморья организованно выступала против церковных и правительственных реформ, вплоть до вооруженных столкновений с войсками. Даже после подавления «раскольнических бунтов» местные жители, вопреки официальным указаниям, придерживались старых обычаев и старых взглядов. Край жил богатой внутренней и творческой жизнью, бережно хранил и развивал глубокие художественные традиции древней Руси. Вдохновенные певцы и сказители исполняли здесь владимирские и киевские былины. Иконописцы, следуя за новгородскими художниками, раскрывали в религиозных сюжетах мирской, земной облик русского человека.

Заонежские плотники возвели ряд выдающихся сооружений — церкви в Шуерецком (1585), в Повенце (1605), в Лицозере (1634), в крепости Кола (1681), в Вытегорском погосте (1708) и др. Развитием своей строительной культуры они подготовили почву для создания таких шедевров русского деревянного зодчества, как храмы в Кижях (1714) и Кондопоге (1774).

XVIII век был для Заонежья периодом бурного экономического подъема. Петр I обратил внимание на эти богатые минеральными ископаемыми и лесами земли, тяготевшие к Петербургу и связанные с ним удобными водными путями. Здесь была организована добыча руды, на берегу Онежского озера были созданы металлургические заводы, а население привлечено к широкой хозяйственно-промышленной деятельности.

Большой размах государственных строительных работ в Петербурге, Петрозаводске и других городах северо-западной части Европейской России оказал огромное воздействие на архитектуру крестьянского жилища Заонежья. Это влияние сильнее всего сказалось на тех декоративных элементах (наличниках окон, балконах, крыльцах, подзорах), которые на протяжении всей истории развития русского народного зодчества прежде всего отражали стилевые изменения, происходившие в городской архитектуре.

Заонежские деревни, возникшие вокруг погостов «по обе стороны Онега озера», состояли из небольших

групп построек. Многочисленные лагуны и проливы отделяли их друг от друга, а иногда и от полей, лугов, лесов. Лодка была единственным средством сообщения. На лодках возили хлеб, сено, ловили рыбу, охотились, ездили в церковь.

Планировку значительной части заонежских селений (например, селений Боярщина, Подъельники, Середка, Кузнецы, Потаневщина и др.) характеризует фронтальная линия застройки побережья. Главные фасады изб были в большинстве своем обращены к озеру, к погосту.

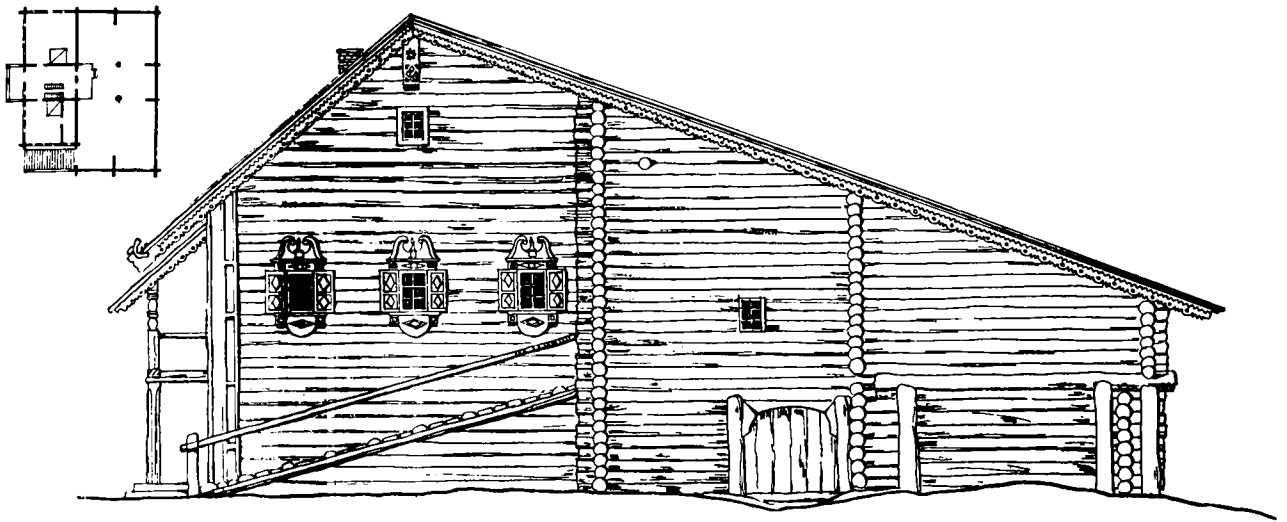
Почти все без исключения избы этих деревень относятся к одному виду жилых построек — домам кошелем. Разнообразные по своей внутренней планировке, различные по декоративному оформлению, они однотипны по принципам архитектурной композиции и конструктивной основе (табл. 55, фот. 32).

В доме А. С. Аверина в селе Сенная Губа Заонежского района, жилая часть представляет собой не что иное, как избу с клетью, поставленную на высоком подклете. Клеть, переоборудованная для жилья, имеет, так же, как и изба, шесть красных окон и печь. По существу здесь два теплых идентичных по планировке жилых помещения, связанных между собой сенями (табл. 56).

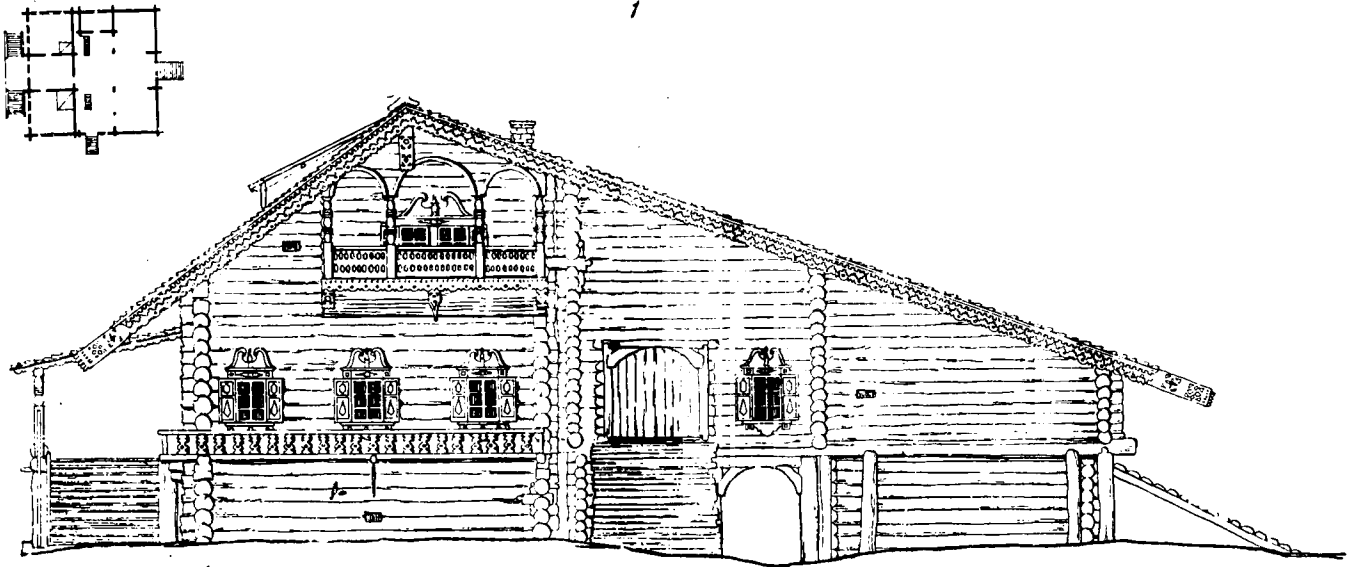
Жилой сруб дома расположен рядом и под одной асимметричной крышей с двором. Однако здесь он не выступает вперед, как, например, рассмотренная выше изба в Неноксе, в наоборот, значительно отодвинут от общей линии застройки. Вдоль переднего фасада избы поднимался от земли на второй этаж двора бревенчатый мост. С той же стороны находятся и главные въездные ворота во двор. С боковой стороны дома было сделано крыльцо в избу, имеющее два этажа: нижнюю площадку с дверью на внутреннюю лестницу и верхнюю площадку — балкон на втором этаже.

Рассмотренная нами схема планировки жилой части дома Аверина в виде избы с клетью характерна для многих построек Заонежья. Она точно повторяется и в рядом стоящем двухэтажном доме Семенова, и в доме Афанасьева, возведенном в деревне Потаневщина вблизи Кижского погоста. Усложнение этой планировки было связано с использованием широко распространенных на Севере типов жилых построек. Так, в доме Елизарова, в той же деревне Потаневщина, по переднему фасаду поставлен рядом с избой дополнительный жилой сруб. Однако образовавшаяся двойня не изменила ни габаритов двора, ни общей асимметричной композиции объема.

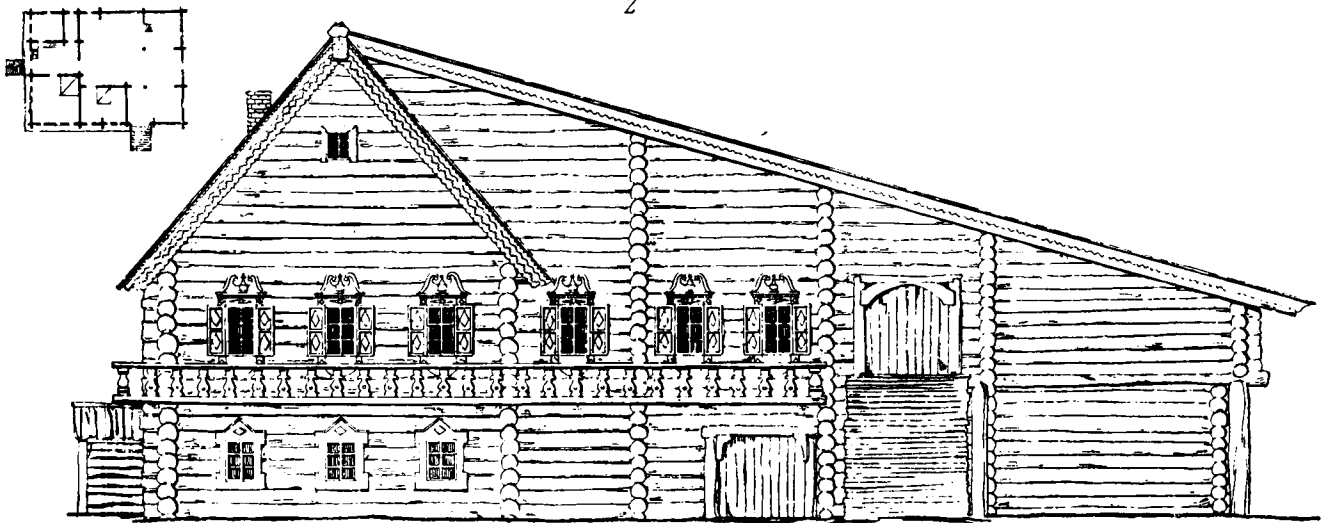
На Кижском острове в доме Морозова под одной крышей поставлены два пятистенка, один — по пе-

1

2

3

0 1 2 3 4 5 м

Табл. 55. Развитие дома кошелем в Заонежье.

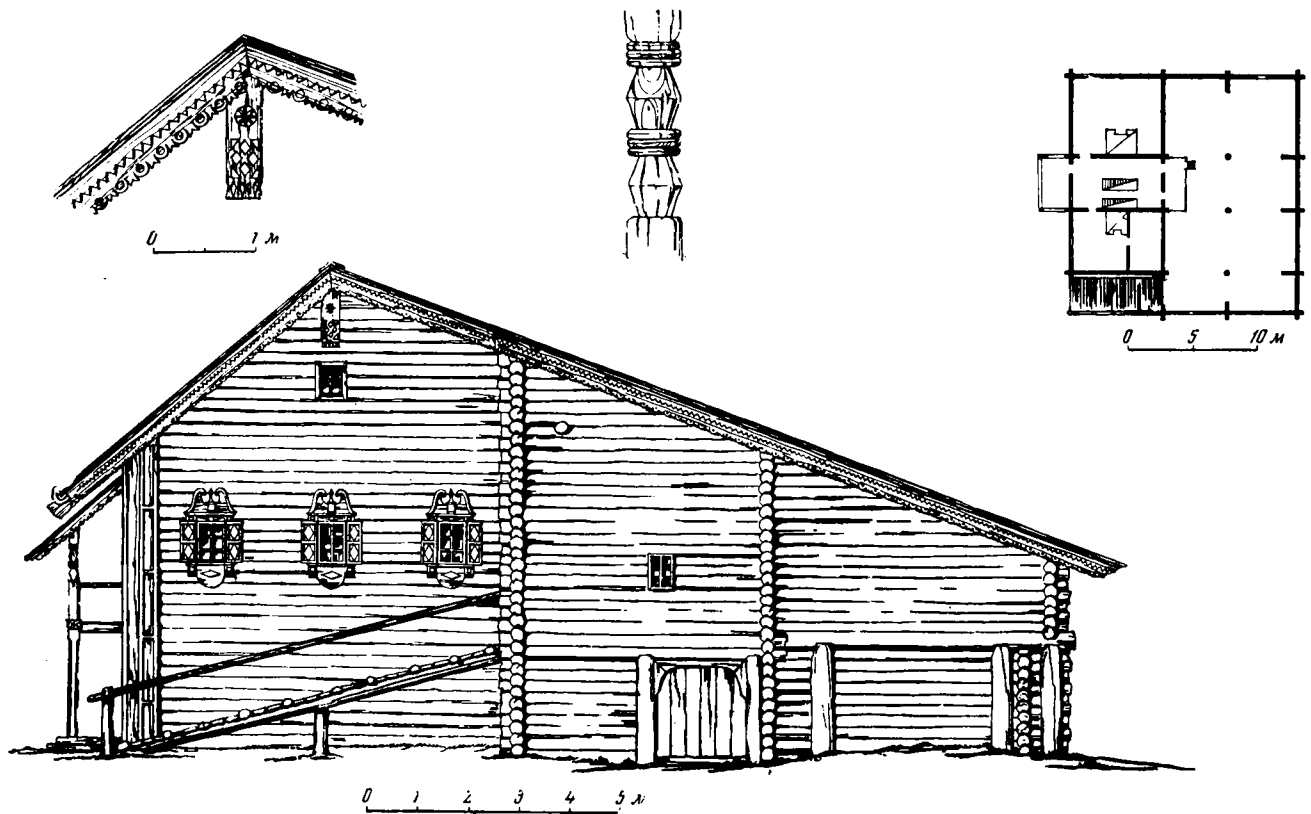

Табл. 56. Дом А. С. Аверина в селе Сенная Губа Заонежского района Карельской АССР.

редней линии застройки, другой — по продольной стороне. Пятистенные срубы связаны сенями, имеют одно крыльцо и один двор. По-прежнему тщательно сохранены все черты заонежского дома кошелем.

В жилых помещениях заонежских домов отсутствуют перегородки, полаты и голбцы у печей. Внутреннее пространство избы кажется поэтому необычайно большим и свободным. Двустороннее освещение помещений шестью крупными оконными проемами делает их очень светлыми.

Единый передний фасад избы и двора членится на две части не только торцовыми стенами, но и целым рядом других проемов. Жилой сруб обшивался тесом, а стена двора оставлялась бревенчатой. Это позволяло крестьянам сделать жилье теплее и долговечнее, изолировать сруб избы от атмосферных влияний, от прямого попадания дождя и снега.

Жилая часть фасада резко отличается от хозяйственной и степенью декоративной насыщенности. Балкон, обходная галерея, резные ставни и наличники делают избы главной, центральной частью всей архитектурной композиции здания. Балконы украшены богатыми подзорами, ажурными подкрылками, ветренницами, тонкими орнаментированными баясинами. Они имеют арочные перекрытия, опирающиеся

на стройные профилированные колонки. В одном случае членения колонок создаются из овальных, грушевидных элементов с чередующимися полочками и валиками, в другом колонки представляют собой витые столбы, увлекающие взгляд зрителя вверх, к выступающему вперед навесу кровли с многоступенчатой полосой резных досок (см. табл. 86, 87, фот. 58, 59).

Не менее ярко обработаны плетниками обходные галереи, опоясывающие по периметру стен всю жилую часть здания. Вынесенная на консолях конструкция галереи имеет ограждение из редко поставленных, вытесанных топором плоских баясин. Покрытые неглубокими или сквозными отверстиями, баясины обладают красивым силуэтом и образуют богатый, играющий причудливой светотенью декоративный пояс, членящий фасад на уровне пола жилого этажа.

И, наконец, третье декоративное пятно создает ряд окон в оправе крупных резных наличников. Наиболее излюбленной формой их является раскрепованный фронтоном с криволинейными очертаниями, напоминающими симметрично расположенные волюты. Две широкие филленчатые ставни у каждого окна, покрашенные в светлые тона (обычно белые), делают оконные проемы еще ярче и выразительнее на фоне

естественной фактуры потемневших от времени бревен и досок. В композиции наличников сказалось влияние каменной городской архитектуры конца XVII и начала XVIII веков. Однако мастера творчески перерабатывали виденные ими в городе мотивы и создали своеобразный тип наличника, который встречается во многих областях Севера, Поволжья, Сибири, но наиболее четкую и законченную форму получил именно здесь, на домах Заонежья (см. табл. 75, фот. 49).

И это не удивительно. Лишенные достаточного количества плодородной земли, испытывая недостаток в собственном хлебе, крестьяне вынуждены были уходить на промыслы, надолго покидать родные деревни или изготавливать кустарные изделия для местного рынка. Целые поколения столяров, плотников, деревообделочников, вышедших из крестьян Заонежья, работали в Петербурге и Петрозаводске в тот период, когда возникали эти города. Грамотные и смысленные мастера сталкивались в практической работе с коренными изменениями в архитектурном искусстве. И, возвращаясь домой, они использовали накопленный опыт в сельском строительстве, обогащали и развивали местные художественные традиции.

Стремление внести художественно обработанные детали в архитектуру жилого сруба не менее сильно проявлялось в конструкции заонежских крылец. Если лестница находилась внутри сеней, то над входными дверями устраивалась галерея или маленький навес, иногда на витых столбиках (например, у дома в Подъельниках). Если лестница вынесенного наружу крыльца поднималась на уровень второго этажа, она перекрывалась тесом с опорой на резные колонны. Высокие перила с точеными балясинами ограждают широкие марши лестниц и вместительную верхнюю площадку крыльца. Крыльцо приобрело значение парадного входа в дом, стало одним из главных элементов здания и, естественно, привлекало особое внимание плотников и резчиков по дереву.

По-другому, проще и скромнее, выполнялась дворовая часть фасада. Тяжелый и глухой сруб двора скреплялся с избой при помощи оригинальной бревенчатой связи, объединяющей всю постройку в единый компактный блок. Верхний рубленый этаж двора держится на мощной столбовой конструкции, позволяющей в любое время вести замену сгнивших венцов скотных хлевов (фот. 125). Главными акцентами архитектурной композиции этой половины фасада являются верхние и нижние ворота, а также окна в клетки, если последние находятся в стенах двора. Единственной декоративной полоской служит общий с избой резной подзор на кромке кровли.

И тем не менее две различные по своему назначению части дома с большим искусством объединены в целостный, исключительно выразительный и уравновешенный во всех своих частях фасад здания.

Глухая широкая стена двора уравновешивается высокой и нарядной плоскостью избы. Трехарочному балкону на фронтоне противопоставляются крупные полуциркульные проемы ворот. Далеко отодвинутое крыльцо отвечает легкому въезду на сарай с другой стороны двора.

Так удачно найденное место для ворот, размеры и формы балкона, ритм окон и высота галереи помогали зодчему придать крестьянскому жилому дому гармоничность и законченность.

Дом кошелем не является единственным типом жилой постройки в Заонежье, но он преобладает в застройке многих селений и отличается большим разнообразием местных вариантов в Заонежском, Кондопожском, Самозерском, Олонецком и других районах Карелии.

Однако наряду с ним широкое распространение имели четырехстенная изба и пятистенок с обычным для северных построек расположением двора позади жилья. Эти постройки «брусом», как метко именовал их здесь народ, имели общие декоративные особенности с домами кошелем. Они, в большинстве своем, обладали такими же большими крытыми балконами, длинными галереями, высокими крыльцами и яркими наличниками с криволинейным фронтоном и филеичатыми ставнями. Исследователь местного края проф. Р. М. Габе утверждал, что дома кошелем являются наиболее древней формой жилой постройки Карелии, а дома брусом — более новой, устраняющей целый ряд недостатков первого типа (трудности ремонта широкого ската кровли, малая высота второго этажа двора) ²⁷.

Чем дальше на север и чем позднее время возведения избы, тем реже встречается дом кошелем. На Беломорском побережье он совершенно исчезает, уступая место более удобной по своей внутренней планировке, прочной по конструкции и скромной по объему жилой постройке помора. Такой же процесс, как мы видели, был характерен для крестьянской архитектуры Верхнего Поволжья, Кировской и Новгородской областей. Он везде протекал в одном и том же направлении. Стремление сделать жилище светлым, удобным, чистым сказалось в изоляции кухонного очага, являвшейся первой ступенью в развитии планировки и увеличении количества отдельных, имеющих разное назначение, комнат в доме.

²⁷ Р. Габе. Карельское деревянное зодчество. М., 1941, стр. 28—29.

Новая планировка жилища определялась членением общей площади избы на отдельные помещения. При этом русская печь полностью потеряла свое традиционное место. Ее свободно перемещали, поворачивали ее устье, одним словом — ставили в каждом отдельном случае так, как это было нужно для более целесообразного размещения комнат.

Новые постройки в разных районах имели значительно больше общих черт, чем избы прошлых столетий. Этому способствовали все расширявшиеся связи между населением различных областей, между промышленными и сельскохозяйственными центрами, между городом и деревней — связи, отражавшие каренные изменения, происходившие в экономической, общественно-политической и культурной жизни страны.

Примером этому могут служить постройки в селении Шуерецком, одном из крупных рыбацких сел на западном берегу Белого моря. Оно расположено у излучины бурной, порожистой реки Шуи, в трех километрах от ее устья. Избы, обращенные главными фасадами к воде, на протяжении нескольких километров занимают оба высоких берега. Склоны берега застроены амбарами для хранения артельных рыболовных снастей, рыбы и хлебных запасов. В пойме, у воды, на специальных жердевых конструкциях, подвешены для просушки огромные широкие сети. На рейде стоят многочисленные морские баркасы и рыбацкие лодки. С давних лет жители села Шуерецкого занимались сельским хозяйством, скотоводством, звериным и рыбным промыслом. Последний сыграл главную роль в экономике поморского хозяйства. Рыбу ловили в Белом и Баренцевом морях, солили на судах и продавали купцам для торговли в Архангельске, Петербурге, Петрозаводске и других городах России.

В селении Шуерецком свыше 300 домов; большая часть их построена во второй половине XIX и в первой четверти XX века. Центральную часть улицы занимают двухэтажные дома, принадлежавшие ранее судовладельцам, купцам, капитанам и лоцманам.

Избы рыбаков — по преимуществу одноэтажные, с тремя или пятью окнами по фасаду. Однако все они обладают специфическими особенностями многокомнатных крестьянских жилых домов. Сопоставляя эти постройки, мы можем проследить важнейшие этапы формирования новых принципов планировки²⁸.

В доме А. Н. Исакова пятистенный сруб поставлен по продольной оси. К торцовой внутренней стенке прирублена дополнительная комната. Значительно сокращены размеры сеней и площадь двора. Дом име-

ет три жилых помещения. Среднее выполняет функции кухни-столовой, смежное с ним предназначено для отдыха и сна, дополнительная комната используется для работы.

Дом М. И. Массариковой представляет собой тот же пятистенок, но повернутый узкой стороной к улице. Однако внутреннее пространство пятистенка расчленено еще одной капитальной бревенчатой стеной. Крестообразное пересечение внутренних стен образвало новый по своим планировочным и конструктивным качествам тип постройки, состоящей из четырех смежных жилых комнат, так называемую крестовую избу, или «крестовик».

В доме П. А. Богданова последовательно развивается та же система. Помещение с русской печью совершенно изолировано и вынесено за пределы четырех жилых комнат. Двор в доме П. А. Богданова представляет собой отдельную постройку, соединенную с жилой частью узким крытым переходом. На усадьбе, кроме того, размещены баня, двухэтажный амбар и навес для лодок — характерный набор сооружений каждого жилого комплекса. Часть территории усадьбы покрыта досками, связывающими все эти сооружения сухими и чистыми мостками.

Навел Алексеевич Богданов — не только владелец дома, но и его строитель. Он — один из наиболее известных мастеров села. П. А. Богданов работает как плотник, столяр и резчик по дереву. В течение шестидесяти лет он рубит избы, делает лодки, режет надмогильные памятники на погосте.

По нашей просьбе он выпиллил действующую модель парусного рыбацкого шняка (судна) с полной оснасткой, где все было на своем месте, от маленького еле заметного блока до тяжелого литого якоря. Модель приобретена Государственным Историческим музеем и экспонирована в домике Петра I в Коломенском в качестве образца судов беломорских поморов.

Обладея незаурядной одаренностью и высоким мастерством, П. И. Богданов отказался от каких бы то ни было резных украшений в своем доме. Все свое внимание он сосредоточил на внутреннем оборудовании жилых помещений. Может быть, поэтому в доме Богданова так уютно, тепло и весело. В избе с большой русской печью стены побелены известью, а на «воронце», по старому поморскому обычаю, поставлена в ряд сверкающая чистотой медная посуда. На широких подоконниках любовно выращиваются цветы, которые в этом суровом климате, с его ледяными ветрами, морозами и вьюгами, кажутся особенно приветливыми. В доме много вышитых полотенец и скатертей. Лавки и полаты отсутствуют, их заменили предметы городской обстановки (стулья, кровати, шкафы).

²⁸ См. И. Маковецкий. Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955, стр. 58.

ДВУХЭТАЖНЫЕ ЗДАНИЯ

Двухэтажные избы не представляют собой самостоятельного типа жилых построек. В большинстве своем в их двух ярусах повторяется планировка одноэтажного крестьянского жилища со всеми обычными для данного района конструктивными и декоративными особенностями. Однако в этих домах применен и целый ряд новых, специфических, присущих только им строительных приемов и принципов двухъярусной и многокомнатной связи жилых помещений, заслуживающих отдельного рассмотрения.

Двухэтажные дома возводила преимущественно зажиточная часть крестьянства. Они требовали больше леса, были значительно дороже и в строительстве, и в эксплуатации.

В конструктивном отношении двухэтажный дом явился логическим завершением вертикального развития бревенчатого сруба.

Возведение высоких бревенчатых срубов имеет в русском деревянном зодчестве глубокие традиции. Посещавшие в XVI—XVII столетиях Москву иностранные путешественники отмечали «чрезвычайно высокие дома в 3—4 комнаты одна на другой»²⁹. При этом, чем выше был дом, тем богаче считался его владелец, тем почетнее было его положение в обществе.

Жилые срубы деревянного дворца в Коломенском достигали шести этажей. В крестьянском зодчестве до наших дней сохранились избы-башни, по своим принципам напоминающие древнерусские жилые постройки. К числу таких сооружений можно отнести дом Андрея Ивановича Ореца, возведенный в Печерском посаде Псковской области в начале XVIII столетия (табл. 57, фот. 34).

А. И. Орецу в настоящее время 93 года. Избу, построенную из бревен соляного амбара, его родители купили более ста лет тому назад у местного крестьянина Петра Ивановича Тусина. Сруб дома обладает крайне маленькими размерами (3,16 × 2,60 м). Его габариты полностью совпадают с постройками новгородских ремесленников XII—XV столетий, открытыми при археологических раскопках проф. А. В. Арциховского. Изба состоит из двух помещений, расположенных одно над другим. Каждое из них имеет одно окно на передней стене и по одному с боковой стороны. Это количество окон характерно для всех старых крестьянских изб, исследованных нами в Печерском районе Псковской обла-

сти. Обстановка верхней и нижней избы предельно скудна: печь-очаг у дверей, за ней нары-кровать, небольшой стол, короткая лавка и потемневшая икона в углу. Крутая узкая лестница в сенях соединяет первый этаж со вторым.

Вплотную к лестнице примыкает хозяйственная постройка. На окнах дома навешены одностворчатые ставни из гладких тесаных досок. Крыша сделана из колотых пластин. На территории усадьбы сохранилась часть скотного двора и еще один жилой сруб, возведенный на сто лет позднее. Со стороны улицы устроены двустворчатые въездные ворота с калиткой. Изба А. И. Ореца поставлена на краю оврага, отделяющего улицу посада от древних монастырских стен. Четко выраженная вертикальная композиция объема с потемневшими от времени глухими бревенчатыми стенами напоминает скорее крепостную башню, чем жилую постройку.

Замкнутый уклад, беспокойная и всегда настоленная жизнь местного населения своеобразно отразились на облике этой крестьянской избы. Компактный, минимальных размеров жилой сруб с трудом позволял удовлетворять элементарные бытовые нужды. Историческое значение этой усадьбы трудно переоценить. Сохранение ее в музейных условиях могло бы позволить не одному поколению познакомиться в натуре с редким памятником народной посадской архитектуры древней Руси.

Подобную избы-башню нам удалось зафиксировать и в селе Кадый Кадыйского района Костромской области (фот. 33). Изба Марии Сергеевны Бойцовой в селе Кадый была построена около 150 лет тому назад. За это время она неоднократно ремонтировалась и перестраивалась. Маленькие проемы волоковых окон были растесаны и на их место вставлены косяки и рамы со старой задвигной конструкцией. Подверглись переделке кровля и рубленое клетью крытое крыльцо. Однако здание сохранило свои первоначальные габариты и тот же вертикальный принцип связи двух небольших по площади жилых помещений. Два окна верхней избы в селе Кадый, которые в народе часто сравнивали с глазами человека, открыты в сторону деревенской улицы. Они не имеют ни наличников, ни ставен. Далеко выступающий свес кровли на «челе» дома поддерживается обшитым карнизом, разорванным в центре фронтоном. Как большой головной убор, защищает он здание от непогоды.

Пожалуй, нигде так образно не раскрываются поэтические ассоциации, положенные в основу рус-

²⁹ Б. Т а н н е р. Описание путешествия польского посольства в Москву. М., 1891, стр. 136—140.

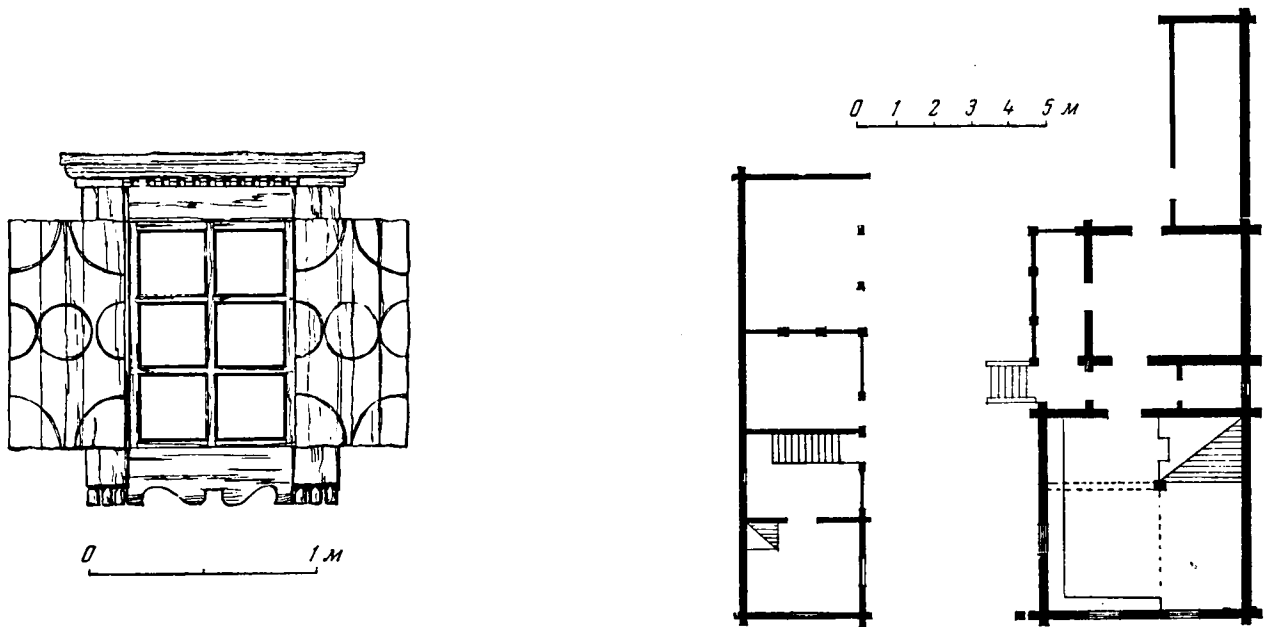
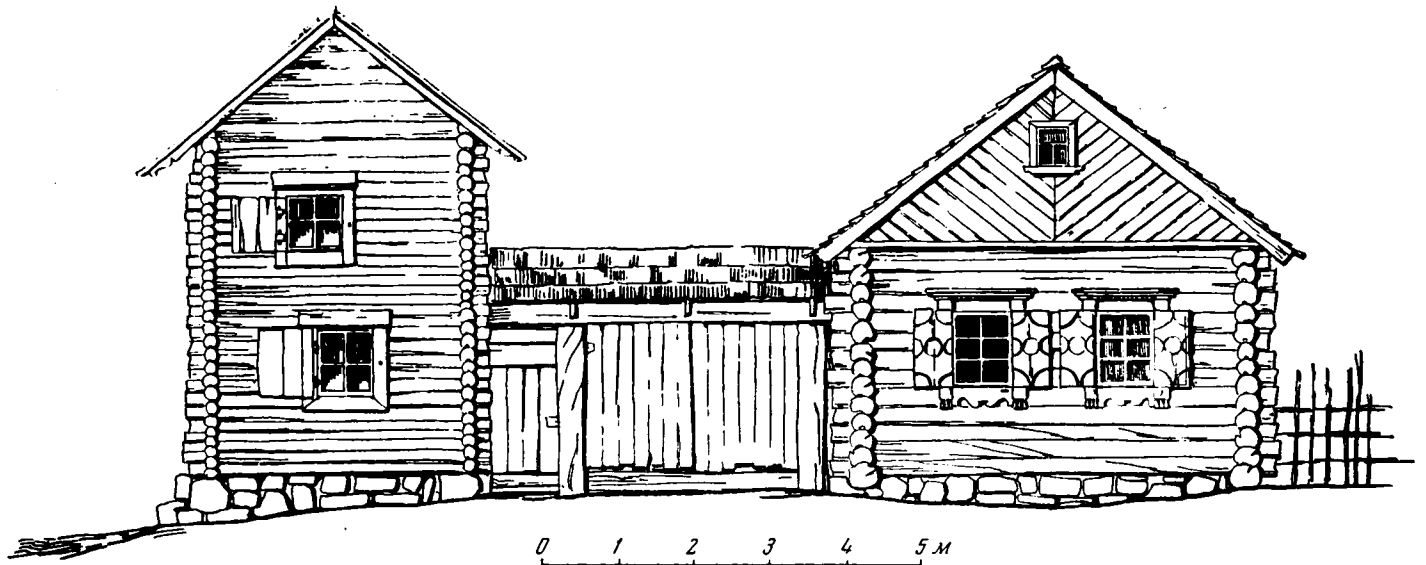

Табл. 57. Дом А. И. Ореца в городе Печеры Псковской области.

ской строительной терминологии (чело — причелина, лицо — наличники, очи — очелье, лоб — лобовая доска и многие другие), как здесь, при взгляде на это древнее сооружение. Внешний облик дома в Кадые так же лаконичен и суров, как и изб в Печерах. Значительно наряднее выглядит внутренняя обстановка жилых помещений.

Широкое развитие художественных промыслов в крупных торговых селах и городах Верхнего Поволжья оказало существенное влияние на характер используемых здесь предметов домашнего обихода, различной утвари и посуды. В доме М. С. Бойцовой рядом с простой глинобитной русской печью стоит

расписной шкафчик с изображением добродушного льва и воркующих птиц. На лавках лежат резная прялка и швейка. На полках стоят орнаментированные берестяные коробочки и туески. Так, при общих принципах планировки и близких строительных традиция, каждая из построек отражала специфические особенности народного зодчества и художественной культуры местного края.

Можно было бы привести еще некоторые жилые избы башенного типа (например, избу в селе Палуга на реке Мезени в Архангельской области), но не они составляли основную категорию двухэтажных домов северной деревни. Это были последние и уни-

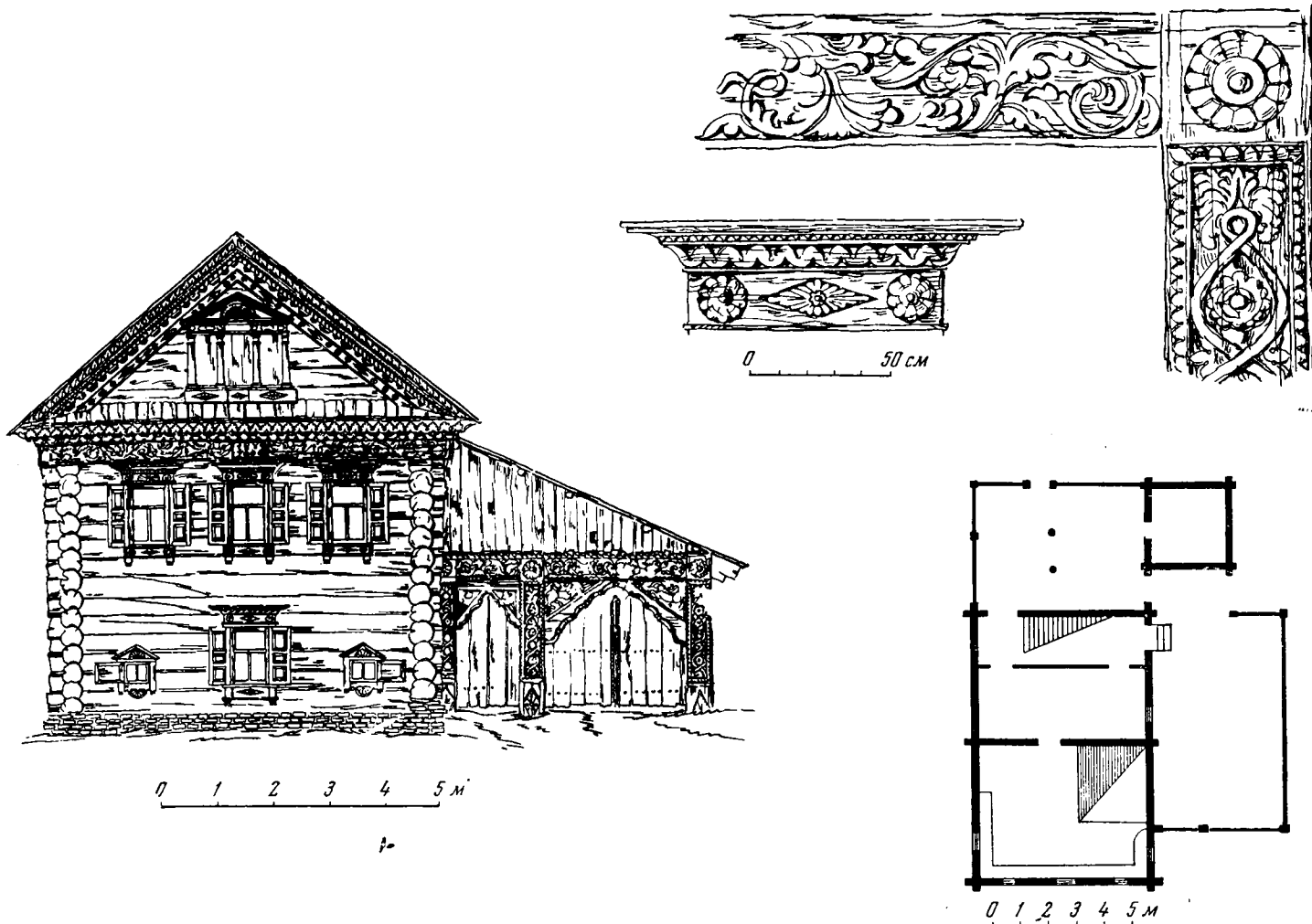

Табл. 58. Дом Н. А Зуева в селе Опалиха Чкаловского района Горьковской области.

кальные образцы древнего деревянного жилого зодчества, восстанавливающие утраченные звенья истории русской архитектуры. Двухэтажные жилые дома Севера и Поволжья, возведенные в XVIII—XIX веках, имели у народа такую же классификацию, как и одноэтажные избы: четырехстенки, пятистенки, шестистенки, двойни и дома кошелем (фот. 32—37).

Для Верхнего Поволжья наиболее типичной двухэтажной жилой постройкой может служить дом Н. А. Зуева в селении Опалиха Чкаловского района Горьковской области (табл. 58). Дом был построен в 1849 году прадедом теперешнего хозяина усадьбы Алексеем Зуевым. Алексей Зуев был одним из тех «тысячников», быт которых так ярко изобразил Мельников-Печерский. Он владел двумя домами и мельницей, являлся артельным старостой, а затем подрядчиком по строительным работам в близлежащих городах.

Дом состоит из двух жилых этажей. В первом этаже находится изба, во втором — горница. Оба помещения объединены внутренней лестницей. Таким образом, здесь то же количество помещений, как и в обычной одноэтажной крестьянской избе с клетью, но при вертикальной системе их связи между собой. Двор охватывает жилой сруб с двух сторон (задней и боковой); главные въездные ворота находятся на переднем фасаде здания. Значение каждого жилого помещения (теплой избы и светлой горницы) четко выявлено системой окон. Первый этаж имеет одно красное и два волоковых окошка, второй освещен только большими окнами.

Архитектурно-композиционные приемы народного зодчества Поволжья нашли в доме Зуева яркое и законченное воплощение. Главный фасад здания складывается из трех основных частей: жилого бревчатого сруба, зашитого тесом фронтона и въездных ворот. Жилой сруб и треугольный фронтон

кровли выдвинуты вперед и придают постройке строго симметричный характер. Центральная ось ее подчеркнута красным окном первого этажа и слуховым окном на фронте кровли. Архитектурная композиция последовательно развивается от основания здания к его вершине. В первом этаже еще преобладает глухая плоскость стены, во втором она сокращается до предела и главное место занимают окна горницы с крупными резными наличниками и филёнчатыми ставнями. Наконец, на фронте композиция завершается богатым убором орнаментальных украшений. Кажется, что архитектурная композиция, созданная руками приволжского плотника и резчика, развивается так же легко и естественно, так же свободно и закономерно, как вырастает полевой цветок, вытягиваясь к солнцу.

Крупная рельефная резьба на фризовой доске отделяет фронтон от сруба. Прикрывая верхний венец бревен, она создает плавный переход от мощною ритма открытой бревенчатой стены к тонкой обшивке фронтона, иногда еле заметной моделировке досок на подзорах кровли. Только в одном месте резьба спускается на землю, привлекает взор зрителя, заставляет подойти поближе, взяться за кованое кольцо калитки и постучаться в дверь. Это — резьба на верее и причелинах ворот. Несмотря на то, что ворота отодвинуты на задний план, они активно участвуют в общей композиции дома. Декоративными элементами зодчий умело подчеркнул главный вход и въезд в дом.

На Северной Двине широкое распространение получили двухэтажные двойни, пятистенки и шестистенки. Во втором ярусе таких построек точно повторялось количество жилых помещений первого этажа. При этом внизу, как правило, располагалась изба с тяжелой глинобитной русской печью, а сверху — холодные горницы, иногда с печкой легкого, «голландского» типа. Особенно характерна такая планировка для избы-двойни (например, двор В. В. Рябинина в селении Кодима Верхне-Тоемского района). Изба в селении Кодима представляет собой не что иное, как два двухэтажных дома, типа дома Зуева, объединенных общей крышей. Здесь та же вертикальная связь в двух рядом стоящих срубах и та же внутренняя обстановка, повторяющаяся в каждой половине дома.

Дом Рябинина был возведен в 1891 году, когда семья состояла из двух женатых братьев, одного холостого, отца и дяди. Младший из братьев, Василий Васильевич Рябинин, теперешний владелец дома, в настоящее время имеет 81 год от роду и является бригадиром в колхозе.

Двухэтажные дома на Северной Двине, рассказывает он, возводились для того, чтобы большие семьи, разделившись, могли долгое время оставаться под одной крышей. Построить новый дом одному из братьев было намного труднее, чем приспособить («нарядить») готовый сруб или холодную горницу, уже стоящую под крышей. Бывало так, говорит он, что большой двухэтажный дом отстраивался семьей постепенно на протяжении 10—30 лет. Вначале жили в одной отцовской избе, а остальные помещения пустовали. Затем отделялась вторая клеть, третья, четвертая и т. д. В процессе последовательного освоения находится, указывает он, например, рядом стоящий двухэтажный пятистенок Ивана Дмитриевича Пирогова; из четырех помещений его только два используются для жилья.

Северодвинские двухэтажные дома выделяются в народном зодчестве Севера своими большими размерами, стройным и простым объемом, полной симметрией главного фасада, трехмерной скульптурой, выразительностью архитектурных деталей.

Огромный объем требовал конструктивной прочности для широкой поверхности кровли. Эта прочность была особенно нужна в зимнее время, когда многотонная масса снега давила на здание. И плотник оригинально решил эту, в полном смысле слова, инженерную задачу. Он придал стропилам обратную изгибу криволинейную форму. Крыша получила напряженную, как бы оттянутую в средней части вверх, линию ската. Она надежно сопротивляется ветровой и снеговой нагрузке.

Стремясь защитить высокую бревенчатую стенку от прямого попадания дождя, зодчий придавал свесам кровли сильный вынос как с передней, так и с боковых сторон. Передняя часть кровли в большинстве случаев подшита тесом и часто раскрашена красками в виде разноцветных квадратов и ромбов, расположенных в шахматном порядке. В некоторых случаях использованы мотивы растительного орнамента, изображены тянущиеся вдоль кровли крупные полевые цветы или переплетающиеся ветки деревьев. Иногда на фронте между скатами кровли помещена сложная живописная композиция, главными элементами которой являются изображения львов, птиц или «древо жизни» свисящими спелыми плодами. Роспись сосредоточена на передней стороне дома, что усиливает выразительность главного фасада. Она создает сильное живописное пятно в центре всей композиции здания. Общую живописность усиливает динамичный силуэт кровли, увенчанный красивой фигурой конской головы (табл. 59, 60).

Так в синтезе архитектуры, живописи и скульп-

Табл. 59. Двухэтажный дом в селе Кодима Верхне-Тюемского района Архангельской области.
Рисунок К. Лопяло.

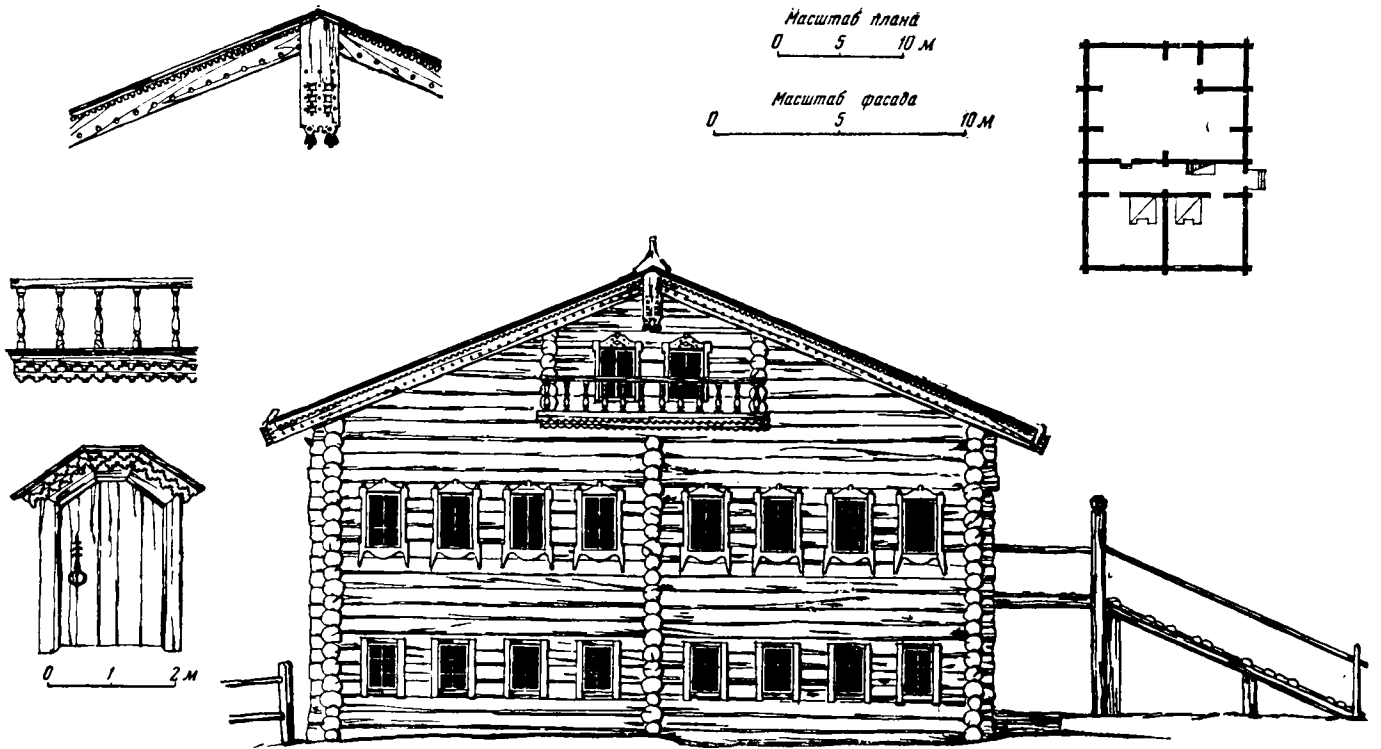

Табл. 60. Дом в селе Едома Лешуконского района Архангельской области.

туры развивался основной замысел северодвинского зодчего, направленный к созданию прочного и красивого крестьянского жилища, удовлетворяющего материальные и эстетические запросы его владельца.

Большой интерес представляет двухэтажный шестистенок в селении Бредовицы Виноградовского района Архангельской области. Дом был построен в 1881 году Павлом Николаевичем Петровым. Владелец дома принадлежал к зажиточной верхушке северодвинского крестьянства. Помимо сельского хозяйства он занимался помолом муки на собственной мельнице, смолокурением, заготовкой и сплавом леса. Шестистенок был обшит тесом и покрашен в желтый цвет (табл. 61—64).

Дом в Бредовицах принадлежит к числу самых крупных крестьянских домов на Севере и объединяет под одной крышей рекордное количество жилых и хозяйственных построек.

В доме двенадцать изолированных клеток; из них только три непосредственно предназначались для хозяйственных целей, остальные использовались для жилья. Дом четко членился на три части («перед», «середка», двор). Переднюю часть занимал шестистенок, к нему примыкали широкие сени с двумя крыльцами. «Середка» отводилась для дополнительных жилых клеток, между которыми проходили се-

ни, связывавшие двор с жилой частью дома. Двор имел два этажа и два самостоятельных въезда.

В первом этаже жилой части было четыре избы. В каждой избе имелись глинобитная печь на деревянном помосте с пристроенным к ней голбцом, полати, полавники и шкафчики для посуды. Вся эта обстановка была неподвижной, конструктивно связанной со стенами дома, и имела филенчатую обшивку с яркой масляной росписью. На втором этаже были сделаны еще две теплых и одна летняя (без печи) горница, а также две небольшие светелки, используемые при необходимости для хранения домашнего скарба, одежды, запасов круп, сушеных грибов, ягод и рыбы. Все средние комнаты шестистенков являлись кладовыми.

Во всех жилых помещениях огромного и сложного комплекса в Бредовицах повторялась не только обстановка небольшой крестьянской избы, но и все ее конструктивные и декоративные элементы. Тщательно и с любовью выполнялись они северодвинским плотником и в больших, и в маленьких зданиях.

Мы встречали избы, превосходящие по своей высоте и объему этот дом (такова, например, четырехстенная изба в селе Долгощелье на побережье Белого моря). Сохранилась даже целая изба-дерев-

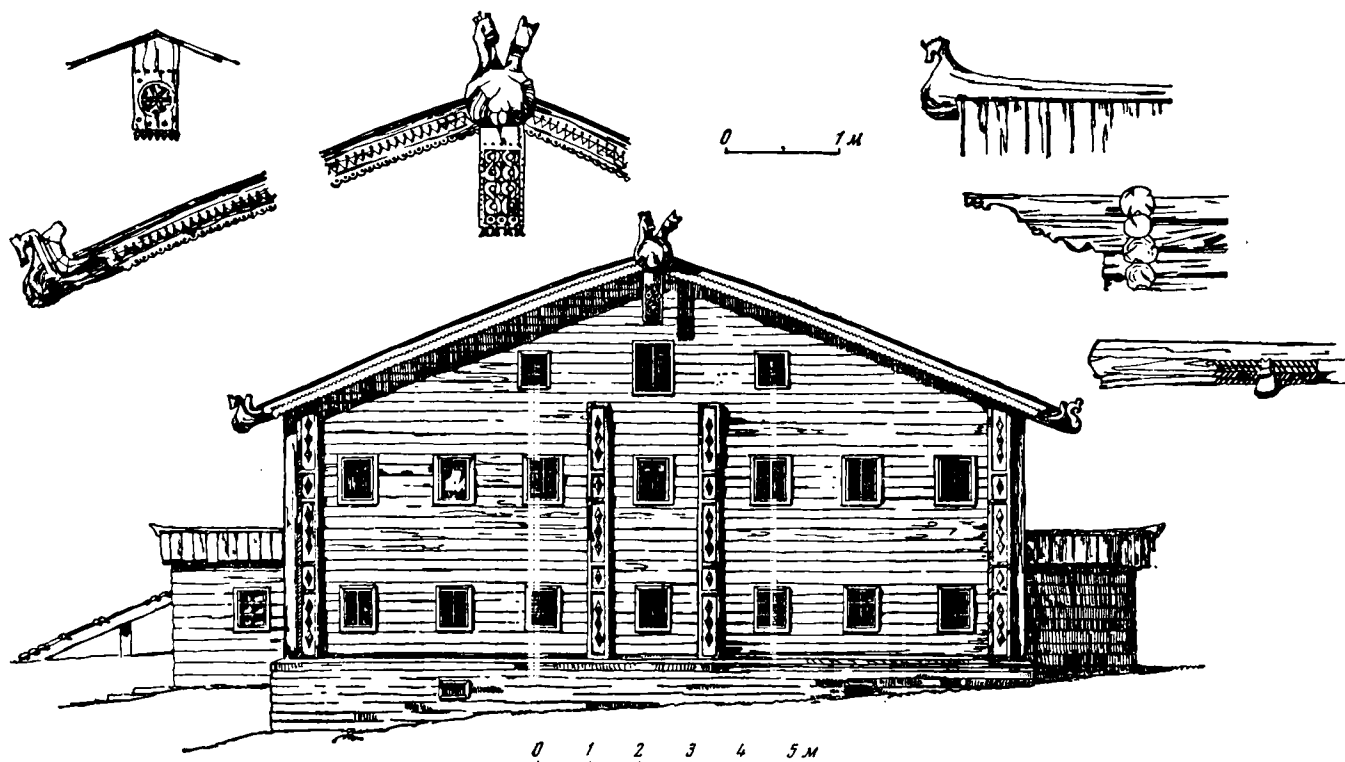

Табл. 61. Дом М. И. Бурмагиной в селе Бредовицы Виноградовского района Архангельской области (главный фасад).

ня, состоящая из длинного ряда сомкнутых друг с другом построек одной семьи-рода, количество которых превышает два десятка (деревня Шокша Железнодорожного района Коми АССР).

На протяжении всего процесса формирования типов народного жилища сельская община по своему социальному составу не была однородной. Развитие частной собственности, рост имущественного неравенства среди крестьян, все возрастающая эксплуатация одних крестьян другими, естественно, должны были отразиться и на характере застройки деревни.

Об этом красноречиво свидетельствуют древние описи крестьянских хозяйств. Бобыльский двор вологодского крестьянина, например, имел подчас всего-навсего «избенку ветхую да сеник»³⁰, а двор соликамского мельника объединял в себе уже «две избы да клеть на подклетьях, да мильню, два сеника на двух хлевах»³¹ и т. д.

Что касается богатых домов торгово-промышленной верхушки северодвинского крестьянства, то они мало чем отличались от помещичьих или боярских усадеб того времени. Например, на дворе Василия

Григорьева, владельца соляных варниц по реке Золотице в Двинском уезде, числились по купчей описи 1568 года: «горница на подклетьях, против сени, да две повалуши, да сушило на подклетьях, да по улице против двора погреб»³².

Социальная дифференциация деревенского населения уже сильно сказалась в архитектуре построек Севера во второй половине XVIII века. В опубликованной В. Крестининым³³ классификации крестьянских дворов по их стоимости выделяется пять категорий.

Так, крестьянский двор		
первой статьи стоил	300 — 500 руб.	
второй »	» 200—300 »	
третьей »	» 100—200 »	
четвертой »	» 50—100 »	
пятой »	» 30—60 »	

При этом в состав среднего двора входили следующие постройки (отмеченные отдельно):

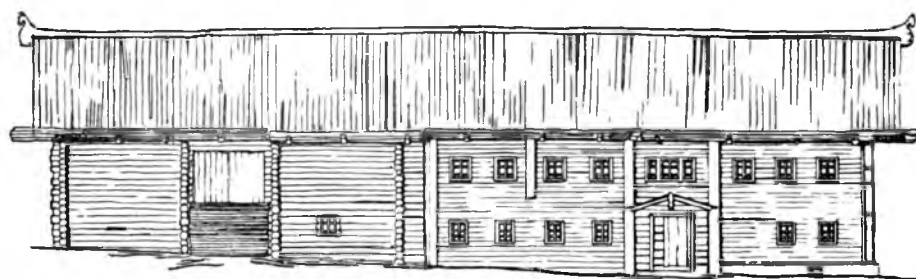
изба	— 30 руб.	гумно крытое—25 руб.
клеть	— 30 »	хлебный сарай—15 »
скотный сарай—	30 »	баня — 7 »
овин	— 05 »	

³⁰ См. З. О г р и з к о. Слуги Спасо-Прилуцкого монастыря XVI—XVII вв.— «Труды Гос. Исторического музея», вып. 27. М., 1955, стр. 9.

³¹ Сборник записей и грамот Соликамского монастыря.— «Пермский сборник», № 1. Пермь, 1895, стр. 123.

³² «Акты юридические...», стр. 127.

³³ В. К р е с т и н и н. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа на Севере. СПб., 1779, стр. 23.

0 5 10 м

0 5 10 м

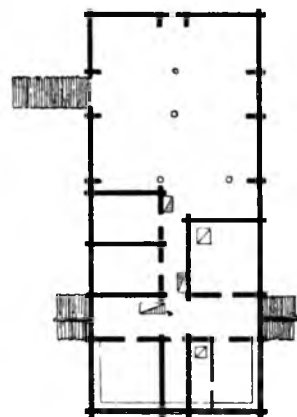
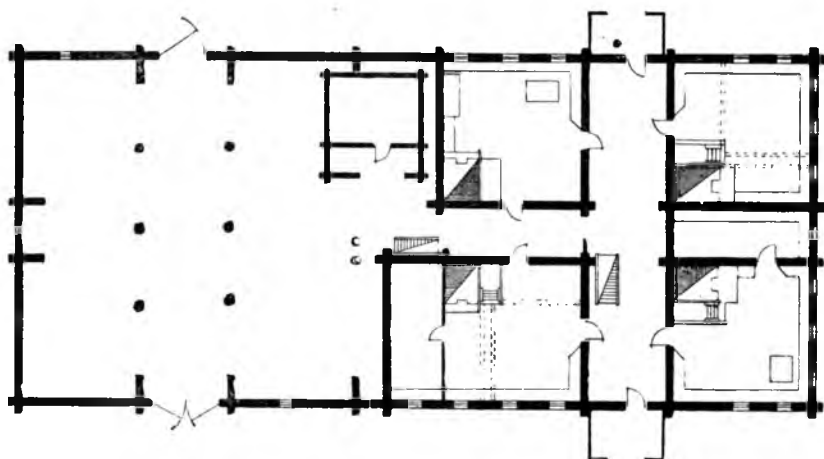

Табл. 62. Дом М. И. Бурмагиной в селе Бредовицы Виноградовского района Архангельской области (боковой фасад, план)

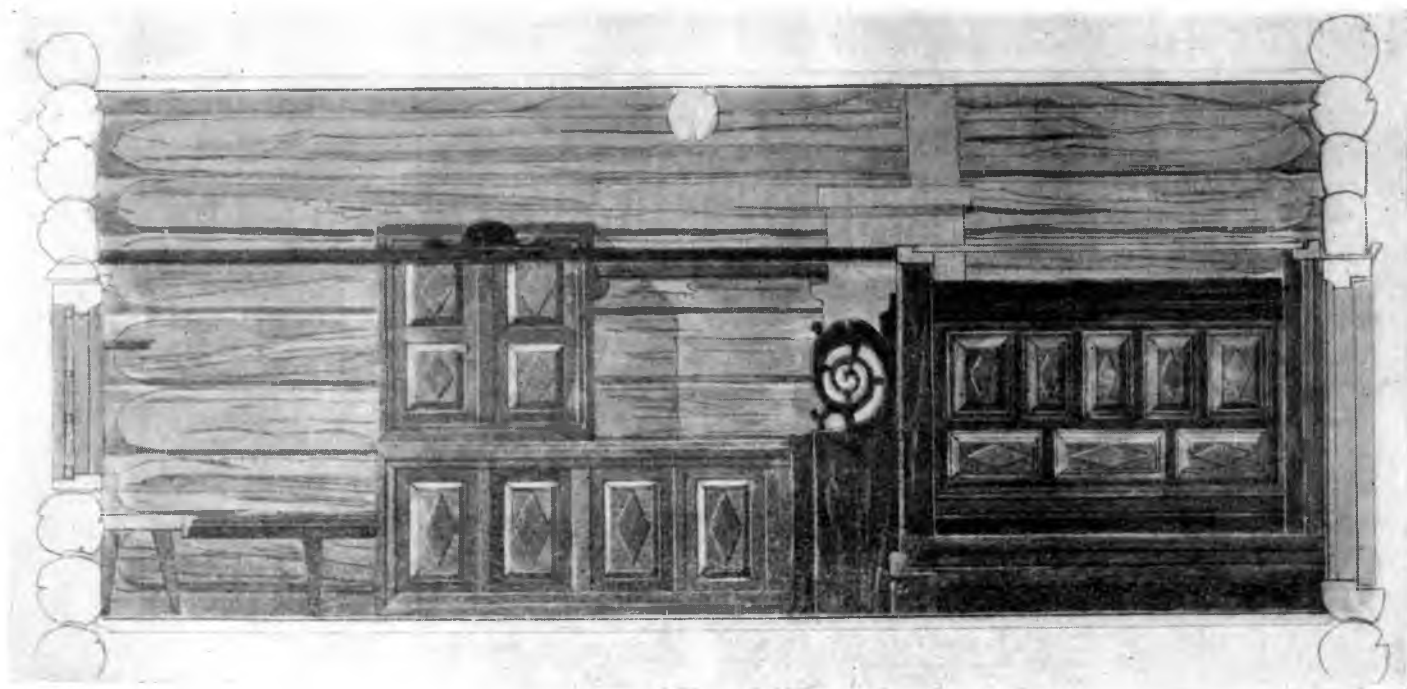

Табл. 63. Дом М. И. Бурмагиной в селе Бредовицы Виноградовского района Архангельской области (интерьер).

Резкая дифференциация крестьянства в конце XIX века, выделение сельской буржуазии, разорение середняков и увеличение числа бедняцких хозяйств существенно повлияли на характер застройки деревни. Соответственно этому процессу определились полярно противоположные пути дальнейшего развития жилого зодчества у различных слоев населения. Кулаки, торговцы, владельцы мельниц и барж, артельные старосты, подрядчики, хозяева кустарных промыслов и другие представители развивавшегося капитализма в деревне возводили большие, украшенные резьбой и росписью дома. И, наоборот, бесконечно сокращались материальные возможности у основных масс крестьянства; разваливались старые дома, все больше появлялось убогих хижин бобылей, не имевших «ни кола, ни двора». «В прежние времена мы часто встречали такие селения, где не было ни одного бобыля, теперь же в каждой деревне их не менее пяти, а то и целый десяток...». «Рядом с лачугами стоят расписные хоромы, рядом с нищими живут богачи, рядом с униженными и оскорбленными — пирующие и ликующие»³⁴.

Обострение классовой борьбы в деревне все сильнее проявлялось и в области идеологии. Это была борьба двух культур — культуры народной, демократической, и культуры реакционной, буржуазной. Многие богатеи стремились большими размерами нового дома, показной пышностью, безвкусной яркостью, подражанием городскому модному стилю подавить окружающую застройку деревни. Насаждалась чуждая основным принципам народного творчества кулацко-мещанская архитектура, оказавшая пагубное влияние на крестьянское строительство.

Вместе с тем развитие капитализма в России оказывало и преобразующее воздействие на крестьянский быт, на строительную технику патриархальной деревни. Повышалась культура крестьянского жилища, членилось внутреннее пространство избы, отделялась глухой перегородкой кухня, расширялись проемы, переделывалась система отопления. В новых избах полаты заменялись кроватями, вместо скамей ставились стулья. Среди плотников возросло отходничество, позволявшее им осваивать новые, передовые приемы профессиональной городской архитектуры и применять их в строительстве сельских зданий.

В XIX веке в народном зодчестве Поволжья произошла массовая замена тяжелой самцовой системы

³⁴ См. В. И. Ленин и др. Сочинения, т. 3, стр. 240. Примечание.

покрытия изб облегченной стропильной, все чаще стала применяться рубка построек в «лапу», значительно сокращающая расход древесины, и т. д. Ни в один из прежних периодов мы не видели (может быть, не имели возможности увидеть из-за отсутствия материалов) столь отчетливых тенденций к пересмотру сложившихся строительных традиций, как это было во второй половине XIX века.

Процесс перестройки изб у середняков с сокращением размеров сруба, увеличением количества окон и изменением внутренней обстановки вызвал к жизни много местных вариантов. Что касается жилищной части крестьянства, то она не только широко использовала наиболее развитые типы планировки предшествующих периодов, но и объединяла их с односрубными избами; создавались сложные, часто двухэтажные жилые комплексы, в строительстве которых искусство народных зодчих достигало высокого художественного и технического уровня.

Тем не менее, на протяжении всего XIX века в массовом строительстве деревни не появилось каких-либо новых типов жилой избы и продолжалось развитие старых, традиционных форм построек.

* * *

Собранные нами материалы позволили составить карту основных типов русского крестьянского жилища, сложившихся на Севере уже к началу XIX века (см. табл. 131).

При составлении карты мы отказались от условного и схематического изображения жилых изб и использовали только обмерные чертежи реально существовавших построек. На карту нанесены четырехстенные, пятистенные, шестистенные избы, дома кошелом и двухэтажные здания. Избы расположены в тех районах, где они преобладали в застройке жилых крестьянских комплексов. Естественно, что карта не могла вместить всех имевшихся в действительности разновидностей русского народного жилища. Мы попытались выявить их и дополнительно систематизировать в отдельных таблицах (табл. 65—69).

Таблицы содержат разновидности показанных на карте типов в процессе их последовательного развития.

Карта показывает, как закономерно расширяются по направлению к Северу жилые объемы — характерная черта зодчества экономически сильных черносошных крестьян, особенно в тех районах, которые были расположены вдоль оживленных водных магистралей и сухопутных трактов, и в тех районах, где были развиты промыслы и художественные ремесла.

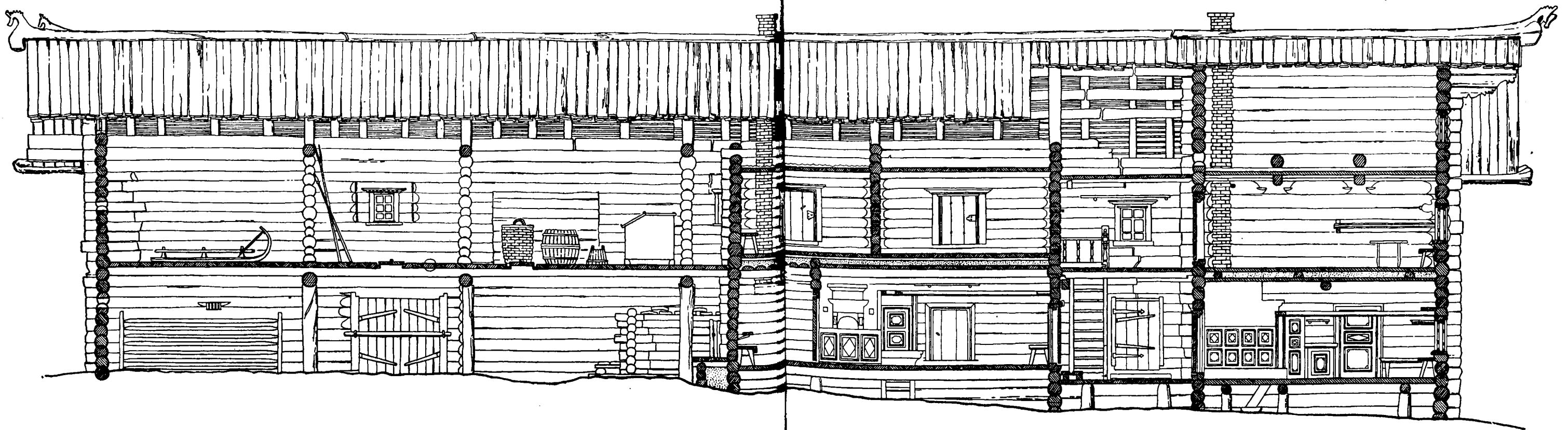
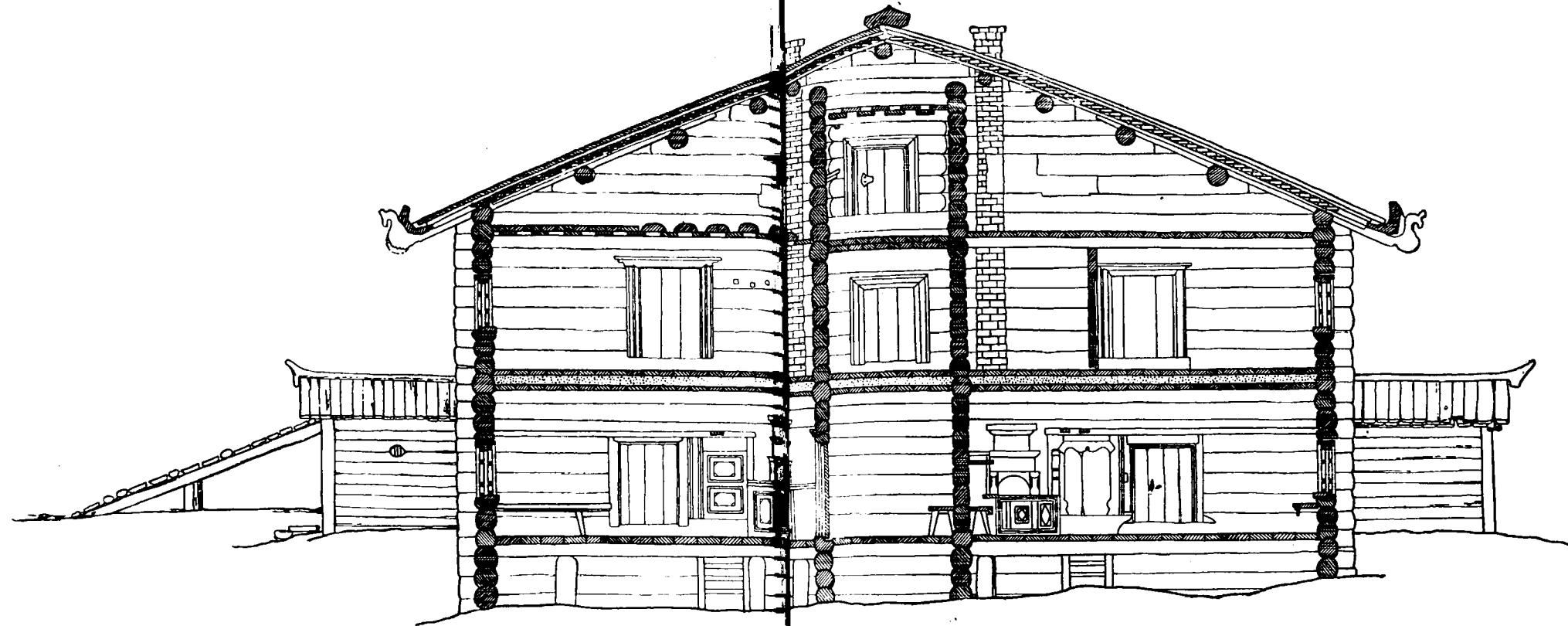

Табл. 64. Дом М. И. Бурмагиной в селе Бредовицы Виноградовского района Архангельской области (продольный и поперечный разрезы).

Табл. 65. Сводная таблица типов четырехстенных изб.

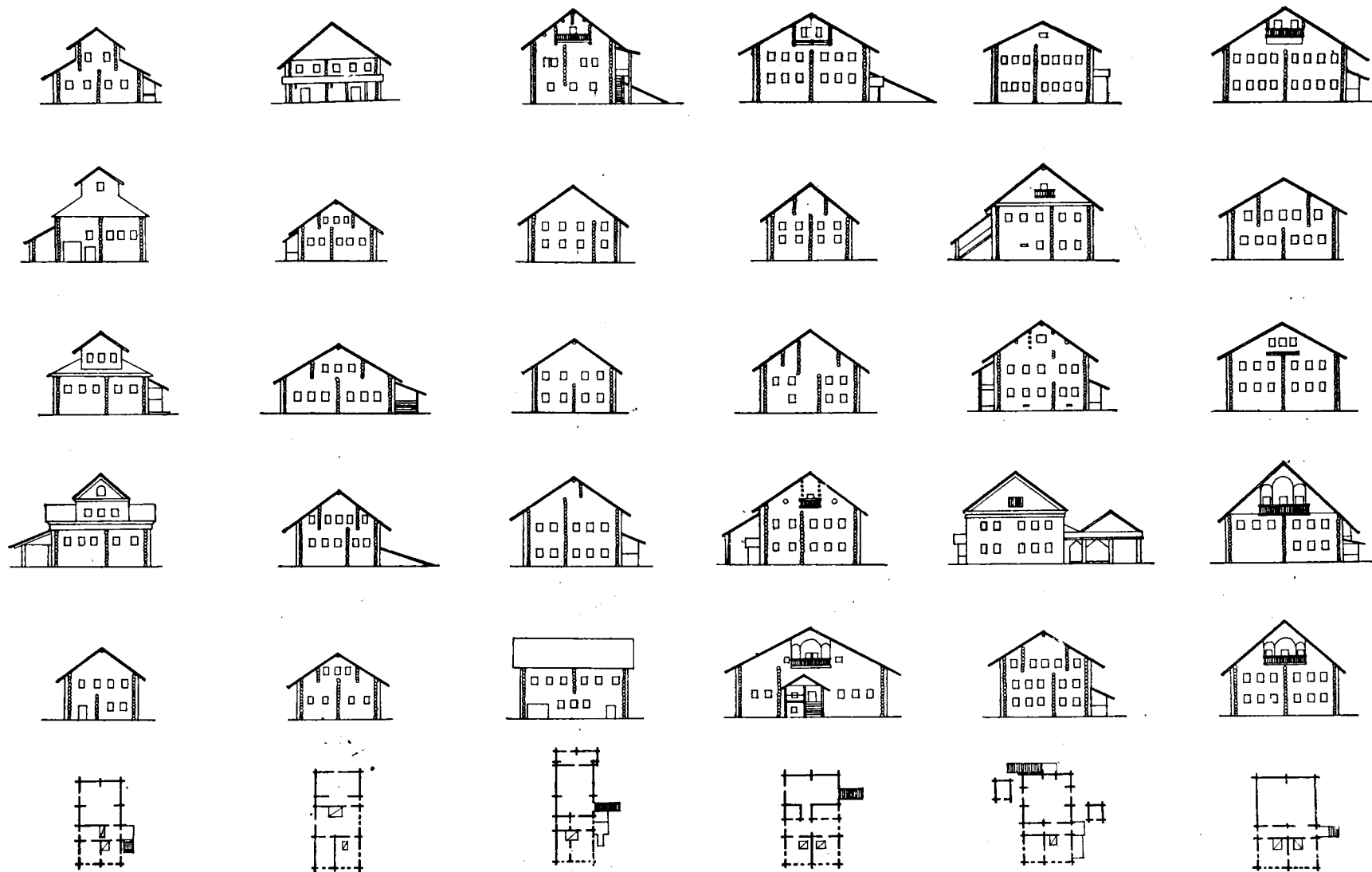

Табл. 66. Сводная таблица типов пятиэтажных изб.

Табл. 67. Сводная таблица типов двойных изб.

Табл. 68. Сводная таблица типов шестистенных изб.

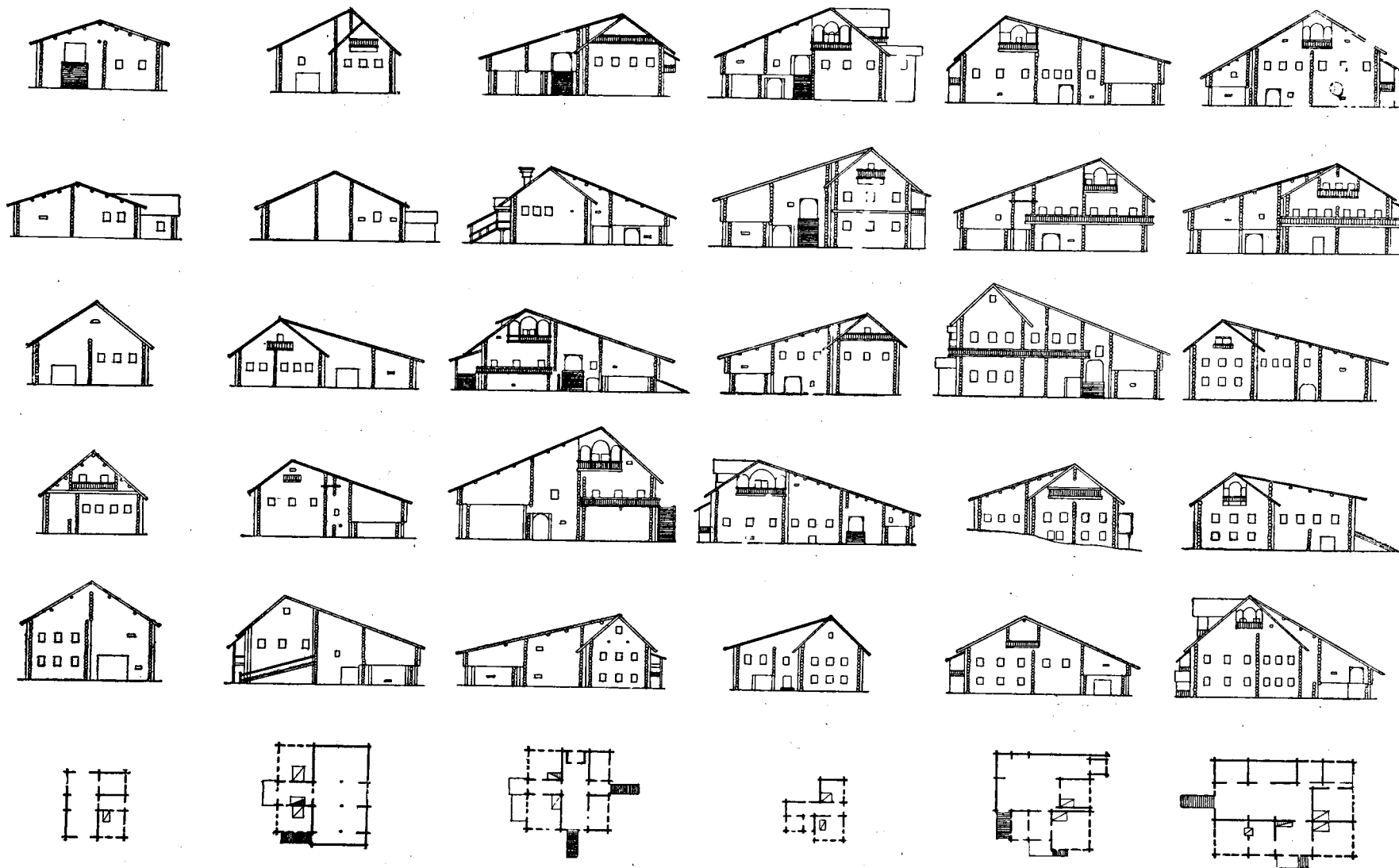

Табл. 69. Сводная таблица типов изб кошелем.

В этих районах сложились и сохранились до наших дней наиболее разнообразные и крупные жилые постройки, выделившиеся в самостоятельные и законченные типы народного жилища: дома кошелом в Заонежье и на Беломорском побережье, шестистенки на реках Вычегде и Пинеге, избы-двойни на Мезени и Северной Двине, пятистенки на Сухоне, четырехстенные избы в Верхнем Поволжье, Пермской и Новгородской областях.

Строительные традиции, определившие формирование этих типов, полностью прослеживаются на сохранившихся избах XVIII столетия, по археологическим материалам, графическим изображениям и письменным источникам.

Каждый из этих типов имеет свою самостоятельную линию развития. Четырехстенная изба получает через сени связь с клетью (горницей), изба с перерубом преобразуется в пятистенок, изба-двойня развивается в шестистенок или при увеличении количества рядом поставленных клеток — в тройню, четверню и т. д.

Избы, составляющие господствующий тип в том или ином районе, возводились и на соседних территориях, наряду с местными вариантами жилых зданий. Наиболее сильно взаимопроникновение различных типов жилья было характерно для второй половины XIX века. Оно обусловилось более широкими контактами населения, увеличением числа крестьян, занимавшихся отхожими промыслами, резким расслоением крестьянства. Часто в одной и той же деревне избы зажиточных крестьян существенно отличались от остальных построек не только объемом, количеством дополнительных жилых клеток, но и самым принципом расположения помещений, приемами их возведения, характером декоративных украшений.

Более того, отдельные типы жилых построек, такие, как пятистенок, строились не только по всему Северу, но и в некоторых районах Центральной России. Обладая многими ценными качествами, пятистенная изба в течение исключительно короткого времени (нескольких десятилетий второй половины XIX века) завоевала всеобщее признание и получила самое широкое распространение в народном зодчестве.

В основе планировки всех изображенных на карте жилых комплексов лежала одна и та же бревенчатая клеть квадратной или почти квадратной формы. Она была основной ячейкой жилой архитектуры, определявшей норму бытовых потребностей крестьянина.

Четырехстенные избы строились с одним, двумя, тремя, четырьмя, пятью и шестью окнами на лицевой стороне и по количеству окон существенно отличались друг от друга. В центре их разновидностей находился знакомый нам трехконный сруб, уже полностью сформировавшийся на территории новгородских и московских земель в период образования Русского централизованного государства, становления общерусской национальной культуры. Такой сруб был характерен для крестьянского, посадского, усадебного и городского хоромного строительства.

Независимо от того, как складывалась общая планировка крестьянского дома, представлял ли он собой четырехстенное, пятистенное, шестистенное здание или дом кошелом, главный сруб почти всегда имел три окна на фасаде. Это количество окон не изменялось при появлении косячатого окна. Сочетание центрального косячатого окна с двумя волоковыми по сторонам, зафиксированное графическими документами XVI—XVII столетий, сохранилось в крестьянском зодчестве Севера до начала XX века.

Конечно, наряду с трехконными срубами на тех же рисунках были изображены избы и с двумя, даже с одним окном на лицевой стороне. Однако только на востоке Европейской части России (в Прикамье) двухконная изба стала характерной особенностью жилых построек, и только на западе (в Псковской области) изба с одним окном на переднем фасаде получила широкое распространение в крестьянском зодчестве.

В то же время увеличение числа окон в срубе до четырех было свойственно жилой архитектуре Прионежья и Новгородской области. Изменение количества окон в избе существенно изменяло не только ее внешний облик, но и внутреннюю планировку, конструктивные и декоративные элементы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КОНСТРУКТИВНЫЕ И АРХИТЕКТУРНО-ДЕКОРАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЛЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК

ОКНА И НАЛИЧНИКИ

Одна из характерных особенностей народного зодчества заключалась в том, что основные типы жилых построек, планировка здания, габариты помещений и основные конструктивные приемы их возведения были чрезвычайно устойчивы. И в то же время бесконечно разнообразными, подвижными и изменчивыми по своим художественным и конструктивным качествам были отдельные архитектурные элементы: оконные проемы с резными наличниками, детали кровли, крыльца, ворота, многогранная область малых форм, предметы быта и внутренней обстановки. Эти элементы придавали однотипным крестьянским избам резко отличные, индивидуальные черты. Они в значительной части определяли архитектуру, можно сказать архитектурный стиль построек на том или ином этапе исторического развития народного жилища.

В этом раскрывались своеобразные строительные традиции русских плотников, ограничивавшие мастера в выборе типа постройки и предоставлявшие ему большую творческую свободу при выполнении и художественной обработке важнейших элементов здания. Плотники знали, что показать степень зрелости своего мастерства, уровень специальных знаний и опыта работы, свое знакомство со строительной модой времени, свою личную фантазию доступнее всего именно здесь. Таким образом, в этих элементах наиболее выпукло отразились главные направления творческих поисков русских плотников, основные этапы развития архитектурной резьбы.

В народном зодчестве применялось много типов окон: окна волоковые, косицатые, двойные, слуховые и т. д. Каждое из этих понятий определяет важнейшую особенность оконного проема, его форму, конструкцию, назначение в здании.

Слово «окно» — один из самых древних и распространенных архитектурно-строительных терминов, обозначающий обязательный элемент жилой постройки. Он встречается у всех славянских народов — русских, поляков, чехов, сербов и др.¹ В русских летописях окно (оконце) упоминается уже применительно к XI веку — во дворе князя Изяслава (1065), в келье Исаакия Печерского (1074). Упоминания эти кратки и отрывочны, однако они позволяют характеризовать окно как смотровое и световое отверстие («князю же из оконца зрящу»²), имеющее подчас очень маленькие габариты («якоя вместима рука»³).

Последующие письменные источники дают некоторые сведения о материале, служившем для заполнения окон. Как сообщает летопись, в холмской церкви св. Иоанна «окна три украшены стеклы римскими» (1259)⁴.

В сказании о Мамаевом побоище (1380) говорится, что жена Дмитрия Донского Евдокия сидела в кремлевском тереме, «под стекольчаты окна»⁵. А Иван IV (1556) выписывал из Новгорода оконные стекла разных цветов для своего дворца⁶.

Использование стекла для окон в великокняжеских хоробах подтверждают и археологические рас-

¹ См. А. Харузин. Славянские жилища в Северо-Западном крае. Вильно, 1907, стр. 113.

² ПСРЛ, т. 1, стр. 73.

³ Там же, стр. 83.

⁴ См. П. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 110.

⁵ См. С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. Приложение, стр. 15 и 50.

⁶ См. Н. Фальковский. Москва в истории техники. М., 1950, стр. 334.

копки, проведенные в Киеве, Белгородке, Новгородке и других местах⁷.

Однако стекло до 1635 года не производилось в древней Руси, а привозилось из-за границы. Применение его было крайне ограничено. Наиболее широкое распространение имела слюда. Запасы ее позволяли Русскому государству не только удовлетворять внутренний рынок, но и вести в течение XVI и XVII столетий обширную торговлю с западноевропейскими странами.

Слюдяные «оконницы» в этот период заполняли оконные проемы многих городских жилых зданий.

Тем не менее слюда являлась материалом покупным и мало проникала в крестьянское строительство. Исключение составляли районы Беломорского побережья и Прикамья, где слюдяные массивы выходили на поверхность и приобретение слюды было для крестьян более доступным.

Для основной массы крестьянства заполнителями окон служили местные материалы, которые было нетрудно добыть в своем хозяйстве: бычий пузырь, рыбий паюс, тонкие липовые пластины, холст, а иногда простой лед.

В конце XVIII века великий русский просветитель А. Н. Радищев, описывая крестьянское жилище, отмечал: «окончишы, в кои натянуты пузыри, смеркающий в полдень пропускали свет»⁸.

В некоторых областях России применение заменителей стекла можно было встретить еще во второй половине XIX века. Этнограф А. Трофимов, посетивший в 1871 году Нижне-Колымск, так описывал существовавшие в нем постройки: «В городе находится не более трех десятков старых полуразрушенных домов или вернее лачуг, разбросанных без всякого порядка. Лачуги эти покрыты дерном и древесной корой; в окна вместо стекол вмазывается летом бумага, налимья кожа и иногда слюда, а зимой вставляется ледяная пластина»⁹.

Другой исследователь крестьянской архитектуры, проехавший в то же время по Ангаре и Лене и посетивший ряд деревень, сообщал, что в окнах крестьянских построек «вместо стекла везде слюда, считая крученым конским волосом»¹⁰.

⁷ Н. В о р о н и н. Жилище.— В. кн.: «История культуры древней Руси», т. 1. М., 1948, стр. 218.

⁸ А. Р а д и щ е в. Путешествие из Петербурга в Москву. Л., 1949, стр. 164.

⁹ А. Т р о ф и м о в. Заметки о Нижне-Колымске.— «Известия Сибирского отделения Русского географического общества», т. 3. Иркутск, 1872, стр. 161.

¹⁰ Н. Р о в и н с к и й. Сообщение о поездке по Ангаре и Лене.— «Известия Сибирского отделения Русского географического общества», т. 2. Иркутск, 1871, стр. 53.

Непрочность заполнения, малые размеры и плохие термоизоляционные свойства использованных материалов ограничили габариты светового отверстия, потребовали дополнительного приспособления в виде задвижной доски для защиты помещения от холода и от всяких возможных случайностей при отсутствии людей в доме. Все это определило форму и конструкцию наиболее древнего оконного проема, так называемого волокового окна, в течение ряда столетий характеризовавшего внешний облик русского народного жилища.

Волоковое окно прорезалось между двумя горизонтальными рядами бревен. Высота его не превышала толщины бревна, а ширина была в полтора раза больше высоты («две четверти высоты и три четверти ширины»¹¹). С внутренней стороны около окна устраивался «кожух» (бруски с желобом для движения доски). Такая конструкция волоковых окон существовала в русских избах начала XVII столетия. Об этом свидетельствует наиболее древний памятник деревянного жилого зодчества — жилая изба башни Братского острога, построенная в 1631 году. На внешней стороне оконных проемов этой башни сохранились характерные для волоковых окон конструктивные элементы — четыре деревянных стержня, служившие для крепления рамки с натянутым бычьим пузырем или рыбьим паюсом.

Небольшой, тусклый свет, проникавший в избу через волоковые окна, требовал наиболее рационального его использования. Выработывалась устойчивая система расположения оконных проемов в доме, удовлетворявшая минимальные потребности крестьянского быта.

Во время экспедиции 1953 года мы обнаружили в селе Таратино (Котласский район Архангельской области), видимо, последний и единственный образец на территории Советского Союза жилой крестьянской избы, освещенной исключительно волоковыми окнами¹². Изба эта давно уже не служила жилым помещением и использовалась колхозом для хранения сельскохозяйственного инвентаря. Из трех окон, расположенных на главном фасаде, центральное было приподнято на один венец. С боковой стороны находилось еще два волоковых окошка. Подобное размещение оконных проемов было изображено на постройках XVI и XVII столетий древнерусскими художниками при иллюстрировании ру-

¹¹ М. П о п о в. Как образовалась деревня Митино.— «Известия Вологодского общества изучения Северного края», вып. 1. Вологда, 1914, стр. 77.

¹² См. И. М а к о в е ц к и й. Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955, стр. 26.

кописных текстов. Изображения изб с таким же освещением можно было увидеть на иконах и многочисленных зарисовках иностранных путешественников.

Важно отметить, что явно недостаточное проникновение света через маленькое центральное окно для освещения всего жилого помещения повлекло за собой, в первую очередь, расширение именно его и появление новой системы сочетания окон на переднем фасаде избы в виде центрального — красного, косячатого — окна и двух крайних, по-прежнему волоковых окон.

В специальной литературе по народному жилищу и по истории архитектуры давались весьма точные характеристики системы расположения волоковых окон и их функционального назначения. Проф. Н. Н. Соболев в своем капитальном труде писал: «В старинных наших постройках первые окна были волоковые. Они представляли собой небольшие отверстия под потолком горницы размером 27 × 35 см, которые в черных или курных избах служили для выхода дыма»¹³ (курсив мой.— Н. М.).

Такой же точки зрения придерживалась и известная этнограф Е. Э. Бломквист, утверждавшая, что центральное волоковое окно одновременно являлось и дымоволочным, что переделка его на косячатое была вызвана появлением дымниц и изменением системы отопления¹⁴.

Исследование жилой избы Братского острога, старых крестьянских курных изб на реках Сухоне, Вычегде, Онеге показало, что, помимо волоковых окон, в избах существовало специальное дымоволочное окно, устроенное обычно на боковой или задней стене непосредственно у печи. Окно находилось значительно выше световых окон, на уровне полатей, и служило для выпуска дыма, скапливавшегося под потолком.

Конечно, иногда при растопке печи или при сырых, дымивших дровах, приходилось отворять все окна и даже дверь. Однако это явление бывало временным. Основной процесс проходил в закрытом помещении, а выход дыма вполне обеспечивали дымоволочные окна и специальные «дымницы» и «дымовики» (деревянные короба, устроенные в потолочном перекрытии или у двери).

Дымницы упоминаются в Новгородских летош-

¹³ Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву. М., 1934, стр. 102.

¹⁴ Е. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.— «Востоочнославянский этнографический сборник». М., 1956, стр. 119—120.

нях уже XVI столетия¹⁵. Еще определеннее об одновременном существовании в жилых домах дымниц, световых и дымоволочных окон говорят подрядные книги Троице-Гледенского монастыря 1622 года. В подрядной крестьян Дмитрия, Ивана и Осипа Сидяковых указывается, что они должны сделать «по подобным местам три окна и четвертое дымоволочное»¹⁶. «Дымовник делать дощатой в закрой»¹⁷.

Основная линия развития оконных проемов определялась стремлением зодчих расширить световые отверстия, изменить конструкцию окна, ввести рамное заполнение проема.

Наряду с волоковыми окнами, в избах появились «косячатые» и «колодчатые» окна.

Косячатое окно представляет собой проем в стене, укрепленный двумя боковыми брусками (косяками). Вверху эти бруска были связаны между собой поперечным третьим брусом (притолкой), внизу они упирались непосредственно в бревно сруба.

Наряду с косячатым окном в древнейших письменных источниках упоминается еще окно «колодчатое». Такое окно имело цельную колоду, составленную из четырех прочно связанных между собой брусков. Как то, так и другое окно появились в народном зодчестве на месте центрального окна в избе; в отличие от волоковых окошек в дальнейшем они стали называться красными независимо от своего расположения.

Косячатое окно значительно расширило оконный проем, который по своим пропорциям стал близок к квадрату. Необходимость заполнить этот проем слюдой или стеклом, составленным из небольших кусков, заставила плотников прибегнуть к рамному переплету. Деревянная рама не была новостью для русских мастеров. Известно о существовании глухой неподвижной рамы в каменных новгородских постройках (церкви Нередицы) уже в XII веке¹⁸.

Вначале конструкция первых рам в крестьянских избах также была глухой. Затем одну часть рамы, по принципу волоковых окон, стали делать подвижной в горизонтальном или вертикальном направлении, и лишь во второй половине XIX века «распашная» двустворчатая рама прочно вошла в народное строительство.

Распашные двустворчатые рамы сделали возможным дальнейшее увеличение оконного проема вверх.

¹⁵ ПСРЛ, т. III, стр. 160.

¹⁶ Подрядные Троице-Гледенского монастыря. ЦГАДА, ф. 1187, д. 237, 1622 г., 8/X.

¹⁷ Там же, 1621 г., 23/X.

¹⁸ См. Н. Ворони. Жилище.— В кн.: «История культуры древней Руси», т. 1, стр. 220.

Тяжелые косяки и колоды стали заменяться легкими оконными коробками. Места стыка коробки и бревенчатой стены прикрывались накладными досками — наличниками окна.

Введение в крестьянской избе оконной коробки, имевшее место в середине XIX века, было характерным явлением как для северных областей, так и для Поволжья.

Таким образом, в своем развитии окно последовательно изменяло свою форму и размеры, от горизонтально расположенного маленького светового отверстия — к квадрату и затем к вертикальному большому прямоугольному проему. Соответственно менялись и заполнители окна (брюшина, слюда, стекло) и система его укрепления — от глухого кожуха для волоковой доски с четырьмя стержнями для натяжки брюшины к неподвижной слюдяной окопнице с тяжелой деревянной ставней и, наконец, к легкой двустворчатой раме с тонким и прозрачным стеклом.

На всех этих этапах развития окна нераздельно решались и задачи художественного порядка. Они заключались прежде всего в поисках пропорций оконного проема, соразмерности его по отношению ко всей архитектурно-художественной композиции здания, в выявлении красоты фактуры самого материала, в ритмическом членении и орнаментальном украшении наличников.

Наиболее элементарным типом оконного проема, прямым предшественником волокового окна были целевые окна подклета избы, двора, амбара, бани, охотничьей зимовки. Эти небольшие прямоугольные отверстия служили не только для минимального освещения помещений, но и для их естественной вентиляции. На зиму некоторые из них затыкались соломой или паклей, другие закрывались доской или маленькой остекленной рамой. Будучи весьма незначительными по размерам и простыми по форме, они до сих пор не привлекали внимания исследователей. Однако именно здесь можно обнаружить и истоки, и первые попытки художественной обработки оконного проема.

Некоторые окна подклетов крестьянских изб северных областей дают представление о примитивном целевидном проеме, в котором еще не проявляется стремление мастера переступить границы его чисто функционального назначения, найти ему более спокойные пропорции, привлечь внимание зрителя художественной резьбой (фот. 38—41).

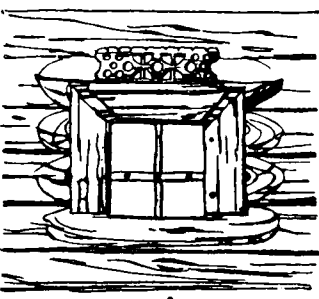
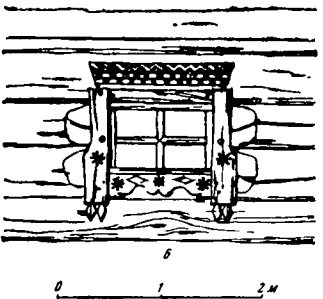
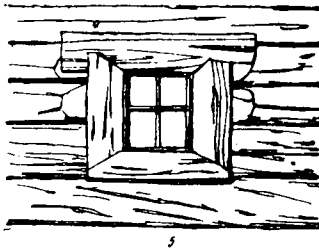
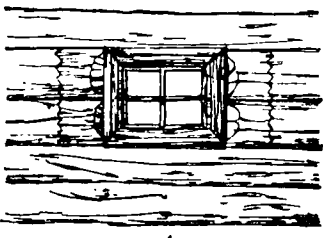
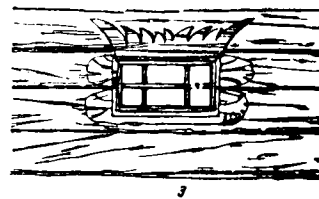
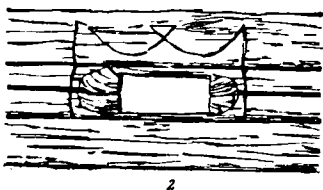
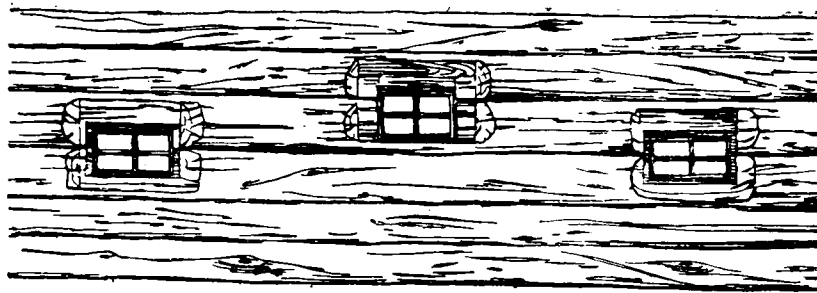
Поиски выразительных средств для небольшого окна шли в народном зодчестве в двух направлениях: придавалась различная форма самому проему или создавалась для него художественная оправа в

виде резных орнаментальных украшений на стенках дома, косяках, ставнях, наличниках окна. Красивый криволинейный резной контур оконного проема представляет собой одно из редких и наиболее самобытных явлений в русской народной архитектуре. Бревна верхней и нижней плоскостей проема подвергались художественной обработке в виде треугольных порезок, полуваликов и валиков, мягких и острых, изогнутых и ломаных линий. Иногда окно приобретало форму «рыбьего зуба», двух рядов смыкающихся зубцов, банта или равноконечного креста.

Композиционное значение такого фигурного окна на плоскости фасада неизмеримо возрастало. Изысканный по силуэту сквозной проем резко контрастировал с глухой открытой поверхностью бревенчатой стены и украшал ее, как драгоценный камень на спокойно вышитом фоне кокошника. Своей необычайной, эффектной формой он привлекал внимание зрителей. Некоторые из этих резных элементов выполняли и чисто утилитарные задачи, защищая проем от проникновения туда кошек, собак, кур, а иногда и таких хищников, как лисица, хорек, рысь и т. д. Однако изменение формы проема было присуще только окнам подсобных помещений.

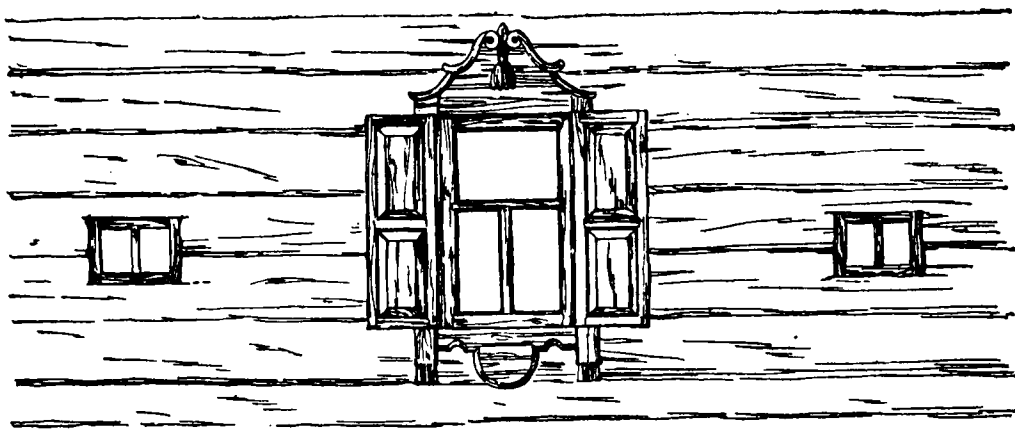
В жилых избах и горницах на протяжении всей истории развития деревянного зодчества окна оставались прямолинейными (табл. 70, 71). Первые попытки обработать поверхность стены по сторонам прямолинейного оконного проема заключались в небольшой срезке (затеске) части бревен. Это позволяло, с одной стороны, сократить толщину стены у проема и тем самым расширить угол попадания света в помещение, а с другой — сильнее выявить окно на фасаде здания. Мастер делает попытку орнаментировать около окна плоскость стены. На круглую поверхность бревна он наносил резцом прямолинейные бороздки. Отдельные бороздки еще заметно окаймляли проем. В редких случаях их очертания уступали место криволинейным и ломаным линиям. Затем вводились неглубокие треугольники, которые образовывали стройный ритмический ряд, робкую, но ясно выраженную полосу резного орнамента. Здесь еще отсутствовали сложные геометрические композиции. Подобный орнамент встречается на бревне волоковых окон наиболее старых крестьянских изб, характеризуя собой развитие трехгранной выемчатой резьбы, применявшейся во многих областях художественной деятельности народных резчиков.

Наряду с орнаментированными порезками, для украшения волоковых окон применялись и накладные элементы, так называемый набивной гребень. Это один из самых древних мотивов резьбы на ок-

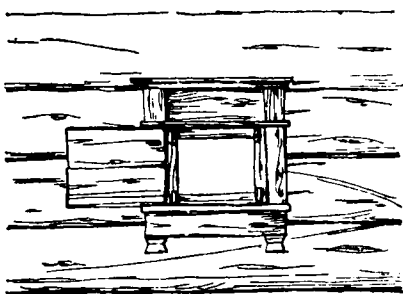

0 1 2 м

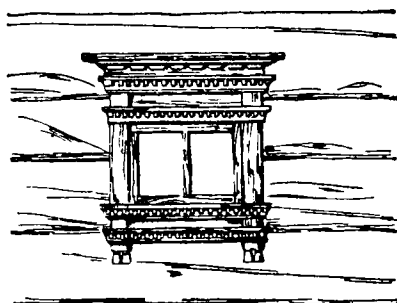
Табл. 70. Типы окон в жилых помещениях северных изб.

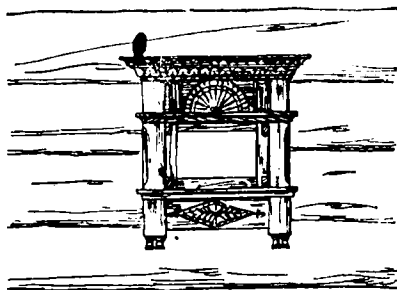
1

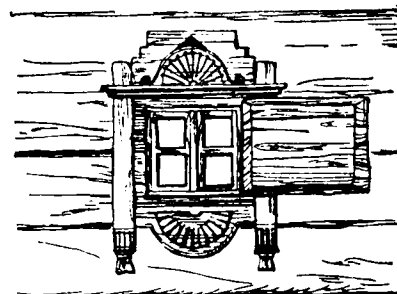
2

3

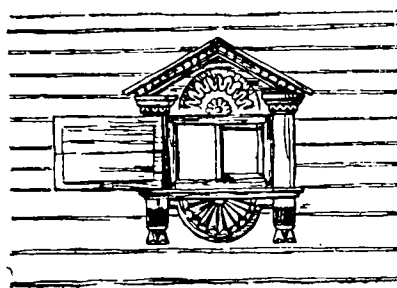

4

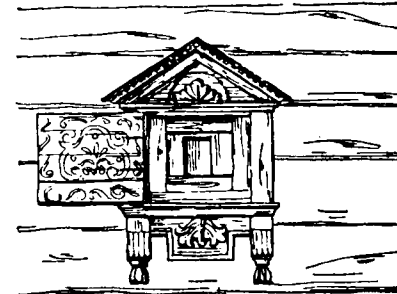

5

0 1 2 м

6

7

Табл. 71. Типы окон в избах Поволжья.

нах, кровле, крыльцах и других частях деревянных построек. Гребень состоял из криволинейно заостренных различной величины концов резной доски, выполненных простым инструментом (топором или ножом) и имитировавших форму петушиного гребня.

Резные гребни на деревянных постройках, как свидетельствуют письменные источники, широко применялись уже в XVII веке. «На верху же хором и на окнах поставить гребни резные»¹⁹, «вырезать гребни против каковы на хоробах в селе Измайлове»²⁰, — указывается в описи работ, подлежащих выполнению в подмосковном селе Воскресенском. «А крыть алтари и пределы и трапезы и паперть в два теса скалвами и причелины и с гребнями резными»²¹, — такое обязательство взяли на себя строители церкви Егорьевского погоста в Новгородской области. К сожалению, не сохранилось образцов резных гребней XVII века, и поэтому трудно сказать, насколько они были похожи на гребни наличников избы в селе Выемково Ленского района Архангельской области. Сохранившаяся на этой избе резьба является последним примером для данного направления резных украшений, традиции которых уходят в глубокую древность (фот. 44).

Волоковые окна можно встретить не только на Севере, но и в Поволжье. Сочетание в трехконном срубе красного, косячатого, окна и двух волоковых окон сохранилось в постройках, возведенных в приволжских селениях в конце XVIII и в первой половине XIX века (изба в деревне Гари Пучежского района²², изба в селении Пестово Городецкого района²³, изба в деревне Михайловская Чкаловского района Горьковской области²⁴).

В течение всей второй половины XIX века волоковые окна в Поволжье устраивались на боковой стороне избы, у печи (в бабьем куту). Они давали прямой свет на полавник и позволяли при необходимости наблюдать за улицей.

Волоковые окна долго сохранялись на переднем фасаде в первых этажах двухэтажных домов (дом Лапшина в селении Пестово и дом Зуева в селении Опалиха Городецкого района; табл. 71). При этом первоначальная конструкция окон значительно изме-

нилась. Окна утратили «заволакивающие» доски и связанные с ними приспособления (кожухи), но самый принцип подвижного устройства для остекленной рамы еще сохранялся. Небольшая рама состояла из двух половин, и одна из них передвигалась в горизонтальном направлении, отворяя окно.

Вторую особенность волокового окна в Поволжье составляют богатые накладные резные наличники с орнаментированными или расписными ставнями, совершенно не встречающимися в жилых постройках Севера.

Творческая фантазия северного плотника была, как мы видели, направлена на поиски художественной формы самого оконного проема, а поволжский мастер стремился воздействовать на зрителя живописностью накладных, внешних элементов наличников, создавая окну как бы резную оправу. Тот и другой приемы полностью соответствовали всей системе архитектурно-строительных принципов народных зодчих Поволжья и Севера.

Жители таежных лесов Севера были более скупы на украшение своего жилища. Трудная, напряженная борьба с суровой природой и относительно замкнутые условия быта выработали присущие северным постройкам черты простоты и предельной лаконичности. Избы здесь не только не перегружены орнаментом, но часто совсем его лишены. Удовлетворение своих эстетических потребностей северяне находили в ясной целесообразности архитектурных форм, в общем изысканном силуэте больших бревенчатых объемов, в почти скульптурной обработке конструктивных деталей построек.

В нескольких иных условиях формировалось зодчество Поволжья, развивавшееся в тесном сотрудничестве с искусством резьбы по камню и дереву, в течение ряда столетий украшавшим церковные сооружения, волжские суда и крестьянские избы. Это было связано с широким развитием здесь художественных промыслов, повсеместным отходничеством, активным воздействием на крестьянское строительство приемов городской усадебной архитектуры.

Народное зодчество Поволжья отличалось большей декоративной насыщенностью, более смелым применением новых конструктивных достижений профессиональной архитектуры, более широким использованием новых строительных материалов и, прежде всего, листового стекла.

Изменение функциональных качеств, формы, художественных особенностей оконного проема происходило здесь наиболее интенсивно и скорее всего привело к исключению волокового окна из числа типовых элементов крестьянских жилых построек.

¹⁹ См. И. Забелин. Домашний быт русских царей XVI—XVII ст., ч. 1, стр. 420.

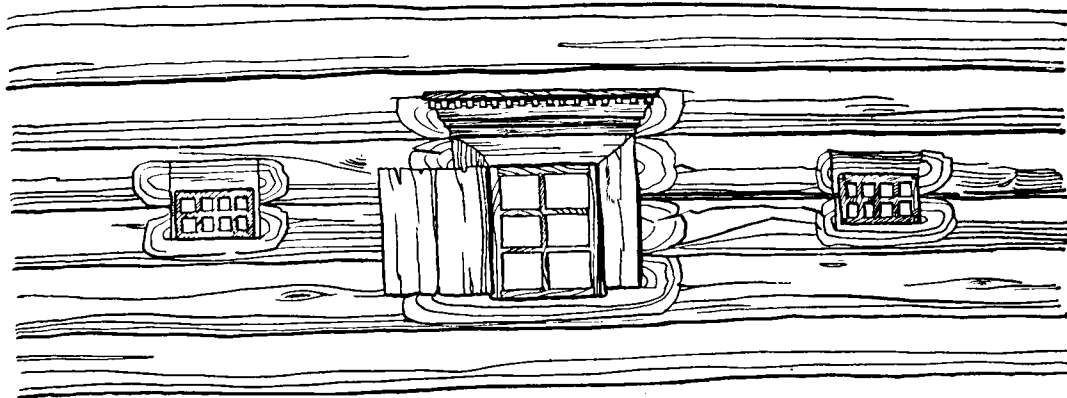
²⁰ Там же, стр. 418.

²¹ См. И. Забелин. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900, стр. 105.

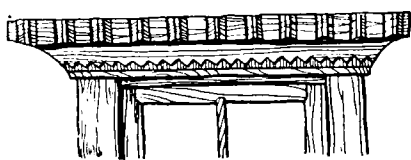
²² См. И. Макавецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья, стр. 11.

²³ См. там же, стр. 68.

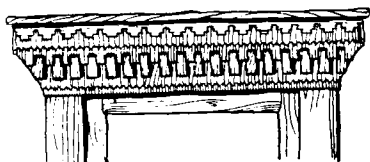
²⁴ См. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество, стр. 41.

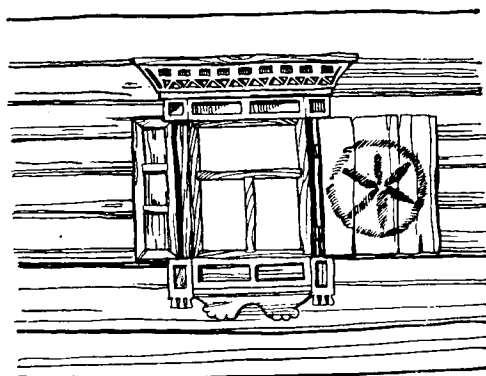
1

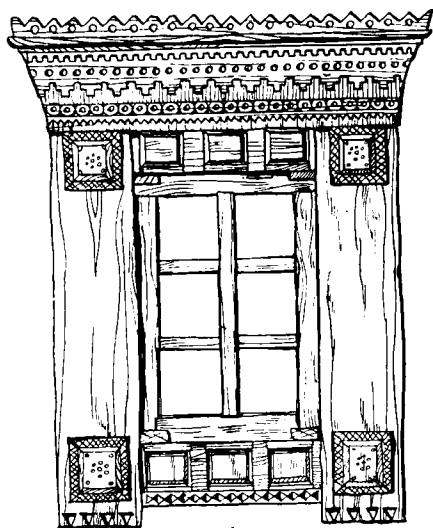
2

3

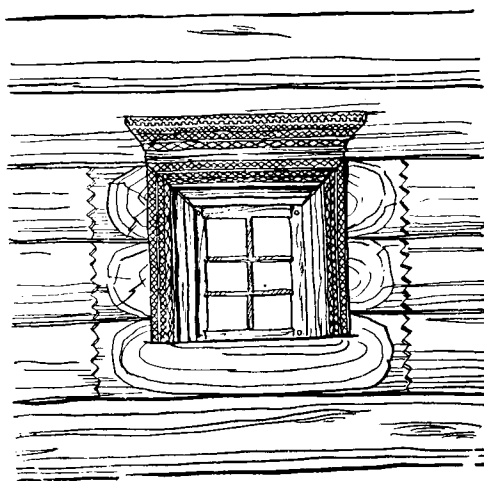
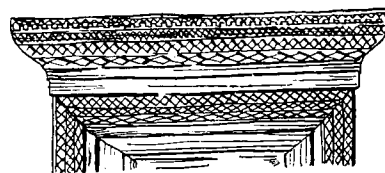
5

4

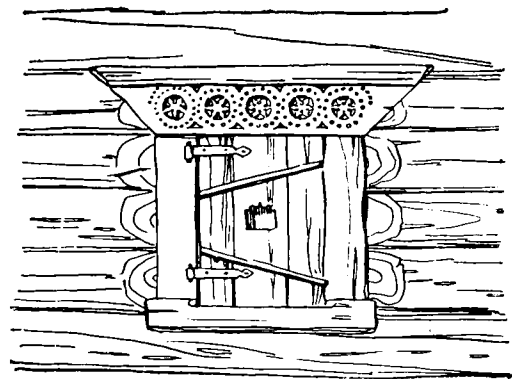
0 1 2 м

0 1 2 м

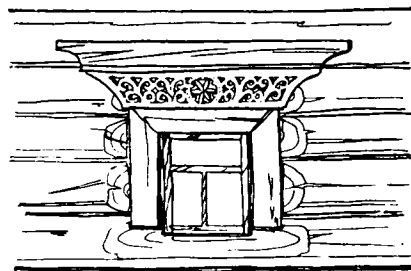

6

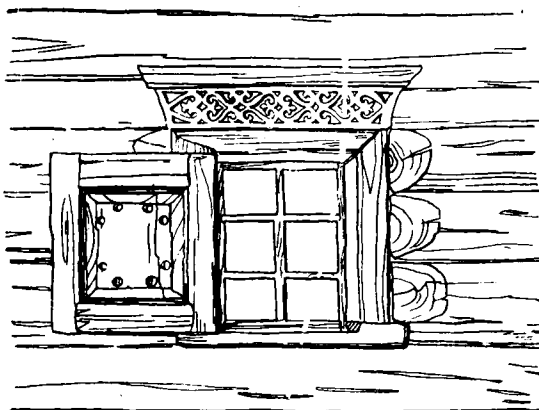
Табл. 72. Приемы художественной обработки оконных наличников северных изб.

1

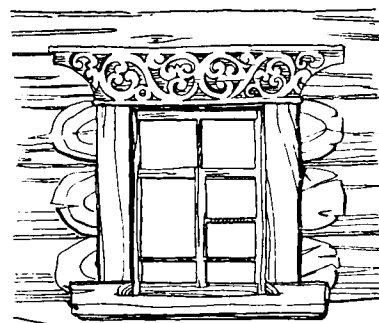
6

2

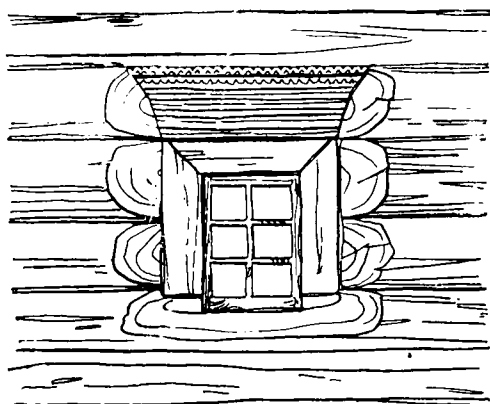

7

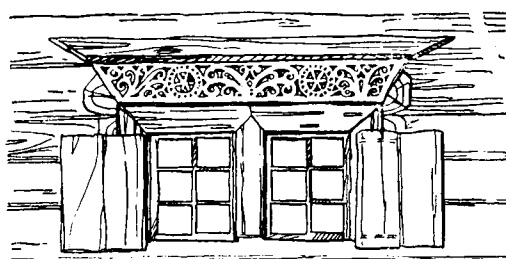

8

0 1 2 м

3

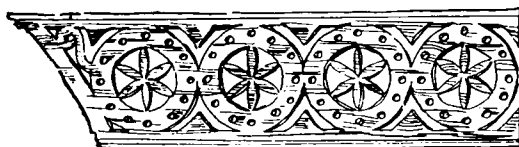
9

0 2 4 м

4

0 2 4 м

5

10

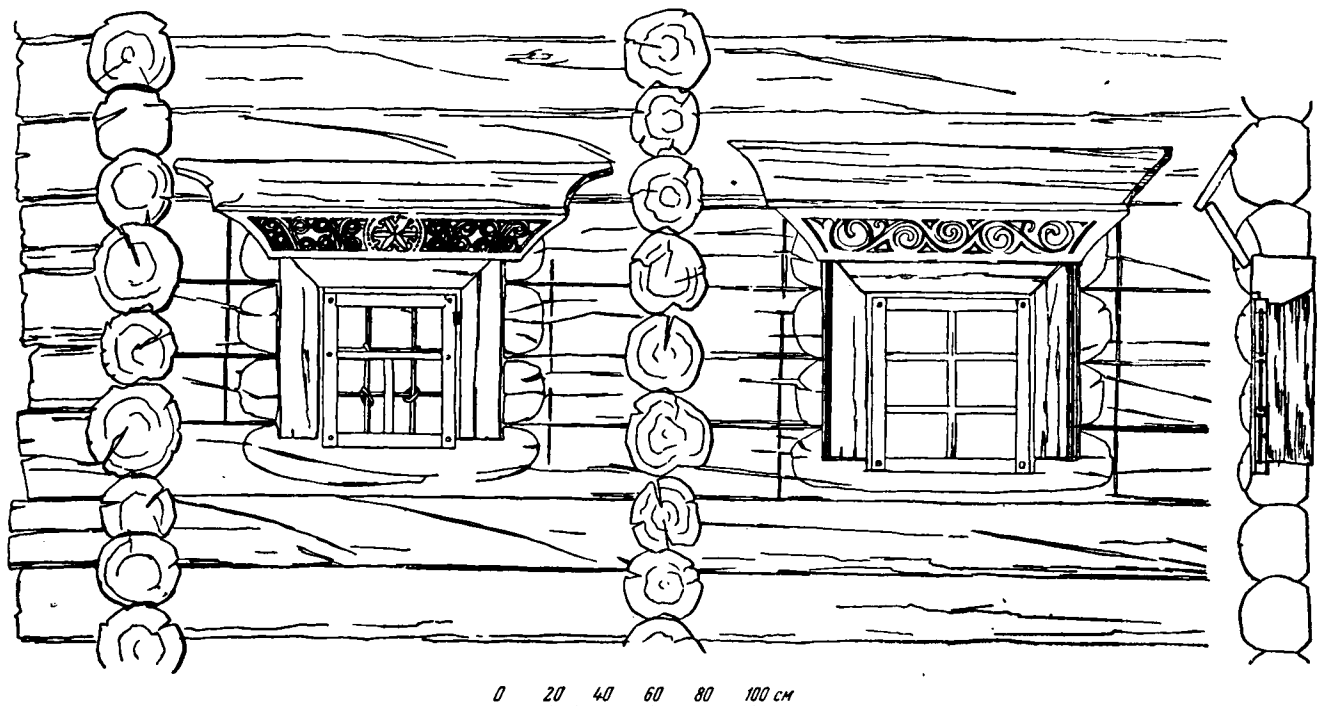

Табл. 74. Наличники в доме Д. А. Русиновой в селении Кондратьевская Верхне-Тоемского района Архангельской области.

Конструктивное своеобразие большого окна заключается в том, что его вертикальные боковые брусья работают совершенно иначе, чем горизонтальные бревна стены. В то время как стена сруба, уплотняясь под нагрузкой, получает осадку и при этом сокращается по высоте, вертикальные стойки окна остаются неизменными. Поэтому во избежание деформации здания между верхним брусом окна (притолокой) и следующим за ним бревном стены оставляли свободное пространство (осадочный паз). С целью защиты паза от атмосферных влияний на притолоку окна набивали доску. Эта доска с широкой открытой плоскостью, венчающая оконный проем, естественно привлекала особое внимание мастеров. Плотник или резчик по дереву хорошо понимал, что каждый конструктивный элемент здания может стать произведением искусства только в том случае, если его форма, пропорциональность членений, фактура материала приобретут художественную выразительность, эмоциональную силу воздействия, если в его внешнем облике раскроется нечто большее, чем практическое назначение предмета.

Иногда доска оставлялась гладкой, без какой-либо художественной обработки. Чистая, светлая, с еще заметным рисунком срезанных слоев дерева, янтарным блеском свежей, тщательно затесанной древесины, она была красива сама по себе. Однако это не могло удовлетворить мастера. «Красное

место» доски наличника, находящееся на лицевой стороне здания, позволяло (если не диктовало) значительно большее приложение его художественных способностей. Доска получила живописный контур, покрылась орнаментом, стала одной из самых красивых деталей в народном зодчестве.

Наличник вошел в народное зодчество не как случайная и несложная деталь, присущая волоковому окну, а как главный элемент фасада избы, постоянно присутствующий и во многом определяющий всю архитектуру постройки.

Наличники больших рамных окон крестьянских изб можно разделить на пять самостоятельных групп, резко отличающихся друг от друга своими стилистическими особенностями и отражающих конкретные исторические условия развития русской материальной культуры.

К первой группе можно отнести наличники, состоящие из одной верхней доски и простой одностворной ставни (табл. 72). Доски обрезались по прямой или изогнутой (в виде гуська) линии, сужающей доску к оконному проему. Доска, прикрывающая осадочный паз окна, получила в народном зодчестве наименование «очелья», — видимо, как и термин «причелина», по своему расположению на «челе» верхней части постройки (табл. 73, 74, фот. 46).

Сопоставление отдельных частей здания с образами человека, его одежды, животных, птиц, предме-

тов быта было характерным явлением в древнерусской архитектуре, сохранившемся в народном зодчестве до наших дней. «Очелье», «причелина», «кокошник», «дынька», «бусина», «веревочка», «крылья», «подкрылья», «конь», «курицы», «гребень», «бочка», «шатер» и многие другие строительные термины охватывают близкие народу понятия, метко определяют назначение деталей, их форму и конструкцию.

Очелье — один из наиболее древних видов оконного наличника. Последние его образцы мы встретили на избах конца XVIII века в селениях Бор и Кондратьевская Верхне-Тоемского района Архангельской области.

Форма такой доски была широко распространена, судя по сохранившимся памятникам деревянного зодчества XVII столетия. Она применялась в резных и росписных киотах, рамах, венчающих элементах церковных иконостасов в самых различных землях древней Руси: в Москве и Ярославле, Архангельске и Вологде, на Мезени и в Заонежье.

Элементарный тип такого наличника был в свое время зафиксирован А. А. Бобринским²⁵. Далеко выступающий торец доски покрыт простыми, еле заметными порезками в виде тонкой волнообразной линии — «змейки». Вся остальная плоскость членится горизонтальными равновеликими полочками. Сокращение длины этих полочек по направлению к окну создает впечатление перспективного углубления оконного проема, способствует его выявлению на фасаде избы.

Дальнейшее развитие этого типа наличников шло по линии усложнения орнаментальных украшений, благодаря применению техники сквозной резьбы, позволявшей создавать крупные и четкие центрические композиции из вьющихся стеблей фантастических растений, геометрически точных кругов и розеток. Глухая плоскость доски стала иллюзорной. Сквозная резьба сделала ее легкой и прозрачной, играющей глубокой светотенью. Однако пластического рельефа здесь еще не было. Графичность изображения и условность образов сковывали творческую свободу мастера, ограничивали темы и сюжеты орнамента. Несмотря на это, художественная трактовка их была бесконечно разнообразна, обильны и бесчисленны были их варианты.

Очень часто у одного и того же мастера в одном и том же доме (например, в избе в селении Кондратьевская Верхне-Тоемского района Архангельской области) в оформлении одного и того же эле-

²⁵ А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, вып. XI. М., 1910, табл. 152.

мента, где повторение рисунка казалось бы вполне закономерным и значительно облегчило бы труд исполнителя, введены совершенно различные композиции орнамента. Умышленное привлечение нового мотива свидетельствовало о непрерывных поисках резчика, в совершенстве овладевшего техникой исполнения. Об этом достаточно убедительно говорят и многочисленные образцы резьбы на избах Севера. Живое творческое начало в работе русских плотников явилось одной из существенных причин высокого расцвета народного зодчества и орнаментальной резьбы по дереву в XVII и XVIII столетиях.

Ко второй группе наличников можно отнести так называемые фронтовые наличники, имеющие стройную систему резных досок, охватывающих проем со всех четырех сторон. При этом завершающая часть наличника представляет собой раскрепованный фронтон, состоящий из прямолинейных или криволинейных элементов. Появление такой формы в деревянном зодчестве устанавливается достаточно точно. Наиболее ранние образцы подобных наличников мы встречаем в древнерусской каменной и деревянной хоромной архитектуре. Прямолинейный раскрепованный фронтон появился впервые на окнах Кремлевского теремного дворца, построенного русскими зодчими в 1635 году, а криволинейные очертания элементов фронтона мы находим на окнах Коломенского деревянного дворца, возведенного в 1667 году. Таким образом, создание этой пластической, изогнутой по контуру формы было первоначально выполнено в дереве, относительно мягком и легко поддающемся обработке материалу. Эта форма, как и вся система элементов наличника, была перенесена в каменное зодчество и получила блестящее развитие в архитектуре московского барокко конца XVII века.

Использование в каменном зодчестве художественных форм и творческих принципов, родившихся в дереве, и, наоборот, применение форм каменной архитектуры при строительстве деревянных сооружений составляло одну из важнейших особенностей исторического развития русской архитектуры (фот. 49).

Взаимодействие деревянного и каменного зодчества особенно ярко раскрывается на развитии этого типа наличников, сохранивших на протяжении всего периода своего существования и основные элементы и композиционные приемы их расположения.

Некоторые исследователи (Р. М. Габе²⁶, К. К. Романов²⁷) ограничивали районы применения таких

²⁶ Р. Габе. Карельское деревянное зодчество. М., 1941, стр. 73.

²⁷ К. Романов. Крестьянское искусство СССР, т. 1. Л., 1927.

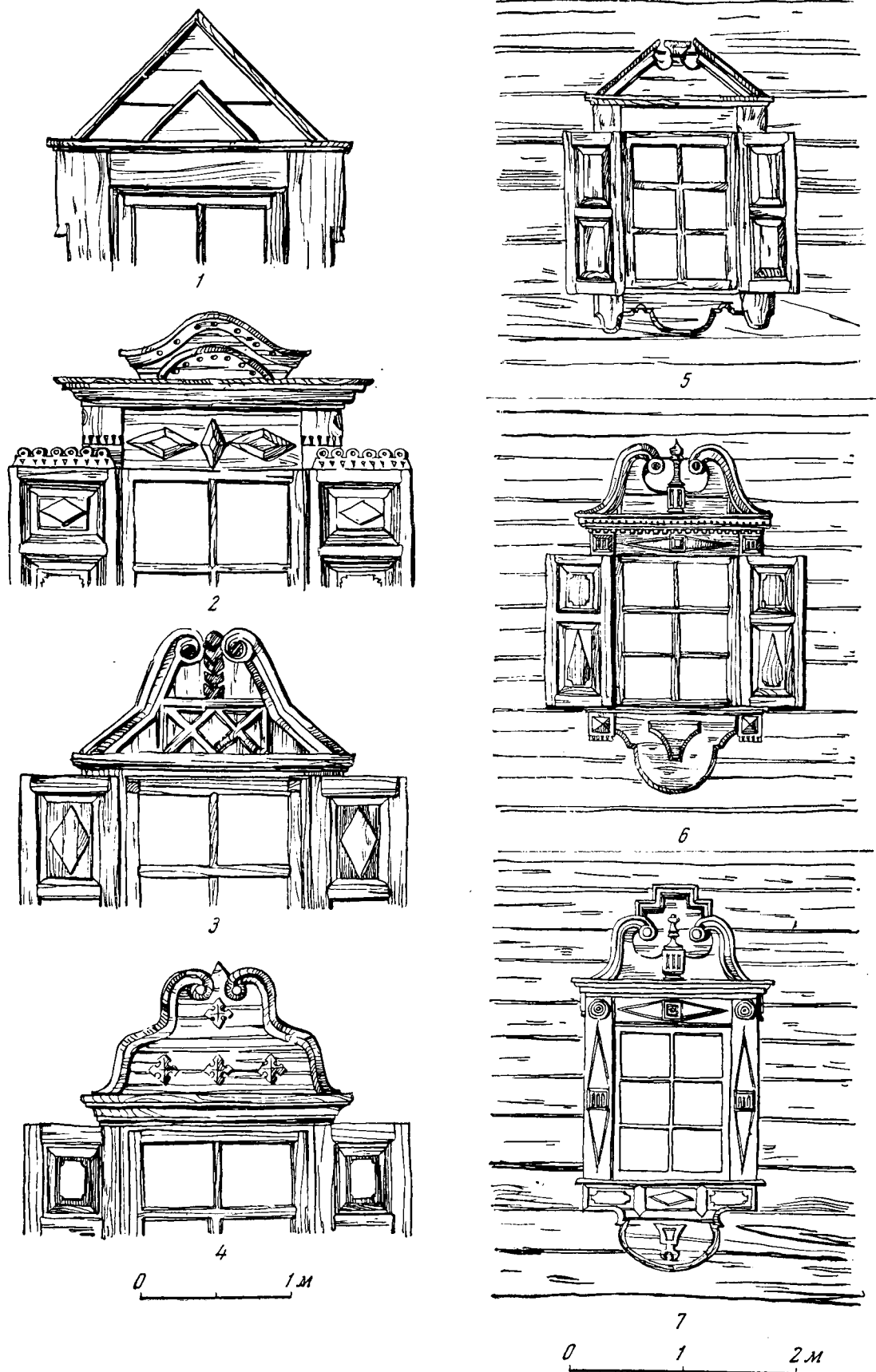

Табл. 75. Обработка наличников северных изб с использованием элементов стиля барокко.

наличников на крестьянских постройках побережьем и островами Онежского озера, объясняя их возникновение в Заонежье влиянием городской архитектуры Петербурга. Однако собранные нами материалы показали, что наличники этого типа применялись на жилых избах уже на рубеже XVII и XVIII веков в северо-восточной части Европейской России, в начале XIX века — в Поволжье, а во второй половине того же столетия они были широко распространены в народном зодчестве Сибири.

В основе этого типа наличников лежит простой двускатный фронтон — архитектурная форма, хорошо известная в деревянном зодчестве (табл. 75).

Наличник соликамского дома, сохранившегося от начала XVIII века, показывает первую стадию его изменения — легкую раскреповку конька — стыка двух скатов. Точно такой же прием мы наблюдаем и в наличниках каменных жилых построек этого времени (дом Шумиловой в Гороховце²⁸, дом Коробова в Калуге²⁹, палаты Голицыных в Москве³⁰ и т. д.).

Наличники заонежских изб дают картину дальнейшего развития фронтона. Прямолинейный скат получает перелом и завершается в виде крупных завитков. Затем эти завитки приобретают упругую и динамическую форму волют, на смену которой приходит беспокойная волнообразная линия обреза, сложная и многоярусная композиция всей верхней части наличника. При этом по сторонам окна постоянно присутствуют двустворчатые филенчатые ставни, а внизу — широкая, с мягким полуовальным контуром доска.

Наличники приангарских изб конца XIX века свидетельствуют о живом и разнообразном толковании этой темы сибирскими плотниками. Развиваясь в русле общерусской национальной культуры, архитектурное и строительное творчество крестьян Сибири было связано общими традициями с народным зодчеством Европейской России. При совпадении основных архитектурных форм и конструктивных приемов местные мастера разрабатывали свои, присущие только данному району варианты, почти не повторяющиеся на европейской территории. Это тонкое, подчас еле заметное отличие сказывается в акцентировке верхней, завершающей части наличника путем введения в середину композиции круга, розетки, вазона, в замене прямолинейной подкарнизной тяги в основании фронтона пологой аркой, в значительном расширении шпренгельной доски,

²⁸ См. И. Гр а б а р ь. История русского искусства, т. 2, стр. 301.

²⁹ См. там же, стр. 299.

³⁰ См. «История русской архитектуры». Изд. 2. М., 1956, стр. 355.

иногда превышающей своими размерами оконный проем, в использовании мотивов прикладного искусства местных народностей и во многом другом, характеризующем специфические декоративные особенности зодчества Приангарья.

Так же, как и в предыдущем случае, одна и та же избранная и полюбившаяся пароду архитектурная тема, оставаясь неподвижной в своей композиционной основе в течение ряда столетий, получила на редкость многогранное воплощение в изобретательных и искусных руках русских плотников.

Третья группа наличников обладает также расположенным вокруг оконного проема комплексом резных досок (табл. 76). Верхняя часть их имеет четкий прямолинейный карниз с горизонтальными членениями из полочек, валиков, гуськов, каблучков. На карнизе ритмично повторяются вертикально поставленные неглубокие валики, сухарики и кронштейны. Сильное развитие получает подкарнизная доска. Она обрабатывается в виде филенок различной формы с навесными гирляндами, кистями, плетеным орнаментом. На боковых стенках наличника укреплены двустворчатые филенчатые ставни. Нижние концы вертикальных досок завершены капельником с красивой волнообразной линией обреза доски, находящейся между ними.

В некоторых районах Севера (б. Вятской и Вологодской губерниях) оформлению подкарнизных досок уделялось особое внимание. Они приобретали по существу значение фриза, в то время как самый карниз предельно упрощался. Круг, полукружие, четверть круга со сходящимися к центру лучами составляли основные мотивы резьбы на этих досках. Не трудно угадать в них графическое воплощение древнего символа солнца (табл. 77, фот. 50—52).

В селениях по реке Сухоне и в низовьях реки Вятки на досках наличника вводился плоский геометрический орнамент в виде коротких прямых зарубок, ромбовидных фигур или криволинейных трехгранных «выколок». Опираясь простыми формами, а иногда каким-нибудь одним элементом, трехгранной или ногтевидной выемкой, скобкой или кавычкой, ложкой, зубчиком, змейкой, мастер создавал узкий ленточный орнамент на бровке бруса, ковровый узор на всей плоскости доски или затейливую сюжетную композицию в центре наличника (см. табл. 72).

Эволюцию архитектурной формы этой группы наличников удастся проследить на некоторых сохранившихся избах северных областей. В качестве наиболее раннего примера можно назвать оконный наличник на одной из северодвинских изб³¹. Система

³¹ А. Б о б р и н с к и й. Указ. соч., вып. VII, табл. 93.

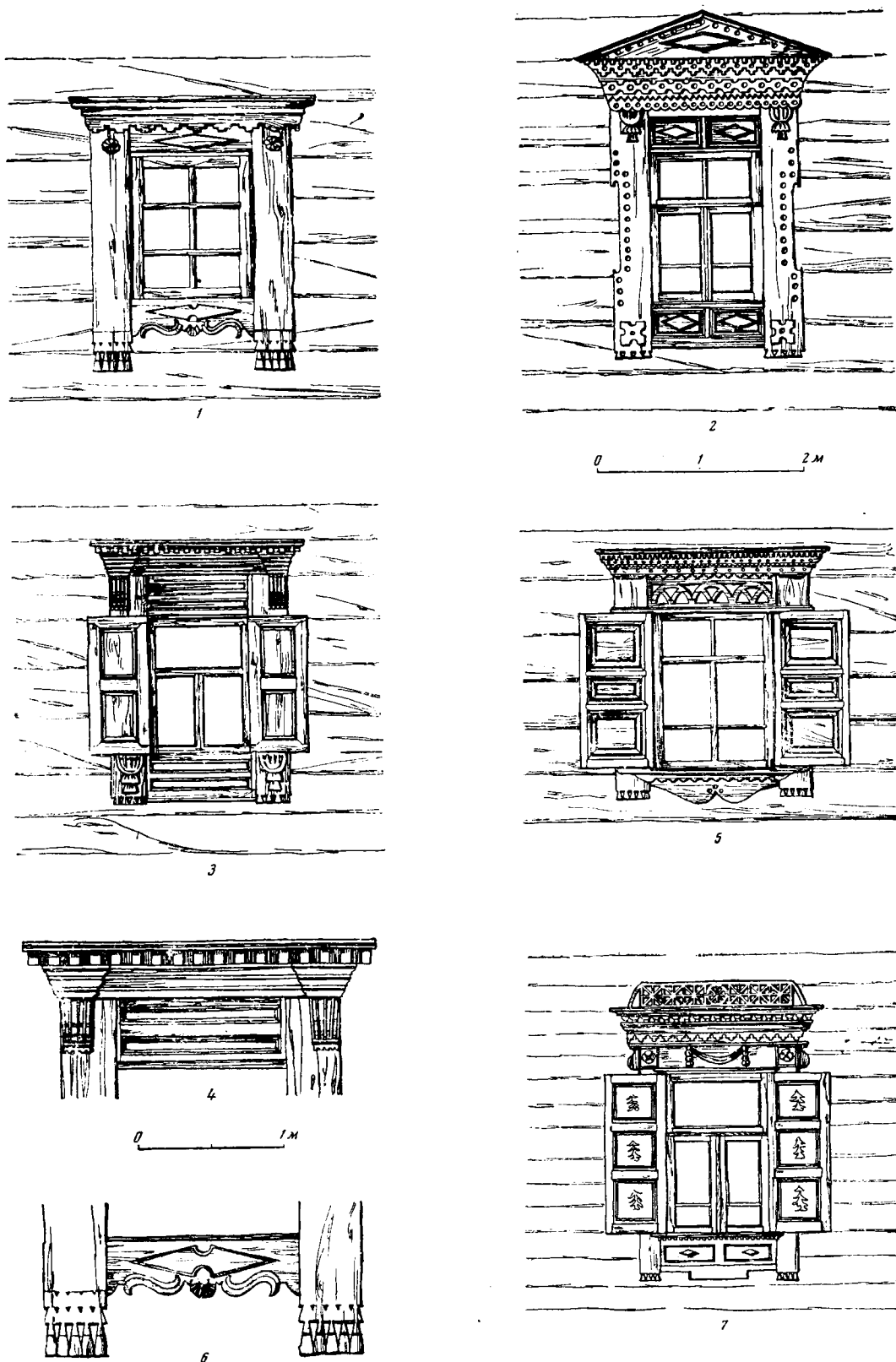
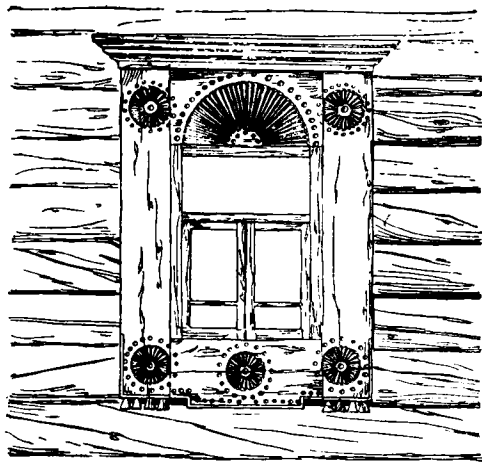
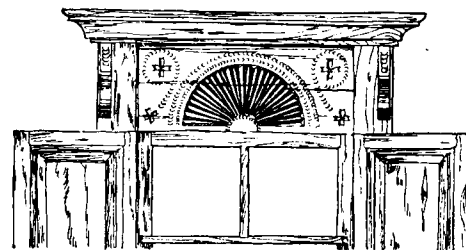

Табл. 76. Обработка наличников северных изб с использованием элементов стиля классицизма.

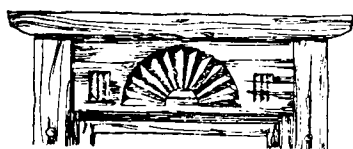

1

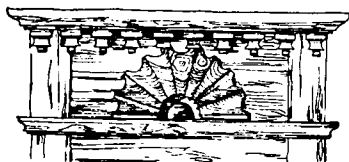

6

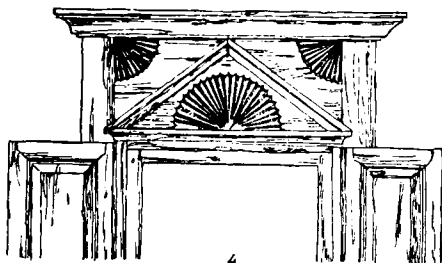
0 1 2 м

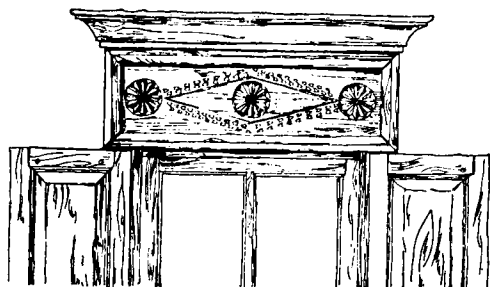
2

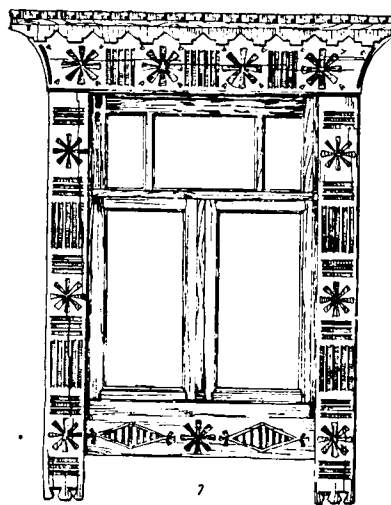
3

4

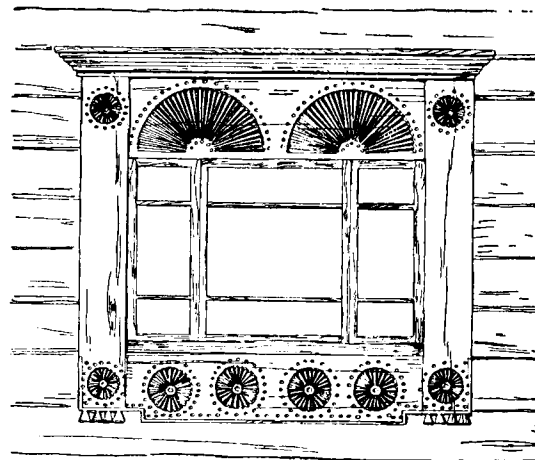

5

7

0 1 2 м

8

Табл. 77. Обработка наличников с использованием геометрических форм.

оконных проемов этой избы представляет собой образец сочетания центрального красного окна и двух боковых волоковых окон. Красное, косячатое окно имеет одну скошенную книзу карнизную доску и одну створную раму. Однако прием членения доски рядом профилированных горизонтальных полочек с выявлением ее верхней части сухариками говорит уже о новом образном строе наличника, о новых принципах и взглядах зодчего.

Поиски новой формы на первых этапах были робкими, но настойчивыми и последовательными. Изменяя контуры доски, перебирая уже известные приемы обработки ее поверхности, от крупных и глубоких прорезок до тончайшей, еле заметной паутины насечек, мастера пришли к твердой системе расположения элементов наличника, к их четкой форме и пропорциональной закономерности. Однако они не ограничивались достигнутыми результатами и вносили новые варианты в композицию наличника.

На окне избы в селении Хотеново Каргопольского района карниз наличника завершен сквозной резьбой, изящно венчающей окно и значительно облегчающей все его декоративное оформление. Двустворчатые ставни расписаны изображениями елочек или цветов. Благодаря светлой цветовой гамме досок (белый фон, красная, синяя, зеленая окраска выступающих частей), плоскость наличника сильно выделяется на естественной фактуре бревенчатой стены.

Многие из этих элементов, как известно, были присущи и городской архитектуре второй половины XVIII и начала XIX столетий. Влияние ее на народное зодчество было неоспоримым и имело огромное прогрессивное значение.

Нам кажется, что настало время отказаться от ошибочной и вредной точки зрения, согласно которой лучшее в народном зодчестве было создано вне общения с культурой города. Русские плотники были в большинстве своем грамотные, смысленные, практичные мастера, обладавшие и пытливым умом, и тонким вкусом. Работая в городах, знакомясь с опытом своих товарищей, они жадно впитывали все новое, лучшее и в той части, в какой позволяли им условия работы, вносили это новое в строительную практику. Благодаря этому их мастерство никогда не было оторвано от общего развития русской строительной культуры, от исторической смены стилей в нашей национальной архитектуре.

Изучение материала показывает, что деревенские плотники избегали механического повторения готовых форм городской архитектуры. Они с глубоким художественным чутьем и пониманием конструктивной целесообразности приемов профессиональных

зодчих использовали лишь те элементы, мотивы, принципы, которые производили на них наибольшее впечатление и были приемлемы для сельского строительства. При этом, используя их, они создавали свою новую композицию убранства окна, развивавшую традиции местного края, обогащавшую знакомые народу архитектурные формы.

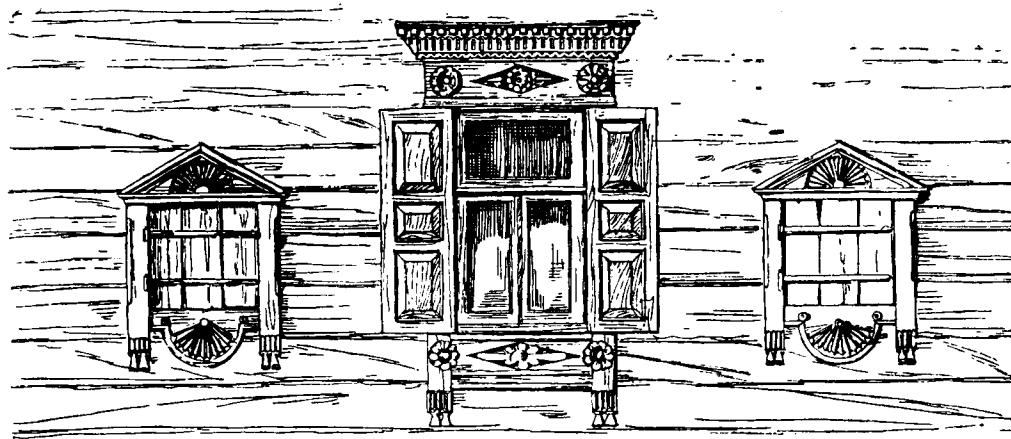
Конечно, как и во всякой другой области искусства, здесь, наряду с прекрасными художниками, работали и обыкновенные ремесленники, трудившиеся без подлинного вдохновения и творческой инициативы. Одни из них всю свою жизнь копировали какой-нибудь легкий и серый образец собственного производства. Другие, удовлетворявшие дурной вкус богатой верхушки крестьянства, применяли случайные, но якобы модные варианты оформления наличника, «на городской манер». Такие произведения неизбежно появлялись и в северной и в поволжской деревне, представляя собою благодатную почву для возникновения теорий о «затухании» или «вырождении» народного искусства.

Наличники четвертой группы сосредоточили в себе особенности народного зодчества Поволжья второй половины XIX века. Принципы расположения и характер членения основных частей наличника здесь такие же, как и в предшествующей северной группе: прямолинейный карниз, богато обработанная подкарнизная плоскость, двустворчатые ставни и нижняя резная доска с висящими по краям капелями (табл. 78, 79).

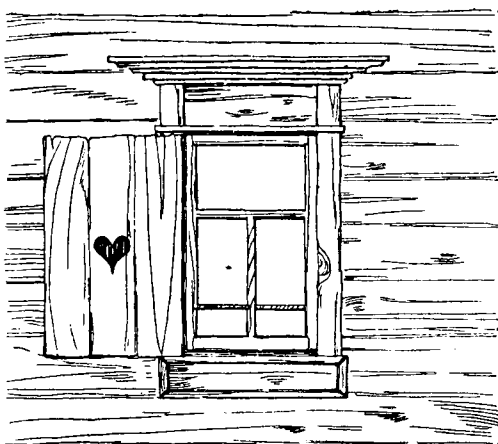
Однако техника резьбы, композиция орнамента, его содержание и даже профилировка карниза — совершенно иные. Глубокая рельефная резьба со стройным многоплановым развитием, с подвижной и увлекающей взгляд зрителя линией, с мягкой и пластической формой, с сильной светотенью, подчеркивающей декоративный склад композиций, — все это резко отличает наличники этой группы от всех рассмотренных выше.

Живые и свободные узоры растительного орнамента заменили здесь жестко обрубленные сухарики, кронштейны, каблучки и другие элементы архитектуры классицизма. На месте висящих гирлянд и кистей создаются сюжетные композиции с изображениями цветов и листьев, плодов хмеля и винограда, фантастических зверей и птиц. При этом мифологические представления тесно переплетаются с реалистическими образами человека, животных, окружающей природы.

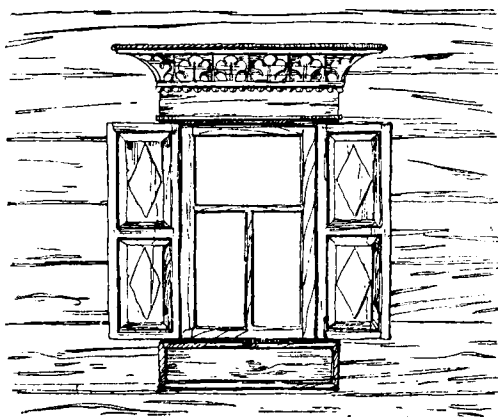
Конечно, в постройках Поволжья наряду с этим по-прежнему встречаются приемы и элементы, знакомые нам по предыдущим периодам развития дере-

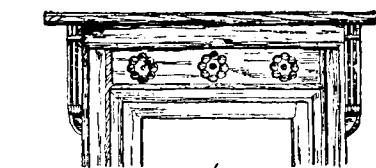
0 1 2 м
0 1 м

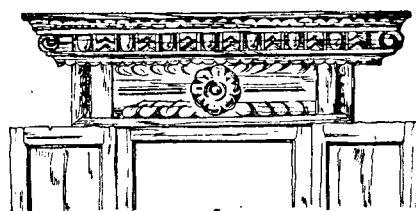
2

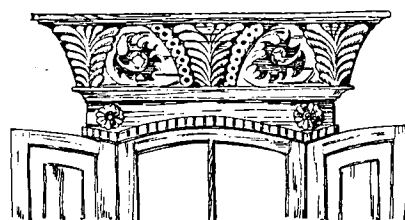
3

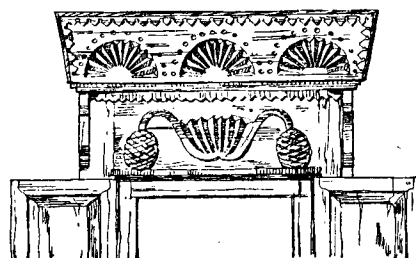
4

5

6

7

Табл. 78. Художественная обработка наличников на избах Поволжья с использованием геометрического и растительного орнамента.

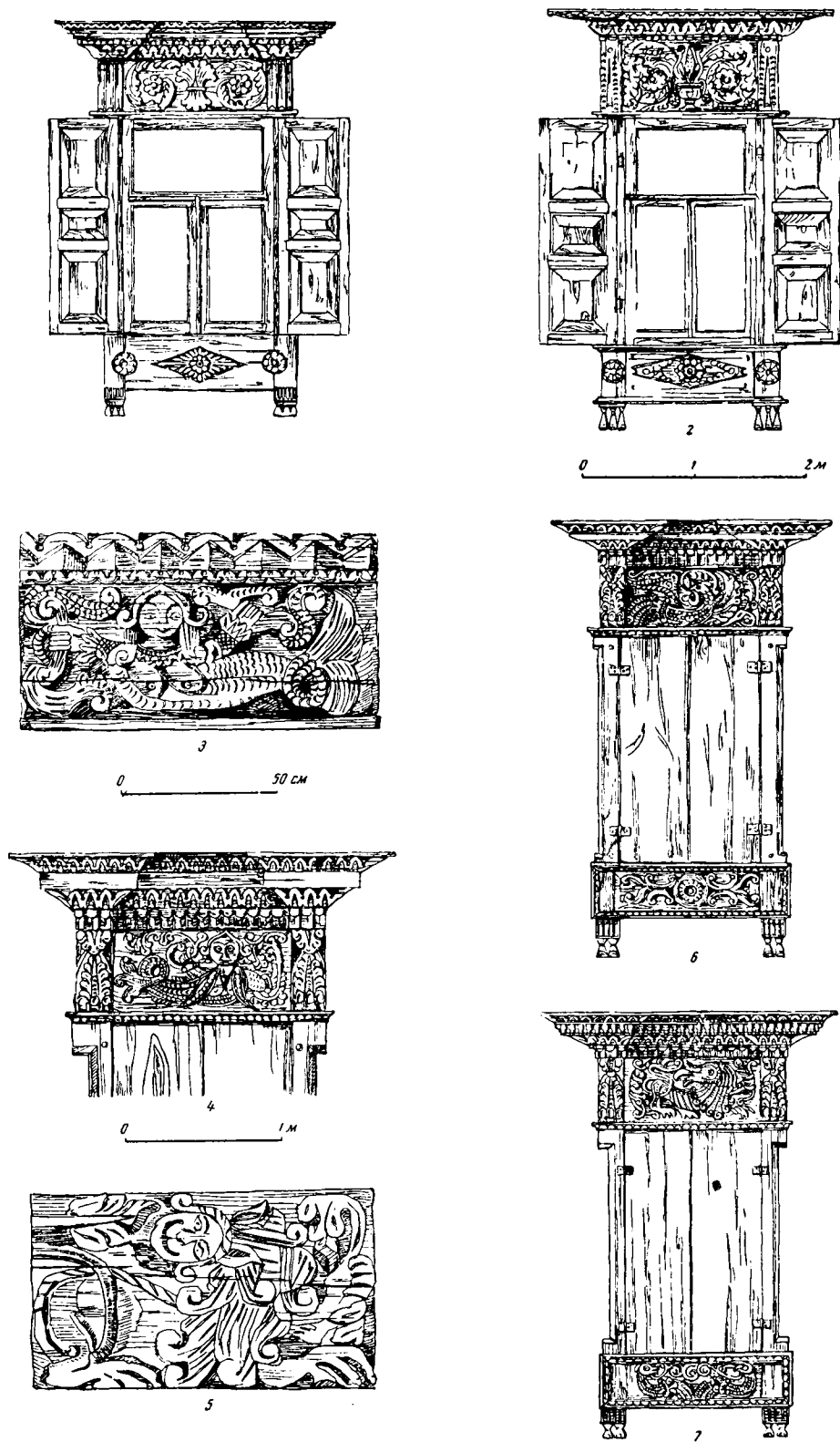

Табл. 79. Художественная обработка наличников на избах Поволжья с использованием звериных мотивов.

вянного зодчества. Плотники Поволжья бережно относились к строительному опыту предшествующих поколений, внимательно следили за достижениями городской архитектуры.

Однако после периода высокого расцвета профессионального искусства в городском зодчестве во второй половине XIX века появились признаки идейного и художественного упадка. Распространение эклектики, обращение к «древнерусскому» и «византийскому» стилю, появление бездушных, казарменных сооружений — все это было чуждо широким крестьянским массам и уже не привлекало внимания народных мастеров. Более того, как бы в противовес стилевому распаду, реакционным тенденциям «нового» направления официальной архитектуры народное зодчество Поволжья пошло по самостоятельному пути развития. Именно в это время оно достигло небывалого расцвета, воплотив в себе наиболее прогрессивные черты русской национальной архитектурно-строительной культуры.

Картина исторического развития архитектурной формы оконных наличников в постройках Поволжья наглядно прослеживается на сохранившихся памятниках. В наиболее старых избах — конца XVIII и начала XIX веков — больше всего сказались композиционные приемы и элементы архитектуры классицизма. Треугольные фронтоны, профилированные карнизы, колонки, кронштейны, розетки, сухарики широко использовались местными плотниками.

Ставни приволжских изб состояли из двух створок, которые впоследствии потеряли свое первоначальное практическое назначение и превратились в чисто декоративные элементы фасада. Некоторые из них до сих пор навешиваются на петли, но большая часть наглухо прикрепляется к оконной коробке и навсегда остается в раскрытом виде.

Полотно створки при художественной обработке делится обычно на две части. Резной узор верхней части состоит из нескольких рядов симметрично расположенных трехлепестковых листьев, которые растут на толстых стеблях, образующих в своем основании два крутых изгиба с гроздьями хмеля. Рисунок нижней части всегда бывает центрическим и представляет собой вписанный в круг многолепестковый цветок, розетки или расположенные по диагонали четыре мощных листа аканта (табл. 80—81, фот. 52).

Резьба на нижней подоконной доске обычно имитирует две ветки папоротника. Легкой орнаментальной полоской они как бы связывают между собой резные створки. Несколько иной характер художественной обработки имеет верхняя доска наличника. В се-

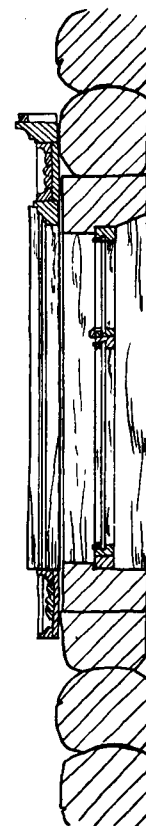
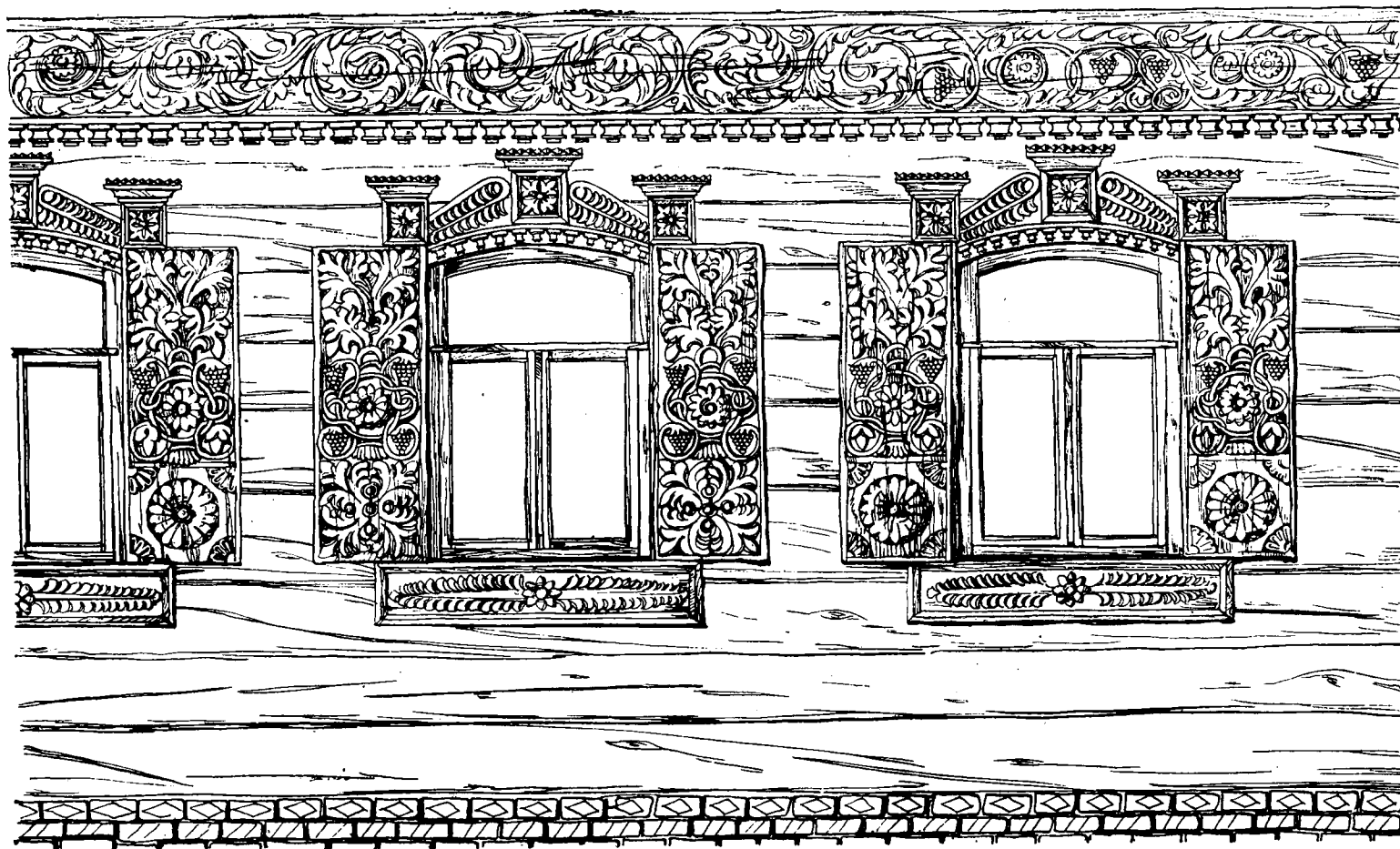
верных районах Горьковской области (Городецком, Балахнинском и др.) она представляет собой главное звено всей декоративной композиции наличника и покрыта сплошным резным ковром из переплетенных стеблей и листьев, в середину которого искусно вкомпоновано изображение зверя или птицы. В южных районах (например, в Лысковском) на ней чаще всего повторяются элементы орнамента створок.

С тех пор как глухие доски створок потеряли свое функциональное назначение и стали неподвижным элементом наличника, резчик смело нарушает их традиционную прямоугольную форму и пытается максимально повысить их выразительные качества. Ставни выполняются то в виде волют по сторонам оконного проема, то в виде красивых композиций из гроздьев винограда, плодов хмеля, кедр, полевых и садовых цветов. Обрезка доски по внешнему контуру придает створкам и всему наличнику богатый силуэт, сильный рельеф, прекрасно сочетающийся со спокойным ритмом горизонтальных бревен стены.

Примером наиболее оригинальной формы наличников в приволжских избах являются резные створки на доме С. П. Максимова в селении Валки Лысковского района Горьковской области. Они сделаны в виде больших птиц, стоящих по сторонам каждого окна избы и держащих в клювах по ветке ягод. Здесь уже нельзя говорить о створке или ставне окна: ее нет, она исчезла с фасада избы. Вырезанные на ее теле три органически связанные между собой фигуры имеют самостоятельные конкретные формы (ширинка, ваза с цветком, птица с веткой) (фот. 53).

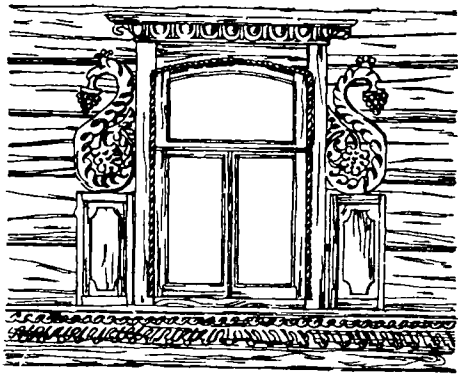
Развитие этой новой композиции строится с постепенным облегчением и нарастающим движением вверх, от статичного замкнутого квадрата к симметричному, но уже наполненному движением овалному контуру вазы и, наконец, к сильному и динамическому порыву линий тела птицы с резким поворотом головы. Висящая у нее в клюве ветка ягод как бы возвращает это движение обратно, замыкая его в крыльях фигуры, создавая напряженную, но в то же время устойчивую и живую композицию большой художественной силы. Сложная работа мастера вылилась в гармоническую, свободную и плавную импровизацию, как народная песня, раскрывающая смелый и поэтический характер, богатый и красивый духовный мир русского человека.

Одной из ярких областей творчества приволжских плотников, завершающих линию развития резных украшений на жилых крестьянских избах, являются

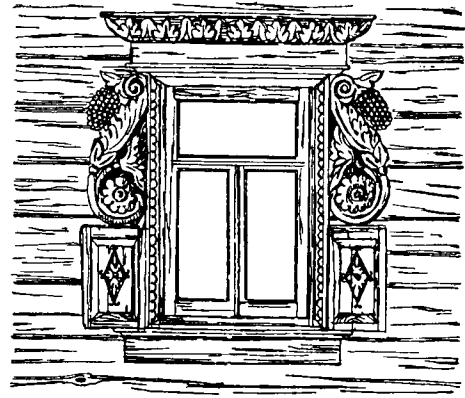

0 50 см

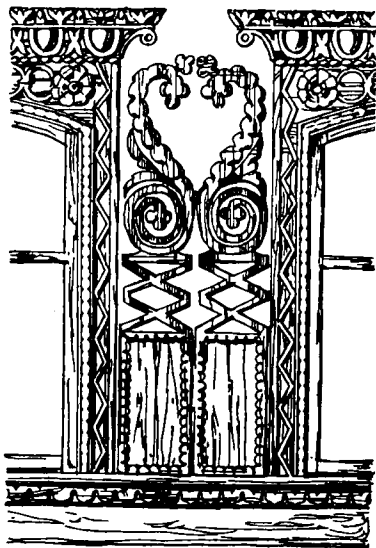
Табл. 80. Наличники в доме В. С. Правдиной в селе Бармино Лысковского района Горьковской области.

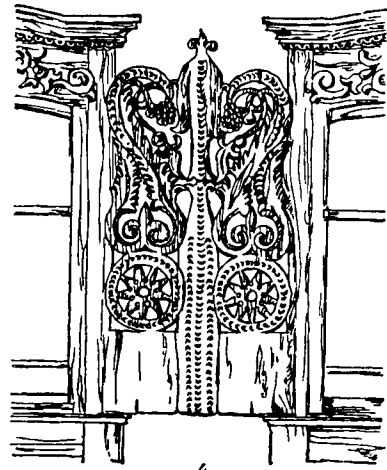
1

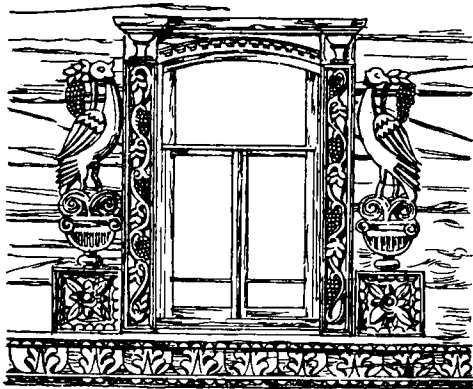
2
0 1 2 м

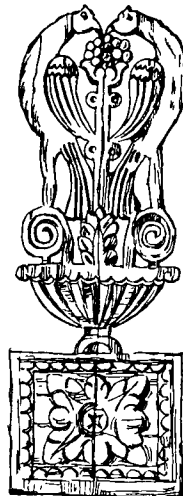
3
0 1 2 м

4

5

6

7

Табл. 81. Художественная обработка ставен на окнах изб Поволжья.

наличники слуховых окон. Можно сказать без всякого преувеличения, что нигде, кроме Поволжья, подобный вид резьбы не получил такой декоративной насыщенности (табл. 82—84). Бесконечно богаты и разнообразны композиции этих наличников — от небольшого полукруглого отверстия с веерообразно расходящимися, как лучи, простыми прямоугольными планками до крупного двух- или трехчастного проема, ничем не отличающегося по своим размерам от окон жилого этажа, с четырьмя или шестью витыми колонками, поддерживающими четкий резной фронтон или пышную крону переплетенных стеблей и листьев.

В одном случае венчающая часть наличника представляет собой многоярусную массивную пирамиду из плодов хмеля и винограда, в другом — легкий, прозрачный узор из связанных между собой полевых цветов или воздушной полусферы с созвездиями розеток. Часто в оформлении наличников слуховых окон встречаются изображения сидящих птиц и львов или прыгающих зверей.

В композиции резного орнамента иногда вводились имя и фамилия плотника, особенно в тех случаях, когда в силу широкой популярности мастера это могло явиться предметом гордости для владельца дома. Так, например, было с Емельяном Степановым — плотником и резчиком из Юрьевского района Ивановской области. Как уже упоминалось выше, двенадцать домов, обладающих высокими конструктивными и художественными достоинствами, возведенные этим мастером, сохранились до наших дней в селениях, расположенных на берегах реки Унжи. Каждый из них имеет точную дату и фамилию зодчего, искусно вписанные в узор, украшающий фасад здания.

Наличники слуховых окон Поволжья по технике исполнения представляют тип резьбы, в котором наряду с самой обычной старинной долбленой резьбой большое внимание уделяется силуэту изображаемого орнамента. Этот прием позволяет сохранить всю силу художественного воздействия долбленой рези, делает резную композицию трехмерной, отделяет ее от стены, создает скульптурно-пространственную композицию.

К пятой группе относятся такие наличники, композиции и формы которых не имели прямых аналогий с установившейся системой оформления оконного проема. Здесь все было своеобразно, самобытно, как бы нарочито противопоставлено исторически сложившимся архитектурным канонам, нормам и приемам.

Образы, волновавшие мастера, не выходили за рамки впечатлений, получаемых им в повседневной жизни. Наличник каргопольской избы (селение Маселга) имел, например, овальную форму. Здесь отсутствуют какие бы то ни было членения наличника, а также элементы карниза: полочки, валики, гуськи и т. д. Своими выступающими острыми клиньями, как-будто расчесанной книзу шерстью, он скорее напоминал растянутую на стене избы шкуру зверя — прием, обычный для таежных селений (табл. 85, фот. 48).

На некоторых избах Прикамья (Чердынский район Пермской области) можно увидеть точно воспроизведенные резчиком рога барана или быка, дерзко поднимающиеся над оконным проемом. Этот же мотив широко используется и в Вологодской области (Чарозерский район); правда, характер кривой там более спокойный, пологий, охватывающий всю верхнюю часть наличника. Гребень петуха, силуэты птиц, голова коня часто вдохновляют плотника и являются излюбленным элементом украшения крестьянских построек на Севере.

В избах, расположенных по рекам Сухоне и Вятке, на досках наличника изображается рыба. Мастер стремится тщательно передать ее чешуйчатую поверхность, нарисовать плавники и жабры, раскраской доски в коричневато-золотистый или зеленый тсн с ярко-красными деталями придать ей максимальное сходство с образом живого существа.

В Прионежье встречаются мотивы, заимствованные из окружающей природы, — изображения колючей и густой кроны можжевельника, ветвей ели, листьев и плодов рябины. Несмотря на оригинальные сюжеты этой группы наличников, художественные достоинства их незначительны. Обработка доски пилой в одной плоскости не придавала ей тех пластических качеств, которые были присущи предыдущим типам резьбы. Орнамент приобрел некоторую сухость, стал выполняться по шаблону, привел к условной стилизации элементов; художественная композиция утратила свободу, присущую реалистическому изображению образов в период расцвета глухой рельефной резьбы. Именно эта техника резьбы, отличающаяся относительной легкостью в исполнении, возможностью механического воспроизведения без особых знаний и профессионального мастерства, получила повсеместное распространение на рубеже XIX и XX веков под названием «пропиловки». Она знаменует, несмотря на некоторые интересные и яркие импровизации талантливых резчиков, известный упадок высоких традиций русского народного искусства.

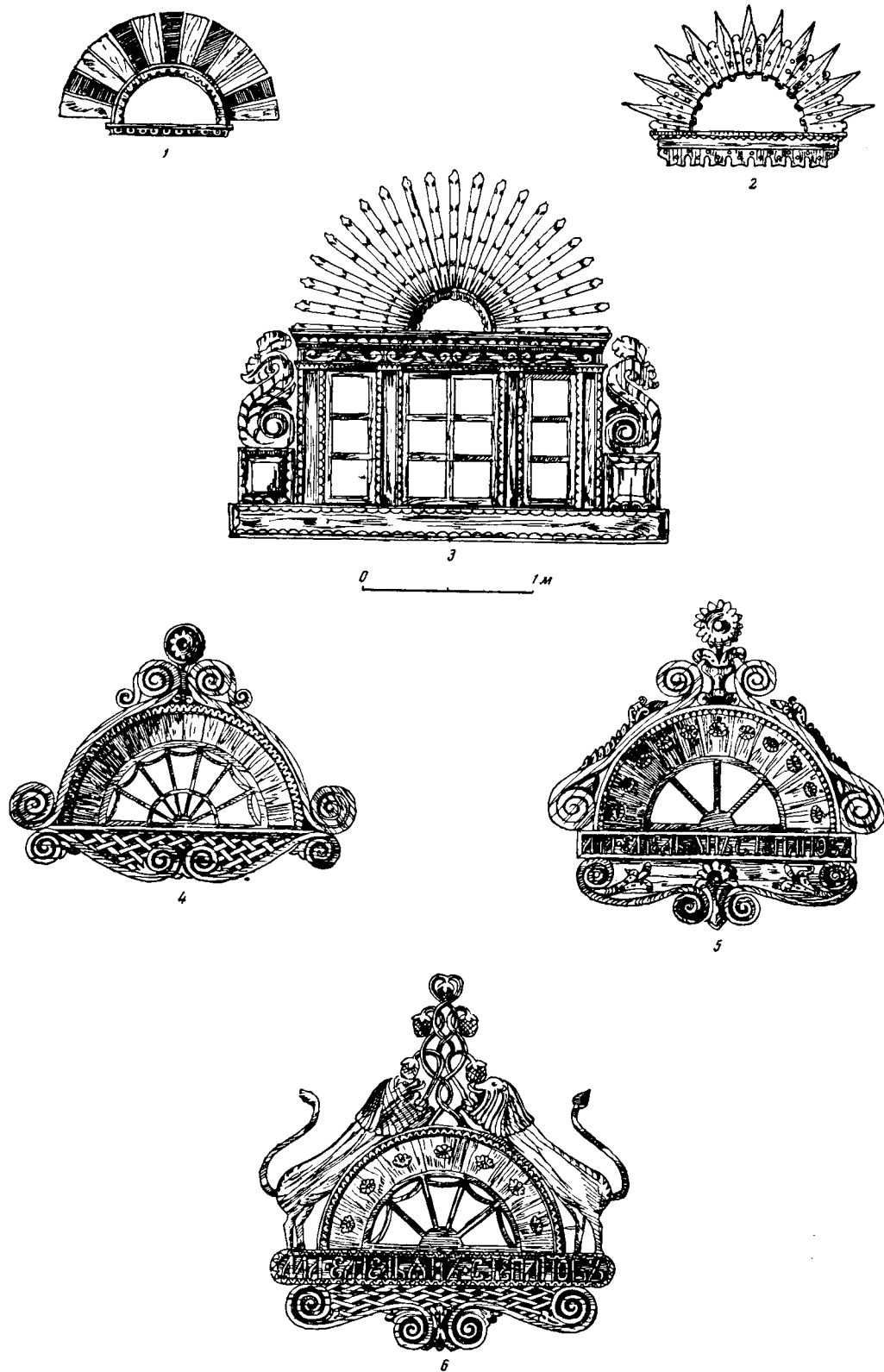

Табл. 82. Слуховые окна на фронтонах изб Поволжья.

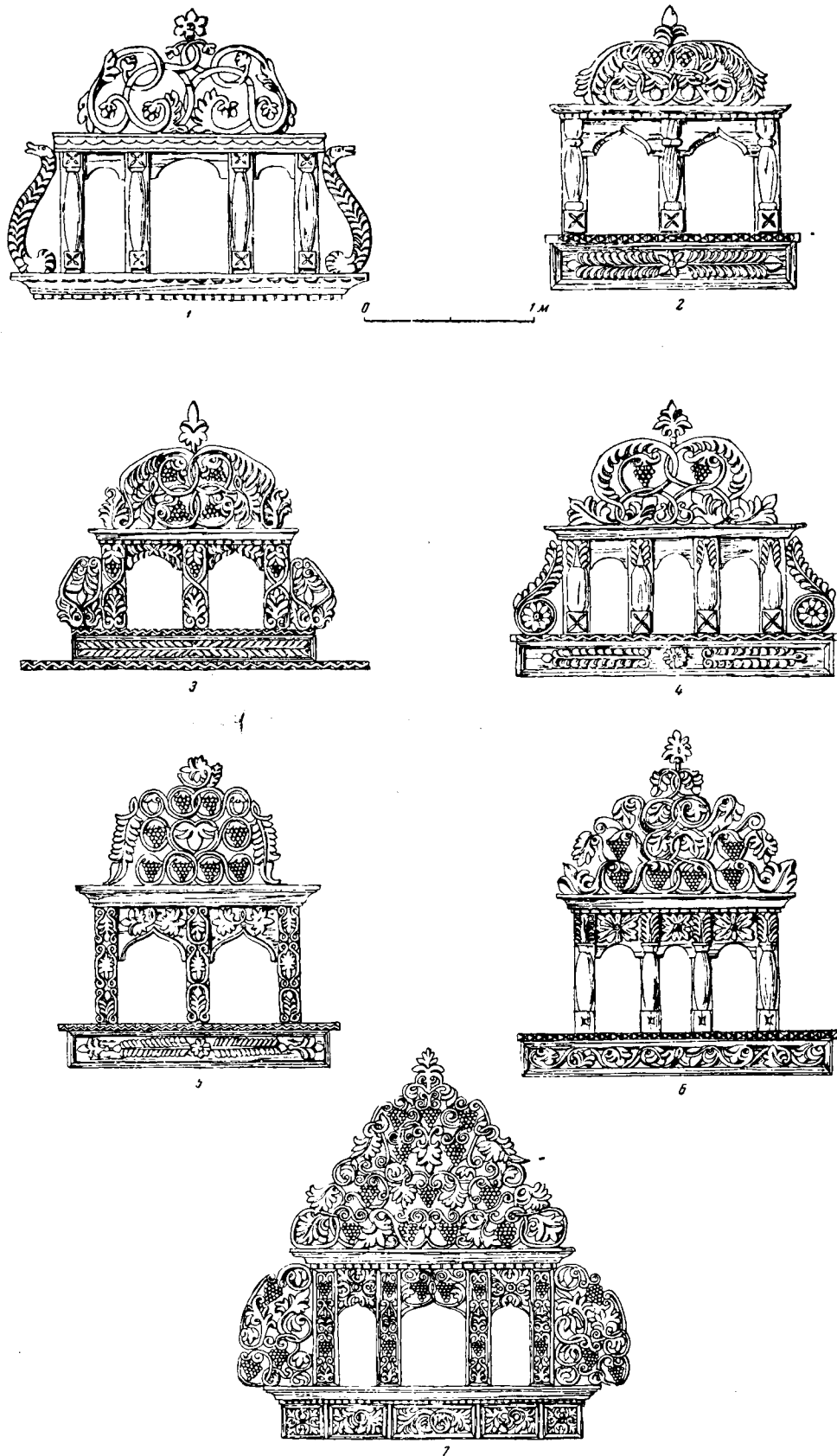
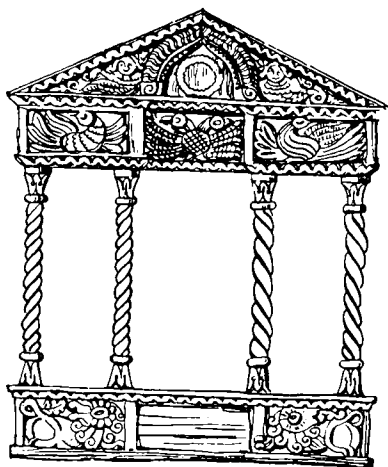
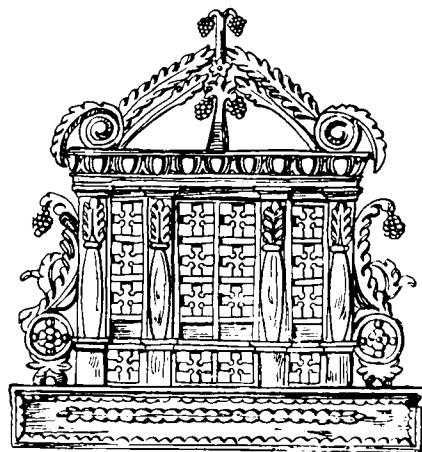

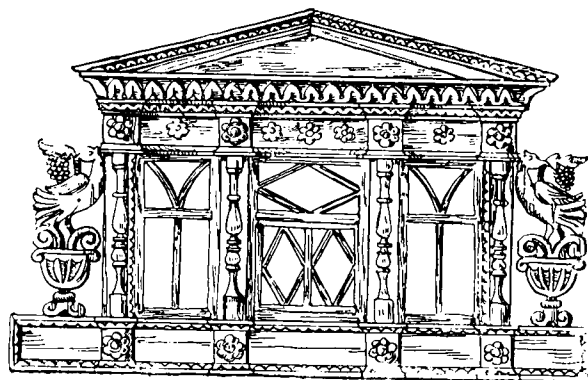
Табл. 83. Слуговые окна на фронтонах изб Поволжья.

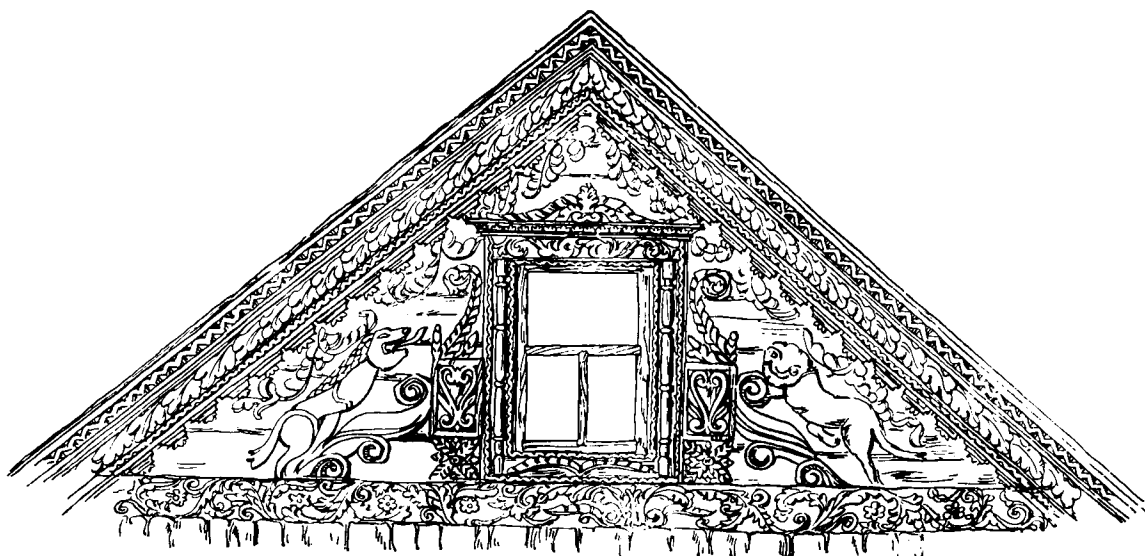
1

2

3

4

Табл. 84. Слуховые окна на фронтонах изб Поволжья

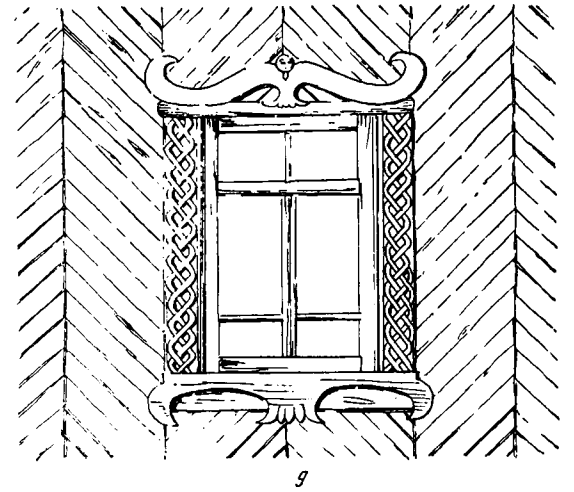
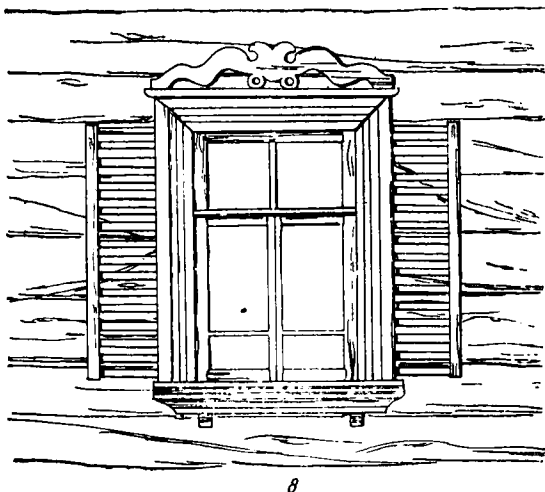
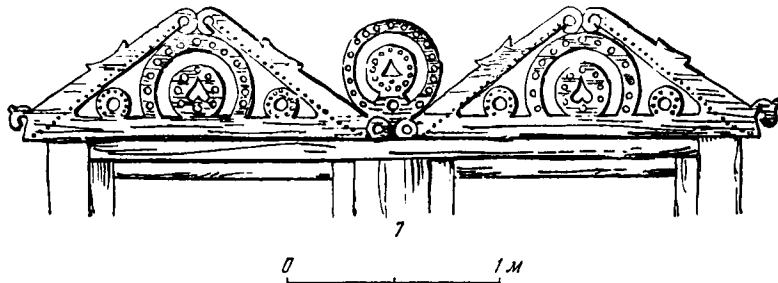
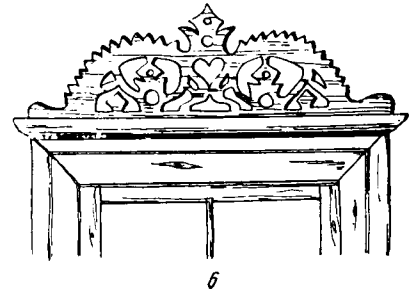
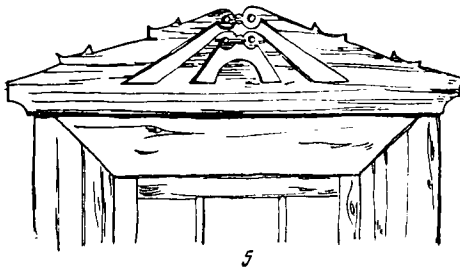
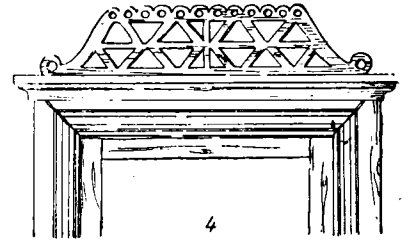
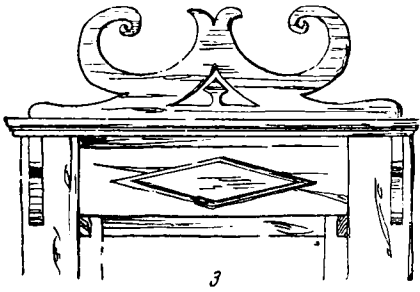
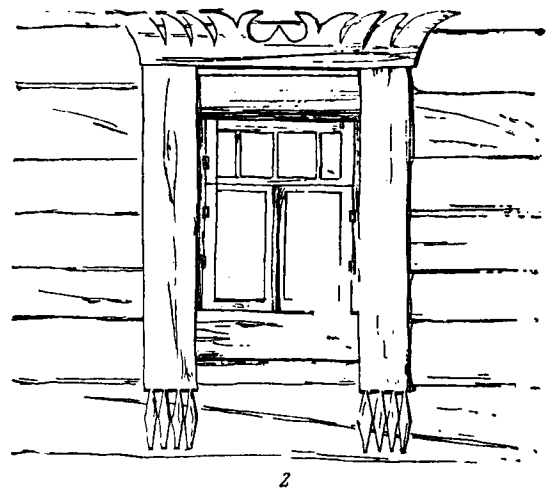
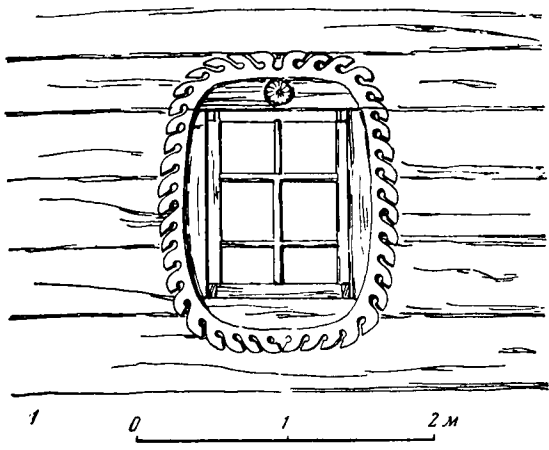

Табл. 85. Наличники северных изб, выполненные техникой пропиловки.

Рассмотренные нами группы наличников позволяют не только классифицировать их по типологическому признаку и проследить изменение их формы и конструкции, но и наметить линию развития архитектурного мастерства русских плотников и, в частности, резчиков по дереву.

Творческие поиски народных мастеров раскрывают перед нами глубокие национальные истоки формирования русского искусства, сложную и далеко не выявленную картину взаимовлияний. Путь от элементарной порезки на бревне стены до объемной рельефной резьбы на наличнике приволжской избы, от условного графического, плоскостного изображения до полнокровной, правдивой пластической формы был неразрывно связан с общим ходом развития общерусской культуры, с процессом развития и победы реалистических тенденций у русских художников.

Развитие этих тенденций в народной резьбе было длительным и постепенным. Традиции резьбы (манера исполнения, сюжеты, расположение и т. д.) оставались в народном зодчестве чрезвычайно устойчивыми. Старые приемы часто повторялись и в известной степени сковывали творческую инициативу мастеров:

Так, например, как показали новгородские археологические раскопки, техника плоской резьбы была широко известна в деревянном жилом зодчестве уже в XI веке, и до середины XVI столетия она оставалась преобладающим видом художественной обработки деревянных и каменных элементов архитектурных построек.

При сопоставлении приемов изображения фигуры льва на деревянном тягле XIII века, созданном новгородскими резчиками на берегу Белого озера³², и аналогичной фигуры на многих избах Поволжья XIX века мы находим одни и те же принципы построения. Значительная часть фигуры сохраняет ровную, гладкую поверхность. Главной целью резчика было выявление контура рисунка. Однако попытки выйти за пределы канонизированного плоскостного изображения, использовать эластичные свойства древесины, создать пространственную резную композицию, обратиться к образам живой природы, найти для типичного индивидуальные, характерные черты отчетливо проявляются в творчестве мастеров уже в XVI столетии. Резчики, создавшие в середине этого столетия (1551) одно из самых выдающихся произведений резного искусства

³² См. И. Маковецкий. Заметки о деревянном зодчестве Поволжья.— «Сообщения Института истории искусств», № 1. М., 1951, стр. 39.

ва — царское место Ивана IV в Успенском соборе Московского Кремля, — в значительной части решили эту задачу.

Наряду со слабым, но уже моделированным рельефом на стенках ограждения, иллюстрирующим легенду о Владимире Мономахе, утверждавшую преемственность царской власти русского государя от Византии, царское место венчает сложный и яркий по своей многогранной композиции шатер. Главные элементы этой композиции повторяют наиболее самобытные архитектурные формы — островерхие крыши, кокошники, шатры, близко знакомые русским плотникам и резчикам по древнерусскому зодчеству. Однако совершенно новое явление в области овладения трехмерной художественной формой, освоения техники глубокой рельефной резьбы представляют собой шесть розеток, укрепленных во втором ярусе кокошников и до сих пор почему-то не привлекавших внимания исследователей.

Правильнее было бы эти фигуры не называть розетками, так как их образный строй, кроме центрального расположения элементов, ничего общего с розетками не имеет. Это — вполне реалистические изображения полевых цветов, причем резчик стремился максимально подчеркнуть специфические черты каждого из них. Мы узнаем здесь красивый белый цветок кувшинки с крупными плавающими листьями, с собранными, полурастопившимися бутонами, — цветок, встречающийся почти повсюду в озерах, прудах, реках, воспеваемый в народном эпосе, используемый в обрядах и играх. С таким же мастерством передает резчик своеобразные черты и другого цветка — полевой ромашки, с ее перистыми, расчлененными листьями, с полукруглой корзинкой в центре, иногда имитируя выпуклую поверхность желтых созревших семян. Здесь не только изменяются приемы плоскостного графического выполнения резьбы, характерного для предшествующего периода, но и проявляется новое отношение к методам отражения самой действительности, формируется новое мировоззрение художника.

Но, может быть, скульптурно и пластически выполненные в дереве цветы на царском месте в Московском Кремле были явлением случайным, исключительным для развития русского искусства? Сохранившиеся памятники свидетельствуют об обратном. В первой половине XVII века (1635—1636) в Кремлевском теремном дворце точно такие же крупные скульптурно обработанные цветы воспроизвели в камне русские зодчие Б. Огурцов, А. Константинов, Т. Шарутин, Л. Ушаков. В середине этого же столетия мы их видим в белокаменной резьбе порталов

церкви Троицы в Никитниках, а на рубеже XVII и XVIII веков — в пышном уборе наличников Строгановского храма в Нижнем-Новгороде. Сохранился этот декоративный элемент и в орнаменте классицизма, в строгой, геометрически точной лепной розетке, и снова обрел живую и свободную форму в дереве под резцом приволжского плотника на досках крестьянских изб XIX века.

Определенные реальные черты предмета, как мы видим, сохранились в искусстве резчиков на протяжении нескольких веков. Однако они никогда не повторялись. Образ цветка и его стиливая характеристика непрерывно изменялись. В творчестве художников, оторвавшихся от реального мира, выразительность художественной формы ослабевала, и, наоборот, она ярко вспыхивала там, где преодолевались каноны условности. Произшедший в XVII веке поворот от отвлеченного средневекового мышления к более свободному отражению непосредственных жизненных явлений открыл широкий путь реалистическим традициям, давно определившимся в русском национальном искусстве. Эти традиции питали творчество передовых художников последующих столетий и являлись главным источником строительной и художественной деятельности народных зодчих второй половины XIX века.

В конце XVI — начале XVII века мелкий и однообразный орнамент гязи особенно активно преобразуется и по технике резьбы, и по сюжету. Рельеф модулируется крупными, четкими срезами и отличается симметричностью, точностью чередования отдельных элементов композиции. В резной узор вводятся птицы, плоды кедра, виноградная лоза, трава и т. д. В качестве примера можно привести другой выдающийся образец резьбы середины XVII века (1652) — иконостас в костромской церкви Воскресения на Девре³³.

Наряду с четким ритмом крупных повторяющихся завитков из листьев и цветов в композиции иконостаса играют большую роль объемные, трехмерные колонки, обильно насыщенные рельефной резьбой и завершенные скульптурным изображением человеческих рук, поддерживающих нависающий щиток. Подобные мотивы неоднократно использовались в последующее время не только в церковном, но и в гражданском хоромном зодчестве. Приехавший в Москву белорусский резчик Клим Михайлов повторил эту композицию в резном убранстве окон Коломенского дворца, выполнив «десять рук точе-

ных против образца»³⁴. Факт этот сам по себе примечателен потому, что он, во-первых, еще раз подтверждает прямое и тесное взаимодействие приемов и характера выполнения резчиками работ для церковных и для жилых зданий и, во-вторых, устанавливает, что приехавшие иноземные мастера долгие годы пользовались архитектурно-художественными формами и принципами орнаментальных композиций, созданных русским резчиком и прочно вошедших в быт, искусство, культуру народа на обширных пространствах северо-восточной Руси.

При выполнении работ эти мастера обязаны были следовать твердым требованиям заказчика, точно и подробно излагавшимся в договорных грамотах. Так, при постройке тем же Климом Михайловым иконостаса в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря в 1689 году от него требовали «сделать столбы витые, базы точеные, капители резные» и другие детали «как водится» или «против того, как сделано» в других церквях. В процессе своей работы иноземные резчики развивали местные, национальные традиции, среди которых настойчивое стремление русских мастеров к высокой, рельефной резьбе нашло наиболее благоприятную почву и получило во второй половине XVII столетия всеобщее признание.

Конечно, приехавшие мастера внесли много новых элементов в художественный арсенал русской резьбы и, прежде всего, в систему архитектурных деталей — карнизов, капителей, баз или отдельных крупных фигурных изображений, например картушей, которые до того совершенно не употреблялись. Однако утверждать, что рельефная резьба этого периода была завезена к нам извне и связать ее появление с приездом иноземных мастеров нет достаточных оснований. Независимо от того, приехали бы или нет в Москву иноземные мастера (а они приехали и своим опытом, знанием, талантом оказали положительное влияние на работу местных резчиков), весь ход развития русского искусства уже подготовил качественный переход к новому виду изобразительного творчества и к новым средствам воплощения человеческих чувств и представлений.

Овладение объемной формой и новой техникой исполнения резьбы было связано с развитием лучших традиций народного искусства предшествующих столетий. Преимущество национальной культуры являлась устойчивой чертой и народного зодчества. «Звериные» мотивы, так широко встречающиеся на резных досках крестьянских построек Поволжья

³³ См. Н. С о б о л е в. Русская народная резьба по дереву. М., 1934, стр. 202.

³⁴ См. И. З а б е л и н. Домашний быт русских царей, ч. 1, стр. 447.

второй половины XIX века, вошли в творчество русских резчиков в древнейший период формирования художественной культуры нашего народа.

Найденные при раскопках 1953 года в Неревском конце Новгорода две деревянные колонны от крыльца жилого дома говорят о распространении образов зверей в резном орнаменте русской архитектуры уже в X—XI веках. Колонны были сплошь покрыты плетеным узором, в который вкомпонованы изображения грифона и кентавра. Характер резного орнамента на дереве с мотивами плетенки настолько близок к рисункам Новгородских летописей XII—XV веков, что не возникает сомнений в том, что в этот период сложилось яркое по своему образному содержанию и художественной форме русское искусство. «Вопреки норманским теориям, — правильно замечает А. В. Арциховский, — эта плетенка не похожа на плетенки скандинавских орнаментов; наши узоры более графичны, более ажурны, в них обычно заштрихованы ленты, которых в Скандинавии нет, и, наоборот, мы находим очень близкие аналогии этому орнаменту в каменной резьбе славянских народов, образцы которой сохранились в памятниках Далмации и Южной Польши»³⁵.

Грифон и кентавр, изображенные на новгородской колонне, имеют почти точное совпадение с их каменными двойниками, выполненными на двести лет позднее на стенах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, построенном в 1234 году и оказавшем огромное влияние на развитие резных украшений во всей владими́ро-суздальской архитектуре, в том числе и в народном зодчестве. В своем исследовании, посвященном царскому месту Ивана IV, В. Щепкин опубликовал древнейшую рукопись, обнаруженную И. Забелиным, в которой содержится не выполненная в натуре часть резной надписи и подробное описание зверей, поддерживающих трон. «Под местом царя и государя великого князя зверь, а ему три иныя лютой лев, скимент: второй зверь цена (рысь.— И. М.), третий орел, четвертой оскроган, пятый оскроган же»³⁶. Подобные звери украшали и корабли флота, построенного Иваном IV в Вологде. Увидевший этот флот в 1654 году англичанин Джером Герсей был восхищен удивительной красотой, величием и отделкой судов с «изображением львов, драконов, орлов, слонов и единорогов, так отчетливо сделанных и так богато украшенных золотом,

серебром, яркой живописью»³⁷. Таким образом, звериные мотивы — эти «лютые львы», «дикие, округлые цены», — давно волновавшие русских резчиков своими необыкновенными качествами, нашли себе новое воплощение в творчестве приволжских плотников и вместе с фантастическими существами — полулюдьми, полурыбами, полуптицами — создают великолепный наряд простой бревенчатой избы.

Многие исследователи, начиная с Л. В. Даля, положившего начало глубокому изучению деревянного зодчества, высказывали необоснованные предположения о заимствовании резчиками Поволжья мотивов этой резьбы у западноевропейских народов. Один перечень упоминаемых влияний (итальянское, голландское, немецкое, скандинавское, византийское, иранское и т. п.) настолько велик и противоречив, что сам по себе вызывает величайшее сомнение в справедливости всего рассуждения.

В исследовании Е. С. Медведевой «Этюды о суздальских вратах»³⁸ приведены убедительные примеры глубокого, принципиального отличия западноевропейских изображений от звериных рельефов владими́ро-суздальских памятников XII—XIII веков. На Западе мы находим иные пластические приемы, иную технику выполнения, иные звериные образы.

Характерные для западных львиных масок черты ярко выраженной хищности совсем отсутствуют в изображениях владими́ро-суздальской архитектуры. В невысокой и довольно еще плоской резьбе настенных рельефов и в львиных масках западных врат суздальского Георгиевского собора мы видим образцы удивленных, почти смеющихся зверей. В вышуклых изогнутых бровях, в глубоко сидящих и широко открытых глазах, в оттянутых кверху углах пасти, во всем движении львиного тела заключена сосредоточенная выразительность, острая экспрессия. Тот же характер имеют и львы, изображенные на резных досках Поволжья, например, на воротах дома М. О. Хошевой в деревне Старый Юг Городецкого района Горьковской области³⁹.

Необходимо сказать, что и в трактовке человеческой головы у полулюдей-полурыб и полуптиц, как в свое время обратил внимание В. Воронов, «проявились, заслоняя друг друга, и фантастические черты мифологических образов, и реалистиче-

³⁵ А. Р ц и х о в с к и й. Колонна из новгородских раскопок. — «Вестник Московского гос. университета», 1954, № 4, стр. 66.

³⁶ См. В. Щ е п к и н. Трон, или царское место Грозного в московском Успенском соборе. М., 1909, стр. 5.

³⁷ Д. Герсей. Записки о Московии XVI в. СПб., 1909, стр. 44.

³⁸ Диссертация, защищенная в Институте истории искусств АН СССР в 1947 году.

³⁹ И. М а к о в е ц к и й. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1952, стр. 78.

ские черты облича великорусского крестьянина. Расчесанные на два ската пряди волос круто загибающихся на концах, широкий нос и общий склад лица дают характерные признаки знакомого образа»⁴⁰.

БАЛКОНЫ И ДЕТАЛИ КРОВЛИ

«По понятиям древности,— писал И. Е. Забелин,— первая красота здания заключается в его покрытии, в его кровле», в «головном уборе», как он называет крышу⁴¹.

Вся история древнерусского деревянного зодчества свидетельствует об исключительном внимании плотников к архитектурным формам и композиционным приемам возведения кровли. Не случайно высота кровли часто превышала высоту основного сруба здания.

Дерзновенный взлет мысли и широта творческих поисков проявлялись здесь с особенной силой. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести краткий перечень существовавших в древней Руси типов кровель. Кровли были «шатром», «кубом», «бочкой», «палаткой», «луковкой», «епанчей». При этом шатровое покрытие могло состоять из одного, двух и трех шатров, а самый шатер членился на четыре, шесть, восемь граней. Кровля бочкой воздвигалась из одной бочки и «двойни бочек», крещатой бочки и «двойни крещатых бочек».

Односкатные, двускатные, четырехскатные клинчатые кровли дополнялись полицами. Каждый из этих типов имел различные габариты и различные покрытия: тесом, гонтом, лемехом, чешуей, лубом, дранью. Вполне понятно, что разнообразие покрытий зданий вызывалось экономическими возможностями владельцев, наличием того или иного строительного материала, климатическими условиями местности, требовавшими часто крутого ската кровли из-за обилия осадков.

В крестьянских постройках далеко не все можно было использовать из этого богатства технических и декоративных приемов, накопленных многовековым опытом русских мастеров в строительстве церковных и хоромных сооружений. Но изобретательность плотников, их упорное стремление к созданию яркой и выразительной формы кровли неизбежно сказывались и на архитектуре деревенских жилых домов.

В простой двускатной кровле, опирающейся на глухой бревенчатый фронтон с постоянно повторя-

⁴⁰ В. Воронцов. Крестьянское искусство. М., 1924, стр. 52.

⁴¹ И. Забелин. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве, стр. 57.

Все это позволяет утверждать, что архитектурная резьба в народном зодчестве Поволжья явилась исторически закономерной ступенью в развитии русской национальной художественной культуры.

Ющимися конструктивными элементами, мы обнаруживаем то же разнообразие архитектурных форм. Это прежде всего касается таких элементов фронтона и кровли, как балконы, подзоры, охлупни, дымницы, кронштейны под навесом, курицы и потоки, в художественной обработке которых творческая фантазия плотников нашла себе наиболее плодотворное применение.

По своему типу кровли в народном зодчестве делились на односкатные, двускатные, трехскатные и четырехскатные, по бревенчатой или стропильной конструкции.

Односкатные кровли возводились главным образом на небольших хозяйственных постройках, банях, амбарах, пристройках к дому, а также над балконами, крыльцами и галереями.

Чаще они применялись при устройстве навесов во дворе (в Кировской области) или у стены избы (так называемый прикрой в Новгородской области).

Жилые помещения с односкатной кровлей мы встречали очень редко и зафиксировали их только в Прикамье (Коми-Пермяцкий национальный округ) и в некоторых селениях, расположенных на берегах Мезени и Вычегды. Как правило, такая односкатная кровля служила временным прикрытием жилого сруба с примитивной опорой на потолок в виде коротких стоек или невысокой клетки.

Наиболее характерной для жилого зодчества северных областей является двускатная тесовая кровля с бревенчатой несущей конструкцией. Главной опорой такой кровли служат фронтоны избы. Врубленные в эти фронтоны слегы держат верхние концы куриц, представляющих собой еловые стволы с оставленной частью корневища, имеющей форму крюка. Нижняя часть куриц врезана в дополнительные продольные бревна сруба, так называемые подкуретники. На крюках куриц лежат водоточные желоба — «потоки», поддерживающие два слоя досок. Противоположные концы досок прижаты к коньковой слеге тяжелым бревном — «охлупнем». Охлупень связывается с коньковой слегой деревянными стержнями — «стамиками». Между двумя слоями досок прокладывается берестяная кора — «скала».

Огромный бревенчатый фронтон служит прочной опорой для обширной плоскости кровли, способной

в течение длительной зимы выдерживать значительную снеговую нагрузку.

Стремясь сделать эту кровельную конструкцию наиболее жесткой и устойчивой, плотник вводит дополнительные поперечные стенки во фронте избы. Пространство между степенями используется для жилья, а на выступающих концах поперечных бревен устраиваются балконы. Балкон служит не только неотъемлемой частью верхнего летнего помещения, но и одним из главных элементов украшения дома. Балконы в крестьянских избах бывают открытые и крытые. Последние могут иметь арочные или прямолинейные балочные перекрытия.

Открытые балконы с выходящими на площадку небольшими оконными или дверными проемами устраиваются почти на всех избах, расположенных на берегах Вычегды и Сухоны, а также на верхнем течении Северной Двины. Наиболее типичными образцами таких построек могут служить избы в селе Вьемково Ленского района Архангельской области. Балконы в этих избах отличаются простотой конструкции и скромностью композиции. Четыре выпущенных поперечных бревна связываются между собой двумя продольными брусками. Образующаяся небольшая четырехугольная навесная площадка замыкается примитивным ограждением из редко поставленных балясин (табл. 86, фот. 57).

Каждый из элементов балкона обладает своеобразной художественной формой. Нижняя часть первого поперечного бревна стесывается в виде изогнутого кронштейна. Продольный брус получает несколько удлиненные волнообразные очертания с перехватом в центре и двумя-тремя висящими полуваликами на концах. Как бы перевязанные мастером в середине и расширяющиеся в местах упора, прочно стоят вертикальные балясины. Соразмерность целого и отдельных деталей, гладкая и чистая обработка каждой части балкона, точная врубка открытых для глаза конструктивных сопряжений — все это придает гибкую, эластичную и выразительную форму всем архитектурным элементам.

Появление кровли над балконом было вполне закономерным явлением. Частые дожди, большие снега требовали защиты балконной площадки дома от атмосферных осадков. В северодвинских избах для прикрытия балкона использовался далеко выступающий вперед навес кровли. Он связывался с балконом четырьмя резными стойками, образуя с ней единую конструктивную систему.

Иногда центральная часть перекрытия балкона выполнялась в виде арки и занимала свободное пространство верхнего угла фронтона. Арка не только

приподнимала потолок балкона над входной дверью, но и усиливала общую симметрию всего сооружения, подчеркивая главную ось фасада.

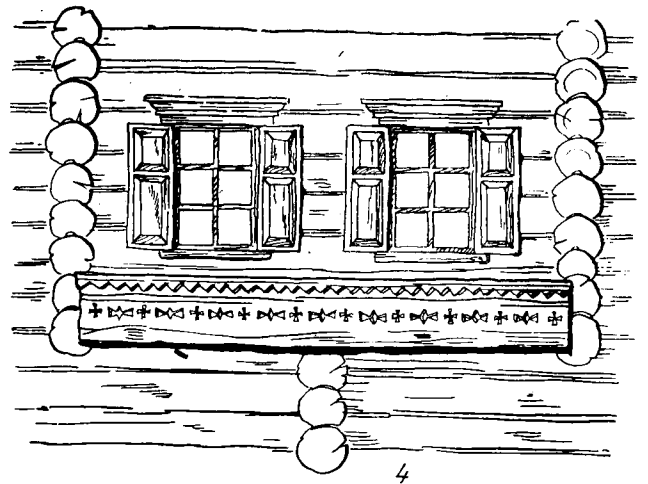
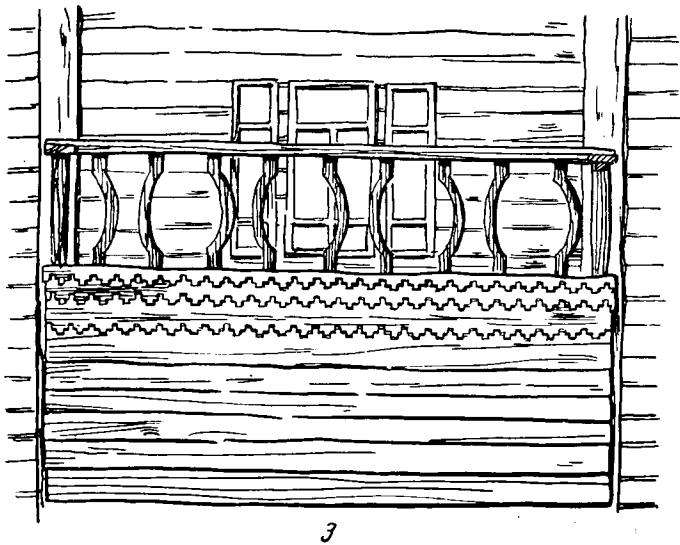
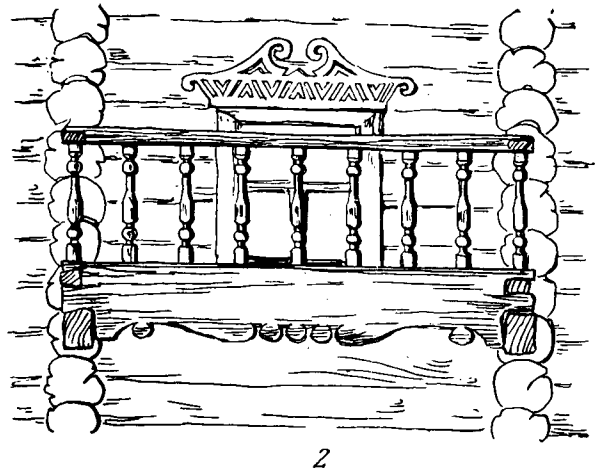
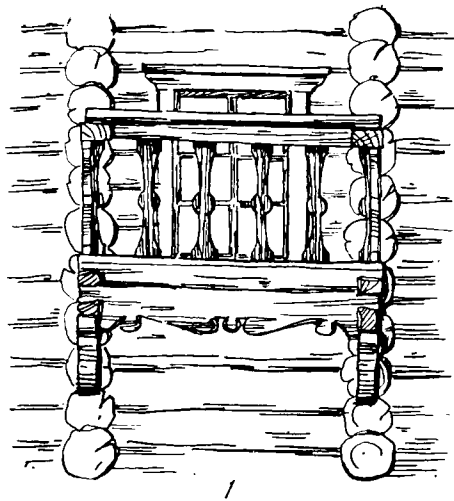
Арочное завершение балкона получило наибольшее развитие в избах Заонежья. Тройные и пятиарочные балконы строились часто с нескольких сторон дома у чердачных светелок или мезонинов (табл. 87, фот. 59). Благодаря значительным размерам и художественной обработке всех несущих и ограждающих элементов балконы в архитектуре Заонежья играли большую роль. Здесь плотники стремились создать главный декоративный акцент всей композиции фасада. Балконы украшались богатыми подзорами, ажурными подкрылками, легкими ветреницами, сложным сквозным орнаментом парапета. Часто применялись точеные балясины, поддерживающие арки и колонки самых разнообразных форм. В одних случаях членения колонок создавались из овальных, грушевидных элементов, с чередующимися полочками и валиками, в других — колонки представляют собой витые столбы, увлекающие взгляд зрителя вверх, к коньку фронтона.

Наряду с огромными балконами на фронте, в тех же избах Заонежья устраивались балконы с односкатной кровлей на уровне второго этажа с боковой стороны, с выходом из сеней или гульбища, окружающего жилую часть дома по всему периметру (табл. 88, 89).

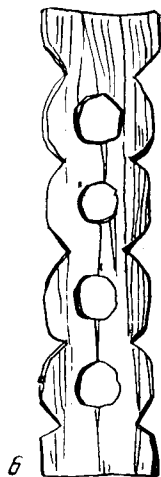
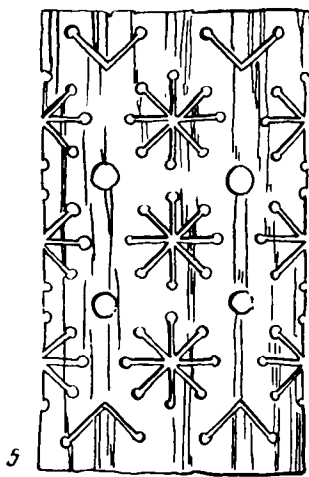
Колонки и редко поставленные балясины балконов имели тот же усложненный и красивый резной профиль. При орнаментации этих деталей плотники широко использовали коловорот, покрывая поверхность балясин узором многочисленных круглых, то сквозных, то неглубоких отверстий.

Независимо от того, каким был сделан балкон, открытым или крытым, на столбах или арках, своей пространственной системой он вносил кардинальные изменения в облик фасадной части здания. Массивный бревенчатый фронтон, отступая на задний план, как бы лишался своей глухой плоскости. Зрительно он уже не давил на нижнюю часть избы, не нарушал общей системы постепенного облегчения постройки кверху.

Однако балкон являлся лишь центром архитектурной композиции фронтона. Вдоль скатов кровли для защиты от атмосферных влияний торцов слегка подвешивали резные доски — «подзоры». Место их стыка в самой вершине фронтона прикрывала «ветреница». Подзор состоял из двух, иногда трех досок, составлявших единую в художественно-композиционном отношении орнаментированную полосу (фот. 60).

0 1 2 м

0 0,5 1 м

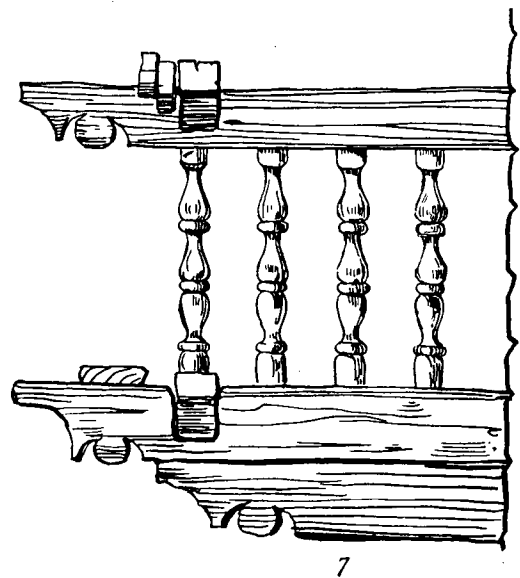

Табл. 86. Открытые балконы в северных избах.

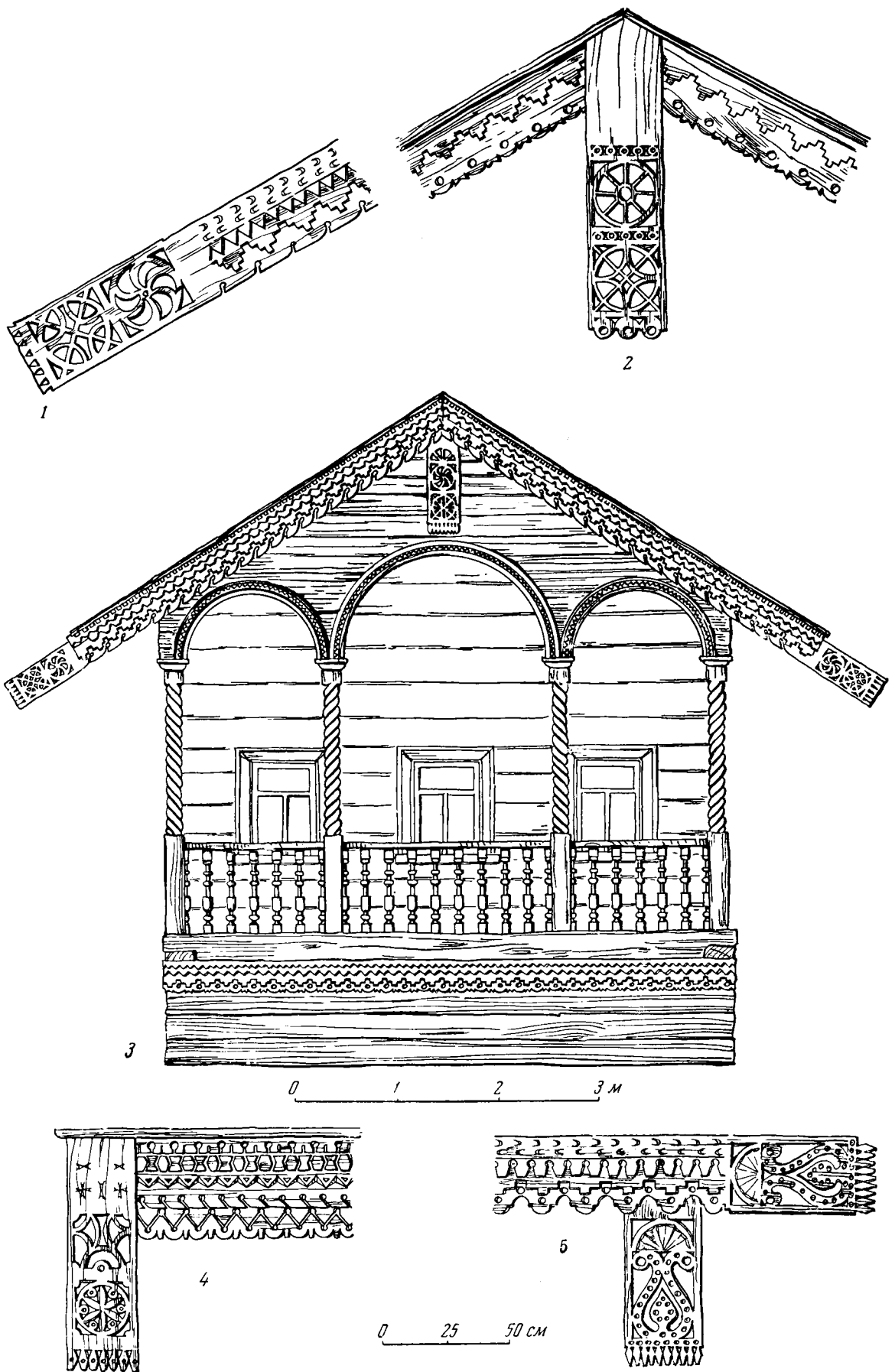

Табл. 87. Балконы северных изб с арочным завершением на фронтоне.

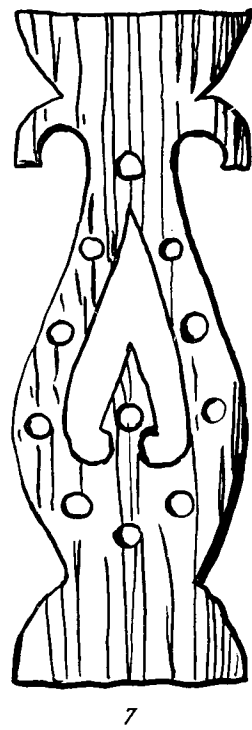
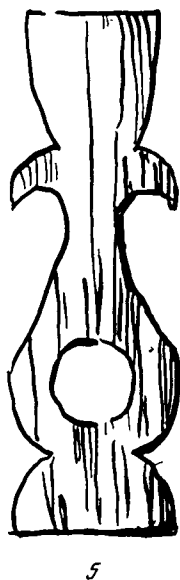
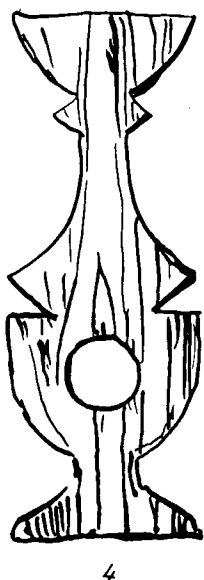
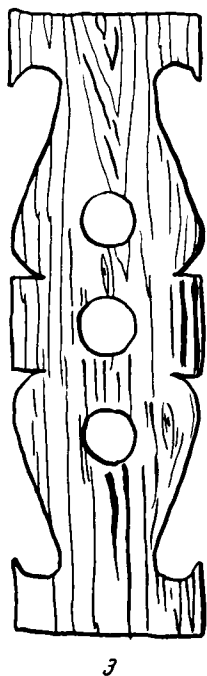
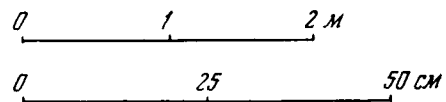
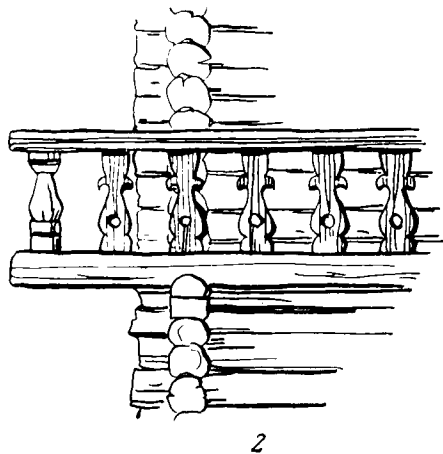
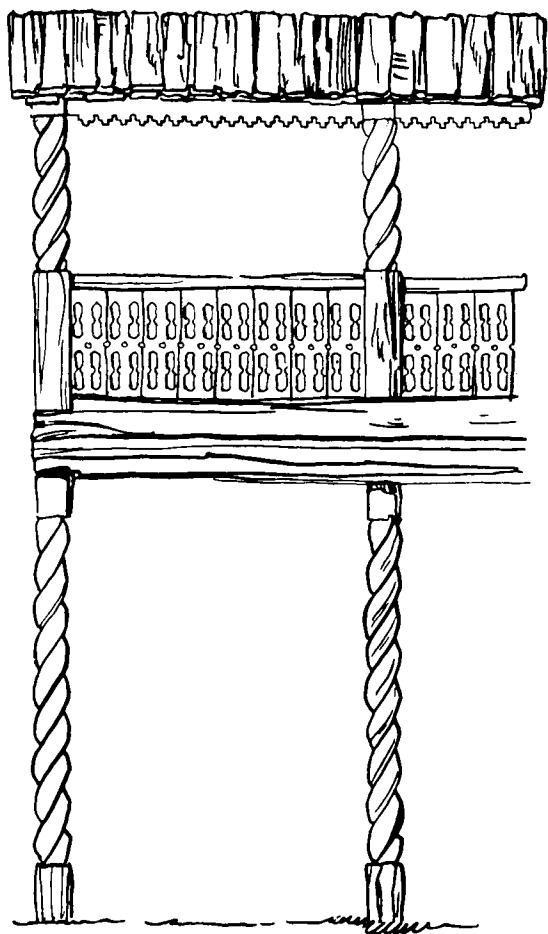

Табл. 88. Балконы-галереи в избах Заонежья.

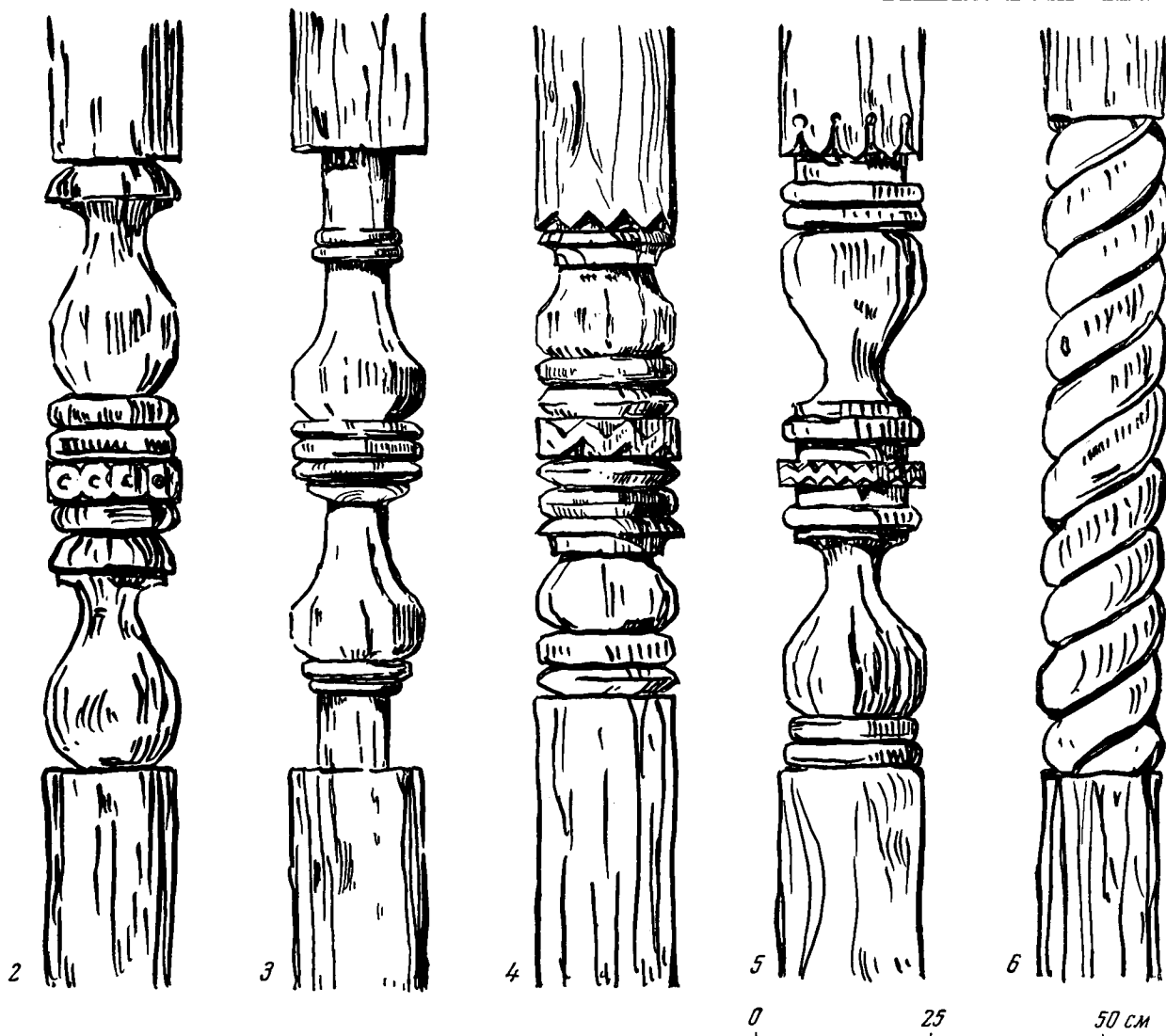
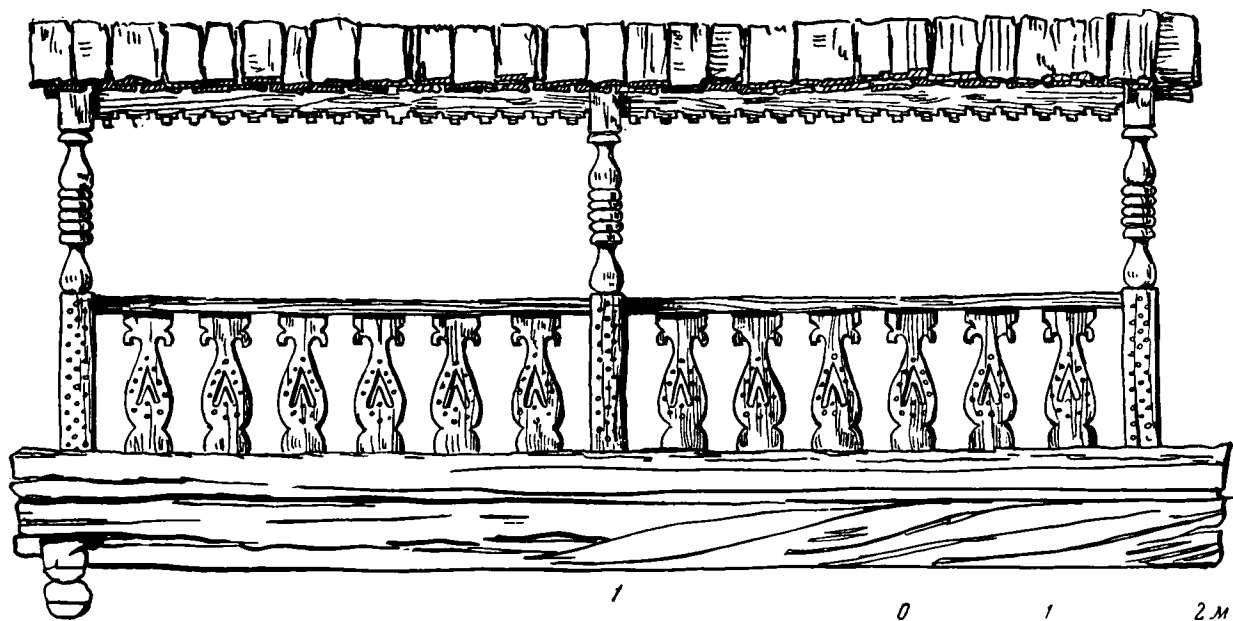

Табл. 89. Балконы-галереи в пэбах Заонежья.

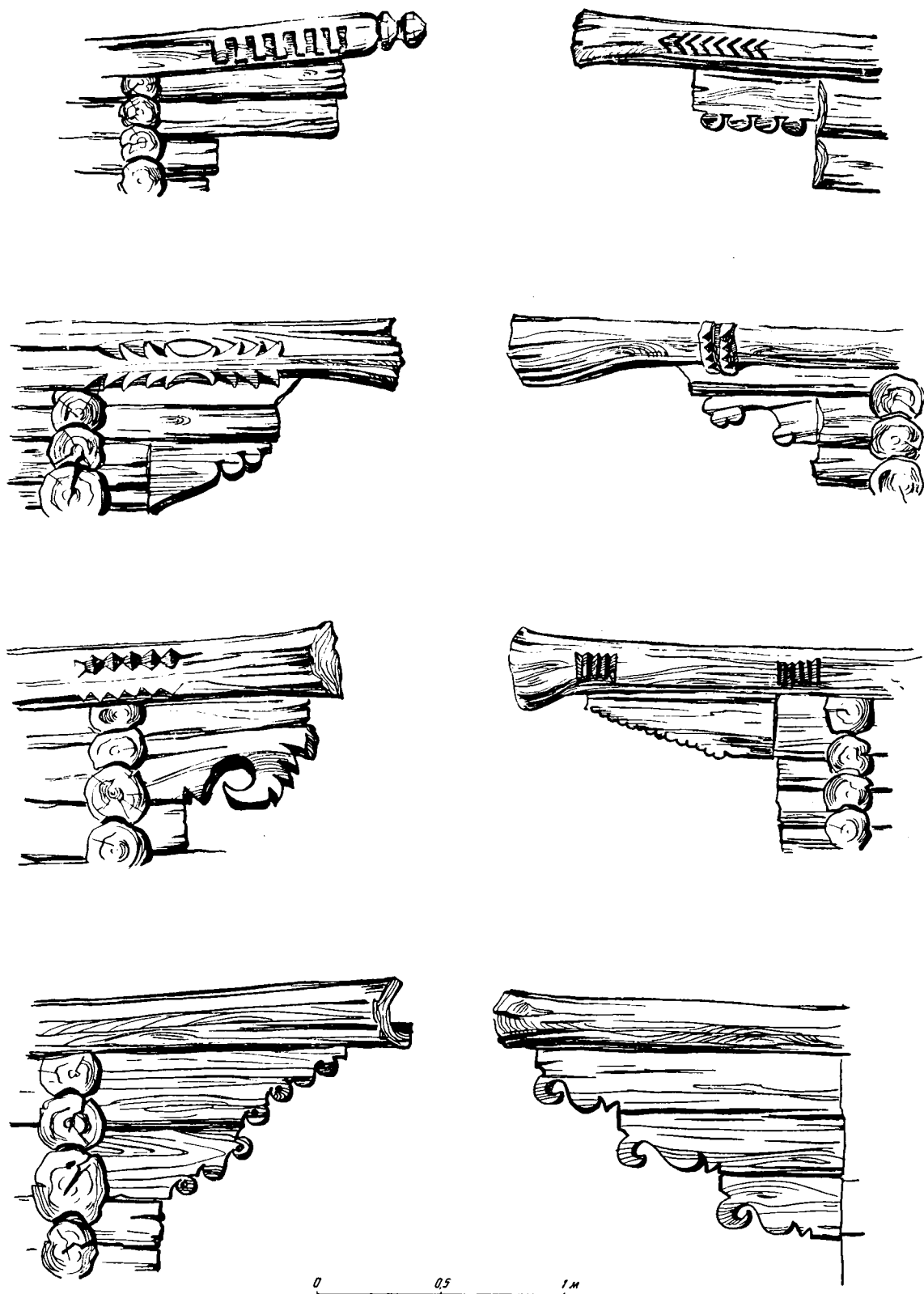

Табл. 90. Кронштейны северных изб.

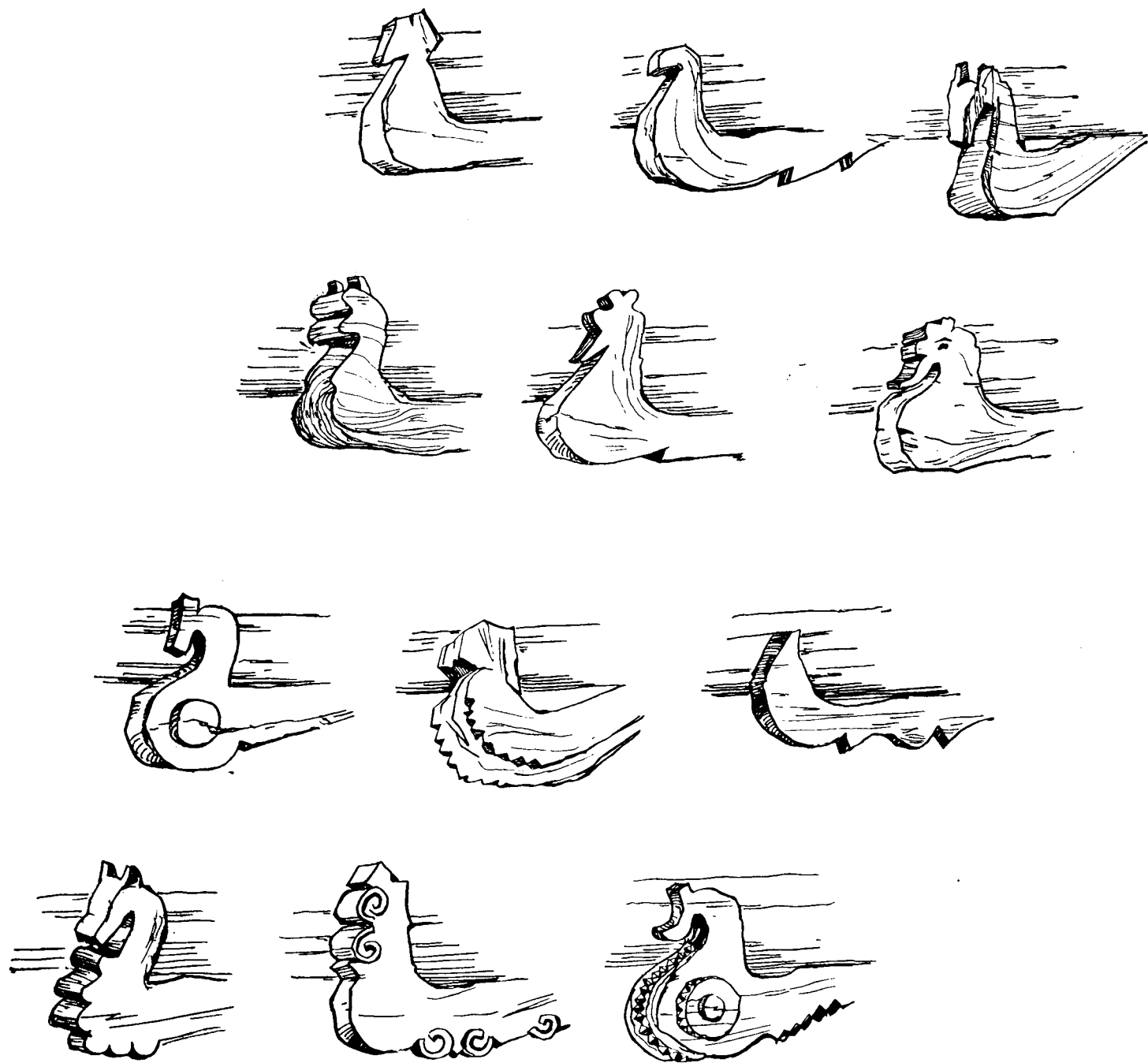

Табл. 91. Курицы.

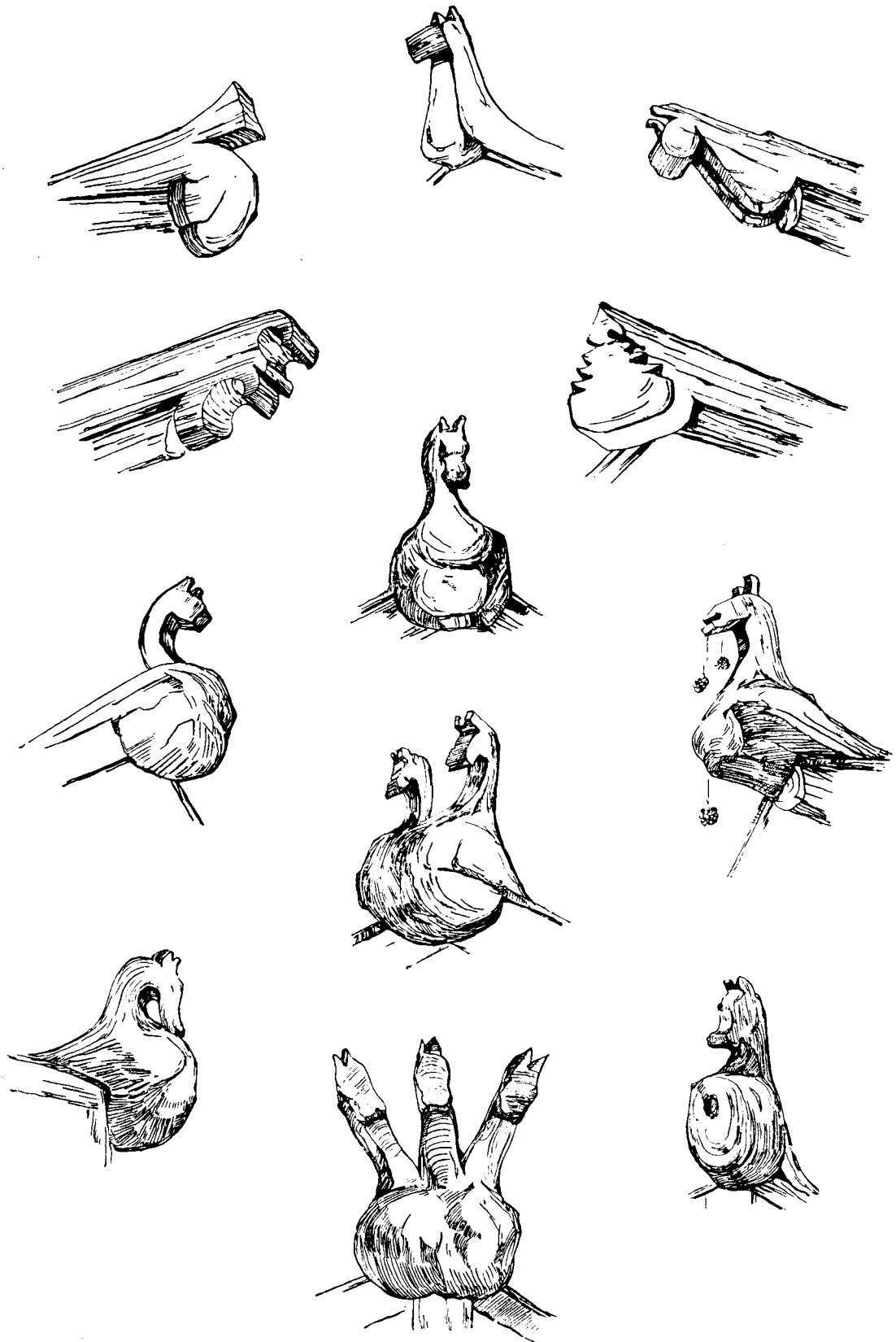

Табл. 92. Коньки.

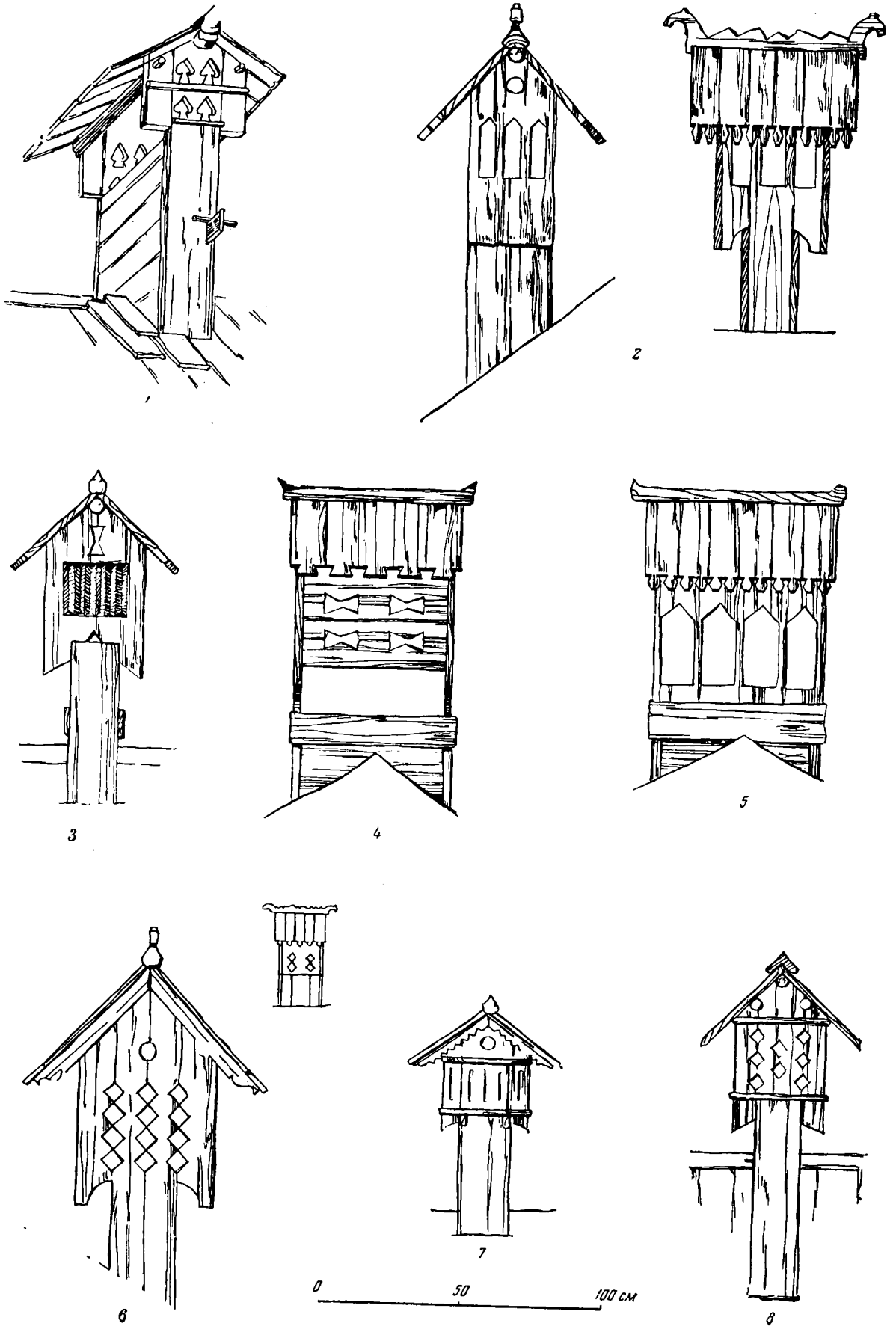

Табл. 93. Дымники.

Верхняя доска всегда имеет крупный арочный или зубчатый рисунок, нижняя — более дробный, считающий в себе сквозные круглые отверстия с повторяющейся полуциркульной или криволинейной формой обреза доски. Как тот, так и другой мотив резьбы встречается в самых различных районах Севера. Элементы этого орнамента прослеживаются на древних памятниках деревянной архитектуры (в новгородских жилых домах XIII века, в церковных постройках XVII столетия), в народном зодчестве XVIII и XIX веков.

Подзор — наиболее выступающая вперед часть кровли. Вынос кровли поддерживался рядом «пропусков», пропущенных за пределы угла торцов верхних продольных бревен сруба (табл. 90). Концы бревен получали красивую криволинейную форму в виде гуськов или гроздьев полуваликов, опирающихся друг на друга и последовательно выдвинутых вперед от стены дома. На боковых стенках бревен обычно вырубался год возведения постройки. Пропуск служил началом сложных архитектурно-конструктивных композиций фронтона. Выразительность мощных, нависающих над углом бревен с яркой плоскостной (в виде насечек на торцах) или почти скульптурной обработкой всей выступающей части дерева плотник удачно использовал для смягчения перехода от тяжелого бревенчатого сруба избы к легкой дощатой кровле (фот. 62—65).

В некоторых районах Верхнего Поволжья и Заонежья на торцы бревен прибивались вертикальные резные доски — «подкрылки». Они примыкали непосредственно к полосе подзора, находились с ним в одной плоскости и составляли законченное художественное обрамление фронтона.

Дощатая кровля упиралась в потоки, поддерживаемые курицами (табл. 91). Стволы куриц закреплялись в слегах, а на крюки ложился поток («желоб», «водотечник», «водоспуск»). Курицы повторялись через определенные интервалы на протяжении всего бокового фасада здания. Образую сильный вертикальный ритмический ряд на гладкой, далеко отступающей от стены плоскости потока, они завершали нижнюю, свисающую часть ската крыши. Видимые во всех трех измерениях на фоне неба, курицы играли важную роль в силуэте постройки. Естественным было стремление мастера найти для них наиболее пластичную форму. Под долотом и резцом плотника они приобретали очертания птицы с красиво изогнутой шеей и могучей грудью. Курицы становились главным декоративным элементом бокового фасада избы,

Лежавший на крюках поток поддерживал кровельные доски и отводил воду от сруба. Для потока выбирались наиболее прямые сосновые бревна. С наружной стороны они обтесывались топором узкими гранями, с внутренней — глубокой долбежкой выбиралась вся его сердцевина. Поток напоминал подвешенное на крюках огромное корыто, передний торец которого широко раздвинут для стока воды. Конец потока, дальше всех конструктивных элементов выдвинутый вперед на переднем фасаде избы, также получал художественную обработку. Чаще всего это было несколько рядов вертикальных полукруглых поясков или горизонтальных зубчатых полос.

На Мезени в орнаменте потока имитировались силуэт ели или листья папоротника. В Заонежье концы потока получали формы бусин или рогатки, но при этом утрачивали свое первоначальное функциональное назначение — отвода дождевой воды с крыши — и служили только для крепления кровельных досок.

Венчающей частью кровли служил охлунень («шелом»). Это был ствол дерева, прижимавший своей тяжестью концы кровельных досок к коньковой слеге. Его передний конец вырубался в лесу с частью корневища, которое, увеличивая вес дерева, одновременно использовалось для декоративных целей.

Охлунень был самой высокой точкой здания. Здесь сходились скаты крыши, и линии фронтона смыкались с резными подзорами, здесь неизбежно сосредоточивался в конечном счете и взгляд зрителя. Мастер должен был найти этой детали соответствующий масштаб и яркую выразительную форму. Тяжелое корневище ели превратилось под рукой плотника в наиболее излюбленный и поэтический образ, много столетий воспеваемый в народных песнях, — голову буйного, смелого и стремительного коня (табл. 92, фот. 67).

Контрастируя своей темной фактурой и затейливой формой со спокойным и светлым северным небом, охлунень придавал всей постройке композиционно законченный облик.

На скате кровли до высоты конька поднимался тесовый короб — «дымник». Через дымник выходил наружу дым, наполнявший избу при топке курной печи. Стремясь создать наибольшую тягу в дымнике, плотник проделывал в коробе сквозные отверстия, превращая дымник в один из самых декоративных элементов кровли (табл. 93).

КРЫЛЬЦА

Крыльца северных крестьянских изб можно разделить по конструктивным особенностям на четыре типа:

1) крыльца прирубом, представляющие собой прямоугольную глухую клетку с широким дверным проемом и внутренней скрытой лестницей;

2) крыльца на ряжах, характеризующиеся монолитным и прочным основанием из горизонтальных бревен с наружным открытым маршем лестниц;

3) крыльца на столбах, отличающиеся вертикальной системой опорных элементов, поддерживающих выносную площадку и лестницы крыльца;

4) крыльца-балконы, состоящие из двухъярусной конструкции, объединяющей в одно целое балкон второго этажа и навес над входной дверью в избу.

Каждый из этих типов крылец обладает яркой, выразительной архитектурной композицией и отражает устойчивые строительные традиции в том или ином районе Севера.

Крыльца прирубом широко распространены в Верхнем Прикамье, в селениях, расположенных на берегах Вычегды и Сухоны, а также в Восточной Сибири (Приангарье).

Сохраняя основной принцип возведения крыльца как самостоятельного прируба к зданию, народные зодчие создали многочисленные их разновидности. В селении Сим Соликамского района Пермской области крыльца примыкают к боковой стороне избы перпендикулярно. Сруб крыльца делается из бревенчатых пластин и досок. Входной проем остается открытым, так как он не имеет ни косяков, ни дверей. Площадка устраивается обычно на высоте третьего или четвертого венца. Небольшая лестница в три-четыре ступени иногда выносится за пределы проема. Следи кровли врубаются в глухие стены крыльца, доски односкатной кровли упираются в желоб, поддерживаемый курицами (табл. 94).

Простая конструкция крыльца обеспечивает защиту входа в избу от ветра, дождя и снега. Эта первоначальная его роль — служить ограждением для входа, свойственная древним притворам старых северных церквей, — здесь выражена с предельной ясностью.

Плотники клали за срубом избы сруб крыльца, так же, как и сруб двора, амбара и бани, из того же материала, при той же технике исполнения.

Мы не обнаружили в крыльцах селения Сим какой бы то ни было художественной обработки конструктивных элементов. Разнообразие внешнего

облика срубов крылец, степень их архитектурной выразительности в каждом отдельном случае достигались пропорциями и размерами сруба, характером прямого или криволинейного завершения дверного проема, прямолинейной или полуциркулярной формой окон.

Тяжелыми и плотными объемами стояли подобные крыльца у таких же суровых по своему облику таежных изб. Они неразрывно были связаны с лаконичным и замкнутым объемом крестьянского двора и придавали своеобразный характер архитектурному ансамблю деревенской улицы, окруженной со всех сторон лесными массивами.

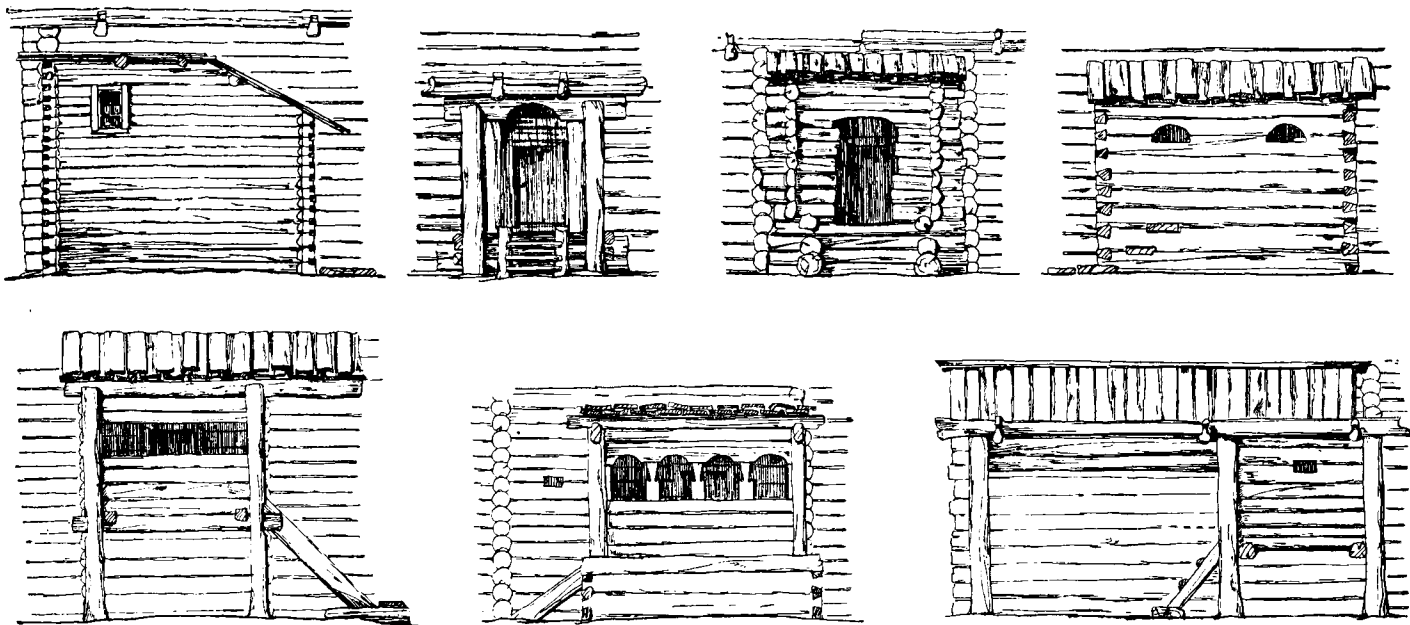
Строительство крылец на ряжах — явление тоже очень древнее и широко распространенное в деревянном зодчестве. Бревенчатую клетку в качестве надежной и прочной опоры для входной площадки крыльца мы видели в церкви села Уна, в церкви села Панилово, в церкви села Верховье. Такой же конструкции крыльца имелись в сольвычегодских хоромах Строгановых и во дворце Алексея Михайловича в селе Коломенском под Москвой.

В крестьянских избах крыльца на бревенчатых рубленых основаниях чаще всего возводились в селениях Вологодской и Архангельской областей. Мы их часто встречали в деревнях, расположенных на берегах Северной Двины и Мезени. Варианты их разнообразны, от грубо обтесанных и сложенных в клетку бревен, с одной стороны последовательно отступающих и образующих примитивные ступени лестницы, до сложной конструкции двухмаршевого крыльца, сделанного из чисто пригнанных брусьев с искусно врубленными ступенями, с рядом тонких точеных балясин и резных колонок, поддерживающих широкую односкатную, двускатную или овальную кровлю (табл. 95).

Соединение массивного глухого основания и легкого воздушного верха позволяло плотникам создавать стройные и выразительные композиции крылец, оформлявших главный вход в дом.

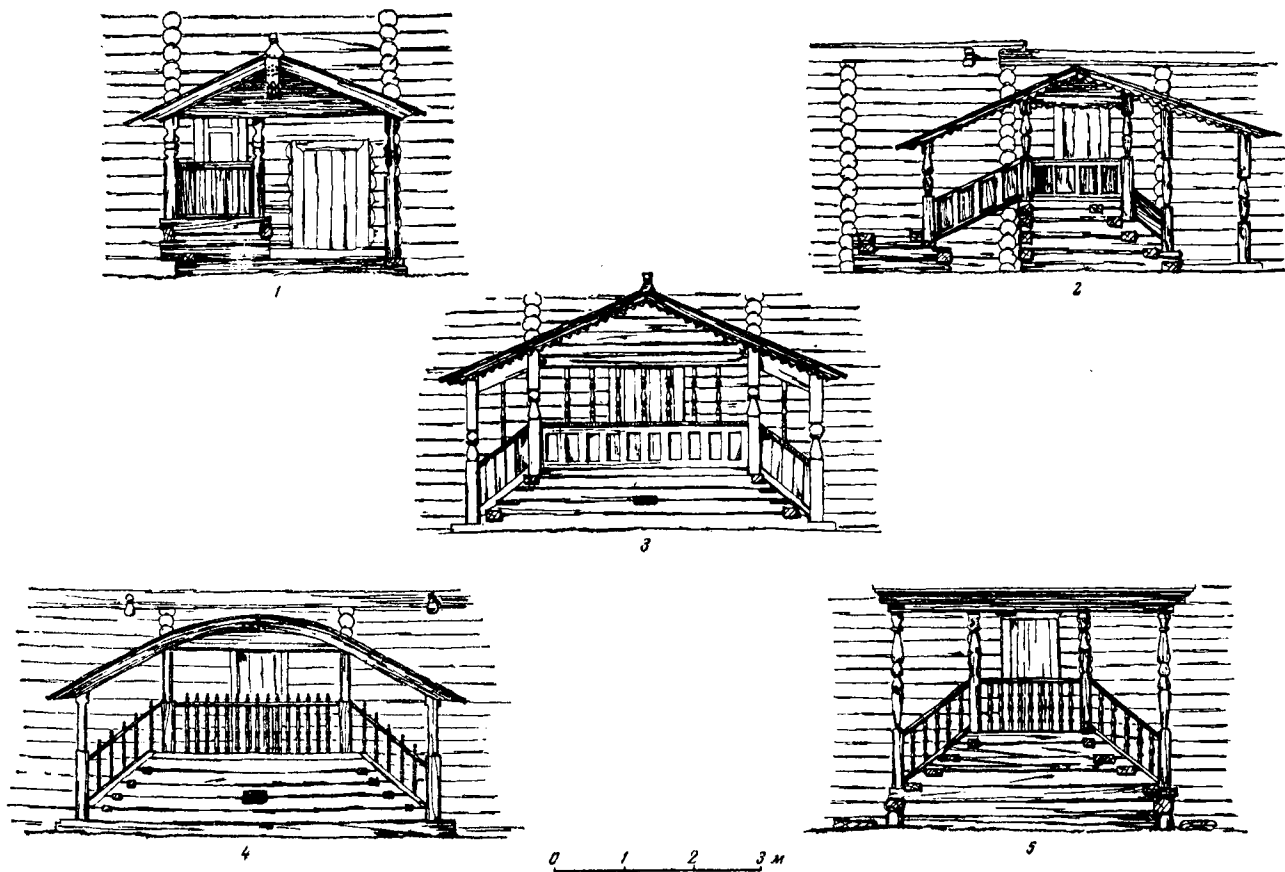
Совершенно противоположна по своим конструктивным принципам была столбовая система крылец. Здесь зодчие отказались от глухого и замкнутого бревенчатого основания. Горизонтальные бревна заменили вертикальные стойки крыльца.

Крыльца подобного типа делятся на одностолбные и двустолбные, одномаршевые и двухмаршевые, с открытой и крытой входной площадкой и лестницей. Пожалуй, больше всего в этих крыльцах проявился пытливый и чуткий к красоте характер на-

0 1 2 3 м

Табл. 94. Крыльца прирубом.

0 1 2 3 м

Табл. 95. Крыльца на ряжах.

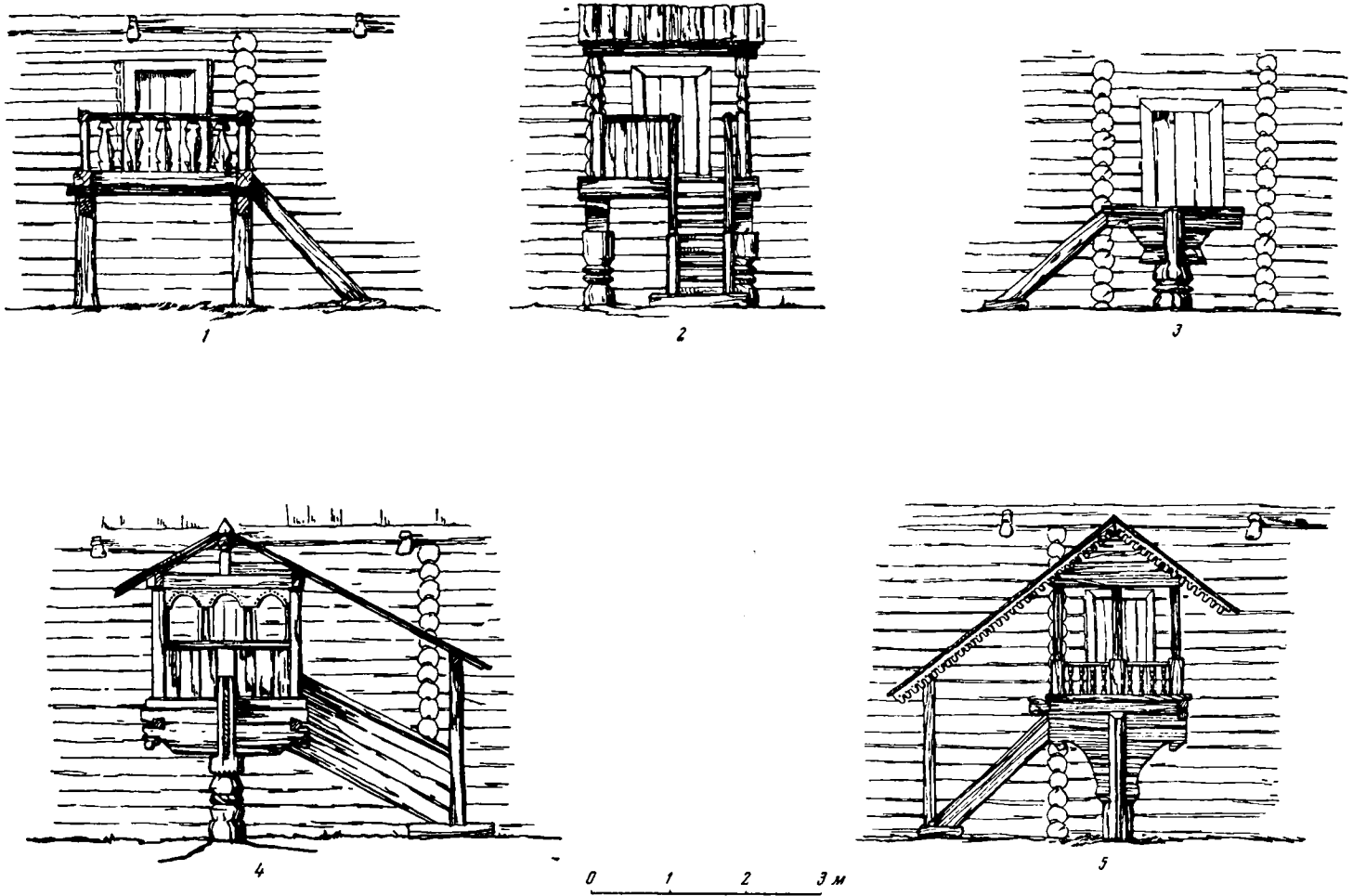

Табл. 96. Крыльца на столбах.

родных зодчих, их смелые и точные конструктивные замыслы. Примером избы с одностолбным крыльцом может служить дом в деревне Таратино Ленского района Архангельской области (табл. 96, 97, фот. 68).

Такие же крыльца, как в деревне Таратино, мы встречаем в старых северодвинских избах вблизи Архангельска, а также в деревнях Чарозерского района Вологодской области.

Крыльцо этого типа наиболее сложно по своей конструкции; сооружение его было доступно только плотнику с большим строительным опытом. Трудность заключалась в том, что на одном стволе, достигающем иногда в диаметре 60 см, требовалось создать прочное основание для широкой площадки (излюбленное место отдыха северодвинских крестьян), на которую опирались лестница и стойки кровли. Задача эта решалась при помощи целой консольной системы из брусьев все увеличивающейся длины,

врезанных в середину столба и связанных со стеной четырьмя поперечными бревнами. Такие крыльца достигали большой художественной выразительности.

В обработку столбов вводились горизонтальные членения в виде валиков, крученых жгутов, бусин и дынек, подчеркивающих несущее назначение столба, его конструктивное напряжение (крыльцо избы в деревне Таратино).

Близкие по форме и орнаментации резные столбы были неотъемлемой частью древних срубных построек. Наличие, видимо, подобных столбов в гриницах киевских князей, у красного крыльца Коломенского дворца и в ряде трапезных северных церквей свидетельствует о древности этого типа конструкции. Различные форма и степень декоративной насыщенности консольных брусьев зависели от места их применения и назначения здания. У крыльца жилой избы мастер стремился сделать кронштейны

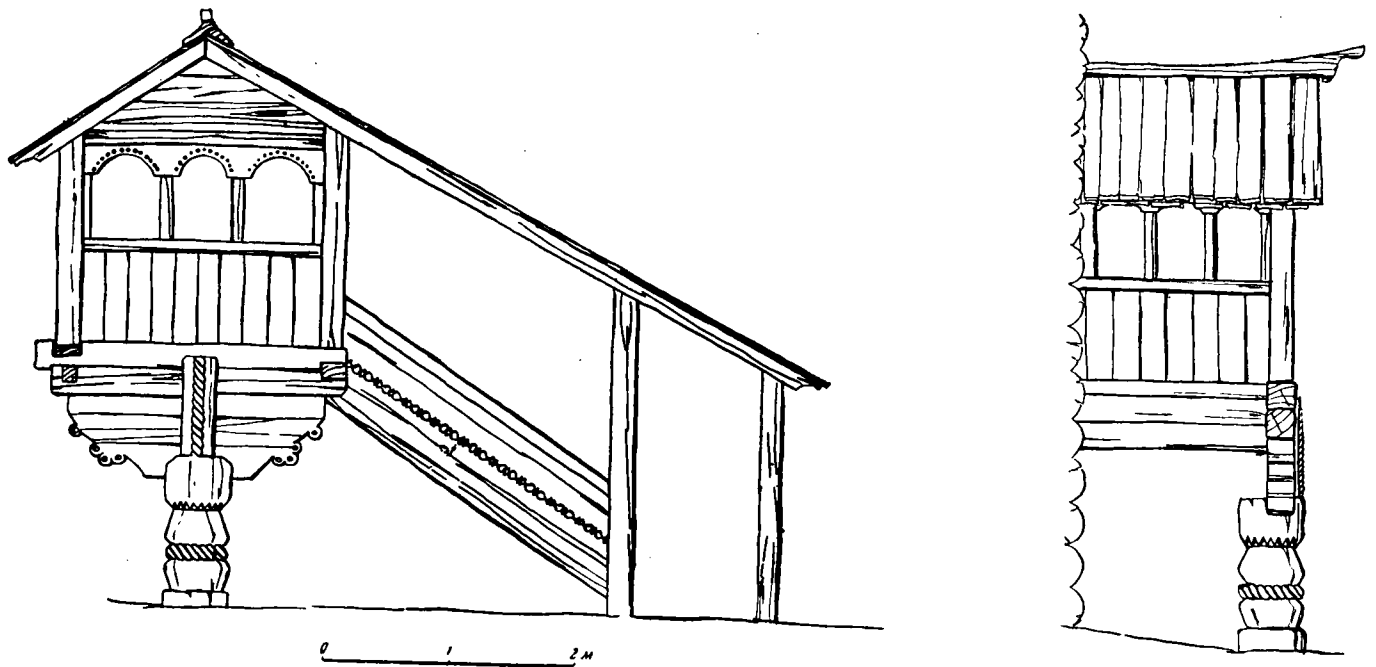

Табл. 97. Одностолбное крыльцо дома Н. А. Локшиной в селе Таратино Ленского района Архангельской области.

нарядными. Он придавал им черты интимности и уюта, создавал острый и упругий силуэт.

У низкого столба он обрабатывал концы бревен трехлепестковыми розетками, гроздьями валиков, тонкими орнаментальными полосками, добиваясь этим решения той же задачи — облегчения архитектурной формы крыльца (изба в деревне Таратино).

Более значительные размеры построек общественного назначения, церквей или промышленных сооружений заставляли зодчих придавать их конструкциям более обобщенные формы. Так, например, консоли галереи Флоро-Лаврской церкви в селении Ростовском Виноградовского района Архангельской области или соляного амбара в городе Усолье Пермской области имели сильные выносы с ровной и спокойной линией среза бревен; они придавали зданиям необходимую монументальность и прочность.

Несмотря на большую архитектурную выразительность одностолбных крылец, привлекавших своей редкой и изысканной формой не одно поколение русских плотников, строительство их давно уже прекратилось. Исчезновение их в народном зодчестве было вызвано трудностью осуществления такой сложной конструкции и не меньшей трудностью ее эксплуатации. При необходимости, например, заменить сгнивший центральный столб требовалась полная разборка всей системы выпускных бревен.

Значительно проще такие работы вести при двух

опорных стойках, т. е. в двустолбных крыльцах. Именно они и получили повсеместное распространение в сельском строительстве и в многочисленных образцах дошли до наших дней.

Двустолбные крыльца изображены в ряде графических документов конца XVII века. Мы их видим на выполненном в это время плане части Новгорода, на рисунках Мейерберга и на иконах Троице-Сергиева монастыря. На всех этих изображениях конструкция крылец одна и та же: крыльцо состоит из двух площадок (верхней и нижней), соединенных между собой лестницей. Высокие обработанные резьбой стойки поднимаются на два этажа и прочно связывают в единое целое всю конструкцию крыльца. Они поддерживают и навес кровли, прикрывающий обе площадки, и марши лестниц. При этом вся конфигурация кровли, как правило, прямолинейна, с переломами на коньках площадок.

Фронтон поддерживают фигурные колонки, соединенные внизу ровным и глухим дощатым парапетом или рядом тесаных и точеных балясин. Вместе с нижней резной доской фронтона они завершают художественное обрамление площадки и крыльца.

В архитектуре крыльца крестьянской избы нас привлекает не только его оригинальная композиция и прочная конструкция, но и живое разнообразие декоративных средств, которыми пользовались зодчие (табл. 98, 99, фот. 71—75).

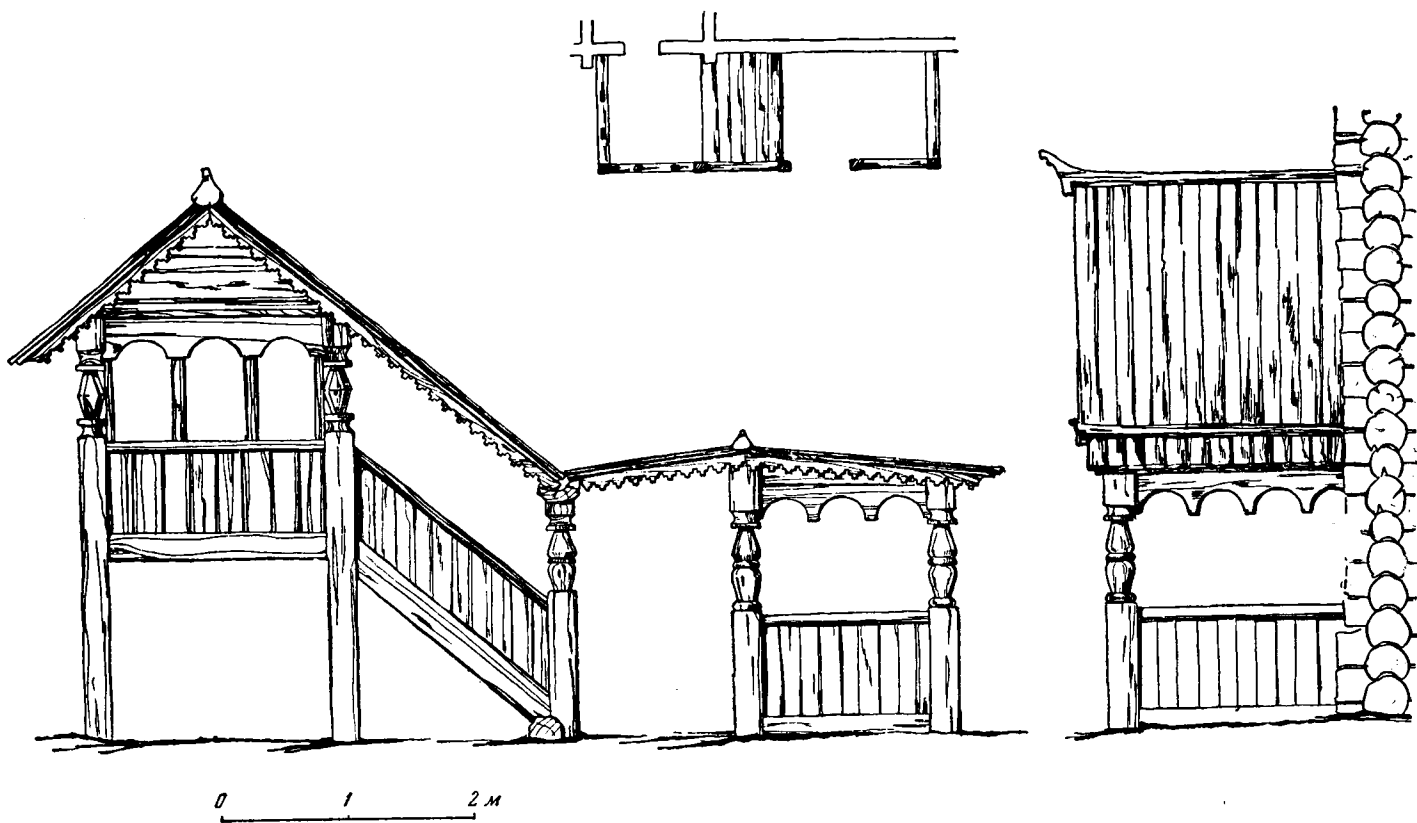

Табл. 98. Крыльцо дома Ф. А. Осокина в селе Векони Железнодорожного района Коми АССР.

Наибольшей художественной обработке подвергались фронтон крыльца, стойки, поддерживающие кровлю, и балясины парапетов.

Двускатный фронтон с резными подзорами вдоль кровли, с криволинейным обрезом нижней доски над входной площадкой в избу был излюбленным завершением крыльца у северных плотников. Противопоставляя прямому и спокойному контуру скатов кровли динамическую криволинейную грань обреза нижней доски, зодчие стремились решить две художественно-композиционные задачи: обогатить центральную часть гладкой плоскости фронтона и создать резную раму открытым проемам крыльца.

Ритмичное повторение крупных полудиркульных или овальных форм в резьбе на нижней доске позволяло мастеру введением незначительных декоративных элементов в центре фронтона добиваться большой художественной выразительности всей венчающей части сооружения. В одном случае он делал три или четыре примитивных сверленных отверстия, в другом — прорезал два сквозных банта, в третьем — ограничивался накладной резной доской, поставленной вертикально по оси конька. И лишь в немногих районах Севера мастера использовали роспись и создавали красочные фигуры птиц, дерева плодородия или композиции из букетов полевых цветов.

Поддерживающие фронтон колонки также получали художественную обработку в виде бусин, поясков, полочек, красиво завершая резное обрамление открытых проемов крыльца с боковых сторон. Их изящная трехмерная форма, облегченная стеской древесины у многочисленных перехватов, четко выступала на фоне глубокой тени входных площадок и маршей лестниц.

Насколько тяжелой и мощной выглядела опора одностолбного крыльца, где в каждом резном элементе мастер стремился передать силу несущих конструкций, будь то бусина с упругими, до предела напряженными формами или плотно стягивающие ствол дерева валики, имитирующие закрученную веревочку, настолько изящны и стройны были стойки крылец, поддерживавшие навес кровли.

Размеры и формы колонок были различны. В поселениях, расположенных на Вычегде и ее притоках, высота колонок не превышала 90 см. В избах Чарозерского района Вологодской области колонки достигали 5 м при толщине всего в 16 см. Приподнятая такими колонками кровля крыльца казалась почти невесомой и создавала впечатление полной иллюзорности всей конструкции на фоне массивного бревенчатого сруба жилого дома.

Большое место в истории русского деревянного

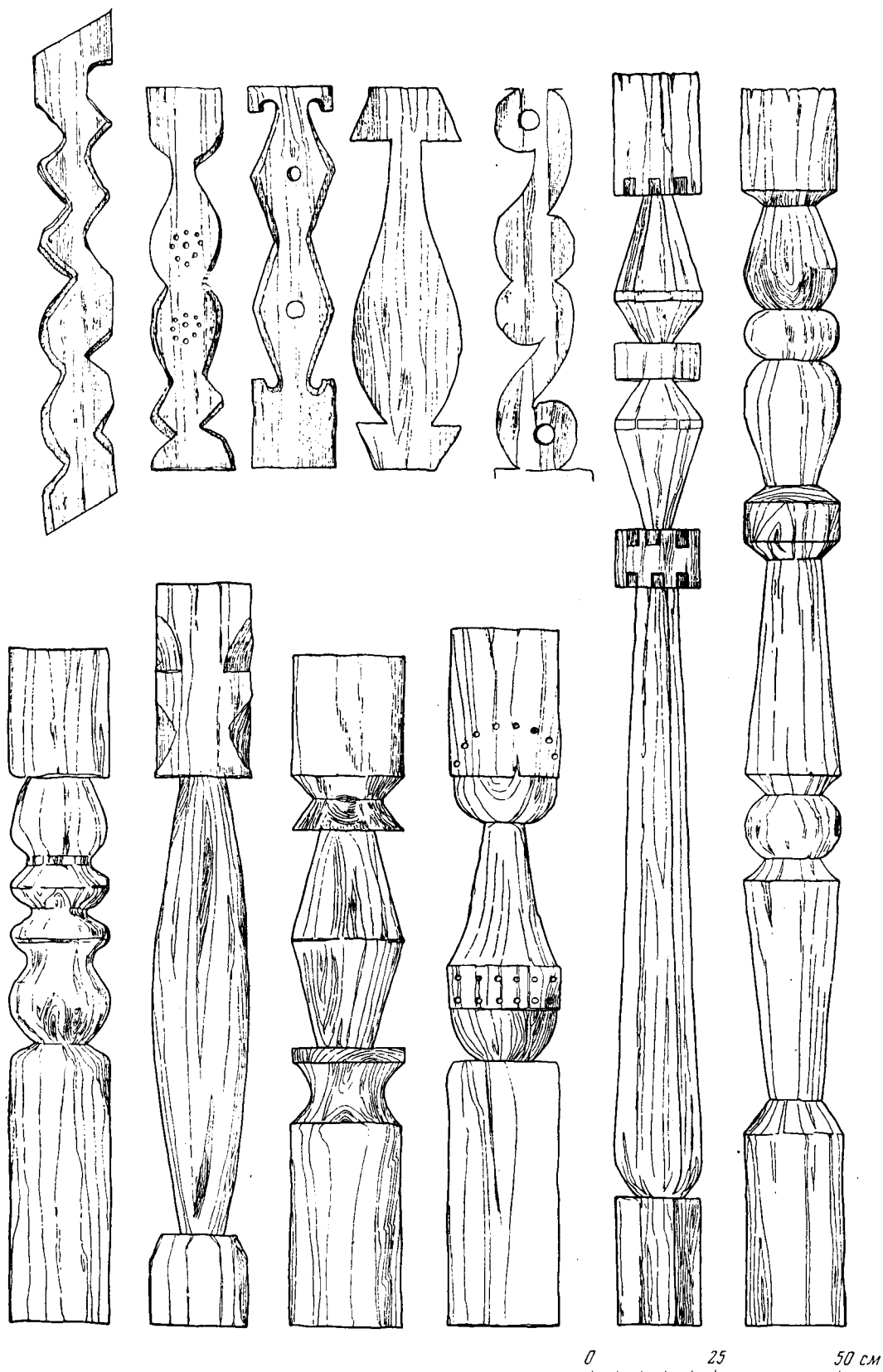

Табл. 99. Типы балясин и колонок на крыльцах северных изб.

зодчества занимают крыльца на выпускных бревнах (кронштейнах). Последовательный выпуск из сруба все увеличивающихся по длине концов бревен позволяет создать прочный упор для выносной площадки без применения столбовой или ряжевой конструкции.

Огромные причальные галереи соляных амбаров XVII столетия в Усолье на Каме, достигающие 4 м в ширину⁴², крыльца и галереи у северных деревянных церквей (церковь Иоанна Богослова на реке Ишне, Успенская церковь в Кондопоге и др.), устройство обламов у крепостных башен сибирских острогов (Илимского, Братского, Якутского) говорят о древности использования этого конструктивного приема русскими плотниками.

В народном зодчестве плотники применяют выпущенные бревна в самых различных сооружениях: при рубке мостов и мельниц, амбаров, дворов и жилых изб.

Бревенчатые кронштейны поддерживают свесы кровли, балконы и площадки крылец.

В древнейшей зафиксированной крестьянской избе в селе Воробьево (XVIII век), обмеренной академиком В. С. Сусловым, крыльцо устроено на выпускных бревнах. Такие же крыльца были в свое время зафиксированы и опубликованы в собрании Л. А. Бобринского. Сложность выполнения навесной конструкции и опасность ее разрушения при загнивании несущих бревен, видимо, послужили причиной постепенного вытеснения этого типа крыльца из строительной практики народных зодчих. В постройках второй половины XX века мы таких крылец уже не встречаем.

Крыльца-балконы, распространенные главным образом в Заонежье, значительно реже встречаются в Вологодской области (Тотемский и Чарозерский районы) и почти совсем отсутствуют в Архангельской, Кировской, Пермской и других северных областях.

Большие двухэтажные избы Заонежья имели два типа крылец: с наружными и с внутренними лестницами (фот. 77, 78).

Крыльцо с наружной лестницей было пристроено к избе и соединяло верхний этаж непосредственно с улицей. Крыльцо с внутренней лестницей было скрыто за стенами сеней. Лишь небольшая входная дверь в первом этаже, невысокая, в две-три ступеньки площадка и поддерживаемый тонкими ко-

лонками или кронштейнами навес составляли всю его несложную конструкцию.

Балкон в этих условиях предоставлял владельцам возможность выходить наружу, не спускаясь по лестнице, и иметь достаточно широкий (по сравнению с окном) угол обзора территории усадьбы, улицы, дороги. В известной части он выполнял ту же роль, что и верхняя площадка пристроенного крыльца, являясь продолжением сеней второго этажа. Плотник удачно совмещал балкон с навесом над дверью. Используя последний как опору для площадки, он создал двухъярусную конструкцию балкона-крыльца, обогатив архитектуру главного входа в дом.

Таковы были крыльца-балконы в доме Н. Семенова и в доме С. Аверина в селении Сенная Губа Заонежского района Карельской АССР. Эти дома, расположенные один против другого по одинаковым по своей объемной композиции, фланкировали улицу селения, образуя красивый симметричный въезд.

С балкона-крыльца были видны не только подходы к дому, но и все движение по улице, приближение лодок и судов по озеру. Не случайно за парапетом балкона можно было увидеть хозяйку дома, часто появляющуюся, чтобы присмотреть за играющими на улице детьми, взглянуть на уезжающих или возвращающихся рыбаков, проследить за подходом на вечерней заре скота.

Скрытый от лучей солнца и открытый для дуновений прохладного ветра, балкон являлся излюбленным местом отдыха и в праздничные дни, и в теплые летние вечера.

Конструктивная основа крылец-балконов состоит из связанных между собой стоек-колонок. Они же являются и главным средством художественного убранства. Наиболее характерным приемом резной композиции на колонках было сочетание двух дынок и ряда горизонтальных членений в виде полуваликов или полочек. Иногда все эти элементы использовались одновременно, при этом средний из них выделяется своей самостоятельной формой или отличается орнаментом резьбы. Так, в одном случае крайний может иметь гладкую овальную поверхность, а средний — представлять собою прямоугольную полочку, в другом все три элемента одинаковы, но крайний орнаментирован круглыми сверлеными отверстиями, а средний обработан зубчатой полоской.

Широкое распространение в Заонежье получили круглые колонки с выпуклой витой поверхностью. Их красивая рельефная форма, увлекающая своим стремительным и динамическим движением вверх, используется плотниками в самых различных ти-

⁴² См. И. Маковецкий. Памятники древней промышленной архитектуры в Прикамье. — «Сообщения Института истории искусств», № 4-5. М., 1954, стр. 141.

нах крылец и балконов жилых зданий. В XVII столетии она уже привлекала не только резчиков иконостасов, но и строителей Коломенского дворца. Центральное окно хором царя было украшено двумя витыми колонками, поставленными на резные фигуры животных.

Использование сложной, но выразительной конструкции для крыльца крестьянской избы — явление вполне закономерное; крыльцу всегда уделялось особое внимание и плотниками и владельцами дома, так как оно выявляло вход и было одним из главных элементов художественной композиции фасада. Архитектура крыльца говорила о стремлении зодчего сделать вход приветливым, как бы приглашающим войти в дом. При помощи крыльца зодчий умел органично связать внутреннее, относительно небольшое помещение избы с широким простором природы, постепенно замкнуть пространство при входе в дом и раскрыть его при выходе. Это особенно ясно воспринимается при подъеме по высоким лестницам северных крылец. Поднимаясь по ступеням, человек сначала ощущает над собой только навес крыши. Он видит раскрывающуюся панораму деревни, полей, леса. Верхняя площадка лестницы была точкой наибольшего охвата горизонта, однако зодчий незаметно замыкал открытую сторону крыльца, превращая ее в окна галереи. Он оставлял для движения лишь единственный большой проем входной

двери. Переступив порог, человек попадал в высокое, но затемненное помещение сеней и затем уже входил в избу или горницу, где дневной свет из небольших окон казался по контрасту с темными сенями достаточно ярким.

Стремление зодчего связать селение и отдельную постройку в единое и неразрывное целое с природой, показать ее с площадки крыльца, с галереи, из окон дома или церкви составляло одну из замечательных особенностей русского народного зодчества.

Выделение входа, создание постепенного подъема к основным помещениям, устройство крылец, площадок и галерей, с которых раскрывалось окружающее пространство, развивалось в деревянном зодчестве Севера последовательно. Это видно и в решении простой крестьянской избы в селе Брусенец, и в устройстве высокой одномаршевой лестницы в церкви села Кондопога, двухмаршевой — в церкви селения Юрома или полукруглой — в церкви погоста Лядины.

Эти черты были присущи и хоромным комплексам древней Руси. Многочисленные гульбища и вышки, чердаки и светлицы, башни и многоярусные повалуши (например, в хорамах села Коломенского) отвечали тем же задачам — шире раскрыть горизонт, включить в обиход повседневной жизни красоту окружающей русской природы.

ВОРОТА

В русском народном зодчестве ворота можно подразделить на три основные группы:

1) полевые ворота, возводимые на границах земельных угодий, на околицах деревень, в местах выгона скота;

2) усадебные ворота, служащие въездом на территорию усадьбы;

3) дворовые ворота, представляющие собой низкий проем в бревенчатой стене подклета дома или примыкающего к нему скотного двора.

В зависимости от своего назначения ворота имеют различные конструктивные и декоративные особенности.

Наиболее простым типом являются полевые ворота. Схематическое изображение таких ворот мы видим в миниатюрных рисунках, иллюстрирующих житие Зосима и Савватия (XVI век), в альбомах Мейерберга (XVII век) и др. Это два вкопанных в землю столба, связанных между собой сверху перекладиной — «прогоном». К одному из столбов при-

ставлена вращающаяся вертикальная стойка. Нижний конец стойки упирается в гнездо — «пяту» деревянной колодки, а верхний входит в круглое отверстие перекладины. Стойка несет полотно ворот из тонких жердей, прочно связанных одной вертикальной и одной диагональной планками (табл. 100).

Иногда стойка прикрепляется к бревну железными ободами или ивовыми прутьями; поворачиваясь вокруг своей оси, она вместе с полотном открывает и вновь закрывает проезжую часть дороги.

Для запора ворот устраивается задвижной брус, вертушка или наклонный шест. Последний изобретательно приспособляется плотниками для самозапираания ворот. Шест устанавливается перпендикулярно воротам, один конец его упирается в землю, другой — в полотно ворот. После проезда транспорта небольшой наклон столбов в сторону, противоположную движению створок, автоматически возвращает их на прежнее место. При закрывании верхний конец шеста отодвигается, и после того как створки

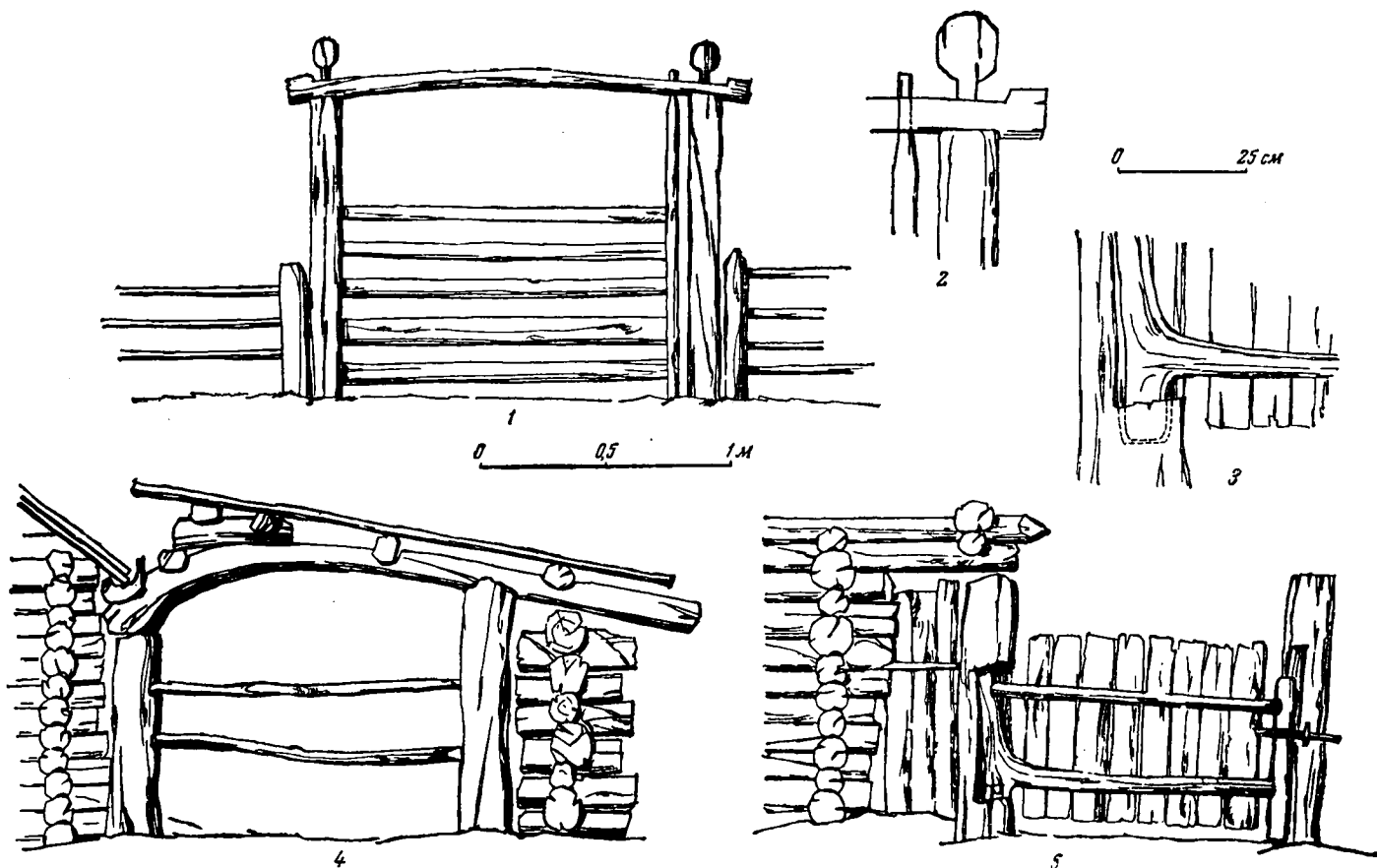

Табл. 10 Типы простейших деревянных ворот в северных селениях.

западут в четверть бревна, плотно их прижимает. Такой запор позволяет держать ворота всегда закрытыми и не дает возможности скоту проникать на обработанные участки земли.

Полевые ворота во всех случаях являются продолжением жердевых изгородей полей. Они выделяются высотой и прочностью своих вертикальных столбов, четко обозначая места проезда. Однако усложнение их конструкции не нарушает общей системы легких и полностью просматриваемых ограждений, живописно раскинувшихся на десятки километров вокруг деревень, вдоль дорог и рек, у лесов и перелесков, повторяя все изгибы рельефа местности. Изгороди с полевыми воротами («отводами») отделяли северную деревню от окружавших ее полей и огородов, подскотину от леса и лугов, улицу от реки и сада (табл. 101). В связи с этим выработались различные типы изгородей, применяемых в каждом отдельном случае. Косые и прямые жердевые изгороди защищали поля и луга от коров, лошадей и овец. Частокол и плетень из тонких кольев и гибких прутьев преграждали доступ домашней птице в огороды. Сплошной тын или забор из брев-

вен и пластин создавал глухую непроницаемую стенку в крестьянских усадьбах Сибири и Прикамья с их замкнутой застройкой двора.

Среди этих ограждений в северных областях наиболее широкое распространение получили изгороди из косых и горизонтальных жердей, очищенных от коры и ветвей. И в первом и во втором случае жерди крепились между попарно врытыми в землю вертикальными кольями, перевязанными гибкими ветвями ивы, березы, корнями можжевельника, корой ели. Для большей устойчивости к стойкам приделывались откосы из таких же кольев, образывавшие жесткую систему всей изгороди (фот. 82—86).

На лесных участках изгороди менялись чаще, поэтому жерди не шкурвились, ветви оставались полностью или обрубались в виде торчащих сучьев, что создавало дополнительное препятствие для проникновения скота за изгородь. И, наоборот, тщательно затесывались, «кантовались» жерди приусадебных заборов. При этом вертикальные колья заменялись столбами, а перевязь из прутьев — долблеными гнездами в стойках, верхняя часть которых художественно обрабатывалась плотниками (фот. 87).

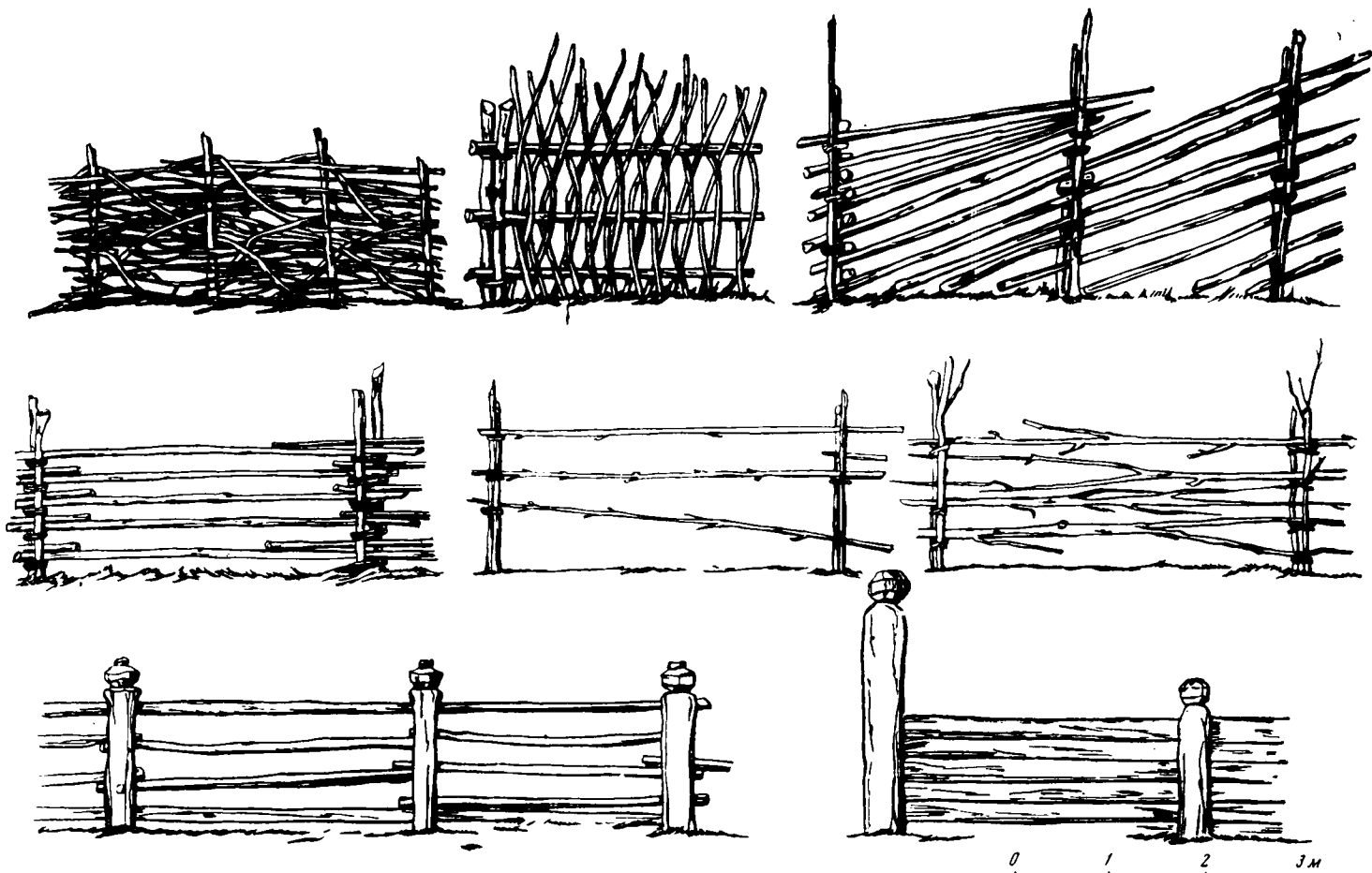

Табл. 101. Типы изгородей в северных селениях.

В некоторых случаях верхним концам столбов придавалась форма шара или пики, преимущественно у тех ворот, которые стояли непосредственно на околице деревни.

Наряду с открывающимися створками в системе полевых ограждений были ворота с задвигающимися жердями. Конструкция их также была предельно проста. В двух невысоких столбах на одном и том же уровне сверлился ряд горизонтальных отверстий. В эти отверстия вставлялись прямые жерди, закрывавшие проем. Никаких дополнительных запоров здесь не существовало. Своими размерами они не отличались от изгороди, и только направление дороги определяло их место в поле. И первая и вторая конструкция легли в основу и приусадебных ворот.

Усадебные ворота воздвигались там, где планировка крестьянского двора имела замкнутый характер. Широкое распространение такие ворота получили в Пермской, Кировской, Свердловской, в центральных и западных областях России, а также в Среднем Поволжье. Строительство усадебных ворот восходит к глубокой древности. Они неоднократно упоми-

наются при описании древнерусских хоромных и монастырских комплексов, воспеваются в народном эпосе, изображаются на миниатюрах.

Примером наиболее примитивного типа приусадебных ворот могут служить постройки в Пермской области. В них развиваются конструктивные приемы, сложившиеся в рассмотренных нами выше полевых воротах.

В селении Осиповка Белоевского района Пермской области ворота в усадьбу являются еще одностворными и служат как для проезда повозок, так и для прохода пешеходов. Здесь нет ни калитки, характерной для всех приусадебных ворот, ни кровли над ними. Вместо легких жердей уже пришить доски, составляющие глухую стенку, полностью закрывающую внутреннее пространство приусадебной территории (фот. 88).

Особый интерес вызывает конструкция этих ворот. Срубленный в лесу ствол ели с корневищем удачно применялся для наиболее ответственного сопряжения — крепления дверки ворот в вращающейся стойке. Ствол в корневищем с одной стороны за-

креплен в гнездах столба, а с другой — связан с досками обшивки, что исключает возможность осадки створки, создает надежную и в то же время простую конструкцию ворот.

В селении Сим Соликамского района Пермской области в воротах и прилегающем ко двору навесе использована задвижная система полевых ограждений. Два коротких столба с поперечными гнездами связаны между собой прогоном криволинейного очертания и перекрыты дополнительно двускатной кровлей; глухие бревенчатые стенки зажимают ворота с двух сторон, делая их неотъемлемой частью рубленых построек.

Однако наиболее широко распространенным типом приусадебных ворот является трехстолбовая конструкция, в которой большой въездной проем имеет две створки и малый пешеходный проем — одну. Именно такого типа деревянные ворота с тремя веревями дубовыми были в селе Коломенском до второй половины XVII столетия, когда их заменили новыми, каменными.

Такие же ворота в блестящих образцах древнерусского зодчества сохранились в Гороховце, Перемышле Калужской области, Павловом-Обнорском монастыре⁴³.

В народном зодчестве такие ворота получили исключительно выразительную форму в постройках Верхнего Прикамья, а также в деревнях, расположенных по берегам реки Вятки. Произведения вятских плотников, так же, как резчиков по дереву, гончаров и игрушечников, отличаются большой декоративностью. Эти черты народного творчества ярко проявились в архитектуре воротных построек.

Обычная трехстолбовая конструкция ворот прикрывалась здесь высокой двускатной кровлей. Верхняя перекладина, связывавшая столбы, подпиралась в углах дополнительными откосами. Все это коренным образом изменяло и общий силуэт ворот, и форму въездных проемов, создавало впечатление большой монументальности и прочности всего сооружения, надежно защищенного от дождя и снега далеко выступающими навесами. Массивные столбы ворот, откосы и перекладина давали возможность резчикам по дереву показать свое мастерство, создать разнообразные резные композиции.

По технике исполнения и мотивам орнаментации можно выделить два основных вида резьбы на воротах: плоско-рельефную резьбу, с геометрическим характером рисунков, и объемно-рельефную, с выявлением архитектурных форм.

⁴³ Ворота из Перемышля и Павлова-Обнорского монастыря перевезены в музей Коломенское.

Стремясь создать наибольшее разнообразие в приемах художественной обработки дерева, мастер часто использовал и другие виды резьбы, например сквозную прорезь, пропиловку и накладные элементы. Однако все они были лишь дополнительными средствами усиления художественной выразительности основной резной композиции.

В творческом арсенале вятских резчиков, как правило, отсутствовал растительный орнамент из цветов и листьев, а также изображения птиц, животных и мифологических существ, столь широко применявшиеся в народном зодчестве соседних областей, особенно Верхнего Поволжья. В орнаменте вятской плоско-рельефной резьбы, незначительно врезанном в глубь поверхности дерева, преобладали геометрические фигуры — круг, ромб, прямоугольник, треугольник. Мастер строил свою композицию прямыми линиями, дугами, сегментами, секторами, нанесенными при помощи простого циркуля. Он компоновал прямые линии параллельными или вертикальными рядами, пересекал их в виде пучка расходящихся лучей, ломал в мелкой узорной кайме по краю стойки, перекладины и откоса.

Примером оформления несущих столбов одними прямыми линиями могут служить ворота в селе Воробы Шурминского района Кировской области. Мастер сделал основной акцент всей резной композиции на пересечениях зарубок. Между ними он ввел горизонтальные полосы, расположив их различно на нижней, верхней и средней частях столба, то в учащенном, то в замедленном ритме. Ровная поверхность могучих стволов дерева получила своеобразную игру светотени (табл. 102, фот. 90).

Однако элементарные зарубки характеризовали лишь одну из ранних стадий развития резного орнамента на воротах. Неглубокие простые бороздки заменялись в дальнейшем профилированными тягами или длинными полосами из отдельных выемок (поготков и лунок). Вместо прямолинейных порезок вводились круги-розетки, получавшие сложную, многорядную центрическую композицию.

Иногда мастер ограничивался только одной такой розеткой на стойке, иногда он повторял ее дважды и трижды, создавая сплошной резной ковер на всей плоскости воротных столбов (фот. 92—94). Несмотря на отсутствие резьбы на верхних элементах ворот, они становились нарядными, резко выделялись на спокойной бревенчатой застройке передней линии крестьянской усадьбы, четко выявляли главный вход и въезд в дом.

В тех же вятских деревнях мы встречаем и противоположный прием украшения ворот. Гладкому

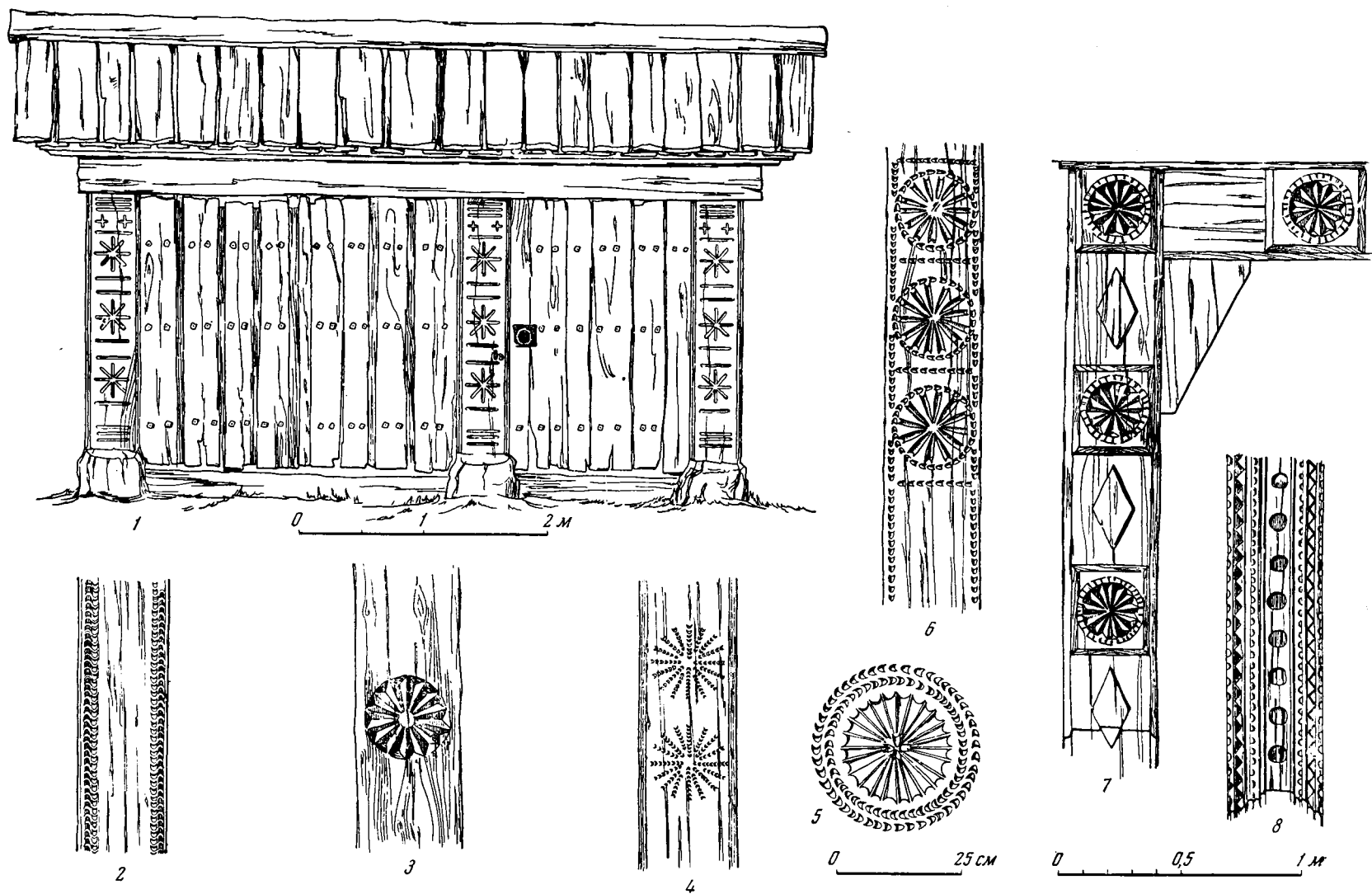

Табл. 102. Ворота с геометрическим орнаментом в селениях Кировской области.

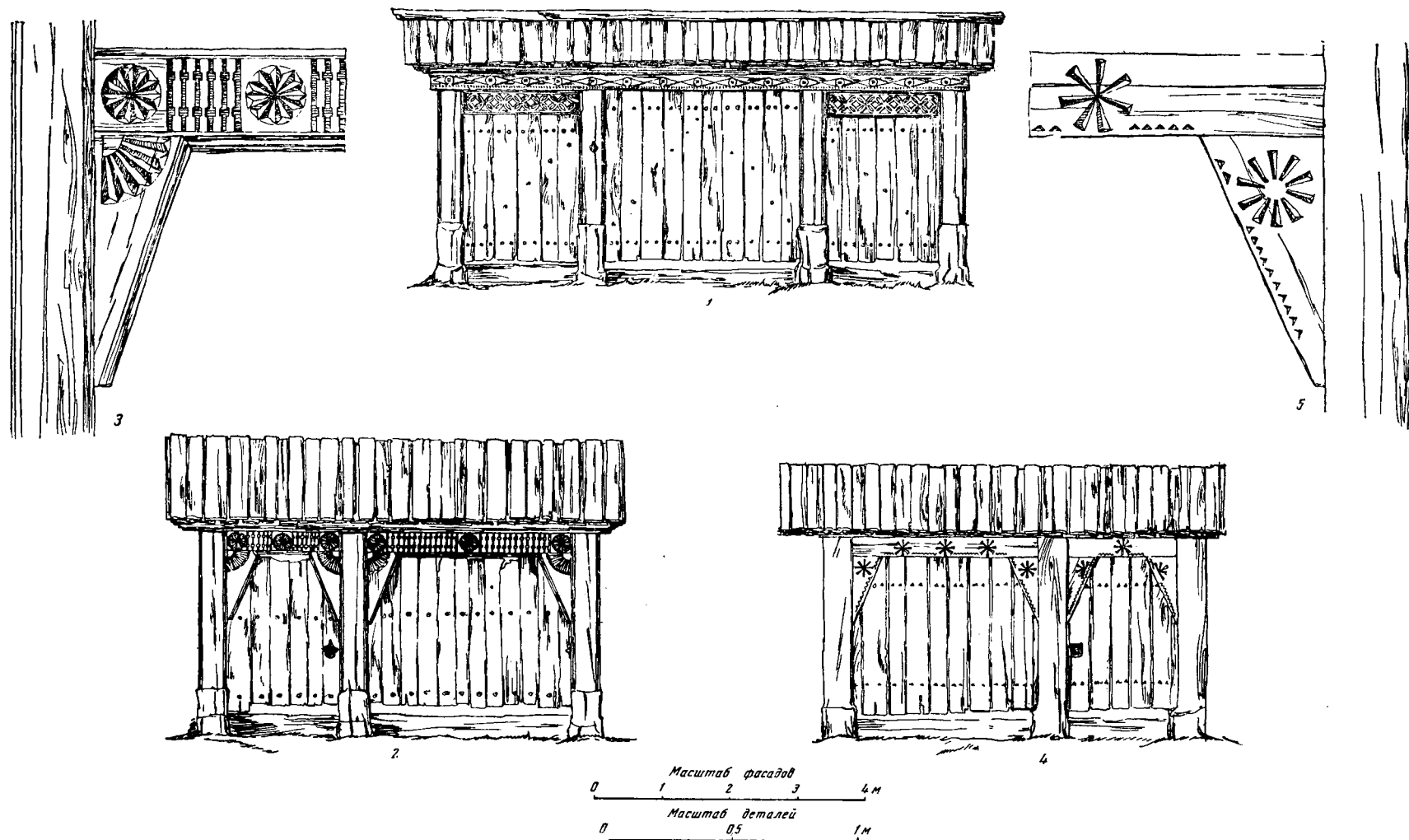

Табл. 103. Ворота со сквозными решетками в селениях Кировской области.

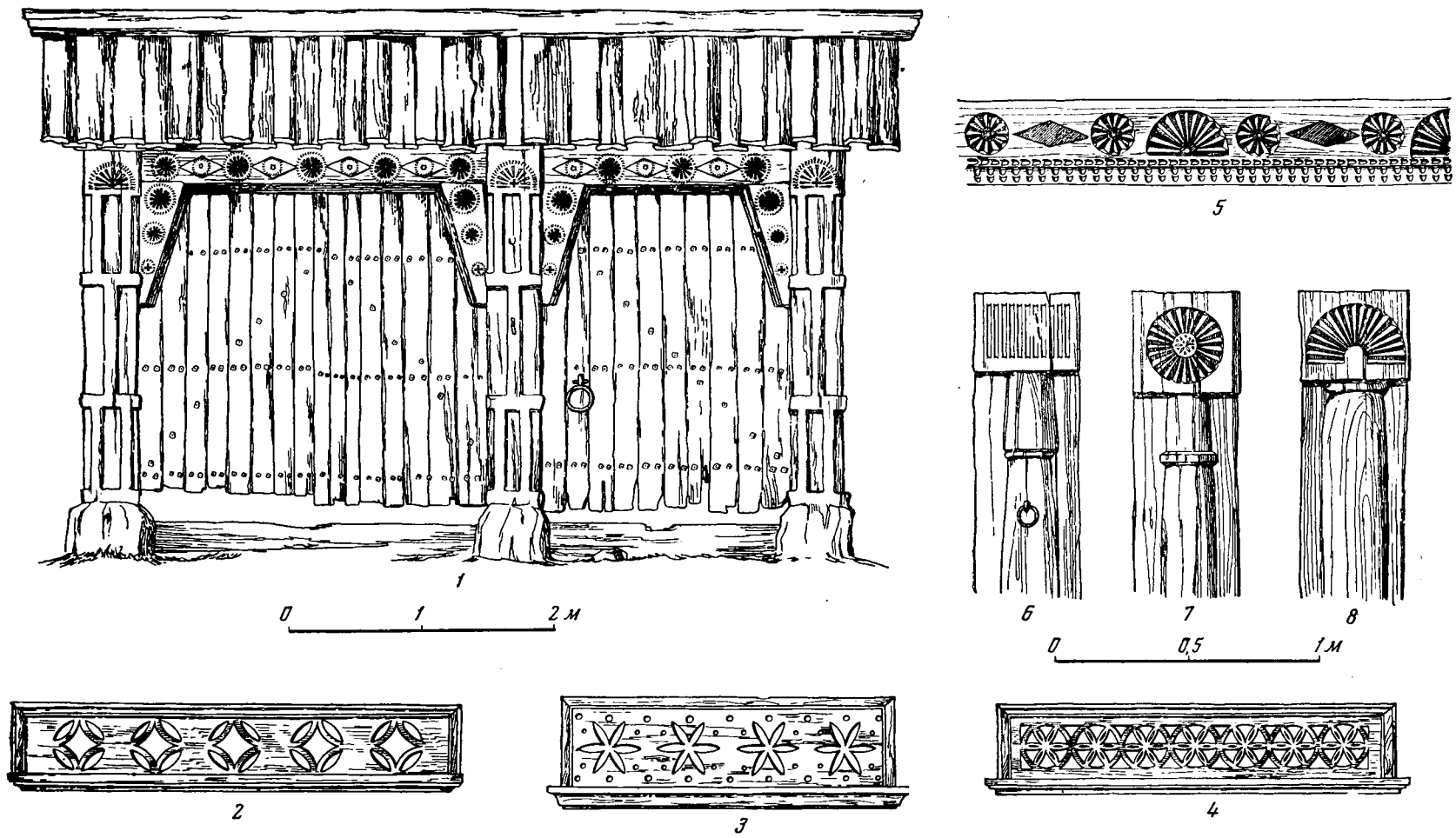

Табл. 104. Ворота с рельефной резьбой в селениях Кировской области.

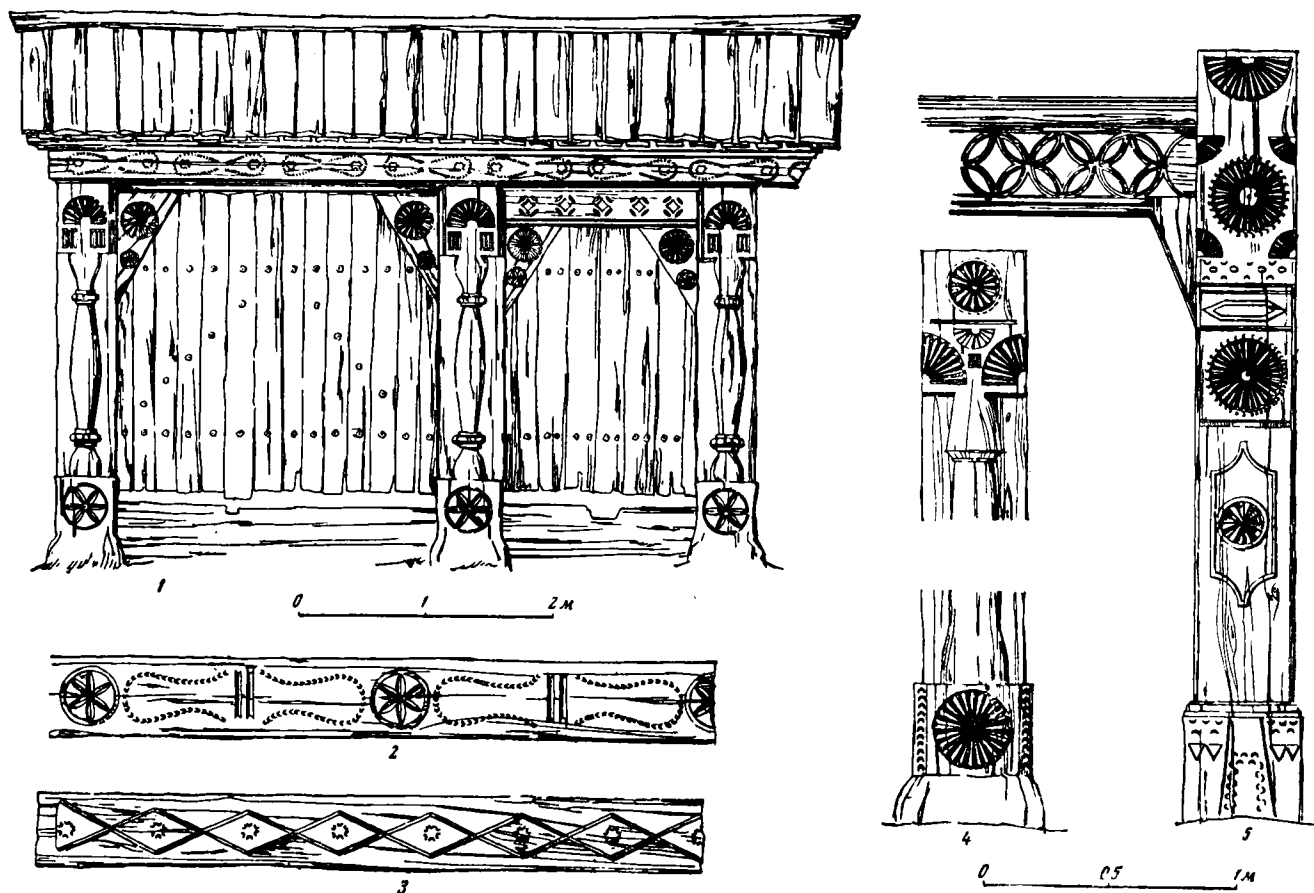

Табл. 105. Ворота с рельефной и сквозной резьбой в селениях Кировской области

фону столбов противопоставляется резьба на венчающих частях конструкций (табл. 103). При этом новое местоположение орнамента, естественно, позволяет найти, при использовании тех же геометрических фигур, и новые резные композиции. Верхняя перекладина приобретает здесь значение богатого резного фриза, объединяющего все членения сооружения в единое художественное целое. В одном случае мастер заполняет ее поверхность непрерывным узором из вытянутых ромбов или вводит во всю длину полосу легкой сквозной решетки, в другом — создает величественное созвездие из редко поставленных розеток, из которых крайние незаметно переходят на грани откосов и почти замыкают с трех сторон въездные проемы.

Значительно отличается от первого второй прием художественной обработки воротных столбов при технике объемно-рельефной резьбы (табл. 104—106, фот. 98—100). Глубокой выборкой фона мастер достигает четкого трехмерного выявления архитектурных форм. Основным мотивом этой резьбы служит приставленная к стойке полуколонна со своеобразной художественной трактовкой всех ее

элементов. Полуколонна вырезается в виде полукруглого ствола, несколько утолщенного в средней части. Под колонкой квадратная плоскость воротного столба дополнительно украшается резчиком. В центре ее он помещает круг-розетку, а по кромкам углов делает узкие орнаментальные полоски. Наибольшее его внимание сосредоточивается на венчающей части ворот. Как бы развитием колонки являются заполняющие всю ширину столба резные круги, полукружия, гофрированные прямоугольники. Они воспринимаются как неожиданно распустившийся цветок, стеблем которого служит самая колонка.

Нет сомнения, что зодчий заимствовал эти формы из городской архитектуры. Здесь можно было бы обнаружить все элементы ордера: колонку с базой и капителью, антаблемент и постамент. Однако мастер не стремился их повторить; наоборот, используя систему этих членений, поняв ее закономерности, он создал свою собственную композицию со специфической для дерева пластикой и масштабностью, с неповторимой гармонией форм. Подлинная красота произведений народного зодчества именно и заключается в живом отражении образов окружа-

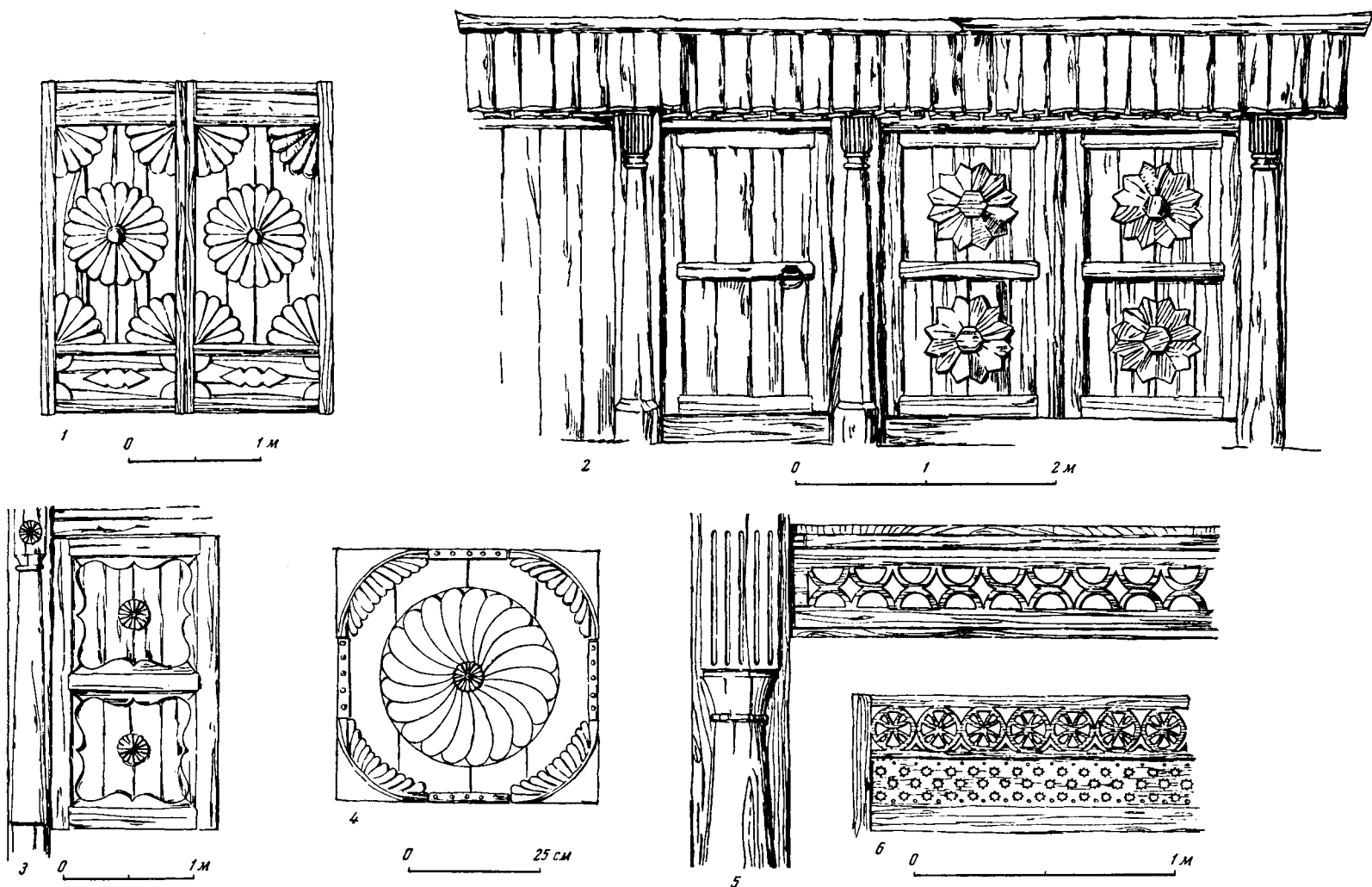

Табл. 106. Ворота с рельефной и сквозной резьбой в селениях Пермской области.

ющей действительности, в простом и умелом воплощении непосредственных жизненных впечатлений в строительной практике.

Введение колонок в архитектуру ворот было свойственно не только вятским плотникам, оно было характерно также и для народного зодчества Верхнего Прикамья и Среднего Поволжья.

В каждой местности эти элементы обладали различными композиционными особенностями и различной техникой исполнения. В Прикамье полуколонки возводились на всю высоту несущих столбов и приобретали масштабы реально стоящей колоннады. Однако весьма условную форму имели капители, состоящие из ряда неглубоких вертикальных желобков.

В Среднем Поволжье, наоборот, капитель выполнялась резчиком почти скульптурно по размерам и характеру многоплановой резьбы и приближалась к своим белокаменным прототипам, сохранившимся

на стенах древних суздальских и владимирских соборов.

Важно отметить, что во всех случаях эти элементы выполняли только декоративные функции, являясь украшением главного фасада ворот.

Усадебные ворота, как правило, имели два проема — въездной и калитку. Однако стремление восстановить равновесие и в этом небольшом сооружении заставляло плотников иногда прибегать к устройству третьего, ложного проема, который всегда оставался закрытым и обычно наглухо забитым. Дополнительный проем получал такую же художественную обработку, как и первый. Ворота как бы раздвигались, становились шире. Симметрия придавала им особую стройность и торжественность, необходимую для главного въезда в усадьбу.

В северном доме-дворе, где отсутствовала открытая и замкнутая по периметру планировка усадьбы, ворота строились непосредственно в бревенчатой сте-

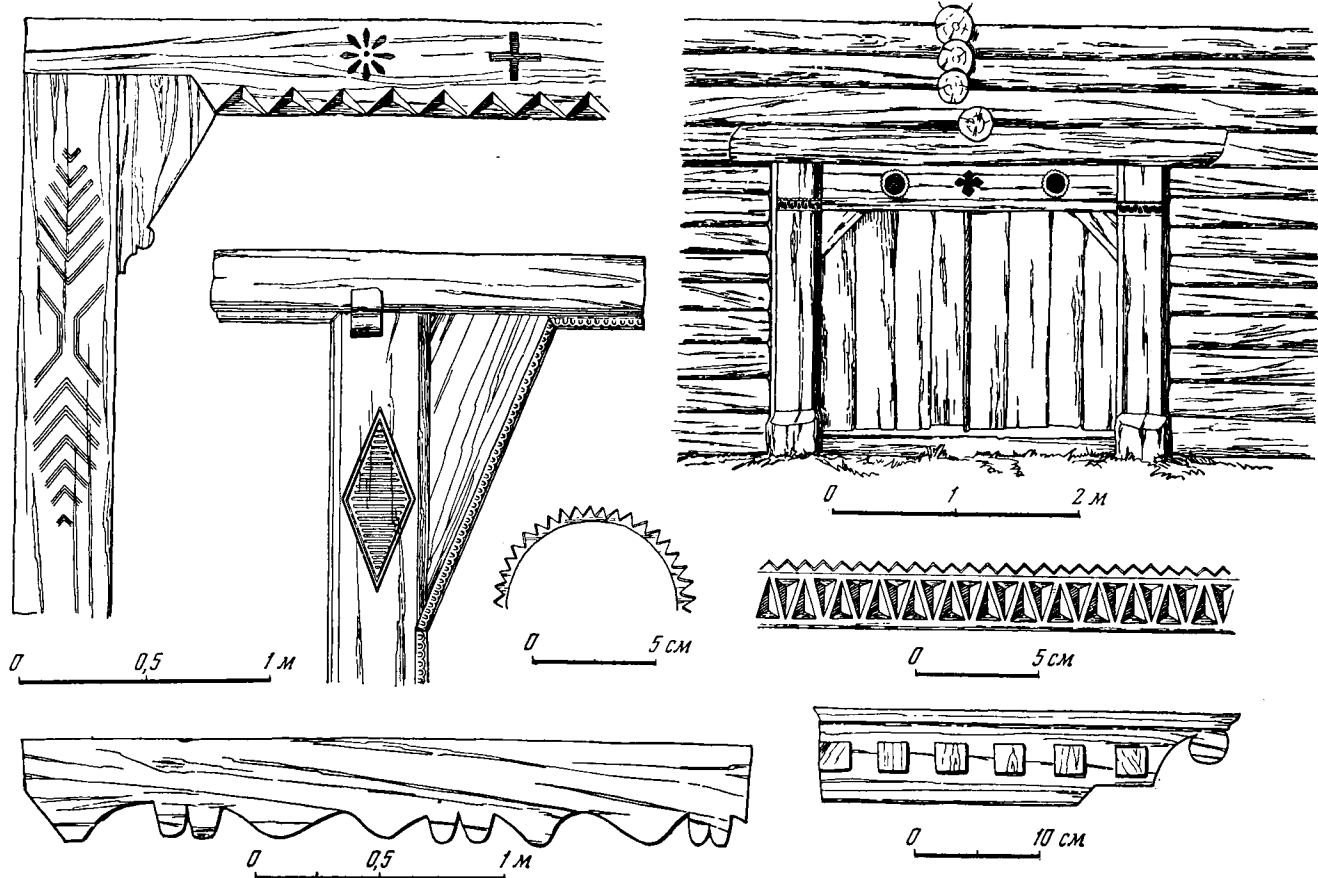

Табл. 107. Приемы орнаментации ворот в селениях Архангельской области.

не двора, расположенного за сеньями, примыкающими к избе. Ворота устраивались и в первом, и во втором этаже двора. Нижние ворота служили для прохода скота, вывоза навоза и въезда во двор повозок и саней; они делались обычно на боковой стене и выходили в проулок. Ворота второго этажа использовались для завоза сена на поветь (сарай). Огромный бревенчатый помост (взвоз) соединял их с землей. Местоположение этих ворот было различно (фот. 101—103).

В постройках Прионежья ворота всегда строились с передней стороны, и въезд в них был возможен с главной улицы деревни. В мезенских селениях такие ворота делались всегда с задней стороны двора, с дополнительной площадкой для облегчения въезда. На берегах Северной Двины они устраивались сбоку.

В зависимости от своего назначения, ворота имели различную конструкцию. В первом этаже проем был ниже; его высота определялась габаритами обычной повозки и ростом лошади с упряжью (дугой). Проем ворот второго этажа должен был пропускать огромные возы сена и поэтому значительно увеличивался в своих размерах. Как правило, перекрытие верхних ворот было трехгранным или овальным, нижних —

чаще всего прямолинейным, балочным (табл. 107—108).

Различны были также принципы художественной обработки элементов ворот. Трехгранное завершение верхних ворот требовало тщательного прикрытия места косого стыка бревен и воротной колоды. Зодчие использовали для этого обычные подзорные доски с той же орнаментацией, что и на кровле. Это прочно объединяло в стилевом отношении венчающие части дома и двора, т. е. все те части построек, которые были видны издали почти одновременно.

Нижние ворота имели самостоятельный орнамент, состоявший из отдельных редко расположенных декоративных элементов в виде резных крестов, звезд, розеток. При овальном или полуциркульном завершении ворот кривая линия проема создавалась путем выборки древесины в верхней балке и угловых откосах.

В центре и по бокам проема мастер оставлял гроздь валиков, обогащая этим силуэт ворот. Иногда на воротных столбах наносились неглубокие порезки, имитирующие ветви елок или составляющие простые геометрические фигуры. Однако при всем этом

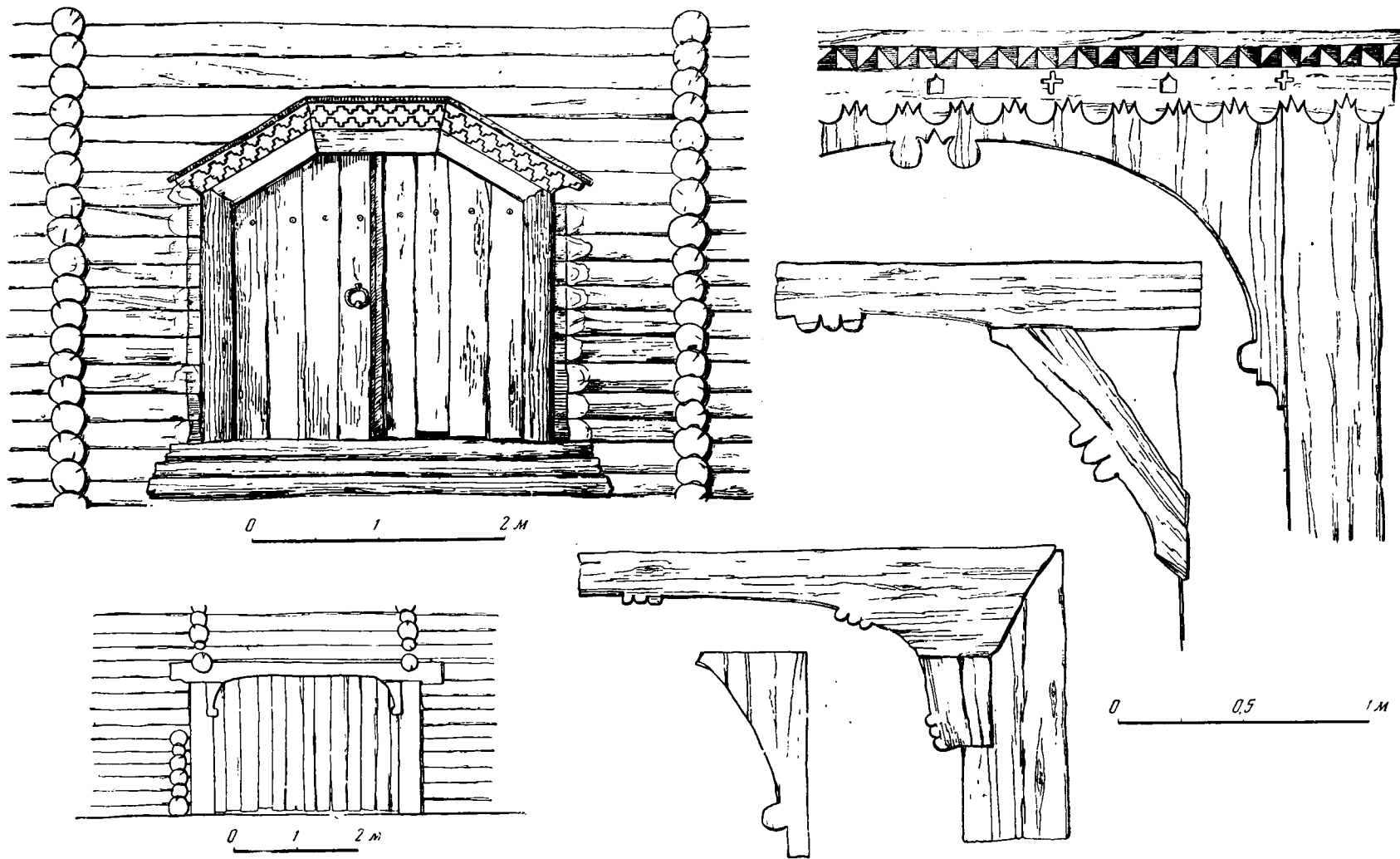

Табл. 108. Приемы орнаментации ворот в селениях Архангельской области.

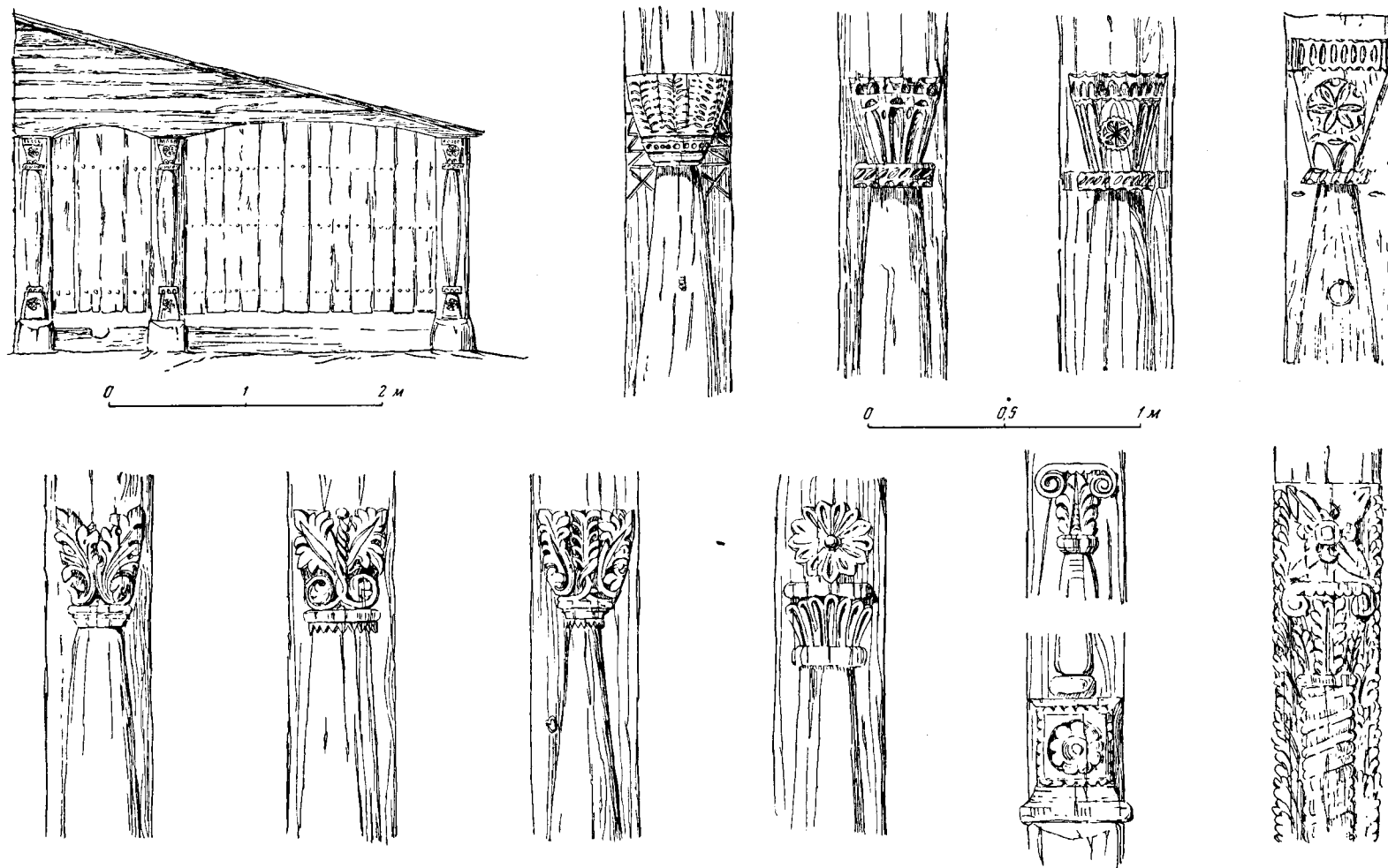

Табл. 109. Типы обработки воротных столбов в селениях Поволжья.

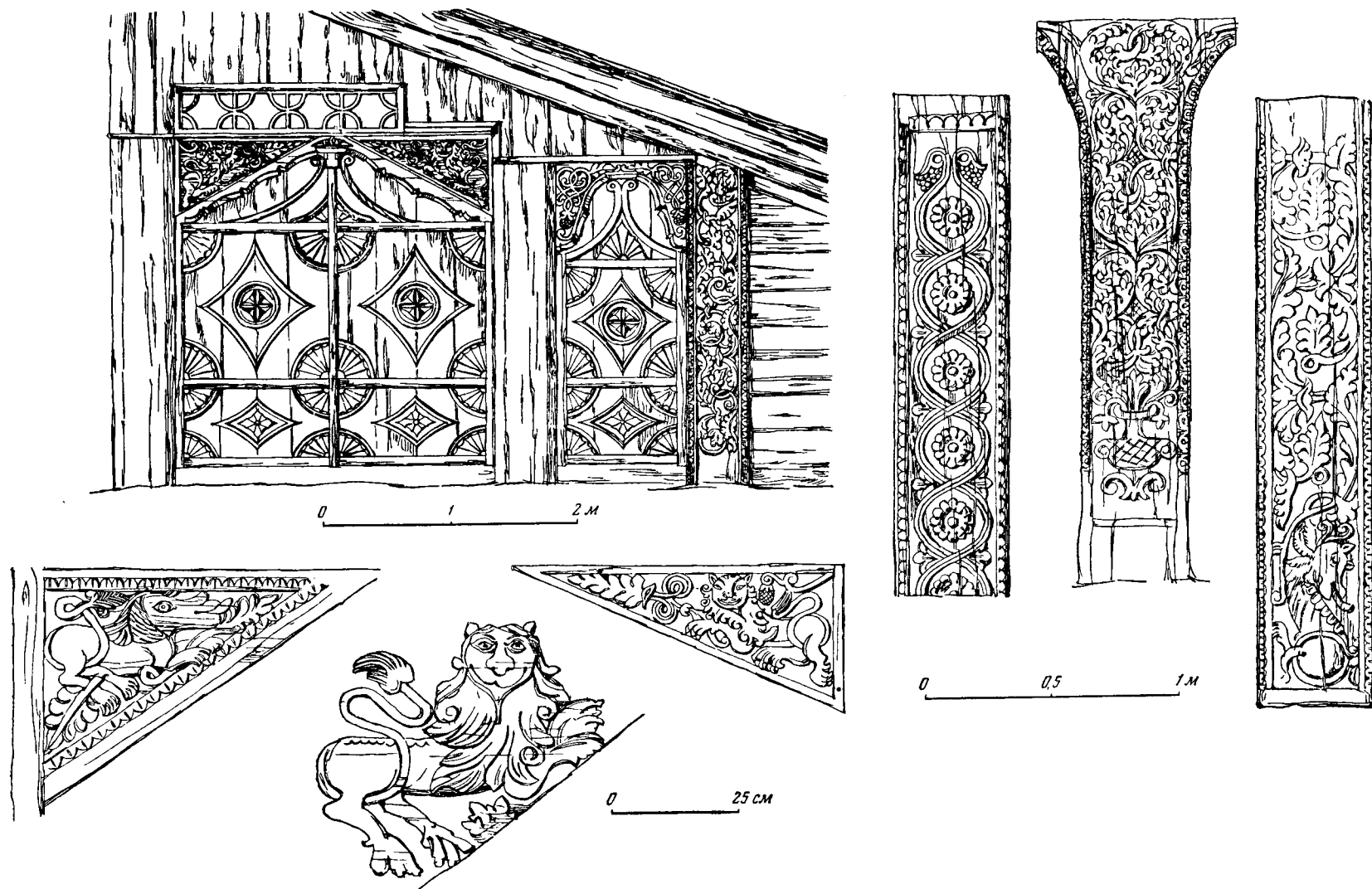

Табл. 110. Рельефная резьба на воротах в селениях Поволжья.

северные плотники не придавали особого значения декоративному оформлению ворот, так как ворота являлись органической частью бокового фасада двора и увидеть их можно было только с проулка.

Совершенно иные приемы в этом отношении наблюдаются в народном зодчестве Верхнего Поволжья. Двор здесь располагался рядом с избой. Он объединял не только помещения для лошадей, крупного и мелкого скота, но и ряд хозяйственных построек, например, погреб и баню.

По своему назначению двор делился на две части: белый и черный, скотный. Первый выстилался деревом или лещадью, второй обычно покрывался соломой. С главной улицы во двор вели ворота, обработанные, как и весь фасад дома, глухой долбленой резьбой. С противоположной стороны находились задние ворота, через которые осуществлялось все хозяйственное обслуживание двора и избы. На белом дворе стояли сани и телеги, хранилась сбруя, на заднем дворе — небольшие запасы корма (сено, солома).

Стоявший на одной линии с избой двор имел прямой въезд с проходящей по селению дороги. Это было удобно, особенно в ненастные осенние и снежные меся-

цы. Заезжая во двор, крестьянин спокойно распрягал под навесом лошадь, оставлял тут же сбрую и повозку.

Двухрядная застройка усадьбы вызывала своеобразную асимметричность фасада. Развернутый фронт построек (изба, ворота, погреб) объединялся общей крышей в единый комплекс, что позволяло создавать выразительные и яркие архитектурные композиции и широко применять орнаментальные украшения.

Особое значение приобретали выдвинутые на передний план въездные ворота. Казалось, вся творческая изобретательность приволжского резчика была сосредоточена на их художественной обработке. Как в былинах, сказках и песнях, здесь присутствовали и особенные птицы, фантастические звери, и необыкновенные цветы и растения. На верях и причелинах ворот можно было увидеть изображения и хищных львов, напоминающие резные украшения древних каменных храмов Владимиро-Суздальской Руси, и увлекательных сирен — девушек с рыбьим хвостом и кудрявыми волосами, держащих в руках ветку аканта, и живой растительный орнамент, в сложной, захватывающей композиции покрывающий всю плоскость столба или створок (табл. 109, 110, фот. 104—110).

АМБАРЫ

Помимо жилья и помещений для скота (двора), на территории усадьбы находится ряд подсобных сооружений, необходимых для завершения цикла сельскохозяйственных работ и удовлетворения повседневных нужд крестьянской семьи.

Для сушки и обработки снопового хлеба строятся гуменики, овины, риги, для хранения зерна после обмолота возводятся житницы, или амбары, запасы сена складываются в сеновалы и сараи, продукты питания берегутся в ледниках и погребах. Для одежды и утвари отводятся сенники и чуланы, для изготовления муки, круп, растительных масел сооружаются ветряные и водяные мельницы.

В комплекс усадебных построек входят также бани, колодцы, навесы. Почти в каждой деревне существуют кузницы. В приозерных и поморских селениях имеются специальные помещения для хранения рыболовных снастей, а в лесных районах — смолеварни.

Все эти многочисленные крестьянские постройки различны и по своему расположению относительно жилых зданий, и по своей архитектуре, конструкциям, внутреннему оборудованию.

При однорядной связи дома и двора, характерной для северных областей, все подсобные постройки ставятся отдельно, часто выносятся на околицу деревень

или располагаются против окон дома на противоположной стороне проезжей дороги. При двухрядной связи значительная часть построек объединяется под одной крышей. Так, в крестьянском дворе Верхнего Поволжья рядом с избой находятся ледник, баня и помещение для скота.

При открытой, но замкнутой планировке усадьбы, характерной для Верхнего Прикамья, берегов реки Вятки, Среднего Поволжья и других районов, за пределами двора строились только бани, овины и мельницы.

Мы не имеем возможности дать подробную характеристику всем этим разнообразным типам сооружений и остановились только на тех, которые представляют наибольший исторический и художественный интерес для изучения типологических особенностей развития русского народного зодчества.

К числу таких сооружений необходимо прежде всего отнести амбары и мельницы.

Амбар («житница») — строение, предназначенное для хранения зерна, основного богатства крестьянина. В закромах амбаров хранились годовые запасы хлеба для питания семьи, для весеннего посева, для продажи на рынке. «Какое в амбаре, таково и в кармане», — гласила народная поговорка.

Расположению амбаров и их конструктивным осо-

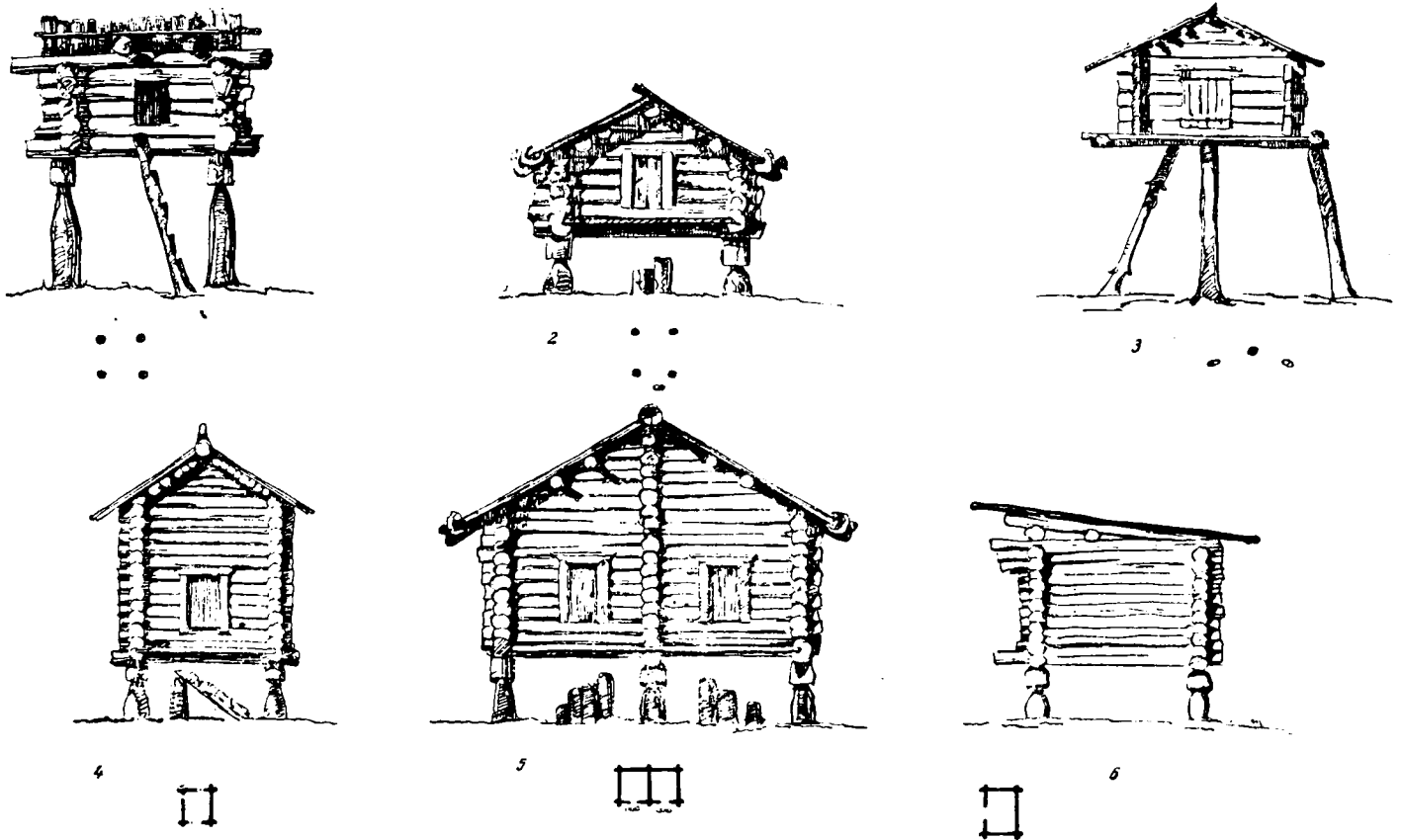

Табл. 111. Амбары на столбах.

бенностям в народном зодчестве уделялось большое внимание. Амбары строились всегда в стороне от жилых и производственных сооружений, которые могли явиться источником пожара. Чтобы владельцы могли вести постоянное наблюдение за ними, амбары ставились перед окнами изб, «на глазах».

Несмотря на многие общие для всех амбарных сооружений конструктивные особенности, северные плотники создали исключительно большое их типологическое разнообразие.

Среди северных деревянных амбаров четко выделяются следующие их разновидности:

- 1) амбары на столбах;
- 2) амбары на срубках;
- 3) амбары с открытым предместьем и навесом;
- 4) амбары с крытыми галереями;
- 5) двухэтажные амбары.

Наиболее примитивной и одной из древнейших форм складских помещений являются постройки на столбах (табл. 111). Они сохранились до нашего времени в таежных районах по рекам Вишере, Пинеге (фот. 111, 112).

Конструкция таких сооружений удивительно проста и, видимо, восходит к первобытным человеческим хижинам, возводившимся на деревьях. На окраине

леса выбирались три-четыре близко расположенные ели, их стволы обрезались на одном уровне и сучья обрубались. Получались прямые столбы, прочно связанные с землей своими могучими корнями. Они и служили опорой для небольшой клетки под односкатным или двускатным покрытием. Высокий подъем этой клетки (до 4 м) делал ее недоступной для хищных зверей, змей и грызунов. Подобная клетка представляла собой сухое и безопасное складское помещение.

На Вишере такие помещения использовали для хранения пушнины, в Сибири — для запасов продуктов. Житницей, в полном смысле этого слова, они еще не являлись и были мало удобными для этих целей из-за своей большой высоты и малой вместимости клетки.

Однако принцип использования для складских сооружений высоких столбовых опор был широко воспринят северными плотниками и до настоящих дней применяется в селениях Беломорского бассейна. Наиболее характерным примером таких построек могут служить амбары в деревне Шардомень Карпогорского района Архангельской области. Амбары здесь группируются на окраине селения вдоль дорог, идущих в хлебные поля. Они составляют целые

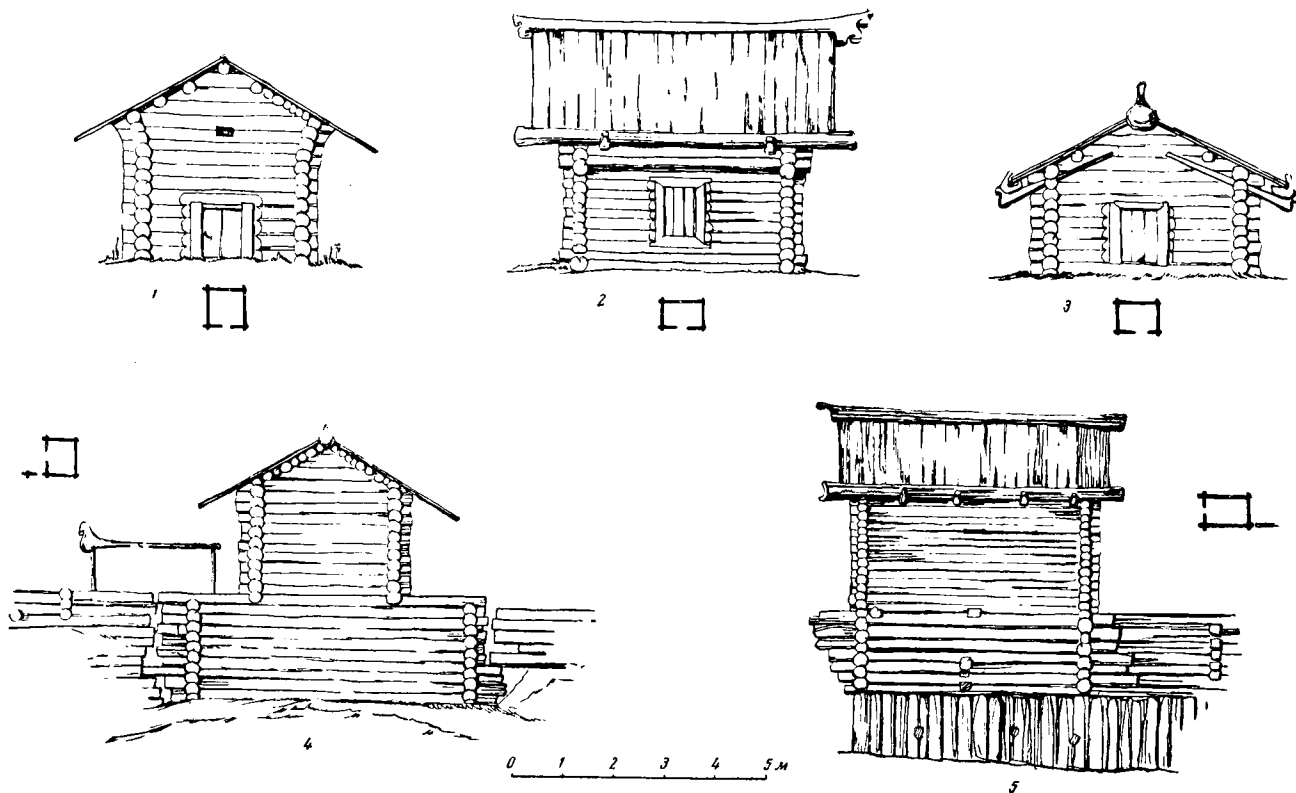

Табл. 112. Амбары в северных селениях.

улицы. Иногда они выстраиваются по прямой линии, с четкими интервалами между постройками, иногда свободно и живописно располагаются по склону холма, кольцом охватывая край деревни. Строна бревенчатого сруба шардоменского амбара редко превышает 2,5 м при такой же его высоте. У каждой стены отгорожены досками закрома для зерна. Амбары приподняты от земли на 70—90 см. Столбовым опорам придается специальная форма в виде одного или двух усеченных конусов с горизонтальными площадками, преграждающими путь грызунам. Таких столбов у амбара обычно делается четыре (под каждым углом).

В тех случаях, когда амбары строятся пятистенными или с перерубами (внутренними дополнительными стенками), соответственно увеличивается и количество опор, поддерживающих места врубki бревен.

Перед дверями амбаров устраивались своеобразные лестницы для входа в помещение. Конструкция их была такой же элементарной и древней, как и самый принцип возведения складских сооружений на высоких стволах деревьев. В одном случае она состояла из ряда врытых в землю последовательно возрастающих по высоте столбиков, в другом — из

одного столба, служившего опорой для наклонного бревна с крупными зарубками, имитировавшими ступени. Все эти приспособления значительно облегчали подъем людей с грузом в амбар.

Ко второму типу амбаров можно отнести постройку на бревенчатых срубах, вытеснившую почти повсеместно первобытную столбовую конструкцию (табл. 112, фот. 113, 114).

Использование для опорной части здания тех же горизонтальных венцов, из которых были сложены его стены, — прием, широко распространенный в деревянном зодчестве. Избы, солеварни, церкви и острожные башни с древнейших времен возводились на глухих бревенчатых срубах-подклетах. Устойчивость и простота такой конструкции была очевидна для плотников, поэтому подавляющая часть амбарных построек, независимо от их высоты и общих габаритов, принадлежит к этому типу сооружений.

В мезенских деревнях одновременно существовали и низкие, приземистые амбары с основанием из трех венцов, необходимых для крепления пола, и большие амбары-башни, поставленные на мощный высокий сруб из 12—17 бревен, часто превышавший по высоте размеры главного складского помещения. Прочность конструкции такого основания позволяла плотникам

Табл. 113. Амбар в селе Юрома Лешуконского района Архангельской области.
Рисунок Т. Лапиной

сделать его важнейшим звеном подпорной стенки, предохранявшей берега Мезени от оползней в период бурного весеннего половодья.

Мезенские амбары представляют собой квадратные бревенчатые клетки с прямыми фронтонами, далеко свисающими скатами крыш, большими водосточками, причудливыми курицами и тяжелыми охлупьями, венчающими здание (табл. 113).

Амбары на срубах не были изолированы от земли так, как это делалось при столбовой конструкции. Они располагались вблизи жилья, и кошка, для которой в дверях амбара прорезывали специальное отверстие, видимо, успешно вела борьбу с грызунами.

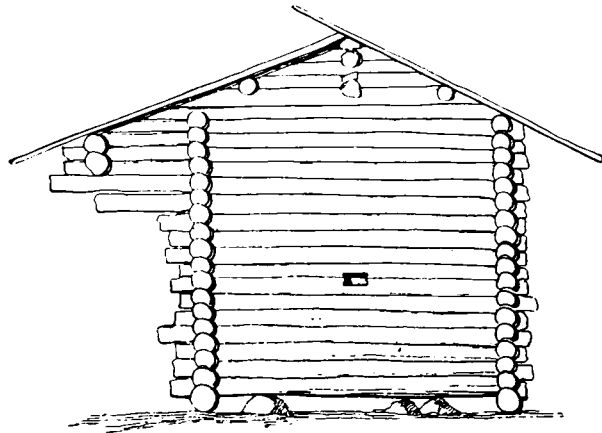
В редких амбарах были устроены входные лесенки, приставленные непосредственно к порогу двери. По своей конструкции они повторяли в миниатюре крестьянскую избу, потерявшую ненужные в этом случае окна, печь и внутреннюю обстановку жилища.

Специфические черты амбарных сооружений наиболее четко выявились в последующих типах построек. Усложнение формы амбаров выразилось прежде всего в появлении предместья и навеса на лицевой стороне здания.

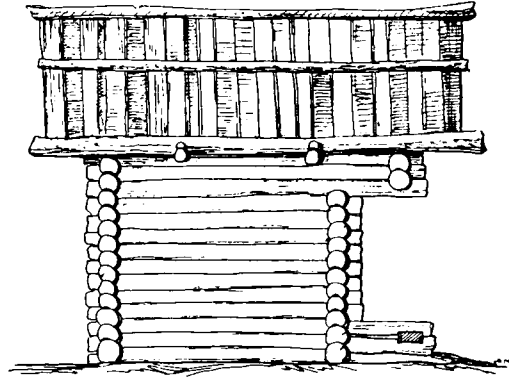
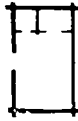
Предместье (площадка перед входной дверью) устраивалось на пропусках нижних бревен боковых стен и бревенчатой стенке, выступающей вперед от дверного порога на 60—70 см по всей длине главного фасада. Над открытой площадкой устраивался навес путем удлинения верхних венцов сруба. Таким образом, и площадка и навес были конструктивно связаны с бревенчатыми стенами амбара и не нарушали монолитной и замкнутой структуры всего сооружения (табл. 114).

Появление их было вызвано стремлением создать наибольшие удобства при загрузке амбара зерном. Наличие площадки позволяло брать мешки с повозки и переносить их в закрома на одном и том же уровне, не поднимаясь по лестнице. При необходимости их можно было временно оставлять на сухом и высоком настиле площадки. Верхний навес защищал людей и зерно от атмосферных осадков, а также прикрывал открытую дверь амбара, предохраняя от проникновения в помещение дождя или снега.

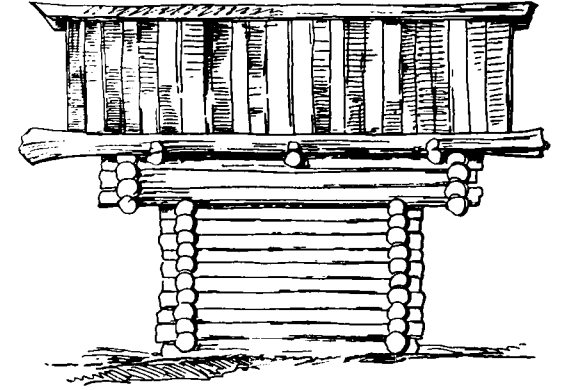
Вместе с тем амбар потерял прежнюю симметрию и спокойный прямолинейный силуэт. Выступающие

1

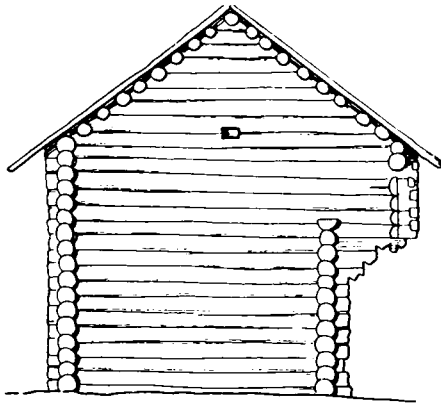
2

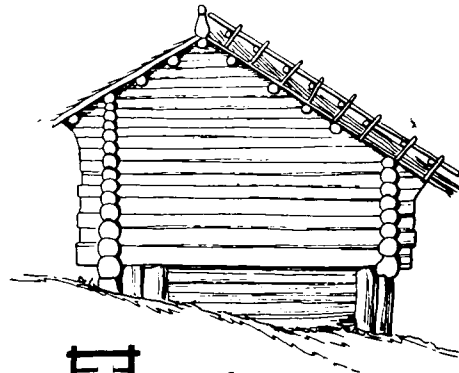
3

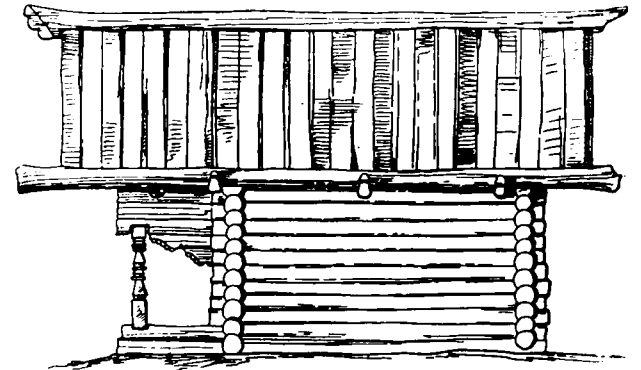
0 1 2 3 4 5 м

4

5

6

Табл. 114. Амбары с навесом.

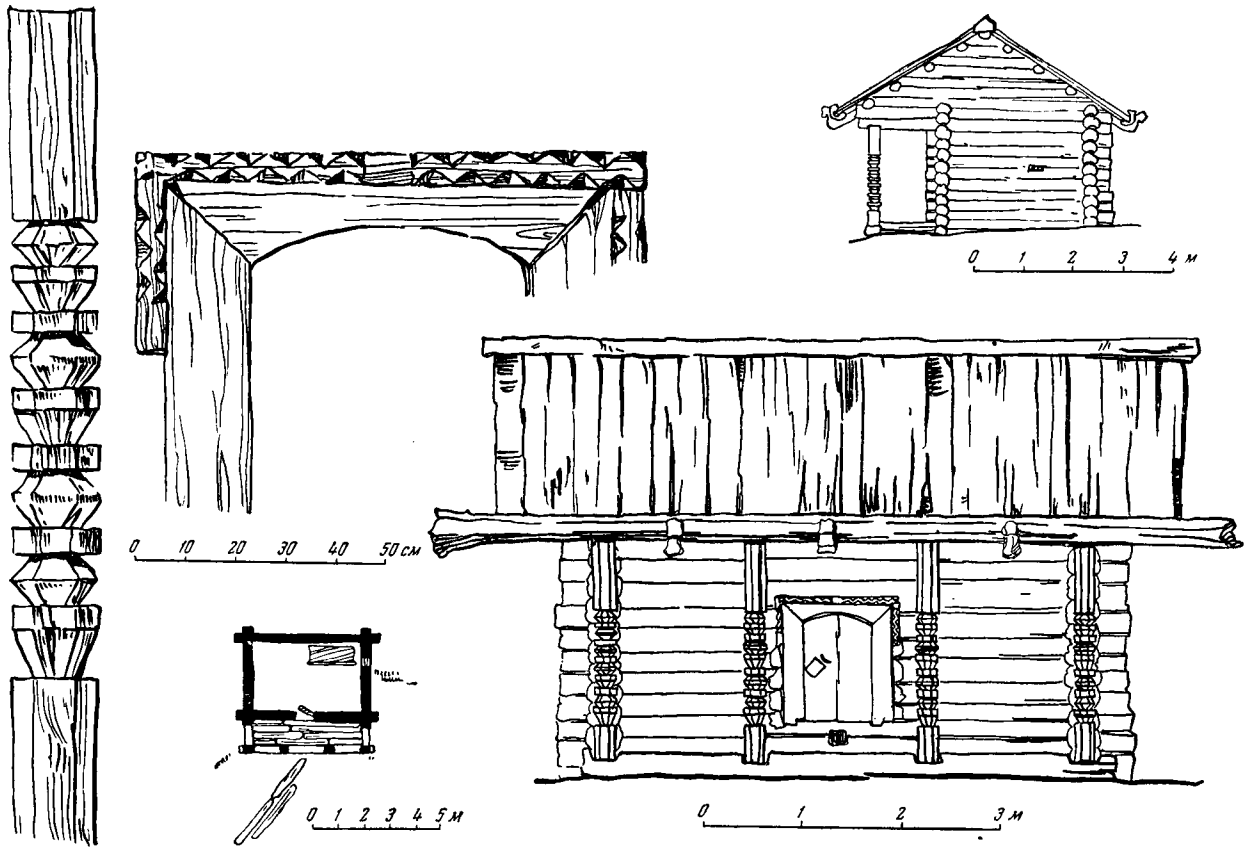

Табл. 115. Амбар в селе Булыкино Чарозерского района Вологодской области.

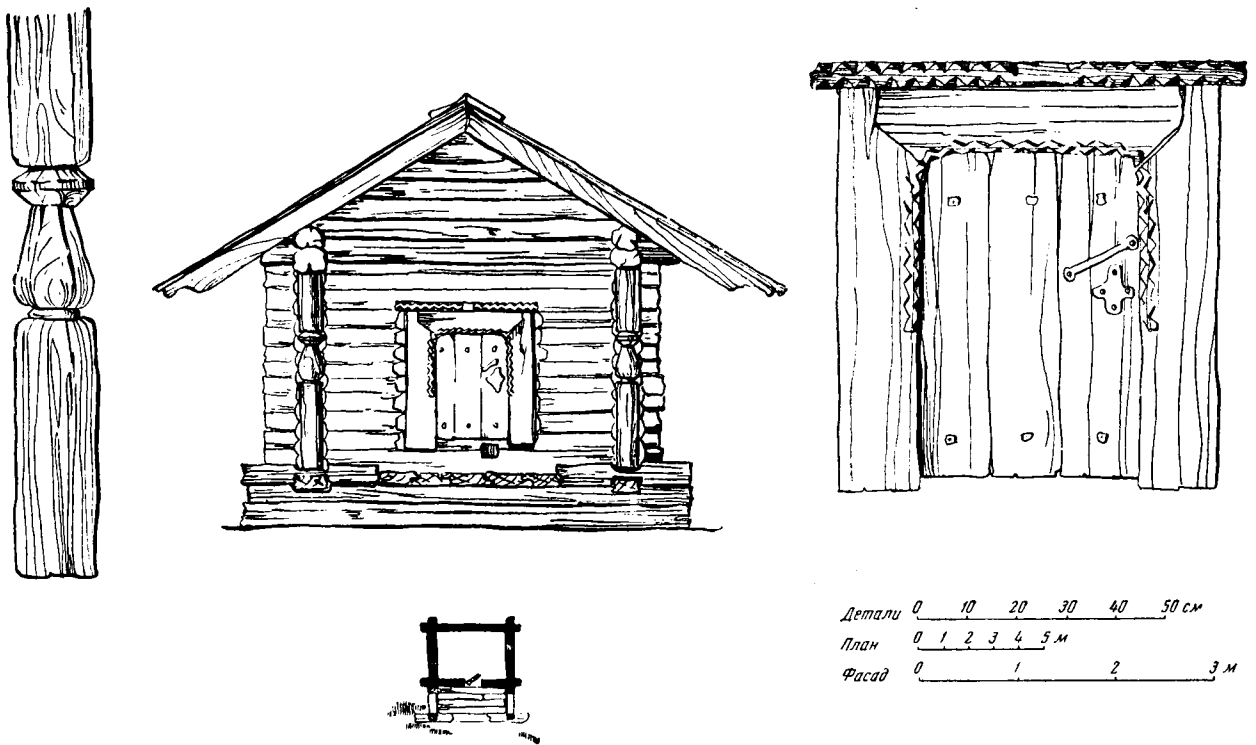

Табл. 116. Амбар в селе Булыкино Чарозерского района Вологодской области.

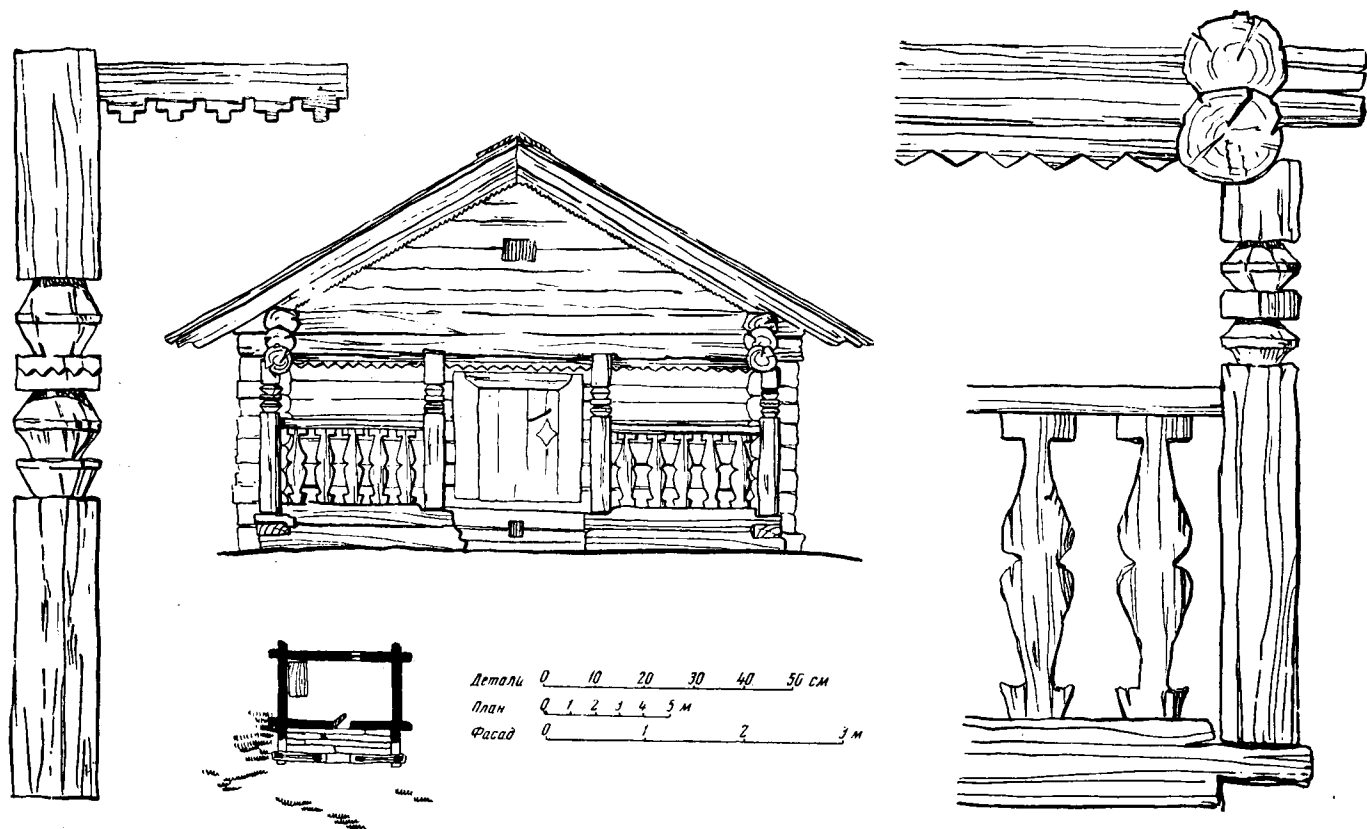

Табл. 117. Амбар в селе Булькино Чарозерского района Вологодской области.

далеко вперед концы верхних бревен боковых сторон получили многоступенчатый криволинейный профиль.

Устройство площадки и навеса закономерно вызвало к жизни следующие этапы развития архитектуры амбара: появление ряда резных стоек и парапета по внешнему периметру нижней площадки. Строительная логика подсказывала плотнику, что тяжелая бревенчатая конструкция навеса будет значительно прочнее и долговечнее, если получит опору в виде стоек, а работа на высокой площадке окажется более безопасной при наличии ограждения. Применение в качестве опоры вертикальных колонок, а в качестве ограждения — легкого парапета, естественно, направило внимание зодчего на эти новые элементы, находящиеся на передней линии главного фасада, и потребовало более тщательной их обработки. Художественная резная форма колонок и фигурных балясин придавала амбарам высокую декоративную выразительность и выдвигала их на одно из первых мест среди хозяйственных построек крестьянской усадьбы. В качестве примера можно назвать обмеренные нами амбары в Чарозерском и Тотемском районах Вологодской области.

Для чарозерских амбаров характерны развитая резная колоннада и богатая орнаментация дверного проема. Основным мотивом художественной обработки колонок являются ромбовидные бусины, дыньки, усеченный конус, чередующиеся с горизонтальными такой же ширины полочками (табл. 115).

Часто колонка состоит из непрерывных звеньев этих геометрических фигур, ритмично повторяющихся по всей ее высоте. Ее многогранная форма приобретает особую выразительность на глухом бревенчатом фоне стены, отодвинутой на задний план и всегда находящейся в тени от сильно выступающего вперед свеса кровли.

Ажурность колоннады усиливается также и тем, что в центре этой стены сделан низкий, почти квадратной формы входной проем с массивными колодами и широкими глухими досками дверного полотна (табл. 116, фот. 118, 119, 121, 123).

Неглубокие порезки в виде узкой полоски зубчиков покрывают верхнюю, а иногда и внутреннюю кромку колоды. Они не видны издали, и только тогда, когда человек проходит за колонки и останавливается у двери, они привлекают его внимание своей оригинальной формой. Эти неглубокие порезки как

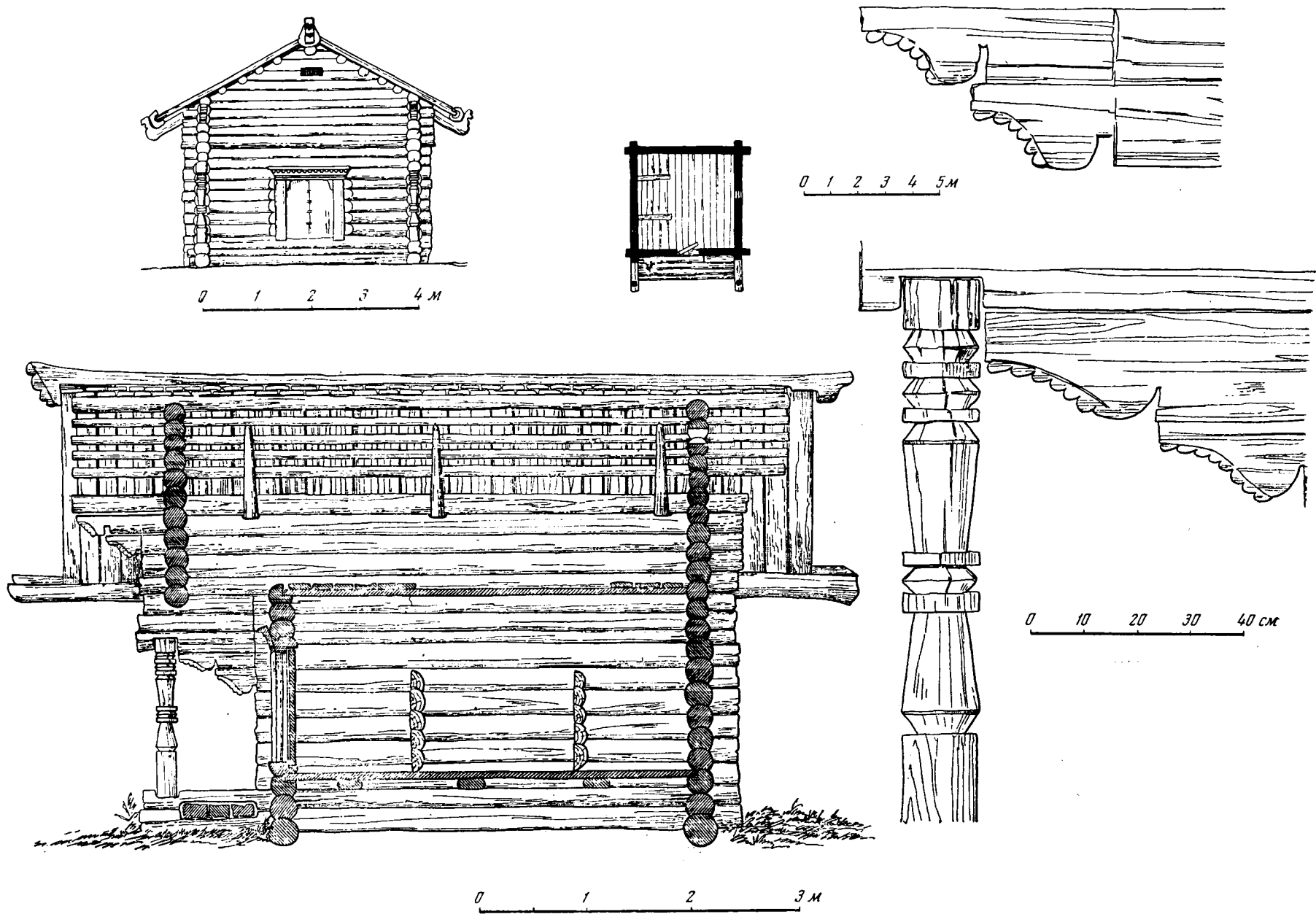

Табл. 118. Амбар в селе Троицкая Слобода Тотемского района Вологодской области.

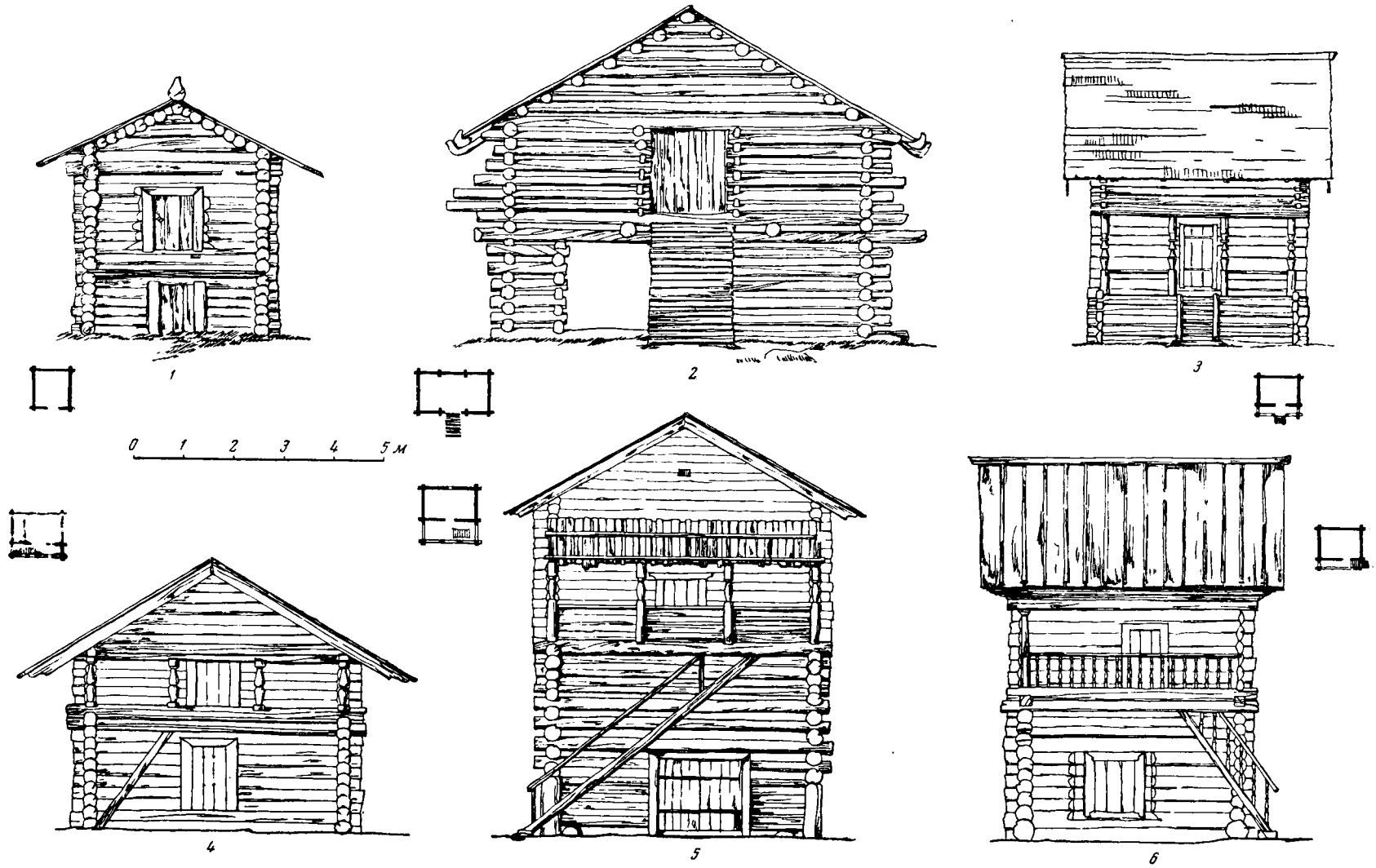

Табл. 119. Типы двухэтажных амбаров.

Табл. 120. Двухэтажные амбары в селе Спас Костромского района Костромской области.
Рисунок К. Лопяло.

бы завершают архитектурно-художественную структуру здания. Вместе с ними заканчивается и путь композиционных поисков народного зодчего от общих пропорций всего объема до лаконичных членений сруба, от скульптурно-пластической формы колонок до плоскостной орнаментации на кромке дверной колоды (табл. 117).

Умение определить соразмерность всех элементов и их соответствие композиционному замыслу, умение сопоставить мощь несущих горизонтальных венцов бревен и легкость вертикальных стоек, динамику резьбы и спокойную гладь стены, умение объединить в едином творческом процессе решение утилитарных и художественных задач — все это составляет важнейшую черту творчества северных плотников, проявляющуюся в этих небольших постройках с необыкновенной силой.

В тотемских амбарах использовались другие опорные конструкции для навеса и другие приемы художественной обработки конструктивных элементов (табл. 118, фот. 119). Сильный вынос кровли поддер-

живался двумя рядами последовательно выступавших вперед верхних бревен сруба. Красивый криволинейный срез концов этих бревен дополнительно орнаментировался трехгранной полоской выемчатой резьбы. При такой прочной опорной системе в виде кронштейнов и ее большой декоративной насыщенности плотник нашел возможным ограничиться только двумя угловыми стойками. Главный фасад здания получил новый архитектурный образ.

Так сложился самостоятельный и яркий тип складских построек со свойственной только ему объемно-пространственной структурой (квадратный сруб с предместьем и навесом) и конструктивно-декоративными приемами (глухие бревенчатые стены и черекрытия, сильно заглубленный ход, резные колонки и кронштейны на главном фасаде). Этот тип постройки, удовлетворявший и практические и эстетические запросы северного крестьянина, прочно вошел в русское народное зодчество.

Среди амбаров особое место занимают двухэтажные постройки (табл. 119). Они были характерны

прежде всего для низинных, затопляемых весенними паводками районов Поволжья и Заонежья. Такие амбары встречались иногда в северодвинских и вятских деревнях, а также Западной и Восточной Сибири.

В селениях, расположенных на берегах реки Костромки в Костромской области (селения Спас и Вежи, Ведерки, Куликово), двухэтажные амбары были преобладающим типом складских помещений. Первый этаж амбара представлял собой сарай, служивший для хранения лодок, повозок, саней, с широкими воротами и простым земляным полом; второй был оборудован закромами для хранения зерна. Высокая лестница вела непосредственно на крытую галерею второго этажа (табл. 120).

Галерея имела такие же резные колонки, как и одноэтажные амбары, и сплошной, чаще всего глухой, парапет, ограждавший ее с трех сторон. Галерея поддерживалась консольной системой из выпущенных бревен поперечных стен нижнего сруба. Во время весенних разливов реки, когда вода заливала улицу деревни, хлеб оставался сухим. В случае нужды за зерном приезжали на лодках, так же, как на лодках ездили в церковь, баню и к соседям.

МЕЛЬНИЦЫ

Ветряная мельница является одним из древнейших оригинальнейших произведений народной строительной и инженерной мысли.

Создание мельницы было вызвано естественным стремлением человека облегчить тяжелый и изнурительный труд по размолу собранного им в поле зерна. На смену мускульной силе и элементарным приспособлениям — ручному жернову и ступе — человек привел силу ветра и сложный приводной механизм мельничного оборудования.

Широкое распространение мельниц в древней Руси подтверждается рядом письменных и графических источников XVII—XVIII веков. Статистические данные начала XIX века говорят о наличии густой сети ветряных мельниц в северной и средней полосе России. В Архангельском уезде по описи 1843 года их было 400, в Старорусском уезде Новгородской области — 634 и т. д.⁴⁴

В отдельных селениях Мезенского уезда Архангельской области ветряные мельницы сплошным кольцом окружали деревню. Так, на околице села

⁴⁴ «Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях», т. 1, кн. 2. СПб., 1844, стр. 145.

Двухэтажные амбары строились и в незатопляемых районах Севера. Они представляли собой два расположенных друг над другом складских помещения с одинаковым внутренним оборудованием. Сооружение таких амбаров было вызвано стремлением наиболее рационально использовать территорию усадьбы, а также обойтись одной крышей для двойной складской площади.

В двухэтажных амбарах повторялись, по существу, те же конструктивные и декоративные приемы, которые были характерны и для всех других амбарных построек.

Крытые галереи с резными колонками, точеными балясинами, острыми криволинейными консолями и широкими входными лестницами были подняты здесь на высоту второго этажа, что значительно расширяло границы их обозрения.

Здания амбаров с их характерными архитектурными формами господствовали над окружавшей их служебной застройкой крестьянской усадьбы. Они активно участвовали в формировании архитектурного ансамбля всего жилого комплекса и играли большую роль в силуэте всей деревенской улицы.

Азопольского в конце XIX века стояло около 30 мельниц⁴⁵.

Общим для всех ветряных мельниц является конструктивный принцип использования силы ветра. Ветер попадает на лопасти крыльев и заставляет вращаться вместе с ними горизонтальный вал, соединенный при помощи двух расположенных под прямым углом деревянных колес-шестеренок с вертикальной осью жернова.

Так как направление ветра часто меняется, крылья мельницы должны были иметь возможность изменять соответственно ветру свое положение. Это определило вторую конструктивную особенность, необходимую для эффективной работы каждой мельницы, — свободный поворот горизонтального вала с укрепленными на нем крыльями. Несмотря на эти обязательные условия, русские плотники создали большое разнообразие ветряных мельниц.

Нам удалось выявить и зафиксировать более двадцати разновидностей деревянных ветряных мельниц, сохранившихся до наших дней на территории северных областей и Верхнего Поволжья. Это позво-

⁴⁵ См. И. Маковецкий. Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955, стр. 23.

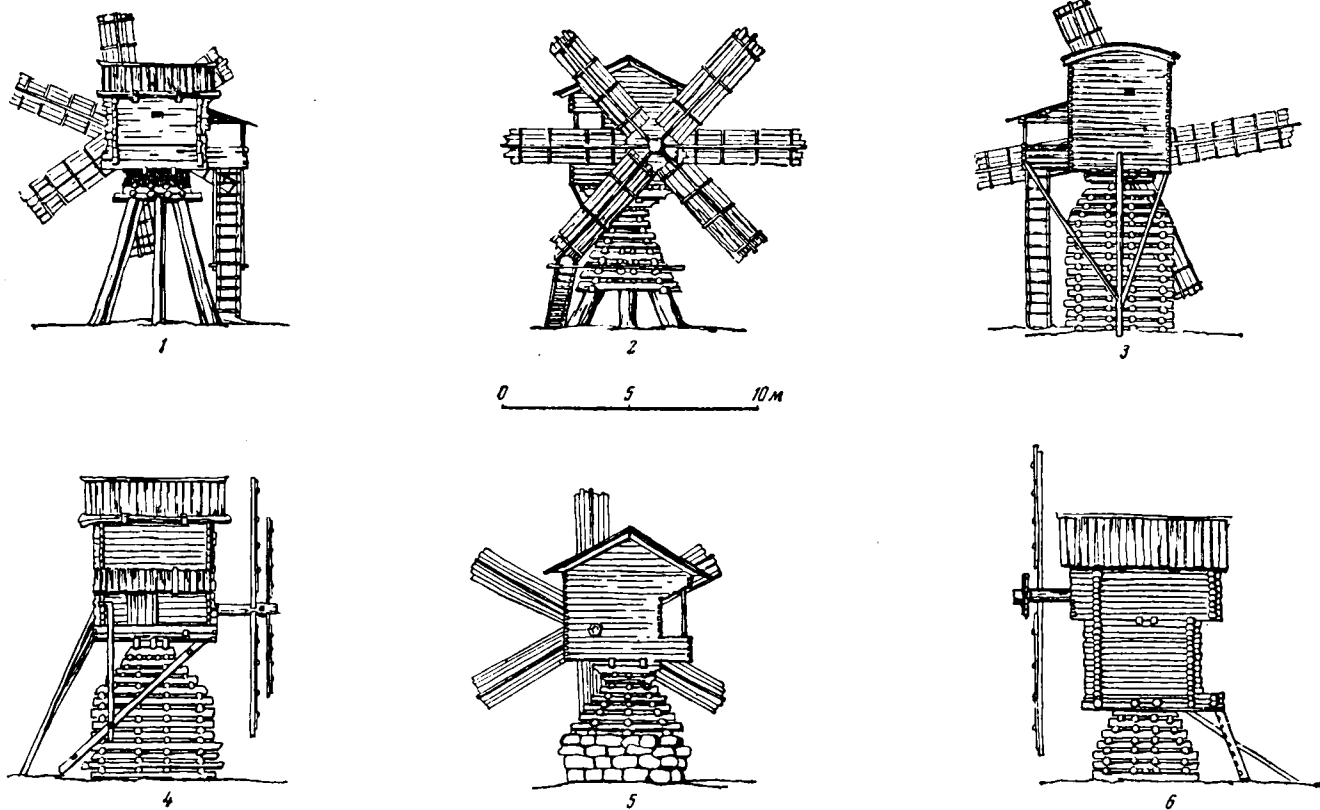

Табл. 121. Мельницы-столбовки.

ляет значительно расширить и уточнить типологическую таблицу русских деревянных мельниц.

В литературе, посвященной исследованию деревянного зодчества, обычно принято делить мельницы на два типа: «столбовки» и «шатровки»⁴⁶. Первый тип характеризовался наличием центрального непод-

⁴⁶ См. Н. Волоцкий. Несколько слов по поводу обыкновенных ветряных мельниц.— «Вологодские губернские ведомости», 1875, № 68.

вижного столба, вкопанного в землю, вокруг которого на специальной опоре из пирамидальной клетки («ряжа») бревен вращался четырехугольный амбарчик с мельничным оборудованием. Второй тип не имел стержневой оси. Мельничный амбар представлял собой неподвижный, прочно поставленный на грунт восьмигранный сруб. Поворот крыльев к ветру осуществлялся путем вращения лишь верхней части мельницы, на которой был укреплен горизонтальный вал с шестеренкой.

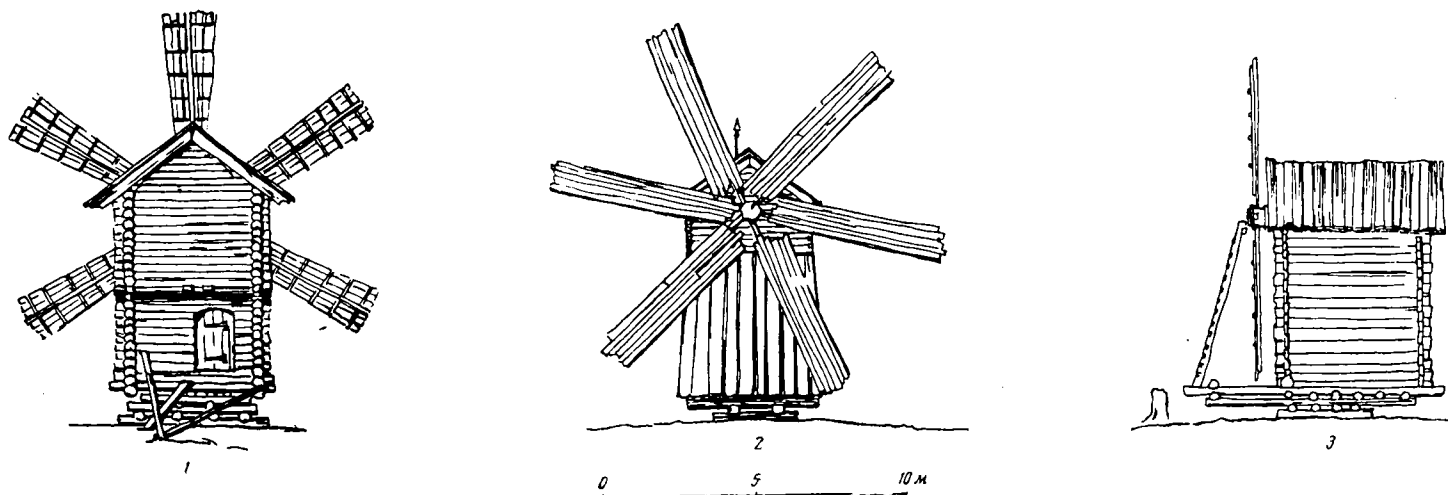

Табл. 122. Мельницы-столбовки.

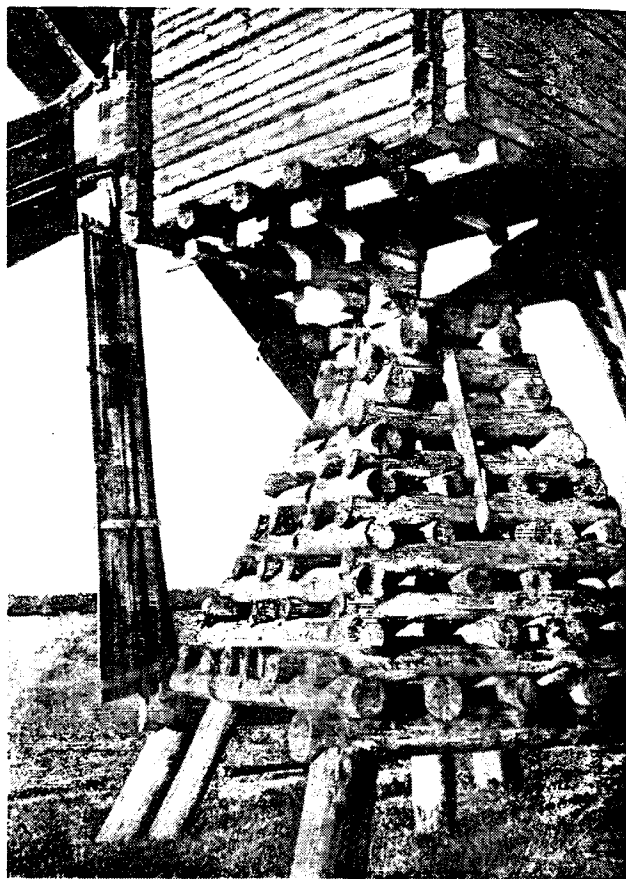
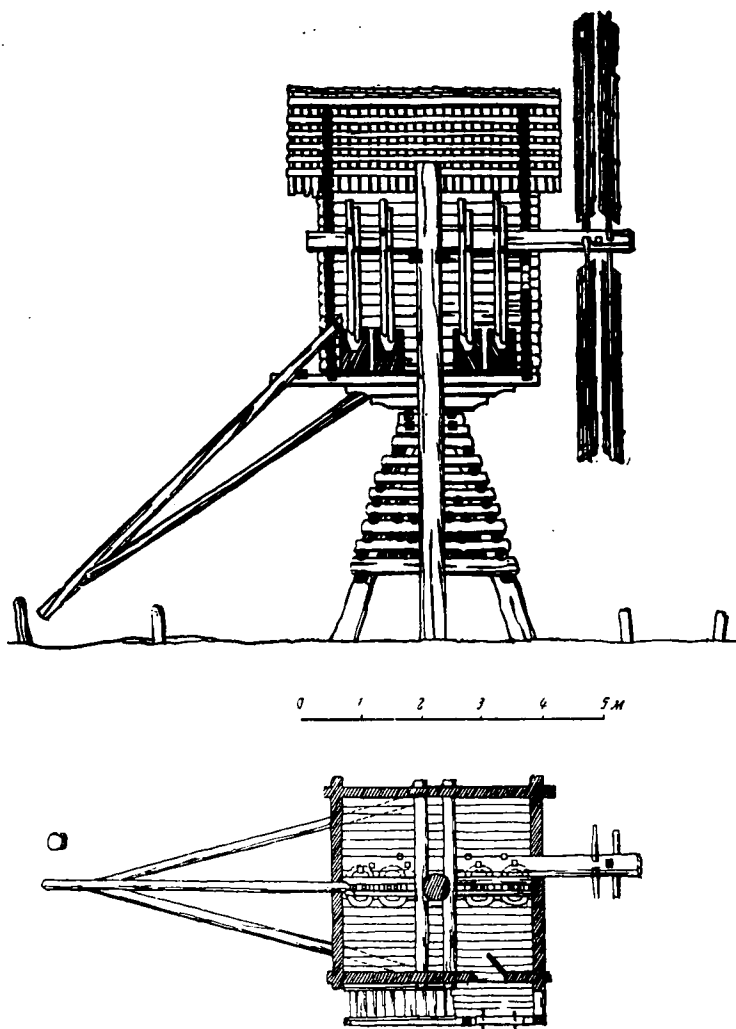

Табл. 123. Разрез мельницы-толчен в селе Булыкино Чарозерского района Вологодской области.

Наименование «шатровка» — было вызвано не формой кровли (она имела самую различную конструкцию — двускатную, четырехскатную, восьми-скатную, овальную и т. д.), а наклоном стен к верху основного восьмерика, напоминавшим шатровое завершение северных деревянных храмов. Плотники использовали не только шатровую форму этих сооружений, но и самый принцип многоярусного построения вертикального столпа, позволивший высоко поднять крылья мельницы.

Мельницы, относящиеся по своей конструкции к первому типу, подразделяются в свою очередь на три дополнительных подтипа, резко отличающихся друг от друга как в отношении общего архитектурно-композиционного приема, так и в отношении отдельных конструктивных и декоративных элементов, связанных с местными строительными традициями и имеющих строго определенные границы своего распространения. Это — мельницы на стой-

ках, мельницы на ряжах и мельницы на рамах.

Мельницы на стойках строились в селениях, расположенных в бассейне реки Онеги, от Каргополя до Беломорского побережья. Мельничный амбар был приподнят на восьми наклоненных к центру столбах, превышавших по длине высоту основания сруба. С боковой стороны амбара, на выпусках нижних бревен, был устроен балкон с длинной висячей лестницей. Для подъема мешков с зерном на балконе сделано специальное приспособление в виде горизонтального барабана со штырями для ручного вращения (табл. 121, фот. 126, 127).

Небольшой четырехугольный сруб прионежской мельницы имел такую же двускатную кровлю, как и все окружающие ее крестьянские избы. Конструкция кровли состояла из слег с укрепленными в них курицами, потоками, поддерживавшими тес, и охлупня, прикрывавшего кошек. Через переднюю

стенку этого сруба был пропущен деревянный вал, а в выступающий наружу конец вала вставлены брусья крыльев. К задней стенке приделывались три длинных бревна («воротила»), при помощи которых мельник поворачивал все сооружение в нужном ему направлении. Для облегчения работы вокруг мельницы был врыт ряд столбиков и сделаны различные приспособления (колесо, барабан) у воротила. Используя веревку, мельник подтягивал воротило к тому или иному столбику и прочно закреплял его в нужном положении.

В Чарозерском районе Вологодской области основание мельницы делалось не из восьми, а из трех бревен таких же размеров. Устойчивость этих бревен обеспечивалась врубкой поперечных связей на значительной части их высоты. Полуглухой низ придавал мельнице необходимую прочность и сохранял в то же время ее острый и выразительный силуэт (табл. 122, фот. 128, 129).

Совершенно иной конструктивный принцип лежит в основе мельниц на рьяках. Наиболее ярким образцом таких построек являются мезенские ветряные мельницы. Мезенский плотник полностью отказался от столбовой конструкции и заменил ее бревенчатой клеткой. Ряжевая система врубки с мелкими чашками в углах и продухами между бревнами позволяла создать высокое и прочное основание для мельничного амбара. Каждый венец клетки состоял из четырех наружных и четырех внутренних круглых бревен, плотно охватывавших осевой стержень мельницы. Две трети клетки имели прямые стены, последняя треть резко сокращалась кверху, образуя у основания мельничного амбара узкую шейку с поворотным диском (табл. 123, фот. 128—133).

Верхний сруб, заключавший в себе мелющий механизм, был связан «в лапу» из тщательно затесанных брусьев, плотно прилежавших друг к другу. Остальные элементы — двускатная крыша, крытый балкон, висячая лестница — были такими же, как и в других постройках Прионежья.

В мельнице по-прежнему четко выделялись две самостоятельные и равновеликие части — подстав и мельничного амбара. Однако здесь они имели одинаковую структуру и состояли из горизонтальных несущих венцов.

С изменением конструктивной основы мельницы резко изменился и ее внешний облик. На смену легкой стропильной системе из редко расположенных накладных стоек пришла глухая, массивная плоскость бревенчатой стены. Все более твердо и уверенно мельница опиралась на землю. Все прочнее

связывались ее объемы, спокойнее становился силуэт. Все большее значение приобретало центральное производственное помещение мельницы, получившее в дальнейшем сложную, многоэтажную композицию. Именно эта тенденция к уменьшению несущей клетки и увеличению габаритов мельничного амбара больше всего сказалась в народном зодчестве Верхнего Поволжья и Заонежья. Она определила развитие нового подтипа — мельницы на рамах.

Мельница на рамах имеет единый объем, квадратный в плане, с высокими вертикальными стенками, полностью используемый для производственного оборудования. У самой земли этот объем как бы подрезан и поставлен на восьми поперечных и двух продольных, прочно связанных между собой в раму слегах. Центральная часть рамы свободно лежит на второй, такой же по конструкции, но меньшей по размеру раме, неподвижно укрепленной в грунте. При повороте мельницы верхняя рама скользит по нижней. Вращается весь корпус мельницы. Единый с внешней стороны объем внутри разделен на два этажа. В верхнем находятся ведущий вал и передаточные шестерни, в нижнем — жернова, бункер для засыпки зерна и ларь для хранения муки. Вход в мельницу устроен непосредственно с земли, что исключало необходимость сооружения верхнего балкона и висячей лестницы. В некоторых мельницах Поволжья нижний этаж выделяется и внешними членениями: задняя стенка сдвинута к центру и образует характерные для обычных амбаров предмостье и навес у входной двери (фот. 132).

Рассмотренные выше мельницы относятся к первому типу мельничных построек. Не меньшее место в русском деревянном зодчестве занимали мельницы второго типа — шатровки. Они редко встречались на Севере и строились преимущественно в Верхнем Поволжье, в северо-западной и средней полосе России (табл. 124, 125).

Простейшим видом таких сооружений может служить мельница близ села Курицкое Новгородской области. Большой восьмигранный бревенчатый сруб этой мельницы поставлен прямо на землю. Стенки его скошены. Весь объем имеет форму усеченной многогранной пирамиды. Вращается у мельницы только верхняя часть, в которой расположен горизонтальный вал с крыльями. Устойчивый монолитный корпус мельницы и легкая подвижная часть, освобожденная от тяжелого мелющего оборудования и всего амбарного сруба, составляют главные преимущества мельниц этого типа. Пово-

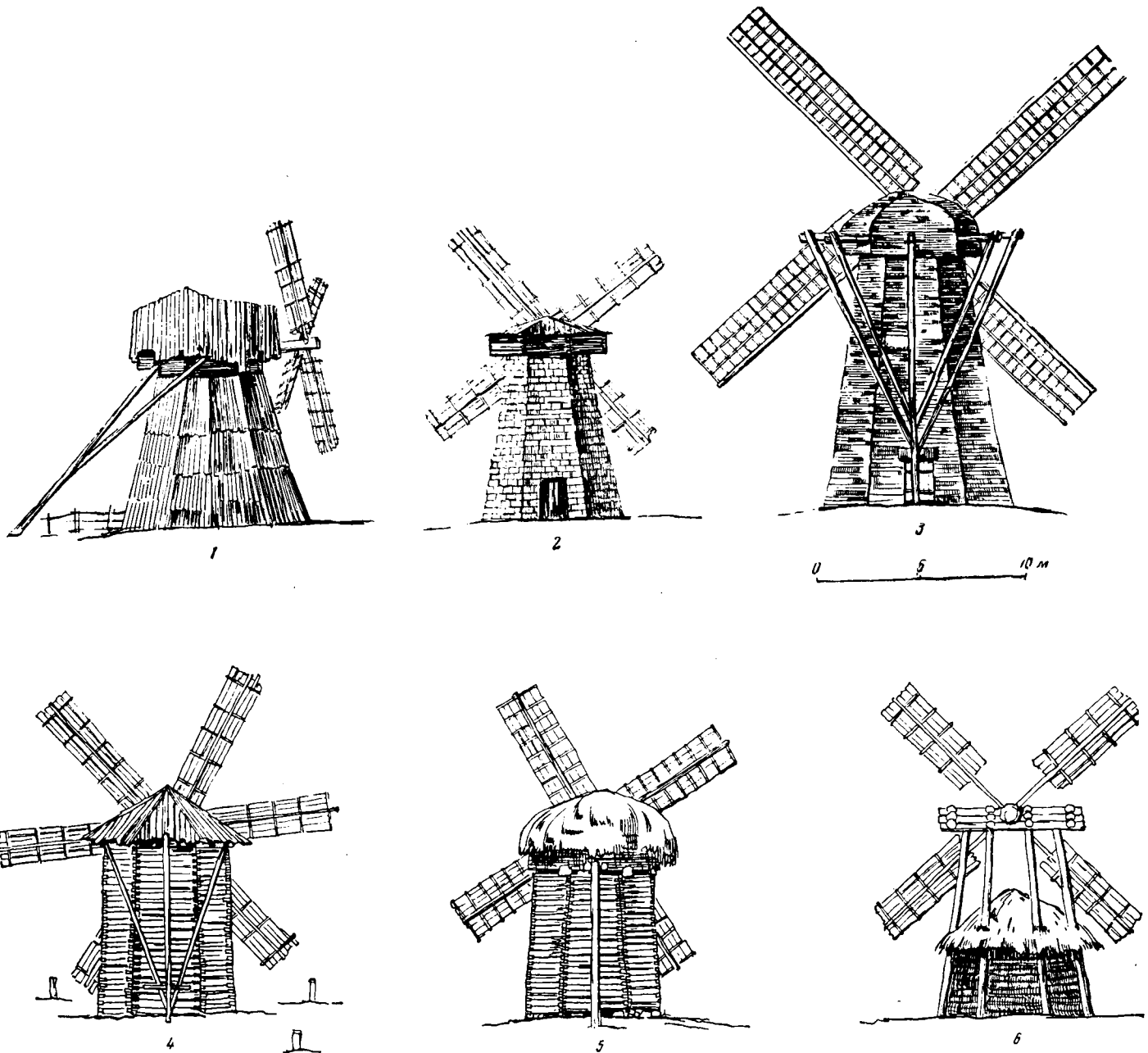

Табл. 124. Мельницы-шатровки.

рот верхней части производится с земли при помощи длинных бревен.

Вторая особенность мельницы-шатровки состоит в том, что центральный стержень здания в отличие от неподвижного положения его в мельнице-столбовке здесь вращается по всей своей длине. Он принимает движение от горизонтального вала верхней части и передает его на жернова, расположенные в нижних этажах мельницы. Внутренняя лестница позволяет вести наблюдение за всей вертикальной системой мельничного оборудования.

Дальнейшее развитие этого типа мельниц шло

по линии усложнения основного объема здания (фот. 136, 137).

Мельницы в Юрьеveckом районе Ивановской области уже не представляют собой единого восьмигранного сруба. Начинаясь от земли корпус мельницы состоит из двух ярусов — четверика и восьмерика или вертикального и пирамидального объемов. Расширение нижнего этажа объясняется вполне закономерным стремлением создать наиболее свободную и удобную площадь для главного производственного этажа мельницы. Именно здесь появились дополнительные прирубы для хранения

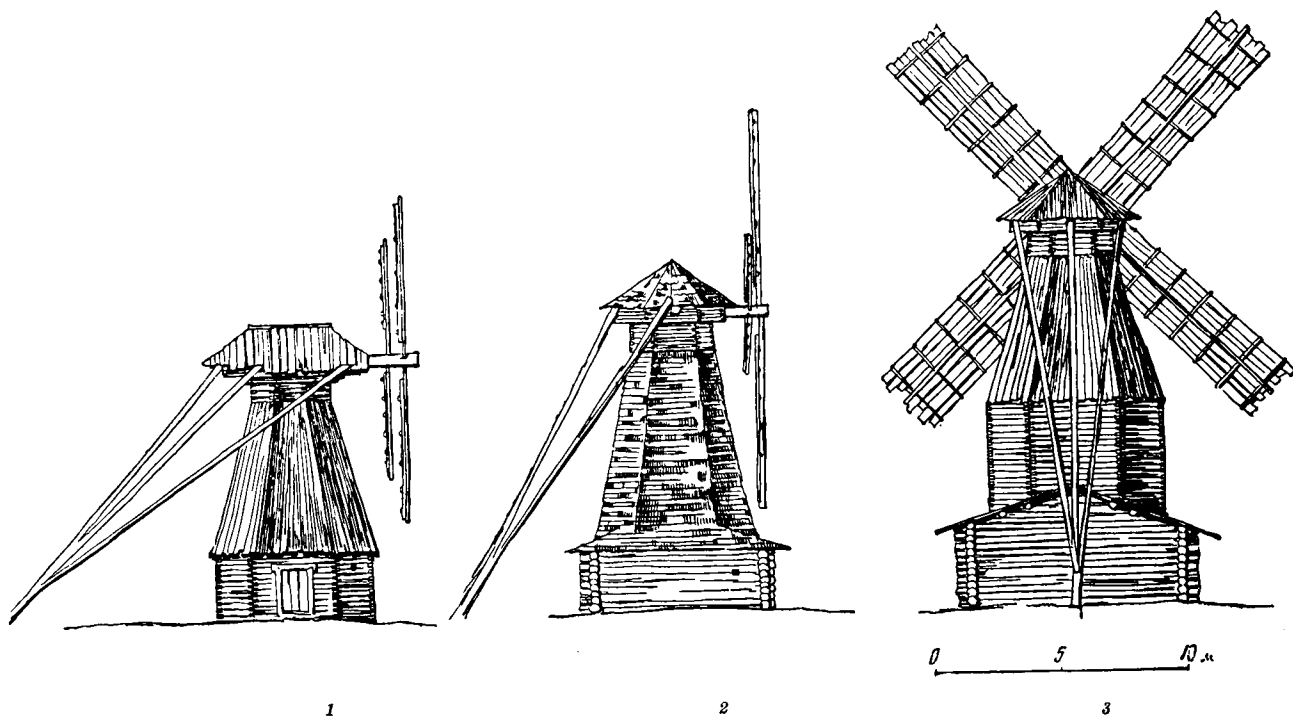

Табл. 125. Мельницы-шатровки.

зерна, а также небольшие утепленные клетки для временного пребывания мельника. Мельницы Ярославской, Ивановской и Горьковской областей дают примеры трех- и четырехъярусного построения центрального корпуса, рубленного из брусьев и воспроизводящего в чистом виде излюбленные архитектурные формы древнерусского зодчества: четверик, восьмерик, палатку, вышку.

Одной из разновидностей мельницы-шатровки являются мельницы-башни. Выделить их необходимо, так как эти мельницы не обладают пирамидально-шатровой формой. Их стенки не имеют скоса, они вертикальны. Объем мельницы напоминает глухие крепостные башни с квадратным, шестиугольным или восьмиугольным основанием. И только поворачивающийся верх здания с широкими шести-, восьми-, двенадцатилопастными крыльями придает им знакомый всем образ ветряных мельниц (табл. 126, фот. 138, 139).

Ветряные мельницы, используя даровую силу ветра, размалывали на жерновах от 100 до 400 пудов зерна в сутки⁴⁷. Кроме того, на крупных мельницах имелись ступки для толчения крупы.

Большая производительность мельниц обеспечивала им широкое распространение и повсеместное признание народа. Их оригинальная конструкция

поражает смелостью замысла и точностью конструктивного расчета. Малейшая ошибка плотника или непрочность какого-либо элемента ставила под угрозу существование всего сооружения. Создание деревянной конструкции, выдерживающей давление на крылья и корпус мельницы иногда ураганной силы ветра, было доступно только мастерам с большим опытом и незаурядной технической смекалкой. Строителями мельниц были прославленные плотники, такие, например, как Семен Удалов⁴⁸, в совершенстве владевший своим ремеслом.

Художественное значение мельниц в архитектурном ансамбле деревни было чрезвычайно велико. Их многочисленные и стройные здания, расположенные рядом с невысокими избами, амбарами, банями, среди шумящего хлебного поля или на крутом берегу извилистой речки, представляли собой вместе с церковью единственные вертикальные здания, господствовавшие над всей живописной, но разбросанной застройкой сельской местности.

Их темные силуэты с непрерывно движущимися крыльями четко вырисовываются на северном небосклоне. Они привлекают внимание с момента появления их в поле зрения и композиционно подчиняют себе не только крестьянские постройки, вытянувшиеся в длинные улицы позади мельницы, по и

⁴⁷ См. Н. Волоцкий. Указ. соч.

⁴⁸ См. И. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1951, стр. 19.

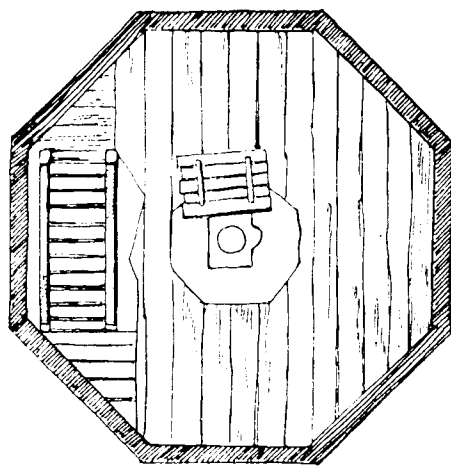
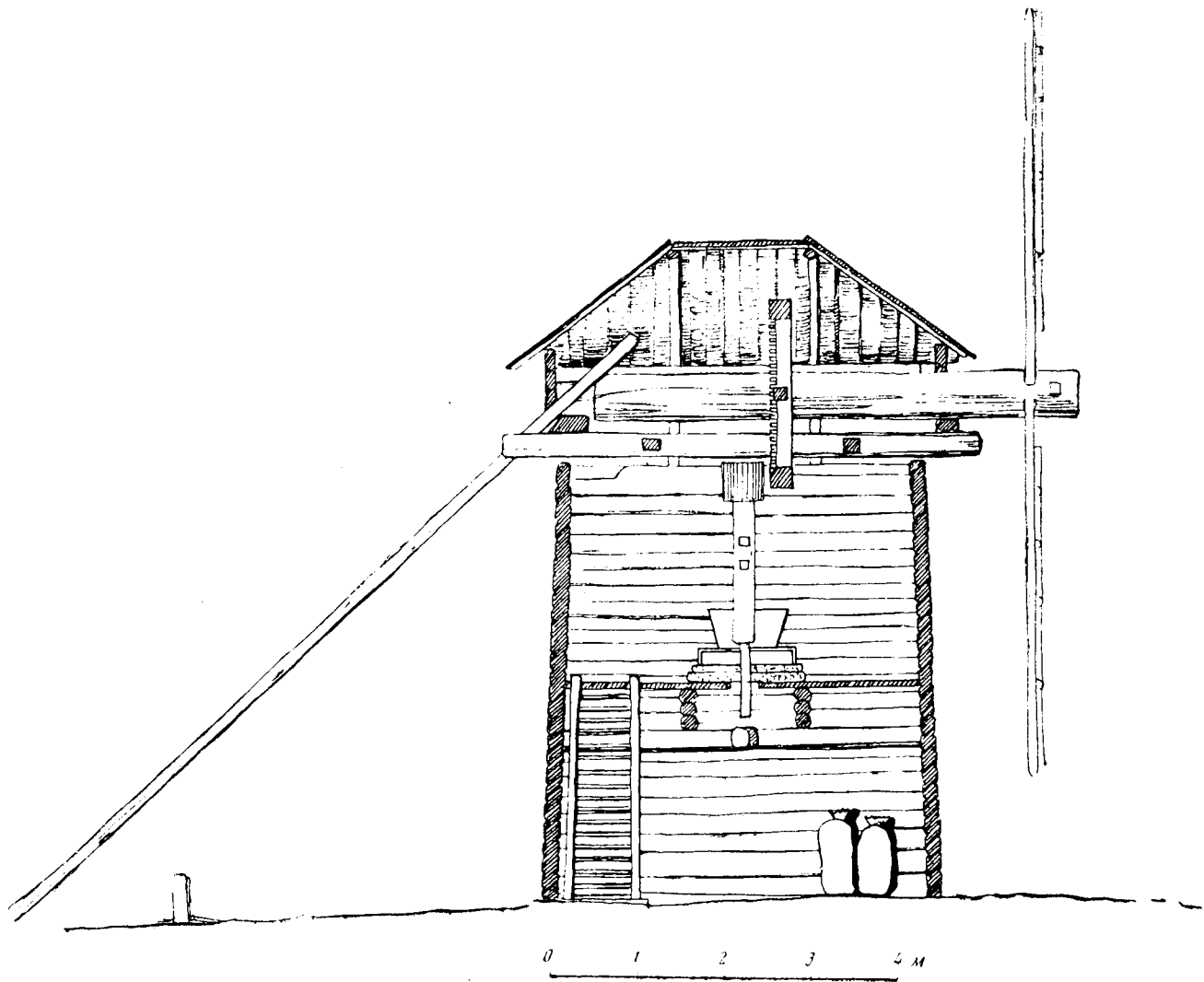

Табл. 126. Разрез мельницы в селе Веснино Котельничского района Кировской области.

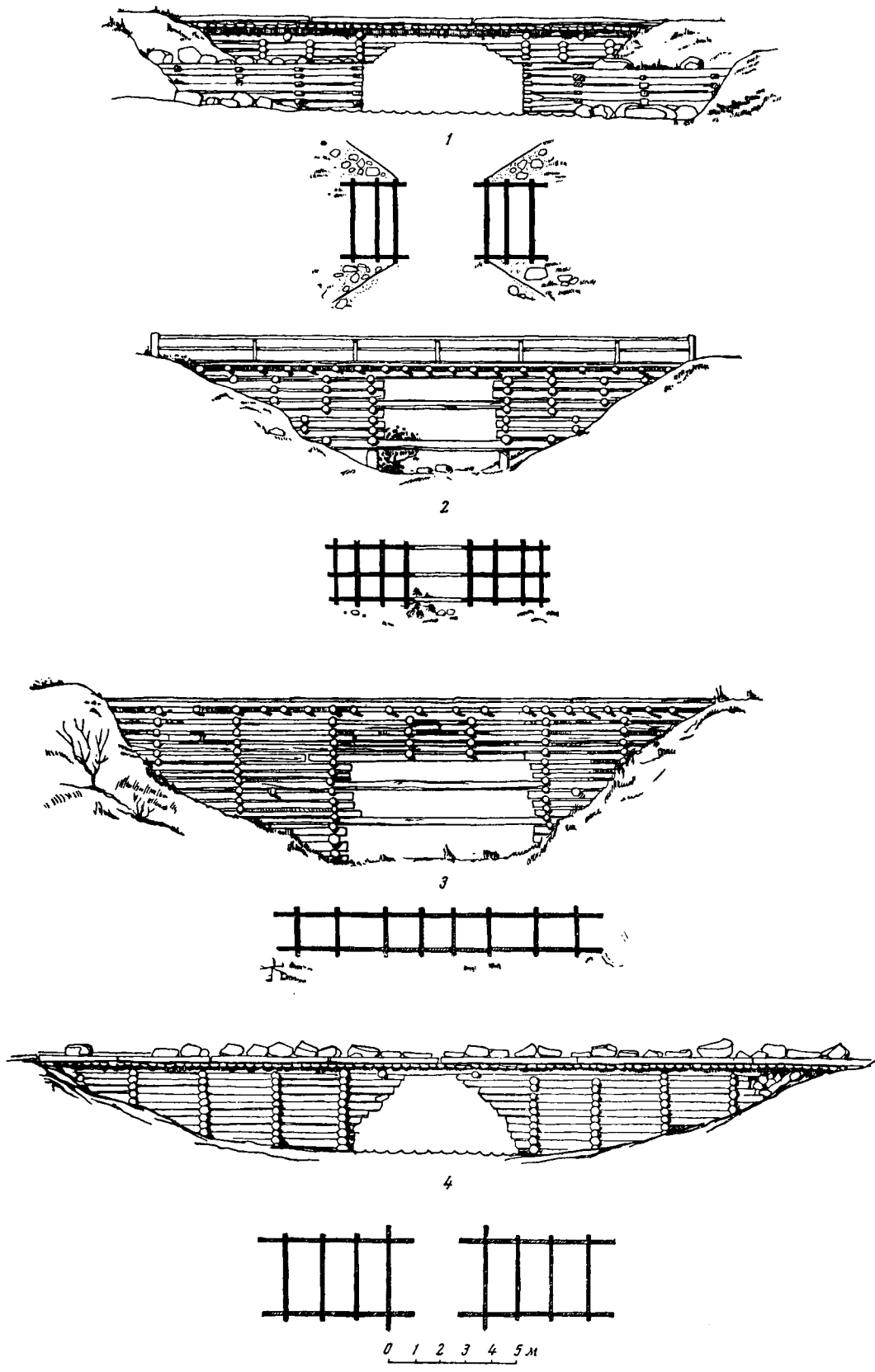

Табл. 127. Типы мостов в северных селениях.

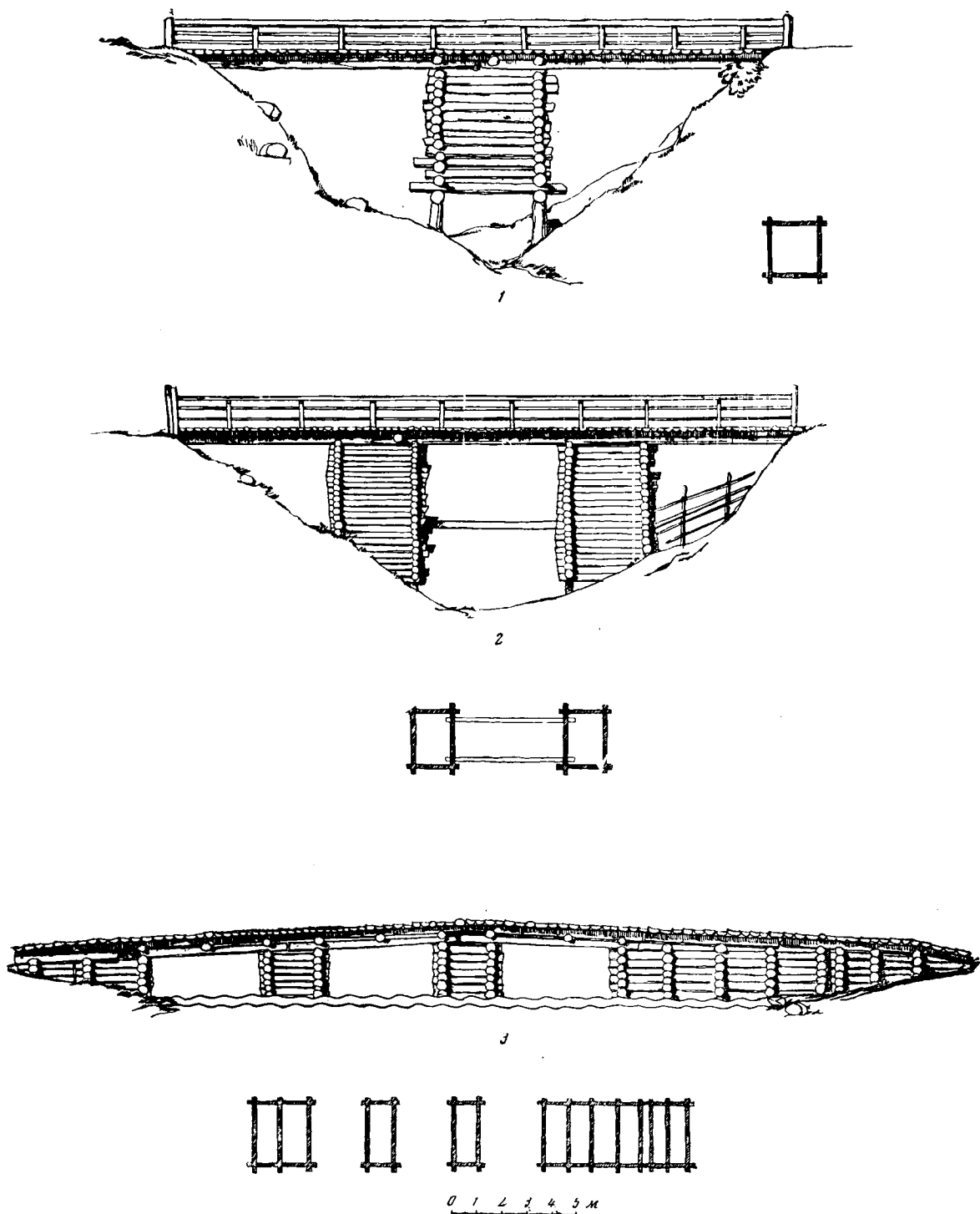

Табл. 128. Типы мостов Приангарья.

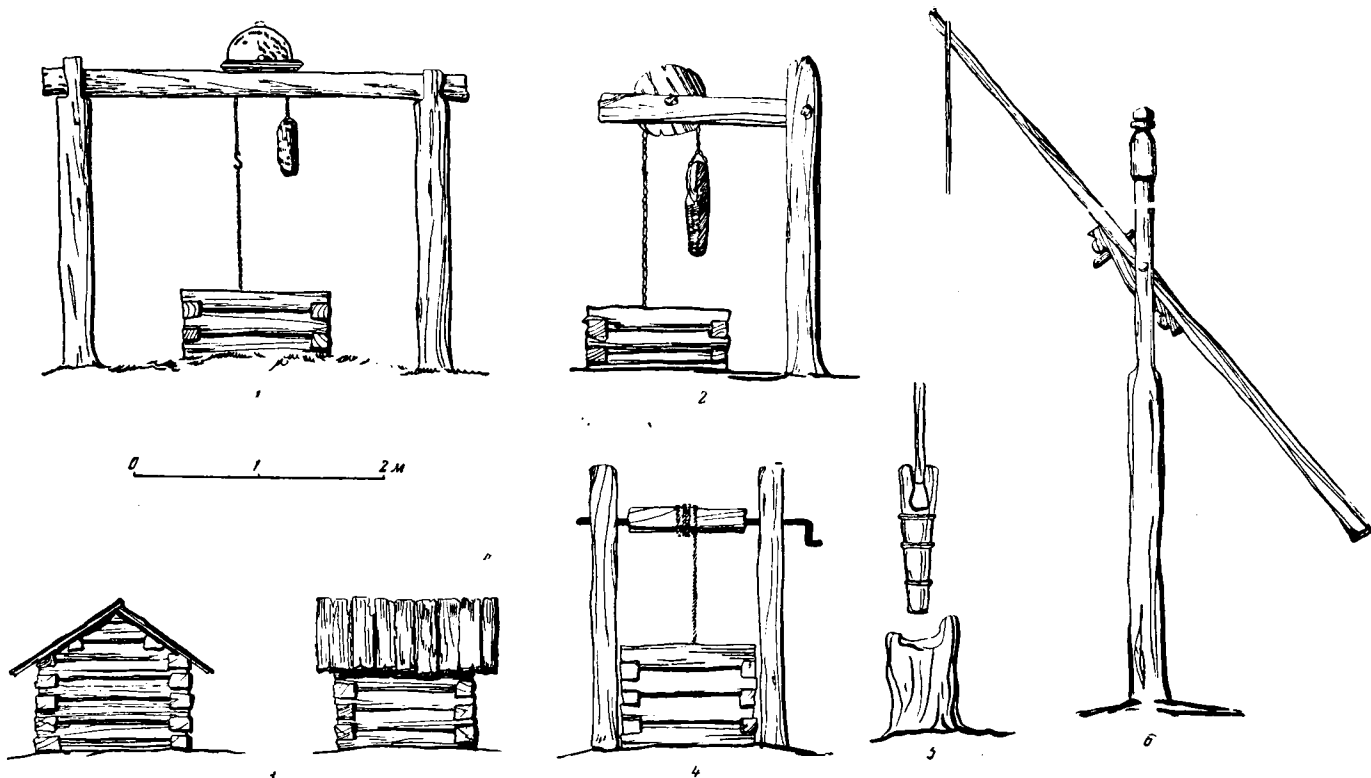

Табл. 129. Типы колодцев в северных селениях.

весь суровый северный ландшафт, широко раскрывающийся во все стороны за селением.

При всей сложности конструкции мельниц и их утилитарном назначении, народные зодчие уделяли большое внимание и их внешнему облику. Чистая и ловкая врубка массивных бревен, искусно обработанные в виде многочисленных валиков и полочек концы несущих брусьев, резные столбики верхних балконов, легкие точеные балясины перил придавали этим своеобразным постройкам большую архитектурную выразительность.

Архитектура крестьянской избы, усадьбы, деревни органически связана и с ветряной мельницей и с простым бревенчатым мостом, соединяющим деревню с полем, лесом, погостом.

Общественное назначение моста, его крупные размеры, сложная конструкция заставляли плотников относиться к сооружению мостов с особым вниманием. Здесь представлялись большие возможности показать степень своего строительного мастерства, опыта, смекалки. От плотников требовалось создать прочную опору для проезжей части моста, которая могла бы в то же время выдержать бурный поток воды, особенно в весеннее половодье. Эти задачи усиливались тем, что габариты мостов достигали значительных размеров. Так, мост в селении

Дубинино Братского района Иркутской области превышал в длину 60 м, в селении Шуерецкое Кемского района Карельской АССР он был более 100 м. Мост в селении Городок Виноградовского района Архангельской области имел в высоту 7 м, в селении Подъеланка Братского района Иркутской области — 12 м. По разному подходили к решению конструктивной задачи плотники различных областей (табл. 127, 128). Мост через реку Сию (Елецкий район Архангельской области) они строили используя сильные выносные консоли. Последовательно выступающие бревна из береговых устоев создавали надежную почти арочной формы конструкцию для проезжей части. Тяжелые камни двумя рядами прижимали горизонтальные брусья к настилу моста. Консольная система была применена и плотниками, строившими мост в селении Шильда Каргопольского района Архангельской области.

Несколько иначе подходили строители к возведению мостов в селении Шуерецкое Кемского района Карельской АССР и в селении Городок Виноградовского района Архангельской области. Они связывали береговые устои между собой длинными пропускными бревнами часто в два, три, четыре и более рядов. Это создавало монолитную конструктивную систему и вместе с поперечными бревенча-

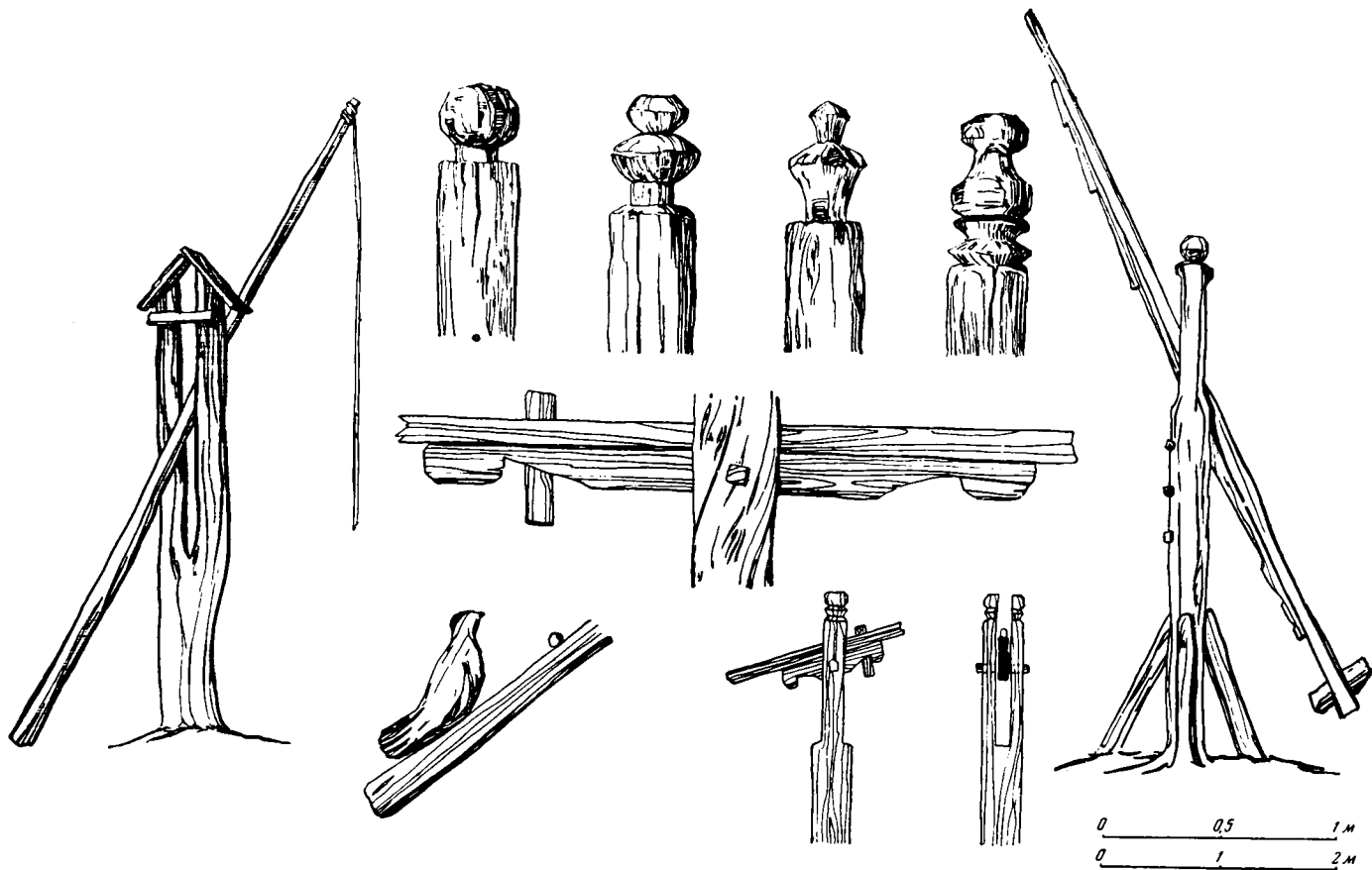

Табл. 130. Художественная обработка колодезных столбов в северных селениях.

тыми стенками полностью обеспечивало жесткость моста.

Сибирские плотники ставили бревчатые клетки на сваи и редко использовали консоли. Прочные и длинные стволы лиственницы позволяли перекрывать широкие пролеты. Устои часто ставились на середине русла или оврага. Большая часть деревянных мостов имела ограждения из вертикальных невысоких столбиков и горизонтальных жердей. Редко элементы моста подвергались художественной обработке. Архитектурная выразительность моста определялась смелостью всего замысла, целесообразностью конструктивных приемов, несущей силой глухих бревчатых опор-башен.

К числу малых форм архитектуры русской деревни можно отнести колодцы. Изображение колодцев часто встречается на рисунках художников XVII века (см. табл. 8). Колодцы неоднократно упоминаются и в текстах древнерусских летописей⁴⁹.

Колодец состоит из двух частей — узкой, глубокой ямы, вырытой в грунте до водоносного слоя с укрепленными стенками в виде бревчатого сруба

⁴⁹ См. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка..., т. 1. Спб., 1893, стб. 1256.

или долбленого ствола дерева, предохраняющего источник воды от обвалов земли, и механизма, облегчающего подъем бадьи из колодца и представляющего собой журавль (рычаг, опирающийся на столб) или барабан с ручкой, наматывающий веревку. В некоторых местах подъемный механизм состоит из блока, врезанного в перекладину (Печорский край), или огромного колеса-маховика, приводящего в движение валик с веревкой (Поволжье) (фот. 142—145).

Наиболее древний тип колодца с узкой бадьей, спускающейся в долбленную трубу, мы зафиксировали в селениях на реке Вычегде. Трубы колодцев напоминали рассольные трубы соляных варниц, широко распространенных в этих местах в XVII—XVIII веках. Бадья поднималась при помощи журавля с длинной стрелой, усиленной в центре (месте максимального напряжения) брусом с изящным криволинейным обрезом нижней части, завершающейся по сторонам двумя полукруглыми валиками (табл. 129, 130). Брус прочно крепился к стреле деревянными стержнями. Верхнему концу вертикального столба придавалась шаровидная, грушевидная, овальная форма. Часто она имела много-

ярусное членение, создавая сложную и красивую композицию.

Верхняя часть колодезного столба напоминает головной убор, щедро украшенный полосками резного орнамента.

Яркое проявление творческой фантазии русских плотников мы встретили в Поволжье. В деревне Бебрюхово Городецкого района Горьковской области в качестве груза, уравнивающего бадью с водой, на конце стрелы были укреплены скульп-

турные фигуры голубей, напоминающие живых отдыхающих птиц.

Своими высоко взлетающими стрелами, резными поднимающимися из-за каждой крыши столбами колодцы обогащают облик крестьянской усадьбы и придают деревне необычайно живописный силуэт. Они далеко видны при подъезде к селению и неизменно привлекают внимание людей. Не случайно наиболее важные элементы колодцев получили столь богатую художественную обработку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собранные нами материалы позволили проследить основные этапы развития русской народной строительной культуры, классифицировать принципы застройки деревень, типы крестьянских изб, хозяйственные и производственные сооружения (амбары, мельницы), важнейшие элементы архитектуры жилища (окна, крыльца, балконы, ворота), а также картографировать основные типы русского крестьянского жилища, сложившиеся на Севере уже к началу XIX века.

Проведенная работа дает основание утверждать, что северные плотники, сохраняя общие принципы расположения помещений, создали исключительно широкий круг разновидностей жилых зданий, насчитывающий более 300 вариантов. Все эти разновидности определялись местными условиями быта, экономическими, историческими, этническими и географическими факторами и, наконец, пытливыми и широкими творческими поисками плотников.

Сочетание немногих устойчивых типов планировки избы с разнообразными конструктивными приемами и декоративными деталями составляет одну из характерных особенностей развития русской национальной строительной культуры.

При анализе материала мы стремились раскрыть богатство композиционных, конструктивных и декоративных приемов в творчестве русских плотников, выявить специфические для народного зодчества эстетические нормы и принципы.

Нищета и жестокий социальный гнет не подавили внутренней жизни народа. Строя свое жилище, делая предметы быта, создавая жизненную обстановку, народ стремился удовлетворить не только свои материальные потребности, но и свои духовные, эстетические запросы.

Большие северные избы и маленькие амбары для

хранения хлеба, простые срубы бань и сложные по конструкции ветряные мельницы, невысокие голбцы на погостах и величественные церкви-башни рубились одними и теми же мастерами. В этих многочисленных, разнообразных деревянных постройках Севера отразились художественные взгляды русских плотников, их представления о правде и красоте.

Правдивость народного зодчества проявилась прежде всего в простоте, ясности и большой искренности творчества народных мастеров. Созданная ими архитектура рождалась в решении практических задач крестьянского быта, в условиях максимальной экономии средств, времени, строительных материалов. Естественным было стремление как можно лучше использовать имевшиеся скромные возможности, применять только проверенные многовековым опытом наиболее прочные, удобные и дешевые типы построек, наиболее рациональные способы возведения зданий, наиболее простую систему их планировки и размещения на приусадебном участке.

В силу этого самой природе народного зодчества были чужды какая бы то ни было конструктивная фальшь и ложнодекоративные приемы, влекущие за собой излишний расход материалов или появление функционально не оправданных частей и элементов сооружений.

Основу тектонической системы северной крестьянской избы составляет бревенчатый сруб. С предельной четкостью он раскрывает особенности строительного материала. Связанные в венец бревна ритмическими рядами определяют габариты постройки; они являются своеобразным модулем здания. Размеры бревна повторяются во всех конструктивных и декоративных элементах: балках и стойках, косяках и колодах, досках и пластинах кровли. Размерам бревен кратны размеры проемов окон, две-

рей и ворот, элементов балконов и крылец. Применение одного конструктивного модуля (доски и бревна) позволяло народным зодчим достигать архитектурно-конструктивного единства при решении самых сложных композиционных задач.

Внешний облик крестьянских построек отражал их внутреннюю планировку, выявлял назначение отдельных этажей и помещений. Выступающие на фасадах торцы поперечных стен не только показывали их толщину, но и наглядно раскрывали структуру членений всей постройки. Если на переднем фасаде были видны торцы бревен двух наружных стен, то изба представляла собой единый объем. Если на фасаде появлялись торцы дополнительной стены или нескольких стен, то это означало, что соответственно изменились и внутренние помещения. Количеством стен в народном зодчестве характеризовались основные типы деревянных сооружений — четырехстенные, пятистенные, шестистенные избы.

С такой же очевидностью определялось наличие помещений по боковому и заднему фасадам крестьянского дома, куда выходили главным образом службы и скотные постройки. При этом тектоническая система стены двора значительно отличалась от стены жилой части дома. Если изба от основания подклета до кровли состояла из горизонтальных венцов бревен, то стена первого этажа двора имела массивные вертикальные стойки, поддерживавшие сруб второго этажа. Проемы между стойками забирались более тонкими бревнами, а иногда плахами (подобная конструкция позволяла заменять быстро гнившие от навоза стены, не разбирая всей постройки).

О внутренней планировке здания свидетельствует также различная форма оконных проемов, место и порядок их расположения на фасадах. Несмотря на то, что размеры и конструкции окон в процессе развития народного зодчества неоднократно изменялись, принципы их наиболее целесообразного размещения для освещения и сохранения теплового режима различных помещений оставались неизменными. Большие оконные проемы делались в горницах и светлицах, средних размеров — в теплых избах; значительно сокращались габариты окон в дворовых сооружениях, чуланах и кладовых.

Плотники понимали, что, применяя целевидные окна на глухой бревенчатой стене подклета и отказываясь от декоративных элементов на нижней части сруба, они создавали впечатление мощного основания у постройки и, наоборот, помещая большие окна на жилом этаже, устанавливая ритмический

ряд изысканных по форме колонок и тонких точеных балясин на балконе фронтона, они облегчали постройку сверху.

Функциональная целесообразность и художественная выразительность слились здесь в единое целое, полностью соответствующее своему назначению.

Главные достоинства избы заключались в точной пригонке бревен сруба, в чистой обтеске стен, в плотности пола и прочности потолка, в спокойных пропорциях световых проемов, в общей соразмерности всех конструктивных элементов жилого помещения. Эти качества лежали в основе тех скромных требований, которые прежде всего предъявляли крестьяне зодчему, к тех понятиям о красоте жилья, которые сложились в среде трудового народа. Простое и тектонически правдивое построение внутреннего объема, свидетельствовавшее об опытности и мастерстве строителя, доставляло особую радость владельцу избы.

На суровом и строгом фоне бревенчатой стены резная деталь скамьи или узор припечной доски казались ярче и наряднее, небольшая порезка на полке замечалась скорее, тонкий профиль божницы становился еще изящнее и выразительнее.

Органическая взаимосвязь в решении утилитарных и художественных задач проявляется во всех видах строительной деятельности народных зодчих. Простые конструктивные элементы здания несут на себе следы живого творческого труда мастера, его глубоких раздумий, пытливых поисков художественных средств для их полнокровного выражения.

Польза и красота в народном зодчестве — понятия нераздельные. Навешивая резные подзоры на выступающие торцы слег, плотник стремился предохранить их от гниения. Укрепляя на стене орнаментированную доску наличника, он закрывал осадочный паз окна от дождя и снега. Нанося узор сквозных отверстий на дымник, он создавал возможность дополнительного проникания ветра в деревянный короб, что усиливало естественную тягу дымохода.

Наконец, укрепляя легкую ветреницу под коньком кровли, он защищал от атмосферных осадков и одновременно скрывал от зрителя стык подзорных досок. Целесообразное размещение этих элементов на фасаде избы, выбор их формы и пропорций, поиски наиболее выразительного их сочетания с общей архитектурой здания превращались для плотника в процесс подлинного художественного творчества.

Народные зодчие старались избегать дробления архитектурных форм, использования таких резных или живописных элементов, которые не были бы

органически связаны между собой, не соответствовали бы тектонической структуре сооружения. Произведения народного зодчества обладали поэтому большим композиционным единством, строгим подчинением общему идейно-художественному замыслу всей архитектуры зданий.

Достаточно вспомнить, например, какую цельность придают крестьянским постройкам Поволжья расписные и резные доски, с трех сторон охватывающие здание. Завершая тяжелый бревенчатый сруб избы, они создают плавный переход к более легкой стропильной конструкции кровли. Подчеркивая основные архитектурные членения объема, они объединяют отдельно расположенные декоративные элементы (наличники окон, колонки крылец и т. д.).

По такому же принципу построена и строгая, но нарядная роспись северодвинских домов. По нижней обшивке далеко выступающих вперед частей кровли наносится сплошь яркий орнамент геометрического или растительного характера. В середине этой красочной оправы на всей плоскости фронтона развертывается сложная живописная композиция из изображений фруктовых деревьев, птиц и зверей. Роспись, сосредоточенная на передней стороне дома, подчеркивает его главный, лицевой фасад. Она создает яркое красочное пятно в центре всей композиции. Развитие этой композиции усиливается высоким подъемом крыши, увенчанной скульптурным изображением конской головы, красивый силуэт которой завершает всю постройку.

Прямоугольная бревенчатая стена переднего фасада, высокий треугольный с центральным окном или балконом фронтон, два одинаковых остроконечных ската крыши убедительно отвечали принципу симметрии жилого объема. Однако эта симметрия не была абсолютной, строгой, канонически сухой; это было скорее живописное равновесие архитектурных масс, пропорциональных членений отдельных элементов фасада.

Равновесие сохранялось и тогда, когда на фасаде делались разнообразные по размерам и несимметричные по расположению окна, когда на фасад выводились одна или две дополнительные поперечные стены, смещенные от центральной оси, когда с боковой стороны или непосредственно на главном фасаде пристраивалось несимметричное крыльцо. Все это никак не нарушало общего удивительно четкого и стройного силуэта северной избы, эпически спокойного, отвечавшего всему строю жизни северных крестьян, поморов, охотников и рыболовов, с их мерным говором, уверенными и точными движениями, притяжной и захватывающей своей глубиной песней.

Творческие принципы, композиционные приемы, способы и методы ведения строительства явились результатом деятельности не одного поколения народных мастеров. Народное зодчество было в этом смысле коллективным творчеством. Типы построек, их конструкции, планировка, внешний и внутренний облик развивались и совершенствовались в течение веков.

Однако было бы совершенно неправильным игнорировать роль отдельных передовых мастеров в развитии народного творчества. Мы знаем, что из среды народа всегда выделялись наиболее одаренные сказители, музыканты и певцы. Их творчеству принадлежали и лучшие былины, и лучшие песни, пословицы и поговорки. К этой категории творцов народного искусства относились и крестьяне-плотники, которые, как отмечал В. И. Ленин, выделялись сравнительно высокой степенью умственного развития, своей культурой, всем складом крестьянской жизни⁵⁰.

Они наиболее тонко понимали и наиболее ярко умели передать в произведениях своего искусства всю глубину раздумий русского крестьянина, всю силу его поэтических мечтаний. Они являлись поэтами и философами своего народа. Народ их произведения считал своими, потому что они в наиболее совершенной форме выражали его чувства, его мысли, его стремления. Такими были Емельян Степанов, Дмитрий Удалов, Александр Салов и другие мастера, творчеству которых можно было бы посвящать специальные монографии.

Архитектурно-художественные особенности крестьянских построек изменялись вместе с изменением исторических условий жизни общества, вместе с изменениями, происходившими в национальной культуре народа.

Процесс усиления национальных черт в архитектуре крестьянских построек можно проследить на протяжении всей истории развития народного зодчества. Если последовательно сравнить крестьянскую избу XII, XV, XVII, XIX веков, то мы увидим, как меняется облик русского народного жилища, как беспрерывно возникают новые прогрессивные черты народного зодчества, развивающие такие национальные особенности архитектуры жилища, которые коренным образом отличают русское народное жилище от жилищ других народов.

Народ всегда отбирает из своего культурного наследия только лучшее, обогащает и развивает его в соответствии с новыми бытовыми потребностями; с новыми духовными запросами и эстетическими

⁵⁰ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 467.

представлениями. Он уверенно отказывается от всего слабого, ненужного, отжившего свой век. Так, в XIX веке черная, курная изба повсеместно была заменена белой, с новой системой печного отопления. Так же решительно были заменены волоковые окна косячатыми, тусклый бычий пузырь — прозрачным тонким стеклом. Общее помещение избы расчленилось дополнительной перегородкой, изолировавшей кухонный очаг, увеличилось количество жилых комнат в доме и т. д.

Под влиянием городской архитектуры эпохи классицизма быстро изменился внешний облик построек Поволжья. Вместо тяжелой самцовой системы перекрытия стала применяться легкая стропильная конструкция. Новая конструкция вызвала к жизни новую композицию и форму декоративных элементов на фасаде. На смену далеко свисающим прозрачным и хрупким полотенцам, подкрылкам, ветреницам пришел четкий и прочный карниз с богатым резным фризом.

При сохранении общей объемно-пространственной системы, основное содержание жилого комплекса наполнилось новым смыслом, поднялось на более высокую ступень своего развития.

Чтобы правильно оценить художественные и конструктивные особенности архитектуры русского народного жилища, нельзя исходить из тех или иных застывших композиционных приемов, архитектурных форм, орнаментальных украшений, а следует рассматривать их в развитии, в непрерывном идейно-художественном и техническом обогащении. Пассивное использование отдельных элементов народного зодчества в современной проектной и строительной практике толкает архитекторов на ложный путь поверхностной стилизации, создаются произведения, не имеющие ничего общего с национальной архитек-

турой, с основными творческими принципами народных зодчих.

Один из сокровенных источников внутренней силы народного творчества состоит в органической связи творцов эпоса, музыки, зодчества с жизнью народа, позволявшей им всегда полнокровно выражать общественные интересы, быт и мировоззрение народа, создавать произведения настоящего, большого искусства. Эти произведения входят в золотой фонд русской национальной художественной культуры, раскрывают неповторимый мир прекрасного в народном творчестве. Познание этого мира, выявление специфических закономерностей народного искусства является необходимым условием правильного понимания путей развития национальных традиций художниками наших дней.

Советская деревня живет в напряженном труде, в ней рождаются новые характеры, новый быт и новое искусство.

Творческие искания современных зодчих должны быть связаны прежде всего с познанием жизни и искусства своего народа, с умением увидеть рождение нового, с умением развивать это новое в своем художественном творчестве. Черпая творческие силы в народном опыте, они должны возвращать народу его достижения в обогащенном, развитом виде. Только тогда их художественное творчество сыграет активную роль в прогрессивном движении общества вперед, будет развивать самосознание, воспитывать художественные вкусы, пробуждать таланты.

Мы надеемся, что собранные нами материалы не только будут способствовать познанию великого наследия прошлого, но и послужат живым стимулом для творческих дерзаний народных художников в создании высоких произведений современного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода.— «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. 1. М., 1956.
- Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- Арциховский А. В. Колонна из новгородских раскопок.— «Вестник Московского университета», 1954, № 4.
- Ащепков Е. А. Русское деревянное зодчество. М., 1950.
- Белицер В. Н. О формировании культуры верхнепечорских и нижнепечорских коми.— «Советская этнография», 1952, № 1.
- Берг Ф. Н. Нечто о древности типа деревянных построек и резьбы в Важском крае. СПб., 1881.
- Билибин И. Остатки искусства в русской деревне.— «Журнал для всех», 1904, № 10.
- Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.— «Востоочнославянский этнографический сборник». М., 1956.
- Бобринский А. А. Народные русские деревянные изделия. М., 1911.
- Брунов Н. О древнерусском деревянном зодчестве.— «Архитектура СССР», сб. 14. М., 1947.
- Введенская А. Г. Из истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX вв.— «Труды Гос. Исторического музея», вып. 15. М., 1944.
- Витов М. В. О классификации поселений.— «Советская этнография», 1953, № 3.
- Воронин Н. Н. Жилище.— В кн.: «История культуры древней Руси». М., 1948.
- Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935.
- Воронов В. Крестьянское искусство. М., 1924.
- Габе Р. М. Архитектурные формы в деревянном зодчестве.— «Проблемы архитектуры», сб. 2, ч. 1. М., 1937.
- Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941.
- Голубева Л. А. Древнее Белозеро.— «Краткие сообщения ИИМК», вып. 41. М., 1952.
- Греков Б. Д. Киевская Русь. Изд. 4. М.— Л., 1944.
- Греков Б. Д. План части Новгорода конца XVII века. Л., 1926.
- Даль В. Старинная деревянная изба из альбома Чернецова.— «Зодчий», 1872, № 3.
- Евдокимов И. Север в истории русского искусства. Вологда, 1921.
- Едемский М. Б. О крестьянских постройках на севере России. СПб., 1913.
- Званцев М. П. Домовая резьба. М., 1935.
- Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942.
- Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода.— «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. 2. М., 1959.
- Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950.
- Ковальчук Н. А. Деревянное зодчество. Горьковская область. М., 1955.
- Колчин Б. А. Топография, стратиграфия и хронология Перевского раскопа.— «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. 1. М., 1956.
- Красовский М. Материалы по истории русской архитектуры.— «Зодчий», 1906, № 38*39, 41.
- Крестинин В. В. Опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа на севере. СПб., 1785.
- Лавров В. А. Архитектура русского Севера.— «Архитектура СССР», 1938, № 12.
- Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1952.
- Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955.
- Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества Среднего Поволжья. М., 1954.
- Максимов П. Русское деревянное зодчество.— «Архитектура СССР», 1940, № 11.
- Маслова Г. И. и Чижикова Л. Н. Архитектурные украшения жилища Владимирской и Горьковской областей.— «Краткие сообщения Института этнографии», вып. 18. М., 1953.
- Мачинский В. Д. Крестьянское строительство в России. М., 1924.
- Милонов Н. П. Основные источники и примеры изучения истории сел и городов Рязанской области. Рязань, 1950.
- Монгайт А. Л. Древнерусские жилища XI—XIII вв. по раскопкам в Старой Рязани.— «Советская этнография», 1948, № 4.
- Морозов А. Скоморохи.— Альманах «Север». Архангельск, 1946.
- Ополовников А. Выдающийся памятник деревянного зодчества.— «Архитектура СССР», 1952, № 8.

- П о т а п о в А. А. Очерк древней русской гражданской архитектуры, вып. 1. М., 1902.
- Р а б и н о в и ч М. Г. Дом и усадьба в древней Москве.— «Советская этнография», 1952, № 3.
- Р а в д о н и к а с В. И. Старая Ладога.— «Краткие сообщения ИИМК», вып. 11. М., 1945.
- Р о м а н о в К. К. Жилище в районе Пинеги.— В кн.: «Крестьянское искусство СССР», ч. 2. Пинеги-Мезенская экспедиция. Л., 1928.
- Р о м а н о в К. К. Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении. Жилой дом в Заонежье.— В кн.: «Крестьянское искусство СССР», ч. 1. Л., 1929.
- Р ы б а к о в Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве.— «Советская этнография», 1948, № 1.
- Р ы б а к о в Б. А. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг.— «Краткие сообщения ИИМК», вып. 38. М., 1951.
- С о б о л е в Н. Н. Дерево как материал в русской народной архитектуре.— «Архитектура СССР», 1940, № 3.
- С о б о л е в Н. Н. Резьба по дереву. М., 1934.
- С у л т а я н о в Н. Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях. СПб., 1881.
- С ы р о п я т о в А. Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края. Пермь, 1924. М., 1900.
- Т а р а к а н о в а С. А. Раскопки древнего Пскова (1945—1947 гг.).— «Краткие сообщения ИИМК», вып. 27. М., 1949.
- Т о л с т о в С. П. К этнографической систематике элементов великорусской культуры жилища в Средней России.— В кн.: «Культура и быт населения Центрально-промышленных областей». М., 1929.
- Т р е т ь я к о в П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии.— «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 5. М., 1941.
- У с п е н с к а я М. Е. Народное деревянное зодчество коми-пермяков.— «Научные труды Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени Инженерно-строительного института», вып. 10. Архитектурный факультет. Л., 1950.
- Х а р у з и н А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильно, 1907.
- Х в о й к а В. В. Древние обитатели среднего Приднепровья. Киев, 1913.
- Ч е ч у л и н Н. Д. Русские деревянные жилые постройки XVI в.— «Записки имп. Русского археологического общества», т. VI. СПб., 1893.
- Ш а м б и н а г о С. Древнерусское жилище по былинам.— В кн.: «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера».
- Ш а х м а т о в А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР (Ленинград).
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
ИРИ — История русского искусства.
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.